

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ**

М.О. ӘУЕЗОВ АТЫНДАҒЫ
ӘДЕБИЕТ ЖӘНЕ ӨНЕР ИНСТИТУТЫ

Мұхтар Әуезов

ШЫҒАРМАЛАРЫНЫҢ
ЕЛУ ТОМДЫҚ ТОЛЫҚ ЖИНАҒЫ

20-том

МАҚАЛАЛАР,
ОЧЕРКТЕР, КИНОСЦЕНАРИЙ,
БАЛЕТ ЛИБРЕТТОЛАРЫ, ПЬЕСАЛАР

1927–1943

“ДӘУІР”
“ЖІБЕК ЖОЛЫ”

АЛМАТЫ
2014

УДК 821.512.122
ББК 84 Қаз-7
Ә 82

*Қазақстан Республикасының Мәдениет министрлігі
«Әдебиеттің әлеуметтік маңызды түрлерін басып шығару»
бағдарламасы бойынша шығарылды*

Редакциялық кеңес:

Кеңес төрағалары – М. Құл-Мұхаммед, А. Сәрінжіпов

Жалпы редакциясын басқарған – ҰҒА корреспондент мүшесі,
филология ғылымдарының докторы У. Қалижанов

Кеңес мүшелері:

*Әкім Т., Әуезов М., Жұртбай Т., Кекілбаев Ә., Қанатиянов Б., Қасқабасов С.,
Қирабаев С., Қонаев Д., Қошанов А., Құрманғали Қ., Мағауин М., Мұртаза Ш.,
Нұрпейісов Ә., Оразалин Н., Сүлейменов О., Тасмағамбетов И., Ыбырай Ш.*

Әуезов М.

Ә 82 Шығармаларының елу томдық толық жинағы. – Алматы: “Дәуір”, “Жібек жолы”, 2014.

20-том: Мақалалар, очерктер, киносценарий, балет либреттолары, пьесалар. 1927–1943. – 400 б.

ISBN 978-601-294-162-3

Мұхтар Омарханұлы Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық толық басылымының 20-томына бұрын еш жерде жарияланбаған “Экспозиция и завязка символической драмы (пьесы Метерлинка, Ибсена, Гауптмана и Л. Андреева)”, “Особенности драматургических приемов Пушкина”, “Поэзия чистого искусства 60-х годов”, “Окрыленное творчество” атты мақалалары және “Об “Аркалыке” и о критике тов. Мусрепова”, соғыс тақырыбындағы “Жеңеміз біз, жеңеміз”, “Әр тынысың “Отан” дейтін күн бүгін” очерктері енді.

Сонымен қатар бұл томда 1940–1943 жылдарда жазылған “Райхан” киносценарийі, “Қалқаман – Мамыр” балетінің либреттосы, “Қара Қыпшақ Қобыланды” пьесалары (қазақша-орысша) және жазушының сахнаға дайықтап жазған “Краткая фабула пьесы” Кара Кипчак Кобланды” деген жоспары беріліп отыр.

Кітап ғылыми жұртшылыққа, қалың оқырман қауымға ұсынылады.

**УДК 821.512.122
ББК 84 Қаз-7**

ISBN 978-601-294-162-3 (20-том) © М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты, 2014
ISBN 978-601-294-142-5

**Мақалалар,
очерттер**

ЭКСПОЗИЦИЯ И ЗАВЯЗКА СИМВОЛИЧЕСКОЙ ДРАМЫ (ПЬЕСЫ МЕТЕРЛИНКА¹, ИБСЕНА², ГАУПТМАНА³ И Л. АНДРЕЕВА⁴)

Хотя тема моего доклада вполне ясно определяет мою задачу кругом заданий в рамках строго символической драмы, мне все же предстоит провести предварительно некоторую параллель между этими типами драмы и некоторыми драмами неореалистическими в плане установления точек сближения, сходства или коренных отличий как в отношении оформления, расположения отдельных компонентов драмы, так и в отношении композиционно-стилистическом. Причем из перечисленных выше авторов строго символическим я считаю только Метерлинка, поскольку только он дает образы-символы как стройную цельную систему мироощущений, связанную через первоплановые образы как философия символов, как цельная философская концепция, хотя эта философия по своей глубине не открывает никаких новых горизонтов, превращаясь в большей своей части в философию морали и очень часто в философию популярную. Но популярная в комментариях, в сухом изложении эта философия получает максимум энергии, убедительности, осязаемости, будучи транспланированной на всем протяжении художественного произведения, пронизывая собою весь сюжетный стержень, все мельчайшие элементы драмы, и дает возможность говорить о сложной философской символике как широком фоне, стоящем позади первоначального задания его драм. Совсем не то мы наблюдаем в драмах остальных авторов. Прежде всего некоторые из них, как, например, Л. Андреев, совсем не дают символов, а дают аналогию его в виде аллегории. А что касается Гауптмана и Ибсена — символизм не характерная черта их творчества.

Символистичны условно, частично. Символика только в некоторых образах, но она не как система мироощущений авторов, а как прием для более-менее яркого отражения индивидуальных черт данных им[и] характеров, в противоположность Метерлинку, который дает своих персонажей как носителей только настроений, но не характерных черт. Его философско-символистическое задание превалирует над индивидуальными образами последних, необходимы для него как статические застывшие фигуры, дающие только отражение его философских воззрений, необходимы только как резонирующая среда. Тогда как образы Гауптмана и Ибсена трагичны только благодаря своей резко выраженной индивидуальности. Так как данные мною только что определения различия характера творчества указанных авторов слишком схематичны и не совсем убедительны на первый взгляд, а предварительное ясное представление об этих отличиях сугубо важно для дальнейшего нашего анализа драматургических приемов этих авторов, то считаю необходимым сделать небольшое отступление в сторону от основного задания — именно сделать некоторую попытку к определению самого понятия символа и символизма как системы мироощущения.

Подходя с этой точки зрения, прежде всего должны констатировать, что символизм насковозь религиозно мистичен. В нем вера в сверхъестественное, подсознательное, потустороннее. Символизм — религия от поэзии. Поэтому поэт-символист стремится через интуицию соприкоснуться, слиться с потусторонним. Преобладают в его сознании не интеллектуальные представления, реальный мир, он, наоборот, дематериализует все видимое в мире и реальный мир, существующий для него как ряд символов потустороннего, и интуиция как высокая форма познания. Все, что происходит вокруг нас и в нас, есть тоже отраженные символы потустороннего и реального мира не здесь, а там в сверхчувственном. “Есть много ступеней сознания, и наиболее мудрые заботятся только о сознании почти бессознательном, потому что именно оно находится на границе божественного. Усилить область этого трансцендентального сознания было, по-видимому, всегда таинственным и высшим желанием всех людей”, — говорит Метерлинк.

В этом трансцендентальном сознании у Метерлинка центральное место занимает идея рока, который всегда остается статичным, и все порывы, стремления, протесты человека перед его лицом тщетны, заранее обречены на неудачу. Иллюстрацией к этим воззрениям являются почти все пьесы Метерлинка первого периода его творчества. Предначертанное, предопределенное только оформляет построение действий и поступки его персонажей. Поэтому он берет проблемы смерти и любви, когда ярче выступает не интеллектуальное сознание человека, а выступает интуиция, где вся природа человека глубже охватывается предчувствиями, перед... Берет смерть, когда человек не способен к проявлению активной воли, когда он подавлен внутренним трепетом перед лицом вечности, поэтому переживания его молчаливы, невидимы, духовны.

Отсюда глубокая психологичность его персонажей, но психологичность не в индивидуальном преломлении, а в широкой настроенности в один основной преобладающий мрачный тон обреченности всех персонажей. Отчего вся пьеса бывает от начала до конца только одним настроением. Обреченность человеческой судьбы персонажей делает статичными, и динамизирующих моментов активной борьбы, страстных желаний, контрастирующих действий, противодействий в пьесах Метерлинка не находим. Другая характерная черта как для всего символизма, так и для творчества Метерлинка — это упомянутая уже ранее двупланность его произведений. Первое видимое для зрителя внешнее действие — сама пьеса со всеми персонажами и всякого рода взаимодействиями между ними, второе вырастающее из основной цели Метерлинка-символиста — задний план пьесы, ее философско-символический смысл, освещающийся для зрителя через призму первого видимого.

Эта двойственность задания должна оформляться тематически так, чтобы найти единство в плане психологической настроенности всей пьесы, конкретно в предчувствиях, трепетах, подозрениях и в особой повышенной чувствительности персонажей. Поэтому двупланное задание часто развивается в течение пьесы сливаясь, но иногда они разрываются, переключаются, чтобы потом через известный промежуток времени встретиться опять.

Закончив этим предварительным обзором особые специфические черты, присущие символической драме вообще, перейду к конкретным вопросам в пределах поставленной мне рамки, именно к экспозиции и завязке символической драмы Метерлинка, к его драме “Смерть Тентажиля”.

Начнем прежде всего с авторской афиши. Как во всех остальных символических пьесах Метерлинка, так и здесь афиша дает только имена персонажей. Кем они являются по профессии, по происхождению, какого они возраста и масса других деталей, которыми изобилуют афиши в реалистических пьесах или в пьесах Л. Андреева, здесь совершенно отсутствуют. Здесь даны только имена, выставлены только люди вообще без всяких индивидуальных особенностей.

В пьесе “Смерть Тентажиля” отсутствуют также и авторские ремарки. Вообще у Метерлинка ремарки имеют совершенно особое композиционное значение, чем у других драматургов. Если у последних ремарки очень часто относятся по своему служебному значению к обстановочной экспозиции, к созданию бытового фона, у Метерлинка они не несут такой функции. Сплошь и рядом Метерлинка дает ремарки в психологическом, лирическом плане. Поэтому ремарки даются в диалогичной или монологичной форме. Как описание природных явлений, описание реальной обстановки сквозь призму внутренних подсознательных ощущений, чаяний персонажей. Отчего кажущаяся на первый взгляд обстановочная экспозиция, несущая функцию ремарки, неожиданно превращается в символы, каждый конкретный образ начинает светить своей недосказанной, непостижимой, двойственной природой сверхчувственного (Первое действие, слова Игрэны о замке).

Но не всегда так даются ремарки в “Смерти Тентажиля”, когда ремарки даются внешне формально так, как мы привыкли понимать ремарку, т. е. как авторские указания на какие-то детали, на немые движения, поступки и т. д. Но это внешнее сходство с ремарками других пьес еще не дает нам права говорить о полном тождестве ремарок Метерлинка с ремарками указанных пьес. У него ремарки выступают тогда, когда внутреннее напряжение персонажей по линии предчувствий, подозрительности и внутреннего трепета доходят до максимума, до кульминационной точки

своего развития, и персонажи под тяжестью их лишаются сил говорить, действовать, впадают в молчание, становятся немнменяемыми, превращаются всем своим существом в одну только интуицию — тогда только выступает ремарка. Она передает немую сцену, в которой происходит все динамическое действие в пьесе, здесь ремарка дает и завязку, и катастрофу, и кульминационный пункт борьбы, развернутой исключительно в психологическом плане в символах (в конце четвертого действия). Ни в какой пьесе ремарка не имеет такого активного, действенного, конструктивного значения, как в пьесе символической. Потому что срыв, немые сцены, недомолвки только и отражают как поэтический прием идею статичного, подсознательного или тайну символической драмы.

Теперь, если перейдем после этих указаний к экспозиции драмы, то прежде всего увидим в диалоге Тентажиля и Игрэны массу деталей, относящихся к ремарке. Иллюстрацией служит описание башни в первом действии. В реалистической драме эти описания были бы даны в ремарках особо. Но здесь, будучи включенной в диалог, она приобретает множество значений. Прежде всего ее могли понять как обстановочную экспозицию, как бытовой фон, который локализует первое действие на какой-то определенной личности вблизи какого-то замка. Но описания замка не совсем так просты, как это кажется на первый взгляд. Башня не реально существующая вещь, не только отражает реальное понятие. Она построена необычно в самой нижней части долины, до нее не доходит воздух, в ней признаки жизни не заметны. Она полна тайн, недоступных, непостижимых посторонним лицам. Признаки пребывания какого-то неведомого существа днем незаметны. Можно их заметить только поздней ночью. Все это вызывает подозрение, внутреннюю дрожь в персонажах драмы. Их пугают необычный вид, таинственная жизнь в ней. Подозрение рождает предчувствие, внутренний трепет и ожидание чего-то таинственного, необычного. Здесь казавшаяся нам до сего времени реальная обстановка становится глубоко загадочной, и экспозиция обстановочная одновременно освещается в своем заднем плане как психологическая экспозиция. Башня как символ равнодушного, холодного, пугающего, одновремен-

но статичного, непостижимого. Этот символ задает тон, создает особое, проникающее во все детали драмы настроение тоски, томления. Усиливает психологизм слов и действий персонажей. Он же проходит как бы лейтмотивом всех компонентов драмы.

Параллельно с этим основным моментом в экспозиции мы наблюдаем и элементы как бы реального. В башне живет королева. Она стара. Говорят, что она сумасшедшая. Она мать матери Игрэны и Тентажиля. Она боится того, чтобы кто-нибудь не занял ее место. Поэтому враждебна зарождающейся новой жизни ее потомков. Она отравила отца и мать Игрэны. Близ нее нет жизни, и человек не смеет дерзнуть даже в мыслях допустить себе возможность счастья. Ее дыхание губительно. Для нее нет тайн, каждая трава, каждый цветок доносят ей о дерзостях ее потомков, если таковы будут иметь место. Притом она не выходит из своей башни. У нее слуги такие же загадочные, как она сама. Игрэна ожидает очередных козней, ударов с ее стороны. Она подозрительна, полна тяжелого предчувствия, потому что она очень любит своего брата и за его судьбу боится. Очередной жертвой королевы должен быть Тентажиль – слабый, беспомощный, малолетний брат, страстно жаждущий жизни и смутно чувствующий холодное дуновение башни-призрака.

Эти сцены, внешне реальные, нереальны по существу, по замыслу автора. И здесь тоже глубокий психологизм, философская символика, данная в поэтических образах. Отвлеченное понятие смерти отражено в символах.

Не стану дальше комментировать смысла остальных символов, ограничившись только тем определением, что здесь и образ Игрэны и Тентажиля тоже больше символически, общечеловечны, чем реальны и индивидуальны. Двупланность задания сохраняется в своей строгой и стройной цельности от начала до конца драмы.

Вернемся к экспозиции. В указанных конкретных рамках дано начало экспозиции, одновременно эту сцену можно понимать как сцену, отражающую накал эмоциональной насыщенности действия в силу зарождающейся подозрительности предчувствия. Второе действие продолжает ту же экспозицию в том же психологическом плане. Но только здесь сообщения Белланжеры, усиливая начавшееся подо-

зрение, дают некоторые элементы завязок, конкретно, причину завязки. Смутное подозрение после ее сообщения находит реальную почву. Но этот момент надо рассматривать не как решение завязки. Пока ее нет и не скоро будет — потому что носитель контрдействия или башня еще действует, не проявляя себя активно. Но второе действие дает стремление персонажей — носителей единого действия — оно выражается в желании защитить Тентажиля, готовность вести борьбу во имя его спасения. Так что здесь явно выступает необычное расположение компонентов драмы в символических драмах. Нет еще противодействующей силы, нет никакой линии борьбы, но решение носителей единого действия как вызов уже налицо (Второе действие, слова Игрэны). Причем объект действия в этой пьесе — малолетний Тентажиль, поэтому он пассивен, и носителем активной воли является Игрэна.

Дальше идет 3-е действие. По-прежнему продолжается экспозиция — психологическая. Усиленный трепет в предчувствиях. Повышенная чувствительность Тентажиля. Противодействующая сила внешне себя не проявляет. Но она внутри Тентажиля начала свои действия. Незримо внушает ему свое страстное желание. Тентажиль как объект борьбы уже ощущает на себе давление контрастирующей силы. Он плачет. Чувствует неопределенную боль, слышит биение сердца сестры. Усиливающееся предчувствие нагнетает активное действие символа непонятого, холодного, но усиливающего боль Тентажиля. Его разрывает борьба и одновременные действия двух сил: любовь сестер, их страстное желание отвлечь его внимание от сурового, страшного — и упорное, холодное, невидимое, идущее откуда-то извне. Под действием этих сил он не видит света, его глаза становятся глубокие. Внушается непреодолимый страх. То же настроение непонятого томления у Игрэны. Драматический узел стягивается. Но решения завязки все еще нет.

Персонажи в напряженном ожидании обращены всем взором внутрь себя. Речи отрывисты, говорят не то, что думают, узнают о чем-либо не интеллектуальным сознанием, а интуитивно, неожиданно для себя пугаются своих же слов. Недоговаривают. Говорят их сердца друг другу. Напряжен-

ность ожидания доходит до кульминационной точки. И наступает завязка, но мнимая...

Тентажиль. Сейчас я не слышал.

Тогда Игрэна. Это значит... О! Но твое!.. Что с ним. Оно готово разорваться!

Тентажиль (*кричит*). Сестра Игрэна, сестра Игрэна!

Игрэна. Что?

Тентажиль. Я слышу..! они... они идут.

Игрэна. Но кто же? Что с тобою!

Тентажиль. Дверь, дверь. Они там! (*падает навзничь на колени Игрэны*).

И так до конца третьего действия кажущееся решение завязки продолжается, как будто бы ожидание сбывается! Дверь таинственно приоткрывается, сопротивления напрасные, лопаются сапоги Агловаля. Тентажиль без чувств. Временно выключается объект борьбы. Но через некоторое время он приходит в себя. Страх исчезает, неведомые силы перестают действовать. Решение завязки оказывается мнимым.

Наступает четвертое действие. Только здесь выступают носители контрдействия. Но самой королевы нет, видимы только ее... Носитель контрдействия... остается незримой, неведомой, недоступной высшей силой. Передают о ее желании свернуть все тайно. Остерегаются старшей сестры Игрэны... намек на мнимую драматическую борьбу. Но герои драмы выключены из действия. Они невменяемы. Спят беспокойным сном. Стонут. Но беспомощны, статичны, не в состоянии вести активную борьбу.

Единственная мнимая борьба выражается в том, что они крепко обняли спящего Тентажиля. Трудно разнять их руки. Желанием унести Тентажиля по воле королевы только в четвертом действии дается решение завязки. И момент самого активного действия со стороны носителя контрдействия дан в немой сцене в ремарках.

Здесь применяется исключительный, нетипичный для символической драмы прием трюка. Когда с решением завязки сразу же наступает перипетия катастрофы с включением объекта единого действия и состояние... у одной из носителей драматической борьбы у Белланжеры. После спокойного сна моментальный порыв к борьбе и тут же об-

морок, моментально дошедшая до кульминационной точки борьба совершает в ней сразу же контрастные переломы настроений. Эмоциональная насыщенность последней части четвертого акта доходит до максимума.

Таковы экспозиция и завязка строго символической драмы. Как видим из всего анализа, задний план здесь всегда ярко и прозрачно сквозит через конкретно-реальные образы, и символическая заданность драмы, ее идейная сторона, в данном случае идея статичного рока, всегда преобладает над материальным, чем и объясняется отсутствие движения темы и отсутствие динамики в драме, выражающегося в поступках, в борьбе персонажей. Не то мы наблюдаем в пьесах остальных авторов. Как пример явного контраста скажу несколько слов о пьесе Л. Андреева “Анфиса”. Эта пьеса дана в строго реалистическом плане начиная от афиши, пространной, бытовой, обстановочной ремарки к концу вещи, персонажами с их словами, поступками и т. д. Единственное необычное для реалистической драмы явление – ввод в пьесу образа старой молчаливой бабушки. На первый взгляд, этот образ как будто бы дает некоторое сходство с символами Метерлинка. Но на самом деле одно только внешнее сходство совсем не говорит об Андрееве как о символисте. Здесь, прежде всего, нет той дематериализации образов, что составляет сущность символизма. Андреев оперирует исключительно аллегориями. И отдельный, кажущийся на первый взгляд загадочным, образ представляет собою не что иное, как конкретизацию отдельных понятий или отдельных внутренних перипетий человека. Пример “Черные маски”, “Некто в сером”. И конкретизированные образы даны как маски. В этом особенность художественного приема Л. Андреева как экспрессиониста, который из реальных образов вычерчивает, выделяет и оттеняет отдельные углы, линии. Берет сюжетом один только момент или одно понятие, как момент острый, и схематизирует в своем воображении. Его экспрессионизм представляет собою сгущенный реализм, данный в большинстве случаев в психологическом плане. Такова приблизительно общая черта стиля Андреева в большинстве его драматических произведений.

Пример указанной здесь маски-аллегии видим и в пьесе “Анфиса” в образе бабушки. Этот образ – олицетво-

рение житейского опыта беспристрастной, холодной прозы жизни, замкнутые, суровые к добру и злу равнодушные будни. Драматургически это задание выполняется вводом в пьесу проходной сцены. Диалог между бабушкой и Тимочкой. Как прием, данный в диалогичной форме, психологическое задание — как серый бытовой фон, окружающий человека. Бабушка выступает в начале и в конце пьесы после отравления Анфисой Федора Ивановича, и последняя сцена заканчивается ее словами “Молчи!..” Последняя картина последней сцены, связываясь с первой картиной в начале пьесы, дает драматическое окружение героев и в композиционном отношении несет функции психологического, философского обрамления пьесы.

Остальные картины протекают в определенном реалистическом плане. Здесь в противоположность символической драме мы с полной уверенностью можем говорить уже об отдельных характерах, о строго реалистическом бытовом фоне. Характеры трактованы драматически. Речи, поступки в ходе пьесы утверждают драматический фон, определяющий как линию борьбы, так же и драматическую судьбу отдельных персонажей. Бытовой фон очерчивается наличием бытовых эпизодов и диалогичных бытовых тем. Характерной средой вокруг главных персонажей, потом обстановочными ремарками, дающими определенные вещественные признаки бытового уклада, в противоположность роли сим...

Драматическая реплика между персонажами отражает не одни только настроения, как у Метерлинка, а представляет собою волевое усилие или сцену поединка, как говорит Волькенштейн.

Характеросложение достигается в экспозиции динамическим движением тем в диалогичных и монологичных формах, взаимоознакомлениями персонажей. Отсюда экспозиция и завязка протекают, как во всех реалистических бытовых пьесах, только в одном плане. По преимуществу экспозиция обстановочная. Но если даже она психологическая, и то не дана в двойном плане, не дана в символах. Несколько в ином цвете дана пьеса “Потонувший колокол” Гауптмана. Здесь есть символы. Потонувший колокол — символ погибшей мечты литейщика Генриха, источник трагедии художника. Раутенделеит — символ неземной кра-

соты, символ красивой мечты художника, порывающейся ввысь, тяготеющей жизнью долины, стремившийся со своим произведением-колоколом в горы. Крушение колокола, крушение идеалов Генриха. Горные обычаи не прощают дерзости человека. Намек на идею рока. Трагизм беспомощности, слабости сил человека, тщетности его высоких порывов, отсюда кризис художника, желание смерти.

У Ибсена еще меньше символов. Нет и фантастики, какую наблюдаем у Гауптмана. Пьеса во всех своих частях развивается в строго реалистическом плане, на строго определенном четком бытовом фоне. Борьба между старостью и юностью с динамическим состоянием характеров, отсюда и контрастный порядок распределения персонажей. Авторская афиша детальна. В ней даны профессии героев, родственные связи, занимаемые положения в отношении друг к другу. Ремарки так же детально воссоздают повседневный бытовой уклад со всеми его вещественными признаками. Экспозиция по преимуществу обстановочная, но в ней же даны и элементы драматической борьбы, протекающей в психологическом плане. Причина завязки в экспозиции дана в диалогичной форме (Брувик и Сольнес). Здесь же выявляется основной психологический мотив, транспланированный на всем протяжении пьесы как большая тема, знаменующая собою центральную линию драматической борьбы. Сольнес – старый строитель, эгоист – с боязнью ожидающий смены, ненавидящий новые подрастающие силы, препятствующий ее успехам всеми мерами. С другой стороны – неуклонно, упорно идущая на смену претенциозная юность. Эта же основная линия в экспозиции зарождает и побочную линию борьбы (отношение Сольнеса к Кайе Фосли). Кроме того, в экспозиции также начинаются элементы и параллельной линии драматической борьбы (Фру Сольнес в ее отношениях к Кайе, Сольнесу). Между прочим, все эти линии с первого момента своего возникновения начинаются, развиваются чрезвычайно зигзагообразно, перекрещиваясь, запутываясь, очень часто переключаясь и даже порою сливаясь между собою. Искреннее отношение Кайе, неискреннее Сольнеса, ведущего побочную линию во имя интересов центральной линии, Фру Сольнес, бессознательно способствующая развитию центральной и побочной

линий борьбы, одновременно ведя и параллельную линию ревности.

Все это в целом максимально гарантирует сценичность пьесы, доводя эмоциональную насыщенность ее до самых высших пределов. Каждый диалог вмещает в себя не только элементы экспозиции, но одновременно ярко иллюстрирует и ритмическое движение тем, и перегруппировку сил по линиям борьбы, и эти же диалоги тянут функции характеросложения персонажей путем взаимоознакомления, причем контрастного взаимоосвещения, почему каждая тема является безусловным порывом к драматическому поступку персонажей. И отдельные темы в кратких экспозиционных диалогах уже успевают получить двустороннее освещение от контрастно расположенных групп персонажей.

Линия борьбы, намеченная в экспозиции, продолжается непрерывно, динамизируя всю пьесу не нагнетанием, нарастанием действия в одном направлении, борьбы больше всего психологической в отношении к центральной фигуре, к Сольнесу. Поэтому линия борьбы развивается иногда внешне мало мотивированными редкими толчками, перипетийными контрастными переломами этих линий. Так, например, причина завязки, данная в первом действии, в экспозиции должна бы предполагать за собою решение завязки в том же направлении. На самом деле случается обратное. Приходит... Элементы экспозиций и здесь. Линия борьбы для Сольнеса как будто бы продолжается и в этом действии по прежнему направлению. Но он подписывает проект, ...совершая внешний излом линии борьбы, но вместе с тем не уничтожая борьбу, а перенеся ее исключительно во внутренний психологический план борьбы за костенелой, эгоистичной будни старости с обязанностью, рождаемой бескорыстным требованием трезвой, разумной жизни, олицетворением, символами которой является... Все перечисленные моменты в пьесе даны в определенных реалистических бытовых эпизодах, в ясных, недвусмысленных диалогах действия — слова и действия — поступка. Так что говорить здесь о символах как превалирующем моменте в драме не приходится. Тем более нет поводов говорить о разных линиях двупланности, характерных и необходимых черт для символической драмы.

К таким выводам могут привести только философствование по поводу, а не детальный разбор по существу. Здесь передний план несомненно имеет самодовлеющую ценность, и он во всех своих изломах и оттенках строго реалистичен, тогда как задний план освещен слабым светом, случай... и не дан как отчетливо вырисовывающийся колоритный фон.

Вот в каких чертах мыслятся нами особенности драматургических и композиционно-стилистических приемов драмы Ибсена “Строитель Сольнес”.

Личность не воплощение отвлеченной идеи, а одарен жизнью, одухотворенное желание смерти. Реакция неудовлетворенного духа, без вины наказанного за бескорыстное стремление к высшему идеалу. И в предсмертный час как символ его высокой беспокоившей всю жизнь мечты образ Раутенделейн. Здесь же Пастор, Учитель, Цирюльник — представители отдельных групп общества. Не отдельные индивидуальные персонажи, а олицетворение казенной церкви, узкой науки, прохладной обиходности. Только эти фигуры нельзя смешивать с символической фигурой Раутенделейн. Здесь не символы, а аллегория. В драму кроме этих персонажей еще вмешиваются элементы фантастики, сказки — леший, водяной, ведьма, русалки, гномы.

Казалось на первый взгляд так, что эти таинственные по своему происхождению фигуры должны в драме участвовать, символизируя какие-нибудь отвлеченные начала, абстрактные понятия. Но в действительности в драме они несут исключительно служебную функцию, чтобы создать колоритный фон драматического окружения героев. Самостоятельное значение их незначительное. Ничего особенно загадочного не изображают, поэтому даны в строго реалистических тонах фольклорного лешего, водяного, русалки и прочее. Так что символами в этой пьесе проникнуты не все образы. Кажущаяся необычность объясняется применением приема иносказания. Причем не символически и образ самого Генриха. Он выступает в драме своей резко выраженной индивидуальностью. В нем символизированы только отдельные черты его природы. Именно порывы к идеалам художника. И здесь мы имеем дело не с символизмом как системой мироощущения или способом мирозерцания, а

имеем перед собою символы как прием. Сгущенные краски высоких трагических переживаний весьма сложного по своему характеру героя. Он объект борьбы двух непримиримых стихий, и земной и небесной, одновременно он же носитель активного волевого усилия и сам борющийся герой, потому что перед ним не статичный рок в толчее противодействующей силы, а условности внутри человеческого общества и препятствие черных духов, которые не всегда немые и беспристрастны к порывам духа художника, а наоборот, порой даже и приемлют его, и которые хотя и побеждают Генриха, но все-таки не отрицают порыва к высоким стремлениям, к борьбе за них как статичный злой рок.

В пьесе первый акт начинается со слияния элементов фантастики и реального. Экспозиция обстановочно-психологическая, с большим акцентом на психологизм. Двупланность задания, вытекающая из природы символов, не всегда выступает резко. Наоборот, с большой ясностью и отчетливостью идет динамическое движение тем в сторону характеросложения героя. Оттеняя, сгущая, динамизируя отдельные черты в нем. В этом отношении и обстановочно-психологическая экспозиция путем контрастного освещения темы способствует характеросложению.

Но главные моменты характеросложения даются в монологичной форме в лирических тонах устами самого героя. Причина завязки тесно сплетается с психологической экспозицией. Диалог Лешего с... обнаруживает этот момент в приемах контрастирования.

Среднюю позицию между “Потонувшим колоколом” и “Анфисой” Андреева занимает “Строитель Сольнес” Ибсена.

ОСОБЕННОСТИ ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ПУШКИНА

(по трагедиям “Борис Годунов”
и “Пир во время чумы”)

Тема чрезвычайно сложная сама по себе, как мало исследованная и мало разработанная область в пушкиноведении, для меня лично усугубляется еще рядом новых привходящих фактов. Несомненно для каждого, что драматургические произведения Пушкина в современной ему русской литературе оказались явлением чрезвычайно новым не только по своей тематике, изображающей все трагическое, но главным образом еще ощущается необычная новизна формы, особая манера трактовки характеров, драматического действия и т. д. Было ясно, что Пушкин всеми своими драматургическими произведениями создает новый драматический стиль на русской почве. Новизна приемов и формы порою служили поводом к резким нападкам со стороны некоторых мало восприимчивых современников. Но новизну пушкинских приемов на русской почве нельзя всецело считать новизной вообще. Оригинальный, новый пушкинский стиль, взятый в разрезе только русской литературы, может оказаться, по-видимому, не совсем оригинальным, не всегда новым в масштабе мировой литературы. Исследования Козьмина, Яковлева и многих других в этом нас убеждают вполне. Не говоря о сюжетном сходстве многих западноевропейских образцов с так называемыми маленькими трагедиями Пушкина, даже и формы и приемы компановки отдельных драматургических элементов находят в себе первоисточник в новой английской, французской и испанской литературе в лице Барри Корнуоля и др. Не совсем свободен Пушкин

и в создании “Бориса Годунова” от иностранных влияний. Личные признания поэта свидетельствуют о том, что он подражал Шекспиру в свободном и широком изображении характеров.

Все эти факты привожу для того, чтобы осознать, что установить вполне определенные особенности драматургических приемов Пушкина — как систему специфически присущих только Пушкину художественных приемов — чрезвычайно трудно, потому что эта работа требует огромнейших исканий, исследований в рамках всей мировой литературы, требует научного анализа, сопоставления текстов многих и многих иностранных образцов — что в свою очередь требует очень много времени, сил и главным образом знаний языков — каковыми я ни в коей мере не обладаю.

Другое затруднение в проработке данной темы заключается в отсутствии строго драматургических исследований драм Пушкина. Статьи Баранова, Сиповского, Яковлева и многих других посвящены не столько драматургии Пушкина, сколько истории создания трагедии, характеристике отдельных персонажей, вопросам русской истории, вопросам внелитературного ряда или описательному сопоставлению текстов, где очень часто взоры исследователей были обращены схематично на линию фабульного развития трагедии, тогда как драматический стиль Пушкина со всеми новыми приемами оставался в тени, мало освещенным. Говоря короче: этих исследователей интересовал не Пушкин-драматург, а интересовал Пушкин-художник, историк или Пушкин в литературном окружении как объект разнородных скрещивающихся иностранных литературных влияний, тогда как непосредственный объект анализа этих исследователей — особый драматургический жанр, созданный Пушкиным, требовал одновременно с указанными вопросами еще главным образом исследования трагедии внутри себя с точки зрения особого расположения отдельных компонентов драматургии, с точки зрения особых композиционно-стилистических приемов Пушкина как драматурга.

Сделав заранее оговорку об отсутствии в нашем докладе широкого сопоставления пушкинских драм с западноевропейскими образцами, перейдем к драматургическому анализу пушкинских трагедий внутри себя с целью установле-

ния особенностей и новизны драматургических приемов. Причем основным объектом анализа взяли “Бориса Годунова” как наиболее оригинальное и самостоятельное произведение Пушкина, не имеющее параллелей в иностранной литературе.

Все исследователи этой трагедии, касаясь особенностей приемов, констатируют умышленное нарушение Пушкиным прежде всего знаменитых трех единств. В русской драматургии это явление было действительно новым словом драматургической техники того времени, хотя западноевропейское литературоведение начало смотреть с сомнением на этот литературный шаблон еще в лице Расина и Мольера, а романтические драмы успели порвать с ним еще и до Пушкина. Но разрыв с этой традицией характерен для Пушкина не только внешним форменным отличием, а глубоко занимателен как фактор, дающий толчок и новый повод к совершенно новым конструктивным принципам как своеобразной трактовке драматического действия линии борьбы и новой комбинации приемов характеросложения. В своей трагедии Пушкин нарушает не только принцип единства места и времени, но значительно нарушено и единство действия, что составляет непреложный формирующий принцип всякого драматургического произведения и поныне. В пушкинской трагедии чрезвычайно трудно установить центральную линию борьбы как драматургической доминанты, на которой было бы трансплантировано единое действие трагедии. Центральная линия борьбы очень часто перекликается с побочными и параллельными линиями, порой даже сливается с некоторыми из них. Кроме того, множество самодовлеющих параллельных линий и множество проходных сцен стушевывают собою единое действие, поэтому второстепенные события получают большее сценически действенное значение. Четкости центральной линии мешает множественность носителей действия и контрдействия. Отсюда непостоянен и объект борьбы, приковывающий к себе одновременно устремленное волевое усилие двух диаметрально противоположных сил контрастно расположенных групп персонажей, — при явном наличии такого объекта борьбы была бы обеспечена и четкость центральной линии борьбы, и имело[сь] бы строгое смелое

оформление и сильное действие. На самом деле этого не заметно, потому что объект борьбы не один. Для одних таковым является трон, для других народ. В иных случаях и бояре в качестве объекта. Причем открытые, явные носители враждебных настроений в трагедии Борис и Лжедмитрий действуют на почтительном расстоянии друг от друга, между ними нет непосредственной борьбы, выраженной в сцене поединка, действия поступка и слова действия. Поэтому линия борьбы для одного из них (для Бориса) прорастает в психологическом плане, для другого основное стремление, формирующее единое действие с его стороны, сливается с необычными параллельными линиями. Создается только иллюзия борьбы, и эффект нагнетания и нарастания действия достигается не непосредственными столкновениями, сценами поединками, а совершенно иными внешними конструктивными приемами, именно контрастным расположением сцен трагедии. Обратимся для иллюстрации сказанных мыслей к тексту трагедии.

Достаточно беглого поверхностного взора для того, чтобы убедиться в том, какое композиционное значение имеет прием контрастирования следующих сцен: первая группа: Кремлевская палата, с одной стороны, и Красная площадь и девичье поле, с другой. Кремлевская палата – келья в Чудовом монастыре. Царская палата и Корчмы на литовской границе. Царская палата – дом Вишневецкого в Кракове. Литовская граница – Царская дума. Равнина близ Новгорода северного – площадь перед собором в Москве, ставка. Лес – Москва, царская палата. Ставка – Лобное место. Лобное место и Кремль, дом торжеств.

Здесь мы имеем дело с совершенно новым типом драматургической композиции, тогда как одно из обязательных условий драматического жанра – сценичность – требует сгущенного действия борьбы на глазах у зрителей через непосредственное столкновение главных персонажей с их действиями и контрдействиями, опять же протекающими перед зрителем – здесь у Пушкина впечатление борьбы создается соблюдением параллелизма в освещении действия и контрдействия персонажей. Единое действие создается, развивается не одновременными волевыми усилиями трон, а очередными контрастными освящениями то одной,

то другой борющейся стороны. По-видимому, этот момент и дал повод к разговорам о несценичности “Бориса Годунова”.

Кроме того, выше было сказано о нечеткости центральной линии борьбы, что в свою очередь влияет на четкость центрального действия. По-нашему, четкости этих элементов мешают множество активных носителей центральной линии, с одной стороны, и различие целей, стремлений персонажей, с другой. Характерной особенностью трагедии является то, что здесь очень трудно установить центральную фигуру героя трагедии, от волевого усилия которого зависели бы возникновение драматического узла, нарастания действия, перипетии, катастрофы, наконец, развязка трагедии.

Эта роль организации драматического действия очень часто переходит от одного персонажа к другому. В одном случае она принадлежит Борису, в другом – Лжедмитрию, в третьем – боярам и, наконец, во многих случаях народу. Причем роль последнего сценически малородственная, малозначительная по своему внутреннему смыслу, в психологическом плане приобретает очень часто весьма активное формирующее влияние. Роль народа в пушкинской трагедии чрезвычайно сложная и чересчур особенная в противоположность роли хора в античной драме, который большей частью имеет только служебную функцию как персонаж, экспозирующий в каждом акте. Вводя в свою трагедию массовую сцену, Пушкин дает своему народу самую активную роль в трагедии. Все остальные главные персонажи апеллируют этому народу, подчеркивают во всех монологичных и диалогичных местах свою зависимость от этого народа. Заигрывает перед ним и опасается его Борис, надеется на него и все свои расчеты строит на нем Лжедмитрий, от его имени оперирует и его... требуют бояре. Наконец на него опираются патриарх и все духовные лица, когда упрощают Бориса о согласии на московский престол. Но как на все это реагирует народ. Изначально народ прежде всего внутренне независим от всех борющихся сторон. Он носитель активного драматического действия благодаря своей замкнутости и благодаря внутренней независимости. Внешне послушный и подчиняющийся вождям, боярам, патриарху и способствующий развитию и оформлению сценического действия

народ всегда внутренне остается безразличным ко всей драматической борьбе. Пушкин с этим заданием справляется специфическим, ему только присущим приемом — ввода комедийного элемента в трагедию. В данном случае поневоле возникает мысль о возможности дворянского художественного задания Пушкина. Драматургически несущий общую с боярами линию борьбы, способствующий ее нарастанию, в психологическом плане этот народ резко обособляется от всей происходящей вокруг него борьбы. Он очень часто приобретает роль центральной фигуры в трагедии как объект борьбы и как активный носитель самостоятельной воли, давая массовые... о значительности своей роли, осмеивая одних и загадочно, многозначительно безмолвствуя перед другими. Причем чрезвычайно характерна сцена с юродивым. Во всей трагедии народ по-своему только дважды активно проявляет себя. И оба эти момента представляют собою сцены максимальной эмоциональной насыщенности. Имею в виду только что упомянутую сцену с юродивым и, второе, конец трагедии. Народ устами юродивого говорит в лицо Борису об убиении им Димитрия. Дано это в комедийном плане. Но по существу в действии народа это есть один из кульминационных пунктов его борьбы против своих правителей. Пушкин здесь применяет прием пародирования самой серьезной стороны трагедии. Ведь, по существу говоря, трагизм положения Бориса не в появлении Лжедмитрия и не в борьбе с ним, а самая трагедия борьбы протекает у него внутри себя — борьба психологическая. И кстати сказать, поэтому-то и трудно считать Бориса центральным героем драматической борьбы, потому что он погибает не в результате протекающей перед нами борьбы сторон, а погибает по причине внутренней. И моральная и физическая катастрофа для него подготавливается не в результате нарастания внешнего драматического действия, а подготовлена одним психологическим мотивом, угрызением совести. Что опять-таки при драматургическом... мешает четкости единого действия. И сцена с юродивым есть самый прозрачный намек на самое серьезное в трагедии. Этим дано активное действие со стороны народа и этот маленький комический штрих есть весьма многозначительный намек на конструктивный па-

раллелизм в отношении всей трагедии. Здесь фокус трагедии освещен активным действием народа.

Другой такой же кульминационный пункт в действии народа выражен Пушкиным в знаменитой ремарке: народ безмолвствует. Так загадочно реагирует народ действиям и стремлениям другого главного персонажа трагедии – Лжедмитрия. Весьма удачно примененный прием Пушкина опять явно подчеркивает отношение народа ко всему происходящему перед его глазами. Он активен и вполне самостоятелен в оценке события, и безразличен к борьбе – достижениям и поражениям борющихся сторон. Он подчеркивает свою независимость как носитель определенного волевого усилия, смеясь в лицо одному и отвечая загадочной немой сценой торжеству другого. Народ в трагедии Пушкина – загадка для всех правителей. Его роль, роль беспристрастного зрителя и объективного судьи. Это тот коллектив, перед которым индивидуальное всегда незначительно и смешно. Коллектив – доведенный в своей объективной значительности до уровня беспристрастной истории. Создание массовой сцены и введение коллектива в такой активной роли ценителя борьбы между главными персонажами трагедии, по-моему, является одной из самых существенных особенностей драматургических приемов Пушкина.

Перечисляя особенности таких приемов Пушкина, нельзя не остановиться на особом типе композиции всех его драм, не соответствующих по своей внешней структуре, по своей архитектонике ни одному из существующих типов классической, романтической, реалистической – бытовой драмы. Исследователи устанавливают формальную связь Пушкина с современными новейшими французскими, английскими драматургами, от которых перенята форма маленьких трагедий. Нетрудно в свою очередь установить связь между этими трагедиями, с одной стороны, и “Борисом Годуновым”, с другой. Связь в конструктивном сходстве вполне явно выступает как во внешнем делении их не на акты и явления, а только на сцены, точно таким общим приемом для всех трагедий является свободная трактовка характеров и драматического действия, что во многих случаях нарушает требования драматургической необходимости единого действия. Эти моменты, мне кажется, и дают повод в осо-

бенности говорить о несценичности трагедий Пушкина. Некоторые из мелких трагедий, как “Моцарт и Сальери”, “Скупой рыцарь”, явно не имеют единого действия. Трудно установить необходимые для всякого драматического произведения такие компоненты драмы, как причины и решение завязки, развязки, единое действие и линии борьбы. В наиболее сценичных трагедиях, как “Каменный гость”, “Пир во время чумы” и “Руслан”, линии борьбы выражены не в сценически выраженных, действенных репликах или действиях-поступках, а большей частью протекают во внутренней психологической борьбе кого-либо из персонажей. Поэтому драматургически наиболее насыщенные действенные моменты у Пушкина выражены исключительно в монологах, не в борьбе, а в саморазоблачении персонажей.

В приемах характеросложения Пушкина интересует принцип динамического развертывания личности в связи со столкновениями его со многими коллизиями обстоятельств внешней жизни. И в таких случаях необходимо самопризнание героя. Поэтому Пушкин ни в одной своей трагедии не дает авторской афиши и почти не дает или дает очень мало ремарок. Характерный пример в “Скупом рыцаре”, где нет необходимой ремарки о падении и смерти рыцаря. А о происхождении читатель узнает только по словам Герцога.

Кроме того, в изображении характеров Пушкин иногда применяет слишком свободный прием, распространенный и допустимый для эпического жанра, но мало оправдывающийся в драматургии — именно прием ввода проходных сцен. Таковыми являются в “Борисе Годунове” сцены кельи в Чудовом монастыре, корчмы на литовской границе и сцена Царской палаты — Борис с детьми. Все эти сцены в развивающейся перед нами драматической борьбе никакой служебной, связующей роли не играют, и в общий ход единого действия трагедии они не вливаются ни по какой-либо параллельной или побочной линии борьбы. Они не несут даже и функции экспозиции, потому что и обстановочные, и психологические экспозиции даны в других сценах, а здесь эти элементы выражены слишком слабо — малозаметными. Единственным оправданием для ввода их является стремление Пушкина дать бытовой фон в одном случае для жизни Лжедмитрия, в другом — для жизни Бориса. Но введение

всякого бытового фона в драматургии должно быть мотивировано или путем непосредственного слияния его обстановочно с экспозицией или же должно быть мотивировано неразрывной связью с постоянно утверждающимся драматическим фоном, развивающимся в свою очередь по строго определенной линии борьбы. Здесь этого не наблюдается. Поэтому перечисленные проходные сцены рассматриваются нами как сцены, искусственно нанизанные и драматургически мотивированные. Переходя к приемам трактовки отдельных характеров трагедии, считаем наиболее верно и динамично трактованным характер Лжедмитрия. Несомненно, что и здесь тоже имеет место прием свободного изображения характера. Но здесь эти моменты драматургически мотивированы вполне. Лжедмитрий ведет борьбу не только по центральной линии борьбы как претендент Московского престола, как носитель контрдействия против Бориса, но еще он ведет и параллельные и побочные линии борьбы. Параллельная линия сцены – дом Вишневецкого. Самозванец и патер Черниковский и побочная линия сцена у фонтана. ...со сцены кельи в Чудовом монастыре и корчмы на литовской границе, на всем протяжении трагедии характеризующие Лжедмитрия, создает собою постоянно утверждающийся драматический фон. Динамизируется каждая сцена и каждая линия борьбы благодаря мнимым действиям, катастрофам, перепитиям и иногда контрастным переломам у одного из главных персонажей трагедии – у Лжедмитрия.

Тогда как борьба для Бориса протекает в психологическом плане, внешне выражаясь как бы в эпизодических толчках к борьбе, вместо постоянно происходящего драматического действия... развивается борьба разносторонняя и непрерывная, между прочим, максимума эмоциональной насыщенности и огромнейшего сценического эффекта достигает борьба, развивающаяся на побочной линии в сцене у фонтана. Здесь самое существенное драматическое действие во всей трагедии, и сцена представляет собой в нужном смысле сцену поединка, где драматическая реплика действия слова доводит персонажей до кульминационного пункта их внутреннего напряжения, и эффект такой борьбы достигается излюбленным пушкинским приемом кон-

трастирования воли и скрещивающимися перекрестными переломами воли действующих лиц.

Наконец касаясь чисто внешних драматургических приемов Пушкина, надо отметить очень частое употребление приема лирического затенения. Лирика в устах его персонажей не является только самостоятельным художественным пафосом, а почти всегда маскирует волевые усилия героев трагедии или оттеняет, как лирический монолог, внутреннюю психологическую борьбу.

Так же относятся к внешним особенностям драматургических приемов, широко применяемой в особенности в отношении бояр... и личной борьбы, притворство в отношении народа. Кроме того, в массовых сценах еще особо ощущается прием массового узнавания.

Вот как рисуются нам особенности драматургических приемов Пушкина, замеченные главным образом в трагедии “Борис Годунов”.

ПОЭЗИЯ ЧИСТОГО ИСКУССТВА 60-Х ГОДОВ

Русская литература 50–60-х годов насчитывает несколько известных и ныне поэтов, составляющих плеяду жрецов чистого искусства. К ним относятся Тютчев¹, Алексей Толстой², Полонский³, Майков⁴ и Фет⁵. Все эти поэты в прошлом русской литературы восходят к Пушкину, который в большинстве своих юношеских стихотворений являлся теоретиком чистого искусства и указал впервые в русской литературе на значение поэта.

Не для житейского волнения,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких молитв.

Это программа поэта, призыв к уходу в святыню поэзии, не считаться с требованиями толпы, с требованиями утилитаризма. Поэзия – самоцель для поэта, необходимо спокойное созерцание, замкнувшись от суетного мира, углубиться в исключительный мир индивидуальных переживаний. Поэт свободен, независим от внешних условий. Назначение его идти туда, куда влечет свободный ум.

Дорогой свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Он в самом тебе, ты сам свой высший суд,
Не требуя награды за подвиг благородный.

Свободное творчество есть подвиг поэта. И за этот благородный подвиг не нужно земных похвал. Не они опре-

деляют ценность поэзии. Есть высший суд, и ему только надлежит сказать, дать оценку поэзии как сладкому звуку, как молитве. И этот высший суд внутри самого поэта. Так определит свободу творчества и индивидуальный мир поэта Пушкин в первый период своей творческой деятельности.

Вот эти поэтические лозунги и были заключены в основу творчества всех перечисленных выше поэтов чистого искусства. Так же, как из позднейших произведений Пушкина вырастают реалисты, прозаики Тургенев, Достоевский, Толстой и другие. Точно так же, с другой стороны, романтизм Пушкина подготовил почву расцвету чистой поэзии и повлек за собою значительную группу поэтов-романтиков. Таким образом, идея служения чистой поэзии не была явлением новым, возникшим только в период 50-х годов. Его корни находились в поэтическом наследстве прошлого. Причем, надо сказать, особенное тяготение позднейших поэтов к этой идее в 50-е годы объясняется еще несколькими новыми историческими литературными факторами, возникшими в эти годы. Это развитие идеи утилитаризма в литературе. Русская общественная жизнь подвергалась сильнейшей ломке на переломе 50–60-х годов. И новые исторические ситуации — представшие после реформы в жизни русского общества, властно требуют переоценки многих ценностей, массового пересмотра и переучета всего, что накопилось от прошлого во всех отраслях жизни. Необходимость новой оценки, нового анализа, по новым... пройденного пути предстали и перед людьми, причастными к литературе. Кроме того, наряду с развивающимся либерализмом в умах передовых представителей в русской общественной мысли того времени усиливалась еще правительственная реакция, налагая на все свое вето неограниченного абсолютизма, та оценка общественной ценности в среде либералов и большой массы русской общественности происходила под исключительным знаком общественной значимости тех или иных явлений, в том числе их литературных произведений. Появляется и процветает общественная критика, отрицающая всякий идеализм и индивидуализм в творчестве, требующая общественной полезности литературных произведений и требующая служения коллективу.

Противопоставление идеализму литературного рационализма. Стремление подчистить миру мечту.

Прежнему пониманию о назначении поэта как свободного жреца свободного искусства противопоставляют новое понимание о значении поэта как носителя гражданского долга, как поборника добра против всех общественных зол. Отсюда необходимость гражданских мотивов и усиления гражданской скорби, обличение социальной несправды, навязывание литературным произведениям определенных реальных общественных заданий. Причем наряду с усиливающейся общественной критикой появляются как результат новых веяний и как новое литературное явление, появляется новая поэзия, как поэзия Некрасова, всецело поглощенная идеей служения обществу, пропитанная насквозь духом народничества. Муза мести и печали, бичуя социальное зло, выбирает темы почти исключительно из жизни низов, отражает тяжелый быт крестьянства, находящегося под гнетом самодержавного бесправия, насилия и в темноте и невежестве. Поэт творит не для избранного круга образованных читателей, а старается сблизить поэзию к массам. Поэтому самого поэтический стиль снижает до уровня этой массы. Поэзия в лице Некрасова популяризирует идеологию народничества; стремление общественному долгу привносит в поэзию яркую общественно-политическую окраску, привносится тенденциозность в искусство. И эта тенденция в искусстве требовалась и оправдывалась не только общественной критикой того времени в лице Чернышевского, Добролюбова и других. Но того же самого требовали и все передовые представители читательских масс.

Но усиление этого народнического течения в литературе 50—60-х годов не могло увлечь за собою все силы общества и главным образом не могло увлечь всех поэтов и писателей. Среди последних появляются группы, не разделяющие идею утилитаризма и вместо него выставляющие во главу своей творческой деятельности самодовлеющую ценность искусства. Превозносящие поэзию как недоступную для масс святыню, где только художнику позволено постичь все тайны бытия, где для художника существует особый замкнутый мир, блаженный край, на ложе которого поэт должен забыть мирскую суету. Должен стать выше интересов

толпы и с высоты творения беспристрастно созерцать все земное со всеми будничными интересами и всей житейской пошлостью. В этом миру поэт должен найти отдых от серой действительности. Если так, то поэты-утилитаристы не есть поэты, они торгаши словами, они осквернители божественного храма чистого искусства. Чистая поэзия высокая, священна, для нее чужды земные интересы как со всеми одобрениями, хвалебными гимнами, так и порицаниями, поручениями и требованиями полезного для них. Такое понимание сущности и задачи поэзии, как отмечено выше, впервые было провозглашено Пушкиным, и оно нашло живой отклик целого хора поэтов 50–60-х годов. Но появление последних совпало с природным усилением утилитаризма, и это появление было не случайное. Поэты – сторонники чистого искусства – сознательно пошли против усиленного течения своего времени. Это являлось сознательной реакцией против требований гражданского долга и против всех общественных требований. Они поэты-сектанты, отколовшиеся от остального общества, протестанты, ушедшие в боковые дорожки чистой поэзии во имя свободного творчества и во имя сохранения своего индивидуального облика свободных жрецов искусства. Поэтому темы их в большинстве светско-аристократически избранные. Поэзия для понимающих ее. Для избранного круга читателя. Отсюда преобладающая лирика любви, лирика природы, живой интерес и тяготение к классическим образцам, к античному миру (Майков А.Т.); поэзия мирового хаоса и мирового духа (Тютчев); стремление ввысь, поэзия мгновения, непосредственного впечатления от видимого мира, мистическая любовь к природе и тайна мироздания. Поэзия вздохов и мимолетного ощущения. И чистая поэзия как гимн вечной красоты, вечному сиянию, златотканому покрову, вечно солнечному дню, звездной и лунной ночи. И во всем величии и красоте мироздания человек как необходимый звук в мировой гармонии, а песня, вырывающаяся из уст, томный звук струны, который вторит как эхо мировой симфонии. Причем поэзия чистого искусства как таковая различным образом представлена в творчестве каждого из этих поэтов. Сохраняя общие настроения, общие мотивы творчества и

являясь вполне определенными представителями чистого искусства в оценке сущности и целей поэта, между ними все же необходимо различать и ту разницу, которая выражается в приемах творчества, главным образом в выбираемых темах, точно так же и в идейном содержании творчества. При таком подходе нетрудно установить существенную разницу между такими поэтами, как Фет, положив с одной стороны, и Тютчевым, Майковым и Толстым, с другой. Поэзия последних больше насыщена народным содержанием как идеал мирового христианского государства, основателем которого должны явиться славянские народы у Тютчева, или сознательное тяготение и подражание античными образам у Майкова, активно полемические тенденции как поборника чистого искусства Л. Толстого — все это в целом можно отметить как моменты усиления идейности содержания и как известные тенденциозные предпосылки умозрительного порядка в творчестве поэтов чистого искусства. Эти моменты надо рассматривать как некоторое отступление от основного свойства чистой поэзии, источником которого является в большинстве случаев мир подсознательного, мир впечатлений и мир кажущегося вдохновенному взору поэта-мистика и пантеиста. И в числе поэтов 60-х годов есть такой поэт, который является наиболее ярким, типичным представителем подлинной чистой поэзии, и таковым является Афанасий Афанасиевич Фет, на творчестве которого остановимся как на наиболее ярко отражающем облик чистой поэзии 60-х годов. Поэзия для Фета, как для всех поэтов чистого искусства, самоценна, ее цели и задачи определены внутри самой поэзии, причем основная ее цель не снисходить, а возвышать. Его поэзии присуща исключительная чистота и духовность, но действий в ней нет. Вместо действий один порывается ввысь, вспыхивающие мысли, вздохи души и масса впечатлений... радости и печали.

Поэт — единственный ценитель мировой красоты. Тоска земли не омрачит его фантазию.

Горная высь

Твоя судьба — на гранях мира
Не снисходить, а возвышать.

Не тронет вздох тебя бессильный,
Не омрачит земли тоска:
У ног твоих, как дым кадильный,
Вияся тают облака. (июль 1886)

Так далек поэт от всего земного. Его внутренний мир и его проникновенность в тайны мироздания так цельны и так утонченно пронизательны, что сожалеет о своей песне, которой присущи вечные благородные порывы за пределы земного, но которой суждено быть пленной птицей в беспомощном сердце, воплощенной в плоть и кровь и прикрепленной к земле.

И в сердце, как пленная птица,
Томится бескрылая песня.

Муза поэта бесплотна, воздушна. Ее тайную красоту, ее эфирность и доступный для нее мир вечной красоты трудно выразить поэту земными словами. Поэтому у него из уст вырываются страстные желания. Ах, если бы сказаться душой было можно, так как сказаться душой невозможно, то на поэта находит грусть к недосказанности, непонятности его поэзии, он не мог выразить всего, что он чувствовал, и многие красивые мечты живут, как пленница, в тайнике его души и не выражены в желанных для поэта образах. Сожалея о них, поэт выражает грустное, тоскливое желание, чтобы: “Лета потопили его минутные мечты”. Это желание поэта станет понятным для нас, когда мы узнаем его взгляд на назначение поэта. Поэта ласкает небо, оно только родное ему. И, вдохновленный неземным величием, он должен видеть красоту во всем. Ничто не должно туманить ясно-видящий взор поэта, земное определение красоты не есть определение поэта, он представляет вечные красоты, поэт должен видеть отражение мировой красоты во всем, в том числе мимолетном и минувшем. Кроме того, поэт должен видеть красоту не только в том, что понятно всем людям, а должен чувствовать силу прекрасного и там, где люди не чувствуют этого. Даже незаметное, жалкое в природе тоже должно гореть вечным золотом в песнопении.

Ст. «Поэтам»:

В ваших чертогах мой дух окрылился,
Правду провидит он с высей творенья.
Этот листок, что иссох и свалился,
Золотом вечным горит в песнопеньи.

Тот же самый взгляд выражен еще в другом стихе:

Только пчела узнает в цветке затаенную сладость,
Только художник во всем чует прекрасного след.

Такие красоты сближают человека с миром, поэтому цель поэтов заключается в увековечении красоты. Поэт должен угадать сквозь покрывало, сквозь красивую оболочку, даже во всех переходящих явлениях отражение вечно сущего бытия. Тогда только станет понятным для него гармоническое величие красоты природы. И для поэта весьма значительна быстрая смена впечатлений, мимолетные мгновения и преходящие противоречия. Поэтому ему отвечает природа устами жизнерадостного создания, воплощенного мгновения — бабочки:

Ты прав. Одним воздушным очертаньем
Я так мила.
Весь бархат с его живым миганьем —
Лишь два крыла.
Не спрашивай: откуда появилась?
Куда спешу?
Здесь на цветок я легко опустилась
И вот — дышу.
Надолго ли, без цели, без усилия
Дышать хочу? —
Вот-вот сейчас, сверкнув, раскину крылья —
И улечу!

Это стихотворение очень ярко отражает глубокую эстетичность природы творчества Фета. И в нем наиболее реально выражено живое чувство красоты и кипение живой жизни в поэзии Фета.

Беззаветная преданность одной красоте и постоянное

неугасающее... увлечение всем пленительной и прекрасной порой превращают поэта мгновения в поэта-мистика. Стихия природы захватывает и уносит его мечты в мир запретный, потусторонний. Внимая пенью соловья в звездную ночь или созерцая сумерки, закаты, искренне стараясь постичь загадки бытия или следя за стрельчатой ласточкой над вечереющим прудом, он часто своей фантазией умчится к запретной чужой стихии:

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши все кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой
Над вечереющим прудом.
Вот понеслась и зачертила —
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла
И снова то же дерзновенье,
И та же темная струя, —
Не таково ли вдохновение
И человеческого я?
Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запретельной
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

Это стремление к чуждой стихии насквозь пропитывает лирику природы в творчестве Фета, так что мистическую любовь к ней надо рассматривать как один из основных моментов его поэзии. Причем мистическое восприятие природы превращает всю красоту ее в таинственную музыку, в символ бесконечного, в бесконечно мерцающий волшебный призрак. Отсюда возникает особенность приемов, часто наблюдаемые в творчестве Фета, заключающиеся в воспроизведении главным образом своих впечатлений и ощущений, полученных от окружающей обстановки, а не воспроизведение отдельных реальных картин. Фет часто передает не самый звук, а его трепетное эхо. Описывает не лунное сияние, а отражение света на поверхности воды. Этот прием, присущий символической поэзии, впервые в русской литературе наиболее полнее представлен в поэзии

Фета. Поэтому описание природы в устах его превращается в сплошную музыку, в утонченную нежную лирику. И особенно интимны и воздушны его весенние и летние песни и песни, посвященные далеким таинственно мерцающим звездам, с которыми думы поэта сливаются в мистическом трепете живой тканью фантазии, так часто отрываются от реального бытия и сливаясь в своих порывах с... стихии. Но будучи так таинственно влюблен в природу, Фет не в самой природе искал загадку духа. Прекрасное в природе есть только отражение тайной прелести бытия, отражение вечно сущего духа. Лирика природы для него как необходимый культ красоты, и поэтому все явления ее воспринимает с чисто эстетической точки зрения. Спокойно созерцая природу всей области, поэт не имеет никаких требований к ней во имя принципов, лежащих вне ее. Он берет природу так, как она есть, находит в себе большую близость к ней и, описывая ее, не прибегает к никаким искусственным олицетворениям, фальшивым одухотворениям, а имеет только одно простодушное стремление воспроизвести природу без тенденции улучшить, исправить и т. д. Поэтому очень часто его изображение природы отличается особенной простотой. Многие красивые моменты природы им фиксируются как отдельные самостоятельные образы и цельные темы и нанизываются один на другого для того, чтобы в игривых перебивках дать музыкальную напевность его стихам и стройную символику его душевных переживаний и волнующих его дум. Ст.

Буря на небе вечернем,
Моря сердитого шум,
Буря на море и думы,
Много мучительных дум,
Буря на море и думы,
Хор возрастающих дум.
Черная туча за тучей,
Моря сердитого шум.

Лирика любви у Фета то же самое вытекает из культа красоты, но в ней нет кипучей страсти, рождаемой желанием земных наслаждений, скорее, это поэтизированные миги мимолетных воспоминаний и художественно воспро-

изведенное чередование света и теней, вздохов и мгновений прошлого. Поэтому любовные песни Фета далеки от обычной чувственности, гораздо больше в них возвышенных бесплотных порываний, полных намеков и недосказанностей. Лирика любви, как и лирика природы, легка и искренна, она наполняет душу читателя не желанием страсти, а как музыкальные напевы, рождающие массу побочных дум, настроений и впечатлений.

В них суть искры живой жизни, своим мерцанием заманивающие и уносящие в неизведанные дали мечты и фантазии.

Всякая лирика Фета кроме сказанных свойств таит в себе и глубокий религиозно-философский смысл. Как сказано выше вскользь, мистически влюбленный в природу Фет хотя возвеличил в своей поэзии ее красоту, он все же свой идеал искал и видел не в самой природе, а в потусторонней тайне мироздания. Красота в природе есть только средство для общения фантазии устремленной в даль мысли поэта с сверхчувственным непостижимым миром. Стремление к этому последнему, стремление постичь и слиться с ним есть философский идеал поэта. В этих порывах он замкнут, одинок, он один только как вождь и жрец, ведущий за собой немеющую толпу к вожделенной двери. Он глубоко религиозен, полон благоговейным трепетом перед... и его песня есть дар провидения, неземная молитва, ведущая к яснovidенью...

Хоругвь священную подъяв своей десной,
Иду — и тронулась за мной толпа живая,
И потянулись все по просеке лесной,
И я блажен и горд, святыню воспевая.
Пою, и помыслам неведом детский страх:
Пускай на пенье мне ответят воем звери, —
С святыней над челом и песнью на устах,
С трудом, но я дойду до вожделенной двери!

Поэзия для Фета есть священнодействие, и в момент творчества он подобен жрецу, приносящему жертву на алтарь. Его творчество не есть плод праздной фантазии, а исполнение религиозного обряда,, трепет умиленного сердца, коленопреклоненного перед вечной красотой:

...Я по-прежнему смиренный,
Забытый, кинутый в тени,
Стою коленопреклоненный
И, красотой умиленный,
Зажег вечерние огни.

Чуждый идее служения обществу и имеющий чисто отвлеченные основы мироздания, Фет отбрасывает также из своего житейского определения нравственности с установленными понятиями о добре и зле. Для него в бессмертном мире самое бессмертное есть индивидуальный мир человека, человеческое с его вдохновениями и прозрениями о сущности вешего. А вдохновение питается красотой и воспева-ет там, где ее находит. Будет ли это в мрачных или светлых областях в добре и зле, совершенно независимо от их нрав-ственного содержания. Поэтому можно воспевать и красоту зла или порока. Потому что наше определение зла не есть бесспорное, безусловное определение. Чистое зло как та-ковое невозможно, это есть абсолютное небытие. А все, что воплощено в человеческом “Я”, равноправно с Божествен-ным творением. И с незапятнанных высот вдохновенья или чистого умозренья понятия добра и зла должны отпасть как могильный прах. Знание добра и зла необходимо земной воле, обреченной земными тяготами. Для художника нужна в ней только красота, потому что он должен быть в обоих областях одинаково свободным и независимым. Художник не должен быть поработан человеком. Все влечения его души должны быть свободны и гармоничны. Таков резко выра-женный индивидуализм поэта, отрицающий все условности внутри человеческого общества и противопоставляющий этим условностям свободное, независимое “Я” художника. Этот взгляд поэта наиболее ясно выражен в стих. “Добро и зло”.

Воспевая всюду только красоту, поэзия Фета как будто бы отражала в себе беспредельную жажду жизни и, казалось бы, что для нее совершенно чужд гимн смерти. Но поэт, мис-тик и пантеист, воспел и смерть так же вдохновенно, как воспевал раньше красоту. Смерть для него не страшна, по-тому что он без колебаний верит в продолжение жизни за гробом, верит в вечное бессмертие души, которая со смер-тью освободится от земных мук и, освобожденная от тела,

легко и свободно сольется со всемирным бессмертием. Поэтому смерть есть только желанная ступень для поэта, чтобы перейти с земного лоно на лоно вечности. Кончить земную жизнь, умереть, исчезнуть необходимо, как одно из эстетических свойств индивидуума. Таким образом, философски хладнокровно примиренный с мыслью о смерти, он намерен встретить ее с улыбкой, как необходимое счастье.

Там наконец я все, чего душа искала,
Ждала, надеялась, на склоне лет найду.
И с лона тихого земного идеала
На лоно вечности с улыбкой перейду.

Такова поэзия Фета, сущность которой при малейшем вдумчивом чтении очень ярко вырисовывается перед читателем не только от всей поэзии в целом, но даже от каждого малейшего осколка, маленького отрывка его стихов. Фет был подлинным, цельным представителем чистой поэзии. Он везде и всюду при всех моментах поэтического созерцания, вдохновенных мечтаний умел остаться независимым, последовательным и беззаветным певцом красоты, певцом идей вечно сущего бытия, вдохновенным жрецом от чистой поэзии. Поэтому особенно ярко выразившаяся в его поэзии религиозно-мистическая струя, вытекающая из философского мировоззрения поэта и импрессионистически оформленные словесные мазки, звучащие особенной музыкальностью и изумительной проникновенностью в сокровенные тайны всего, чему обращен взор поэта в окружающем его мире, по справедливости приковали к себе внимание позднейших представителей чистого искусства, а именно целого поколения поэтов-символистов, которые приняли Фета как своего родоначальника, как предтечу и которые очень часто с умилением повторяли однажды вырвавшийся из уст Фета вздох: “О, если бы сказаться душой было можно”. И если, призывая историческую преемственность в развитии известных литературных явлений, говорить, что по линии чистой поэзии Фет восходит к Пушкину, то с той же уверенностью можно сказать, что позднейшие русские символисты точно так же восходят к Фету.

ОБ “АРКАЛЫКЕ” И О КРИТИКЕ тов. МУСРЕПОВА

Спектакль “Аркалык” хотя не является постановкой, определяющей собой направление, программу и принципы творческого пути Казгосдрамтеатра, а является одним из проходных спектаклей, и все же дал повод тов. Мусрепову обрушиться тяжелыми обвинениями на руководство и весь коллектив театра. Длинная статья тов. Мусрепова в “Социалды Казахстан”, наименованная “О новой постановке Аркалыка”, в огромной своей части посвящена не работе театра над этим спектаклем, а занят рядом других побочных вопросов, увлекших мысли критика.

Прежде чем высказать наши соображения по другим затронутым им вопросам, мы остановимся на самом “Аркалыке”. Приведем вначале кое-какие справки о нем. Эта пьеса вплоть до 1931 года шла во всех сезонах Казгостеатра. В прежнем, даже не исправленном виде, не снималась с репертуара. И когда речь зашла о новом включении ее в репертуар драмтеатра, никаких замечаний о переделке и переисправлении ее не было. Но театр в начале этого сезона, учитывая ряд недостатков прежнего текста пьесы, до постановки передал ее на исправление самого автора тов. Шанина. В результате коллективной работы пьеса была значительно сокращена (она раньше ставилась в двух сериях). Были изъяты, исправлены натуралистически скомпонованные элементы ее, исправлены ряд ошибок идеологического порядка, как-то: бесчисленные разгромы Аркалыком своих противников, в особенности китайцев; натуралистически поданные батальные сцены; разрушение стен китайской тюрьмы; увод дочки дюрбутского хана с разгромом его ставки — стремление через все это импонировать казахско-

му национализму, идеализируя казахского батыра, или подача образов казахского хана и его советника Кара-Шешена в комическом плане трусливых беспомощных людей; точно так же неприемлемое освещение межнациональных отношений через предательство Аркалыка (казахского батыра) Егилем — дюрбутским батыром и ряд других подобных мест были обработаны до принятия пьесы в работу. К исправлениям автора, по договоренности с ним, внесли изменения, дополнения наша режиссура и руководство театра. Но все же, по мнению руководящих наших работников, смотревших первую постановку, наш театр этой пьесой не смог показать классовую борьбу в историческом прошлом. По смыслу этих высказываний, театру необходимо было, если браться за историю, то за такие темы, которые раскрыли бы глубокий смысл классовой борьбы угнетенных масс с их эксплуататорами, беря такие темы, как восстания. А самое необходимое, основное для драмтеатра — это показ пьес на современные темы, на темы нашей революции, социалистического строительства. Вот какие принципиальные и, безусловно, верные мысли были высказаны этими товарищами. Это была ведущая критика, определяющая лицо и направление театра. В ней высказаны основные требования, формирующие принципы, программы революционного театра, нашего театра, стремящегося определить свой путь по этим вехам.

Но эти, бесспорно, верные, принципиальные суждения, попадая истолкованиям тов. Мусрепова и вызывая у него еще много новых, побочных мыслей обо всей деятельности и сегодняшнем содержании театра, породили ряд необоснованных, поверхностных, ошибочных домыслов критика.

Главное обвинение, возводимое тов. Мусреповым на театр, сводится к тому, что он не поставил “Аркалык”, написав его заново. На самом деле, если взять его совет: “не показывать борьбу Аркалыка с ханом, а показать борьбу масс с ханами и батырами вместе взятыми” — это означает создать совершенно новое содержание для пьесы, то есть написать новую пьесу. Тогда эта пьеса не будет “Аркалыком”, станет иным произведением. Коли так, то к чему тов. Мусрепову криво истолковывать мысли руководящих товарищей, а не

говорить: просто не нужно ставить такую пьесу на сцене нашего театра?

Вообще театр как таковой не пишет пьесы от себя. “Поправку” театра, “улучшенную постановку” (слова Мусрепова) тов. Мусрепов понимает как-то по-своему и плохо себе представляет эти понятия.

Поправки театра означают режиссерские поправки, поправки в пределах, допустимых для театра. Утвержденная и включенная в репертуар театра пьеса не есть литературный сценарий, переданный в распоряжение кинорежиссера. Менять сюжетную основу, архитектонику и название драмы не дело театра. Это прежде всего дело писателей. Тут тов. Мусрепов вместо обвинения писателю за репертуарный прорыв путается в адресатах. Грех театра он видит в плохом “направлении”, в недостаточной “переделке” пьес, короче говоря, в том, что театр — плохой драматург. Есть поправки, есть работа театра над текстом пьесы. Но то, чего требует он в отношении “Аркалыка”, выходит за пределы задач и компетенции театра.

А упоминание его о наличии в составе работников театра Ауэзова — есть необоснованные нападки на него. Ауэзов в пределах театра может проделать только то, что допускают и требуют рамки театра. Обвинение его за то, что он заново не написал, не переделал “Аркалык”, включенную в репертуар пьесу равного ему писателя, неуместно. Это есть голая придирка и насилие над Ауэзовым.

Наше понимание социального смысла пьесы было такое, что она трактует не борьбу между классами-антагонистами, а раскрывает противоречия внутри одного господствующего слоя. Это противоречие мы старались обнаружить как среди казахских, так и среди дюрбутских верхов. Так как “Аркалык” является широко известной нашей общественности старой пьесой, мы в новой ее постановке свою задачу представляли в раскрытии этого момента. В этом видели осмысленные целеустановки актерской трактовки образов и новой режиссерской подачи спектакля — спектакля не программного для театра, а проходного. Одно дело, если критик вел бы суждения, исходя из этих конкретных установок театра, обнаруживая недочеты, ошибки с этих точек зрения. От

статьи тов. Мусрепова, озаглавленной “О новой постановке “Аркалык”, мы ожидали касательства его в какой-либо мере к данной работе театра. Вместо этого он требует через “Аркалык” показа борьбы двух борющихся классов. Когда руководящие товарищи говорят вообще о недостаточности для театра подобных тем, как “Аркалык”, тов. Мусрепов, с одной стороны, держится и за “Аркалык” и, в то же время, требует в ней борьбы двух классов и центр своих нападок на театр сосредоточивает на этом. Безусловно, “Аркалык” не может быть сопоставлен ни по художественным качествам, ни по глубине с такими классическими произведениями, как “Гамлет”, “Борис Годунов”, “Ревизор” и т. д. Но, к примеру, что бы получилось, если бы к сегодняшней постановке этих пьес мы попробовали бы подойти с рецептом тов. Мусрепова? Во всех этих пьесах основные линии борьбы, драматический сюжет и общий искомый смысл не основывается на борьбе двух враждебных классов. А основаны на противоречиях внутри одного класса или прослойки. Ни в одной из этих пьес нет двух борющихся лагерей, состоящих из угнетенной массы и их угнетателей.

И когда наш зритель в наши дни смотрит эти пьесы, он видит, какие внутренние противоречия раздирали этот класс эксплуататоров. Но если исполнить требования тов. Мусрепова, то мы не приходим ли к тому, чтобы вместо “Гамлета” покажем борьбу датских принцев с их подчиненными, а вместо борьбы Бориса Годунова с боярами и Лжедмитрием покажем их совместную борьбу с крепостными крестьянами?

Или признать, что “Аркалык” смогла показать противоречия внутри одного сословия, как давно написанная историческая пьеса, и считать ее годной к постановке как таковую, или же признать, что “в ней неглубокий смысл, слабый сюжет, слабая драматургическая основа, недотянуты намеченные идеи и мало полезных качеств для нашего зрителя” и высказаться на этом основании ясно и определенно о ненужности ее в нашем репертуаре. К чему же критику садиться между двух стульев?

От критической статьи писателя тов. Мусрепова ожидали и в праве были ожидать наши режиссеры, художники

и весь актерский состав оценки хотя бы их деятельности. Известно, что настоящую театральную критику, подлинно культурную, помогающую, ведущую критику наши работники этого фронта до сих пор не слышали, не видали. Вместо этого тов. Мусрепов, не отвечая в своей статье даже на собственный заголовок, то образно-поэтически сравнивает коллектив театра с медведем, “ведущим постоянную возню с чурбаном”, то называет “ленивыми, недисциплинированными, бесталанными”. А когда, казалось бы, доходит до основной задачи театральной критики, до места ожидаемого актерами ответа, ограничивается буквально одной категорической фразой: “Не дана и художественная игра”.

Если бы тов. Мусрепов не был охвачен столь тенденциозной односторонностью, то отметил бы хотя бы ту должную оценку работам актеров Елубая, Калибека и Малике, которая была дана теми же руководящими товарищами, с которыми вместе смотрел спектакль сам тов. Мусрепов.

На недавно закончившемся пленуме Союза советских писателей в Москве Таиров, ссылаясь на отдельные работы театральных критиков, говорил: “Критик себя чувствует судьей спектакля, а актеров и режиссеров он принимает за обвиняемых”. Да верно, что наш театр еще не театр Таирова¹. Достичь подобной культуры является целью наших долгих трудов и длительного роста. И хотя нам есть чему учиться у Таирова, но тов. Мусрепову не к лицу было облачаться в пресловутую тогу охарактеризованного Таировым критика.

Большевистская критика прежде всего помогающая критика. Иначе о положительных случаях работы театра оправдываться словом “запоздали” (собственное признание тов. Мусрепова по поводу постановки “Тунги сарын”), а о случаях, когда замечены какие-либо недостатки, вдохновенно выступать во всеоружии “уничтожающей” критики — не дело здоровой объективной оценки вещей.

Общее настроение статьи тов. Мусрепова, безусловно, свидетельствует о давно накопившемся в нем гневе на драматический театр.

Исходя из одного “Аркалыка” как подходящего повода, он перечисляет все боли и обиды на наш театр. Став на заранее тенденциозную, осуждающую во что бы то ни стало

позицию, тов. Мусрепов к фактам присовокупляет и собственные вымыслы и тем метает громы и молнии на голову театра. Наш театр не может сказать про себя, что он достиг зрелости, совершенства. Наоборот, пока еще у него больше невольных промахов, чем достижений. Верно и то, что не преодоленный еще низкий культурный уровень нашего общего развития высказывается на этом фронте гораздо резче и ярче, чем где бы то ни было. У нас еще не появились Станиславские² и Мейерхольды³. Называть себя оформившимися культурными работниками театра никто из нас пока не может. Если не повлияли подобные общие условия, разве сознательно не дотянул тов. Мусрепов и художественные и идеологические качества своей пьесы “Кыз Жибек”? Не враг же человек самому себе. А сегодняшнее его намерение заново переделать пьесу не результат ли наконец осознанных ныне неожиданных творческих срывов его? Потому-то и у нас иногда хоть удастся какая-либо работа, а иногда бывают срывы на намеченном, казалось бы, правильном пути.

Разве все критические статьи “Социалды Казахстан” удачны и отвечают своим назначениям? Также и мы, тов. Мусрепов, идем, иногда невольно спотыкаясь, подобно вам же.

Конечно, все это не оправдывает недостатков, ошибок, прорывов. И мы не думаем прикрываться ими. Говорите об ошибках, и мы подвергнем свою работу самокритике, исправим ошибки, выправим свою линию. И в этом отношении первую помощь, важную помощь мы действительно ждем со страниц “Социалды Казахстана”.

Раз так, давайте попробуем подойти к затронутым вами через постановку “Аркалык” другим вопросам театра. И постараемся понять их как помогающую нам критику. Начиная свою статью со сроков открытия и закрытия сезона драматическим театром, вы говорите: “Этот театр всегда открывает свой занавес после половины зимы и опускает его, когда только начнут показываться признаки лета”. Половина зимы, как известно, январь, а признаки лета появляются в наших климатических условиях в апреле.

Если взять ряд последних сезонов, начиная с 1932 года, то это ваше утверждение неточно.

Не соответствует фактам. За исключением только последнего сезона, во все другие годы сезон театра открывался не позднее половины октября и закрывался во второй половине июня или в начале июля. Никто не думает оправдывать хотя бы малое запоздание в открытии сезона. Но скверное здание театра требует ежегодного ремонта. В текущем сезоне Наркомпрос приложил все усилия и произвел капитальный ремонт здания. Поэтому открытие сезона действительно запоздало намного. Но зато разве не отметила вся ведущая общественность Казахстана приобретаемый театром наконец-то приличный облик, порядок и частично новое качество во всем этом? Все же запоздание есть недостаток. Мы должны с ним бороться. Но вместе с тем разве допустимо по поводу общеизвестных и прежде всего известных самому тов. Мусрепову фактов многих лет говорить заведомо неверно и нарочито искажая их?

В середине своей статьи тов. Мусрепов говорит: "...есть мнения о том, будто этот театр не растет, а идет все на убыль. Это, конечно, неверно. Или это есть никчемная болтовня обывателей, или же так говорят наши враги". И хотя эти слова тов. Мусрепов изрек собственными устами, а сам же на всем протяжении своей статьи борется с этими своими утверждениями. В самом деле, если перечислить эпитеты, данные тов. Мусреповым театру, то, во-первых, говорится: "Иногда теряются из виду общественности деяния этого театра". Выходит, театр завораживает общественность и будто бы улетучивается куда-то и проделывает какие-то дела тайком. Если он на самом деле театр и выставляет перед зрителем свою постоянную работу, возможна ли у него еще утаенная от общественности другая работа, как работа театра? Чтобы уточнить высказанное сейчас, тов. Мусрепов добавляет: "... он же пускает и пыль в глаза" — все про тот же театр.

Говоря еще дальше: "...абсолютное непонимание буквально: не чувствует носом запаха политических требований о воспитательном воздействии в духе социализма. Поразительная грубость!", тов. Мусрепов делает "негрубый" свой вывод. Также добавляет: "делает постоянные политические ошибки". Таким образом, всю историю и всю деятельность театра он составляет из одних чуждых черт и скверных про-

делок. Утверждая также “театр все оглядывается назад” или “взоры театра устремлены на старый мир”, он определяет содержание всей работы, всего направления и программы театра как бы составленными из лоскутков старого.

Недостаточно еще и этого. Ругая театр различными не в меру грубыми, резкими словами еще в одном случае, он пишет: “Здесь сильно прикрываются бездельничаньем, ленивостью, недисциплинированностью и отсутствием прилежания” и также говорит: “Занимались бесплодной возней с чурбаном”. Эти обвинения относятся ко всему коллективу театра. Все эти “обнаруженные им пороки” театра он высказывает через одну постановку театра.

Если верны все эти утверждения, то что же тогда осталось от театра?

Допустимо ли такому видному работнику культурного фронта, как тов. Мусрепов, заменять “помогающую, ведущую критику” подобными экзекуциями? Занимаясь таким-то форменным избиением, оголением театра в пылу увлечения, не оголил ли он и самого себя? Что же осталось от ваших утверждений “о росте и якобы достижениях” театра?

Его сильно раздражает будто “Аркалык”. За эту постановку мы, безусловно, принимаем на себя известную вину. Есть ошибки, указанные руководящими товарищами. На них частично указывает и тов. Мусрепов. Об “Аркалыке” мы уже высказались.

Теперь ответим на другие вопросы, затронутые тов. Мусреповым, исходя из “Аркалыка”.

Начиная с 1932 года драмтеатром поставлены следующие пьесы из оригинала: “Майдан”, “Халпе”, “Талтанбай” Майлина; “Кек”, “Турксиб” Джансугурова; “За октябрь”, “Тунги сарын” – Ауэзова. Все эти пьесы трактуют революционные темы. Из переведенных лучших образцов пролетарской драматургии поставлены: “Подводная лодка”, “Хлеб”, “Мой друг”, “Мстислав”. Наряду с этими пьесами в 1933 году поставлен “Енлик – Кебек”, в 1934 году “Хан Кене” и в настоящем 35 году “Аркалык”. Из недоделанного еще репертуара текущего сезона в работе театра находится: “Биздин жигиттер” Майлина и переработанный автором “Турксиб” Джансугурова. Кроме них театр рассчитывает также

поставить хотя бы в конце сезона и “Чудесный сплав”. Как о репертуаре прошлых лет, так и о пьесах настоящего сезона тов. Мусрепов знал и знает не хуже кого-либо из нас. Какое количество занимают в указанном репертуаре исторические пьесы — это видно из перечисленного. Действительно, на исторической пьесе “Хан Кене” допустили грубую ошибку как автор, так и театр. Вопрос об “Аркалыке” обсуждается вот теперь. Но попутно мы задаем вопрос тов. Мусрепову: “Верен ли метод определения всего смысла деятельности, всего пути театра по одним впечатлениям, полученным от “Аркалыка”?”

Прекрасно зная, что “Аркалык” не является определяющим, основным спектаклем для театра, можно ли говорить о нем как об исчерпывающем, единственном труде театра. Это одна ступень в числе многих наших постановок за годы, перебранные самим тов. Мусреповым. Будет ли это продуктивной, уместной и полезной критикой, если на весь творческий путь театра вносить приговор по одному звену в его работе? Если судить только по одному спектаклю, то разве плохо отозвался об осенней работе театра над “Тунги сарын” самый авторитетный, самый глубокий и ведущий наш критик — Всеказахстанский съезд советов? Разве он не был в основном доволен этой постановкой?

Почему же этот факт не удостаивается ни каплей внимания тов. Мусрепова? Выражаясь мягко, не будет ли поверхностным поступком опрокинуть одним пинком положительную оценку, данную лучшими людьми края театру?

А беспомощная попытка оправдаться тем, что тогда, мол, мы запоздали с высказыванием, не ответ, конечно, театру. Допустим, что тогда “запоздали”, но теперь же, когда стал высказываться об “Аркалыке” и приписал театру всяческие пороки, справедливо разве снова забыть об отмеченном общественностью недавнем труде театра? Или “Аркалык” должен заслонить и поставить крест над всем положительным прошлым?

Если бы критик не ополчился преднамеренно на театр, не стал бы, конечно, свою критику строить на одних недостатках. Он учел бы необходимость разностороннего объективного подхода.

Что бы сказал сам тов. Мусрепов, если бы мы попробовали применить его метод к нему же самому и взяли, отбросив все остальное содержание “Социалды Казахстан”, один только раздел объявлений и, устанавливая неотесанность языка, неправильность синтаксиса и непонятность смысла отдельных в нем выражений, сделали бы о редакторах вывод, говоря словами тов. Мусрепова, “прикрываются ленивостью, недисциплинированностью и отсутствием прилежания”?

Театр буквально бедствует в отношении нового, революционного репертуара. И об этом тов. Мусрепов упоминает только сегодня, а руководство и весь коллектив театра бьет тревогу ежегодно и постоянно просит новые пьесы. Чтобы заполучить такие произведения, театр заключил в течение последних лет ряд договоров с авторами, заранее снабдив их и авансами. Кроме того, в начале этого года актеры театра составили несколько делегаций и ходили с требованием новых пьес ко всем крупным казахским писателям. В том числе были и у тов. Мусрепова. Но все же обещанную им пьесу “Шабул” тов. Мусрепов не вручил театру до сих пор. К тому, вот уже скоро проходит год, как объявлен конкурс нашего Совнаркома и Наркомпроса на лучшие пьесы. А поступила ли до сих пор хоть одна пьеса от таких наших крупных писателей, как тов. Мусрепов? Нет, не поступало. Тогда к чему такая притворная наивность, утверждающая, что театр оторвался от писателей. Так-то отрывается театр от писателя? Надо быть объективным и необходимо сказать, не театр оторвался от писателей, а писатели оторвались от театра.

Тов. Мусрепов пишет: “По мнению Кадырбаева и Ауэзова, зрители не пойдут на пьесы, иллюстрирующие борьбу”. Кадырбаев новый работник в театре. Он один из инициаторов объявления упомянутого конкурса, и по его же инициативе ходили делегации актеров к нашим писателям. И Ауэзов тоже не думает так. Если бы это было верно, то он не написал бы пьесы: “За октябрь”, “Борьбу”, “Тунги сарын” и не принял бы за новую пьесу “о новом человеке”, над которой работает он сейчас. Иначе он и не пришел бы в лагерь советских писателей.

Последним обвинением против театра тов. Мусрепов выставляет “наличие вокруг театра самознательства, букваль-

но говорят все знаем сами”. Если упомянутое вами “окружение” театра действительно говорит “все знаем сами, а другие ничего не знают”, то это можно назвать “самознайством”. Тогда театр избегал бы поддержки и помощи других. Но если театр, с одной стороны, только и просит новые пьесы от писателей, а с другой — выясняет и просит шефской, культурной помощи от всех передовых театров Союза, это, конечно, не признание “самознайства”. Несмотря на это, если вы “узрели” самознайство в уверенности театра в свои силы, в том необходимом залоге продуктивной работы, тогда, конечно, непоправимы наши беды.

ЖЕҢЕМІЗ БІЗ, ЖЕҢЕМІЗ

Немістің азғындаған аз ғана тобын ардақты жандар етіп, басқа елдерді түгел құлдыққа салғысы келетін фашизм – барлық адам баласының қастасқан жауы. Әсіресе, кара түнек заманды басынан өткізіп, Ұлы Октябрь арқасында теңдік алған елдерді қатты безіндіреді, қайтпас ашуын қайнатады. Батыс елдеріне кара түнек орнатқан қанды жол фашизм бұл жаулығын әлем алдында өзі әйгіледі. Даласын қанға бояп, қаласын қапасқа айналдырған фашизм адам баласынан аяушылық күте алмайды. Сондықтан да басып алған батыс елдерінен жемтіктес топ тапса да, тілектес ел таба алған жоқ. Өйткені ол қай елдің болса да елдік намысын аяққа басып, кейінгі ұрпаққа мәңгілік етіп қалдырып келген қымбатты мұраларын қиратумен келеді. Барлық елдердің өткені мен қазіргі өмірінде, иә болмаса келешегінде фашизмнің бағалар түгі жоқ. Оның орнатпағы – озбырлық, қорлық, құлдық.

Түн жамылып келіп ұлы Отанымызға соқтыққан қанішер фашизм әрбір совет адамының ең қасиетті кегін оятады. Әрбір совет адамы – майданда да, өндірісте де осы кектің жауынгері.

Адам баласының барлық игі ісіне, алдағы тілегіне түгел жауыққан фашизм жендеттерінің бірі Геббельс – “менің көзімше біреу мәдениет жайын сөз қылса, мен мылтығымның құлағын қайыра бастаймын” дегені совет елінің мәдениет күштерінің жүрегіне атылған оқтай тиеді. Ысқырған аждаһа үнін оқпен өшіруде. Біз, совет жазушылары, әзірміз. Ұлы ақын Александр Пушкин айтқан: улы анчар ағаштың тамырын тартпай, тұқылымен қопарып тастайтын күн туды¹.

Біз күреспен алған бостандығымызды, еңбек сіңірген жерімізді, өзіміз орнатқан бақытты өмірімізді, озғын мәдениетімізді, бүкіл езілген жанның көзін тіккен шаруашылығындай ұлы Отанымызды аянбай қорғаймыз.

Әділет біздің жақта. Жау аптығы тез басылады. Жеңетін біз, жеңеміз. Ұлы Отан соғысының туы жеңеді.

ӘР ТЫНЫСЫҢ “ОТАН” ДЕЙТІН КҮН БҮГІН

Күн астында көк жайын боп, тыныш теңіз тербеледі. Байтақ Балқаш бетінен кеш самалы келеді. Сол самал жел жылжытқан көкше, мөлдір көп толқын бүгін Ертіс жағасынан дағдыдан тыс күй көрді. Қою будақ түгіні бар мұнарадай мұржалар емес таң қылған. Әсемдігіне Алматының өзі қызығарлық өңшен бес қабат тас үйлі жаңа қала да емес бүгін бөлек көрінген. Теңізге таман төніп келген, күдір белді бір тепсең бар еді. Соның барлық алаң-атырабын өзгеше қалың толқын басыпты. Салқын, сұйық теңіз толқыны емес. Ағылған адам толқыны. Қою, қалың, қайнар толқын. Нөсер әкеле жатқан бұлттай бүктеліп булыққан, кейде көсіліп шалқыған ерен қуат толқыны. Осы толқын үстінде қанатты ұран қалқып келеді... Қазіргі сағатта жүздер жүрегінен, мындар миынан атылып шыққан асыл ұран. Ел тынысының атойы сияқты боп, айшықты қызыл тулар желпініп келеді. Бұл келе жатқан еңбек елі. Осы сәтте “Отаным” деген жалғыз ұранды еске алған. Баяғының батырынша бекем басып, Арқаның қоңыр салқын самалын төске алып, айдынды ашумен жиылып жатқан халық қолы...

Жиылған мыс заводының мойымас металшылары, байыту фабрикасының шыныққан шеберлері. Жаңа да электрлі Балқаш, балықты Балқаш, жол транспорт халқы, партия, совет басшылығы, оқушы, қызметші жұртшылығы келеді. Аналы, балалы Балқаш, қарт қайраткер, жас жігер Балқашы — баршасы да толқыннан толқын молайтып, қалың жойқын шептей боп тоғысты. “Достарым менің” деп, аяулы Отанына, асыл ана халқына, халқының жігерлі жүрегіне жолдаған ардақты қамқор сәлемін 15 мыңнан асқан айбынды жиын қыбыр етпей тыңдап шықты.

Осы жиын жүзінің өзінен-ақ, бүгін осы сәтте барлық Советтер Одағының сан миллион халқының жүрегі қалай

соққанын, жігері қалай тасқанын, ашуы қалай алып-ұшып тұрғанын тану қиын емес. Алып тынысы аспан атады. Жан ашуы теңіз бетін шарпығандай. Тістенген жақтарда, қадалған қайрат – көздерде болсын, бір-ақ қана жауап тұр. “Жойылады, жерге қағылады, аты өшеді жайын жынның” деген бір ғана бұйрық-байлау. Осындай өктем өкім ұғасын тебіренген телегейден.

Бар металшы атынан: “Жау жауабы артық іс. Майдан тілеген асыл мыс. Бар күшіміз батыр майдан жолына. Әрбір тірлік тынысымыз... сүйікті Отан арына ғана арналды” – деп завод үнін Щербак жолдас жеткізді.

“Аяну жоқ, әзірміз. Совет сұңқарлары жау аспанына біз жіберген ажал оғын жұмсасын. Еңбегіміз Отан керегіне жараса, тірлігіміз сонда ғана жарасар” дейді, байыту фабрикасының тобынан берік сертін әкелген инженер Кәдіржанов жолдас.

Аясы кең көл бетін сертіне күә етіп, осы кеште салмақты сақ-сақ үнменен ақын да асқақ жыр атты. Жаудың жүзін тілім-тілім етерлік, қылыштай қатал кәр жұмсап еді бүгін ел...

Келесі кешкі сағатта жүрекке берік қайрат алып, тастүйін боп тараған жұрт дағдылы түн тыныштығын іздеп кеткен жоқ. Станоктарға, секцияларға, қайнар қазандарға, паровоз котелдерге, агрегаттарға барып-барып, сергек жүзбен кезекке тұрды. Балқаштың барлық мол-мол цехтары бұл күндерде аралары алшақ-алшақ жатқанына қарамай, бір-ақ қимыл үстіндегі бір ғана күйлі агрегаттай зыр қақты. Дүрілдеген, сытырлаған, гуіл қаққан күшті, бапты механизмдер Балқаш жұртшылығының бүгін күндіз дүр-дүр сілкінген, қырандай қаптал қайратын паш еткен тәрізді. Ертеңіне, келер күндерге өнім өктегенін қысқа тілді, мол мағыналы цифрлар баян етті. Қоңыр адыр Қоңыраттан кен кемерлеп асқанда, көкше теңіз жағасындағы асқақ мұржалы заводтан мыс та тасқып, толықсып ақты.

Басқа бір жайда, адам қалпын алсаң, көңіл таразысы сөз дер ең. Бірақ күйлі Балқаш жайын айтсаң, кешегі кекпен түйілген ел көңілін мықты санды мыстан сына. Сол себепті мұнда да даурық жоқ, дабыл жоқ. Өзді-өз міндетіне үндемей төнген табандылық, шыдам бар.

Осы жайдың айрықша көрінісін Қоңырат байкатады. Алыстан естілетін дақпыртын айтпай, жақыннан көрген шынын айтсаң да Балқаш, Қоңырат механиканың ең жаңа, ең мығым, ең өнімді аспаптарына мейлінше мол. Сол жайын меже қып, Қоңыратқа келгенде, қайнар қазан жағасына келгендей, құжынаған қимыл, сапырылыскан сап-сап топтар көрермін дейсің. Әсіресе, кешегідей отаншыл ұран салған қайрат қауымы, бүгін енді біржола бар ашуын сыртқа сап, буы аспанға шыққан әбігер қимыл соңында шығар дейсің. Бірақ Қоңыраттың кең қолатты кернеп алған көп горизонттарына¹ алғашқы рет қарағанда басқаша, тосын күй көресің. Әуелі, демалыс, тыныс уағы ма екен деп те қаласың. Бірақ Балқаш, Қоңырат, қайсысы болсын, бірнеше кезекпен күнтүн тынбай істейтіні есіңе түседі де, “бұ қалай” дейсің. Кен арнасында қауырт топ жоқ. Адам сирек және жым-жырт сияқты. Рас, жұмыс желісі бұнда тар лавадай² бір қуысқа түйілген емес. Әлденеше иір-иір горизонттардың бір шеті мен бір шеті талайға кеткен. Ойдан өрге, жотадан жақпарға жеткен. Бірақ сонда да сарт-сұрт ырғақ, сарп ұрған жігер қайда? Осындай оқшау сұраулар әуелгі минуттер көңілге келгенмен, аз аял қылсаң, айыға бастайды. Бір қойнаудан бұлқынып взрыв³ атылды. Байқай тұрсаң, бір салада өнімді жүріспен өрге басып, электр поезы жосып барады. Артында мол тіркеулері, гаңдола⁴ атты ашық вагондары. Тағы бір кабаттан ылди қарай беттеген өзге бірнеше электровоз. Олар думпкар⁵ атты вагондар тартып, кен әкетіп барады. Ойдағы кең далаға бір кез бос порода (керексіз тас топырақ) апарылып, төгіліп жатыр. Қоңырат өз өзгешелігін енді-енді танытып келеді. Мұндай мол кенді бұлайша ашық карьермен алу бүкіл біздің Одақта, тіпті бүкіл дүниеде де некен-саяқ. Өзінің айрықша қимыл-қарекеті бар кен арнасы енбегін де ерекше құралдармен айрықша бір жөнге салыпты. Мұндағы еңбек адамы механиканы мықтап жеккен. Сол себепті үн шығарса, еңсесі биік экскаватор шығарады. Екпінді электровоз еседі. Еңкейіп асап, шалқайып төгіп, қоңыр таудың тас кеудесін кеміріп жатқан экскаваторлар мұнда біреу емес, әлденешеу. Бір текті емес, әлденеше атаның ұлындай. Алыс Америкадан келгені, батыс қиырдан келгені, өзіміздің Орал заводынан келгені — барлығы да баппен қозғалып, батпан қайрат етіп жатыр. Кен денесі жақында. Соған ендеп түсуді

ойлаған Қоңырат бүгінде горизонттарда, көбінесе, жердің бет қыртысын алып, кен қабығын аршып жатыр. “Қабық” деген сөз, жалғыз-ақ, бұл тұста өзгеше түсінуді керек етеді. Ол кертілген бел, жапырылған жартас, төңкерілген төбелер. Сол жон-жоталардың жүйе-жүйесіне бұрғы станогы – Армстронг бұрғысы⁶ терең-терең індер қазып береді де, оқтын-оқтын аталған үлкенді-кішілі взрывтар жұмыс желісін тарта береді. Міне, осы істердің бәрінің басында аз-аз, селдір-селдір ғана топ көресің. Бірақ Отан күткен қымбат кенді кідіртпей, күндіз-түн демей, ақтарып алып, атқарып жөнелтіп тұрған осы үнсіз, шусыз өктем топ.

Кең қолатқа құрыш болаттың неше алуанын айдап салып, асқын қимыл етіп жатқан Қоңырат талай толқын ой келтіреді.

Қос қалалы Қоңырат болсын, зәулім заводы бар Балқаш болсын, бәрі де өзгеше бір жаңа дәурен туғызған, соншалық асыл, сондайлық ыстық көрінетін әсем дүние. Бұларда адам жайы жанғырған, өзгеше де, ерекше. Завод пен кеннің бар керекке кенелгенін былай қойып, өзге барлық қоршауын алсаң, онысы да оқшау тұр. Сәулетті сарайлар, сұлу үйлер осы еңбектің ерлерінің жайы. Балқаштың тақыр жондарында жайнаған жаңа қалалар тұр. Көгеріп гүл бақ жайқалса, жалтырап жарық та нұр атады. Қызығына клубтар, ұлқызына үлгілі мектептер – үйреншікті ұядай.

Дәл осындай Қарағандыны ал! Екеуін де жақсы дәурен кенжесі дейсің. Асса Одақтың, қалса Қазақстанның берекелі өлкелері. Біреуі Одақтағы үштің бірі аталғанда, біреуі дүниедегі мол запастың бірімін дейді.

Екеуінің де қалың қатар қауымын көр. Кешегі кезеген көшпелі елдің бақташы балаларының өзінен шыққан азаматтарын көр. Шетел байларының “қара мойын құл” деген Түсіптері бұл күнде сол шахтадағы білікті де сүйікті, белді басшы. Әрі инженер, әрі партком секретары Байжұмановтар бір буын. Ата-бабалары иісін сезбеген ұлы заңғар істердің тетігін де, жетегін де өздері біліп отырған осылар. Механикалы шахтаның мықты инженері жас Әзімбаев, Балқаштағы байыту фабрикасының бас инженері Кәдіржанов, Төлегеновтер, Қоңыраттағы Мұстафиндер, немесе қатардағы забойщиктен бастап, участке бастығы, шахтком директоры, партком секретары боп отырған Ахтанов, Нұрғалиев, Рысбеков,

Біргебаев сияқты талай жастар, талай азаматтар кешелер ғана құба жондарда қой соңында тағдырына лағынет айтқан жаралы жастар емес пе еді? Қандай қайрат, жоқтан бар ғып, қан қазынадай сәулет салды. Қандай жүрек осыншалық еміреніп сүйіп кеп, ежелгі жабайы даладан осындай ерке ел туғызды. От басынан ойы ұзамаған өлкеге алып ұранды Отан берді. Сан миллион бауыр менен туыс берді. Басына — білім, жүрегіне жігер құйды. Алдынан әлем көрмеген жарық жұлдызын, бақ жұлдызын жақты. Ендеше, майданда бол, шахтада бол, завод пенен колхозда бол, өнер-білім өрінде бол, “ненді қорғайсың, кімінді қорғайсың?” дер болса, айтар жауап ауызда әзір емес пе? Нені қорғамайық, кімімізді қорғамай іркілейік? Біздің буын былай тұрсын, бағы заман өзінде де ер еліміз өз өмірін қорғамап па еді? Ерлігімен де, еңбегімен де қорғаған. Онда өлке өгей анадай еді. Жалғыз салған дүкені жоқ, жалғыз өсірген үйенкісі жоқ болса да, тұлдыр даладағы бұлдыр күнінің өзін де соншалық өктеп қорғап еді. Онда өнер алыста, бақ-береке ертегіде ғана болушы еді. Сонда да жанын ортаға салған Қобыландыдай, Қамбардай батырлық тапқан бұл халық. Ол күнде көл бетінде көпіршіген көбіктей, сар жондағы қанбақтай киіз үй ғана көшіп еді. Сонысын да қимаған. Ал бүгінгі алтын Отан өлкелерінде, қалалары мен құт далаларында, елдері мен ерлерінде жауға қияр бір тал түгіміз бар ма? Солар үшін күймей тұрар ұл, қыз бар ма? Күйсе қорғамай қала ма? Еңбегімен лавада, горизонтта, агрегатта⁷ бір қорғаса, төсін төсеп майданда да қорғайды. Еріне елі қорған болғанда, елінен ері жанын аямайды.

Ендеше, өмір-талап ер дегізер еңбек үшін! Еңбек, өмір — бәрі де ұлым деген Отан үшін!

Әр жүректен ерлік атсын шын бүгін,
Әр тынысын “Отан” дейтін күн бүгін!

ОКРЫЛЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО

Еще люди не научились петь, когда легендарный Коркуд скитался по земле, ища избавления от смерти. Как повествует казахская легенда, Коркуд изобрел первый на земле музыкальный инструмент — кобыз и, сев на ковер, расстеленный на реке, поведал миру охватившую его мечту о бессмертии человека. Предание говорит, что Коркуд погиб для семьи и друзей. Уйдя в грядущее, он вернулся для человечества, вечно зовя к подвигу. Он — один из тех, кто обрел бессмертие благодаря высокому стремлению духа, сердца и воли. Теми же порывами отмечена героика наших дней, когда воля к победе одухотворяет высокие взлеты творчества во всех областях жизни великой страны. Этой именно особенностью отмечены и стремления деятелей литературы, искусства и науки Казахстана. Великий подвиг народа окрыляет творческую мысль. Не случайно поэтому особое внимание литераторов, художников и композиторов Казахстана привлекают такие люди, как классик казахской поэзии Абай, как Чокан Валиханов, как герой гражданской войны Амангельды Иманов.

Сроднивши свое творчество с великими русскими писателями XIX века, Абай Кунанбаев обрел особую притягательную силу к своему имени теперь, в дни боевого испытания народов Советского Союза. Сейчас под сводами огромного здания алма-атинского Дворца культуры ведется деятельная подготовка к производству художественного фильма “Абай”¹.

Казахский государственный академический театр оперы и балета после премьеры оперы “Чио-Чио-сан”², впервые поставленной на казахском языке, приступил к разучиванию партий новой оперы “Абай”³, написанной композито-

рами Жубановым и Хамиди. Под руководством Союза писателей Казахстана подготовлен к печати русский перевод первой книги романа “Абай” Ауэзова. Филиал Академии наук совместно с Казахским институтом истории языка и литературы работает над академическим изданием полного собрания сочинений Абая на казахском и русском языках.

В наши дни, естественно, вырос интерес и к образу прославленного героя Казахстана XIX века – к Чокану Валиханову. Он широко пропагандировал в Казахстане Россию Пушкина, Белинского, Чернышевского. Историческую пьесу о жизни и деятельности Чокана заканчивает писатель Муканов⁴.

Три великих человека в недавней истории казахского народа – Абай, Чокан и Амангельды⁵ едины в нашем восприятии, как люди, отметившие своими творениями пути развития своего народа. Это они сквозь все преграды религиозной косности, застоя феодально-родового быта, национальной розни ориентировали казахский народ на путь передовой культуры, на дружбу с великим русским народом. Своей деятельностью они привели свой народ к тесному духовному сближению с вековыми ценностями русской культуры, с передовыми идеями русского революционного движения.

Художественно-творческая и научно-исследовательская деятельность интеллигенции Казахстана органически связана с новыми явлениями культурной и научной жизни республики. Проведенный недавно в Алма-Ате республиканский “айтыс”⁶ – публичные состязания акынов восьми областей Казахстана – имел объединяющей темой героику фронта и тыла. В целой серии героических поэм акыны Баймуратов, Байганин, Жантобетов, поэты Токмагамбетов, Орманов, Тажибаев воспели подвиги Героев Советского Союза Тулегена Тохтарова, Малика Габдуллина и 28 легендарных панфиловцев. Акына Байзакова⁷ часто можно встретить сейчас в казахских колхозах. Он поет там сложенные им самим эпические поэмы об Александре Невском, Суворове, Кутузове, о героях Отечественной войны советского народа с немецкими захватчиками.

Группа поэтов и писателей – Тажибаев, Мусрепов, Муканов, Хусаинов, Абишев – творчески воссоздают образ

казахской девушки Маншук Маметовой⁸, первой из восточных женщин удостоенной звания Героя Советского Союза.

Особо выдающаяся роль в научной жизни казахской столицы принадлежит коллективу ученых из Института языка и мышления Академии наук СССР, возглавляемого академиком Мещаниновым⁹. За последние годы в стенах этого института проведена крупная научная работа, воспитана большая группа ученых-казахов. Здесь недавно защитили публичные диссертации на степень доктора филологических наук казахские ученые Сауранбаев¹⁰ и Кенесбаев¹¹, степень доктора искусствоведческих наук получил ученый и композитор Ахмед Жубанов.

В научный оперативный штаб военно-хозяйственного значения превращен казахский филиал Академии наук СССР, возглавляемый лауреатом Сталинской премии доктором минералогических наук Сатпаевым. Достаточно сказать, что сейчас почти еженедельно отправляются во все концы республики изыскательские партии по обнаружению новых источников военно-стратегического сырья из щедрых недр необъятного Казахстана.

Трудиться во имя одной великой задачи — помощи родине, ускорения полной победы над немецко-фашистскими захватчиками — стало вдохновляющей идеей людей науки и искусства нашей республики.

Киносценарій

РАЙХАН

Литературный сценарий
художественного фильма

І часть

Вереницей проходят скакуны перед огромным множеством всадников, стоящих на холме. На скакунах мальчишки. Они одето пестро. У всех скакунов украшены челки, а раздвоенные хвосты обвязаны посередине лентами.

Толпа зашевелилась при появлении первых коней. Оживлены все лица.

– Кони! Скакуны!

– Идут напоказ! – заговорили разом.

Теснится толпа, с восторгом встречает скаковых коней, идущих шагом один за другим. Ритмично закидывая голову и покачивая украшенной челкой, идет Вороной.

– Это старый Вороной!

– Старый, но стройный.

– Ну, ему смерть ближе, чем приз.

(Проходит вороной скакун.)

– А это знаменитый Аккум.

– Ух, какой важный, дьявол! – замечает Болат, стоящий в группе бедняков. С ним Есим, Иса, Бекберген.

– Наш, наш идет – Рыжка!

– Смотри, Рыжак, не осрамись!

(Проходит рыжий скакун.)

– А это?

– Чалый из города! Городского купца!

– Ну, это тебе не спекуляция!

– Знай, хитростью не возьмешь!

– А вон, смотри.

– Акбесты!

– Акбесты!

– Акбесты! – проходит по всей толпе еще более оживленный говор. Разряженный особо и покрытый красивой попоной проходит Акбесты.

– Ишь, бай Жексен разодел его лучше даже своей невесты...

– Он женится не первый раз, не ахти какое событие. И этот той устраивает для тебя, Акбесты!

– Он женился, а тебе что за радость, Акбесты.

– Уступи нашему Рыжке, слышишь!

В середине толпы всадников бай Жексен. Он любовно смотрит на Акбесты.

Его окружают сын Самат, брат Сарсен и еще большая группа баев, стариков.

– Бай, твой Акбесты в хорошем теле!

– Хорошо подготовлен!

– Да будет счастлив твой той!

– Желаем счастья с твоей молодой женой! – приветствуют его вновь подъезжающие гости – старики.

– А сколько всего скакунов?

– За тридцать уже.

– Нет, сорок.

– Сорок скакунов-соперников.

– А какое расстояние скачки, бай? – обращается старик к Жексену.

– Тридцать верст.

– День жаркий. Кони могут не дойти. Лучше бы поменьше.

– Зато сильные придут. Кому жаль своего добра, пусть не пускает, – смеется бай.

– Пора отправлять коней.

– Пора! Отправляйте, – распоряжается бай.

Кони сгрудились, пошли рысцей по направлению желтых холмов. Уходят пестрой группой, скоро проглатываются клубами серой густой пыли.

Толпа на холме тронулась к аулу.

– На угощение, на угощение в аул! – скачут верховые джигиты и зовут гостей в сторону многочисленных юрт в долине. Двадцать-тридцать белых юрт выставлены рядами, они тянутся вереницей по берегу горной речки, туда стекаются всадники с холма. Их встречают Жексен, Самат, Сарсен на улице. Распределяют гостей группами по юртам.

Вдали аул бая. Там дымятся очаги, костры, из множества огромных казанов вываливаются куски мяса. Целые горы. Бай и старшая жена ходят здесь, делают указания. Широкие

деревянные блюда наполняются мясом, быстро подносятся верховым.

Десять-двадцать джигитов на разгоряченных конях один за другим скачут с блюдами к юртам, галопом подсакивают и подают к дверям, скачут вновь и подают снова и снова. Пешие джигиты принимают и вносят в юрты. А в юртах по две огромных сабы (*кожаные бурдюки*), наполненных кумысом. Разливают из огромных мисок в кесе, поминутно наполняют миски из сабы. Так угощаются все юрты. В одной юрте кузнец Андрей, Болат, Иса, Бекберген, с ними молодой человек, одетый полуевропейски, — Салим. К ним входят бай и несколько аксакалов.

— Кушайте на здоровье, друзья! Вы самые желанные гости, новые гости мои. Для вас, для вас все мои угощения, все почести.

— Разве бай плох? Разве он жалеет что-нибудь для вас? — вторит ему аксакал.

— Вот все мои яства, все мои юрты, все в пользу вашу, а вы говорите бай... бай плохие? — подстиляется бай.

— Не разбавляй свой кумыс хитростью, бай, — отвечает кузнец.

— Иначе колом застрянет в горле, — говорит Бекберген.

— Все для вас. От всей души.

— Угощать на тое — обычай давний, а вот угощение подслащивать языком — это обычай новый и твой, бай, — смеется Болат.

На улице к юртам подсакивают галопом джигиты и громко кличут:

— Скачут кони! Кони! Скакуны!

— Уже близко!

Во всех юртах всполошились гости, выбегают густыми потоками, второпях садятся на коней и скачут, скачут к холму. Смотрят вдаль: еле уловимой тонкой нитью вздымается пыль на гребне далекого холма. Пыль все отчетливее. Вспыхивают клубок за клубком на гребне.

В это время в горячем состязании скачут взмыленные скакуны. В гущи Акбесты и Рыжка. Их головы поравнялись и выделились из гущи. Не упускают друг друга.

Вереницей тянутся остальные кони. В ожидающей толпе нетерпение. Подъезжают верховые к баю. У него бинокль.

Бай усмехнулся.

– Отделились один белой, а другой темной масти. Это скачут рядом Акбесты и Рыжка.

– А чей конь?

– Какой конь? – торопливо спрашивают у бая.

– Трудно распознать... далеко! – а сам наклоняется к Сарсену: – Один наш Акбесты – скачите, выручайте. Соперник опасный...

В это время голова Рыжего впереди Акбесты, но нагоняет Акбесты, снова рядом.

Вот поравнялись скакуны с передней группой ожидающих всадников. Среди них Самат и Сарсен. Самат приказывает Асану: “Задержи Рыжего”, – сам скачет и поравнявшись с Акбесты, берет его повод, тянет, кличет предков.

– Сатай! Помоги! Сат-тай! Предки! Предки мои! Аруах! Аруах! – подскочили десять-двадцать всадников, скачут, окружив Акбесты. Одни хлещут, другие тянут – спереди, с боков, со всех сторон. Взмыленный, измученный Акбесты не сдается в тесном кольце скачущих.

Идет рядом Рыжий, у него почти нет помощников. Встречающие вдали. Но Рыжий не отстает от Акбесты... Злобно смотрят на него Самат, Сарсен... В это время сбоку наперерез Рыжему скачет Асан. Кричит мальчику:

– Дай повод, дай повод, поташу!

Мальчик не смог повернуть. Ударился о коня Асана. Рыжий падает на скаку. Он отстал. Акбесты ушел далеко. Асан сажает мальчика.

– Бедный, несчастный Рыжий, что же это с тобой! – говорит Асан и проворно целует мальчика, делает вид, что помогает ему, а сам хлещет беспощадно утомленного коня. Скачут один за другим отставшие кони. Двое коней, изнуренных скачкой и жарой, пали в пути.

Акбесты – победитель в скачке. Теперь он шагает медленно в кругу ликующих хозяев.

– Разве плох бай, взрастивший такого скакуна? – лебезит старик около бая.

– Сам бог нам в помощь. Он всевышний, наше счастье возвысил над всеми, – говорит бай.

Вывались из тесного окружения баб, собравшихся на той, Райхан и ее мать. Они вдвоем в поле около аула бая. Райхан снимает с головы тяжелый, душный убор невесты; обе

женщины смотрят, подавленные, горестные, друг на друга. Райхан с рыданием бросается к матери.

Подходит акын Бекберген, с ним Салим. Акын обнимает голову Райхан. Мать Райхан говорит ему с укором:

– Мы сироты. Я была в долгу у бая. Вынудили. А ты мужчина, ее дядя родной. Где была твоя жалость до сих пор?

– А ты зачем отдала?

– Где ты был раньше? Где защита твоя?

Салим с грустью говорит Райхан:

– Райхан, не слезы нужны, а заявление в суд. Свобода есть свобода!

– Где вы были до сих пор? – сердито обрывает Райхан.

– Заявление, заявление в суд, – говорит Салим и отворачивается, скрывая свои слезы.

Бай Жексен посылает старшую жену за Райхан. Байбише застаёт Райхан с родными, всю в слезах... уводит ее с собой.

Печально смотрит вслед племяннице акын. Перебирает слова грустной песни:

– Только слезы вижу я, только слезы льют песни мои.

Пришли кузнец, Есим, Болат, Иса.

– Мы редко видимся. Далеки друг от друга. Батраки у разных концов байских аулов. А нам следует объединиться, – говорит Болат. – Нужно быть вместе. Для этого нужно поселиться осенью в долине Бала-Шакпак, – говорит кузнец.

– Давно пора.

– Пора, да долину Шакпак бай не уступает.

Приходит бай. Кузнец выступил вперед.

– Бай, Бала-Шакпак нужен нам.

– Для чего вам?

– Новую жизнь начнем... Вон горы, вот долины твои, долго ты владеешь, а ничего нового не прибавил.

– Врете, прибавил. Не видишь Акбесты?

– Горы безлюдны, долины пустынные. А жирные места.

Мы построим селения.

– Не позволю.

– Мы хлеб посеём там.

– Не дам. Там должны пастись стада. Есть ли хоть один пучок ковыля, которого не щипали бы овцы? Что вы понимаете! Скотина ведь для казы. Для кого я ращу и множу?

– Скот ты не растишь.

– Да, а кто же?

Подошел и слушает этот разговор Самат.

– Стада множат бараны, а табуны множат жеребцы, ты при чем, ты и заботу даже не имеешь от них! А мы возьмем, так зацветет по-новому долина, построим селение и вот соберем сено на Шакпаке. Ты не кочуй туда.

Самат:

– Нет, друзья! Это напрасный разговор. Земля стала казенной, как и наши стада. Вот бумага от земотдела. Советская власть сама закрепила за нами землю за то, что растим породистый табун.

Сказав это, Самат постоял молча и уходит с отцом.

– Жизнь порознь – жизнь собачья. Ищи заступников.

– Бейся, бейся за долину Бала-Шакпак, Андрей, – говорят батраки. В тяжелом раздумье, молча побрели они к аулу.

II часть

В ночь.

Вубранной юрте полог, постель невесты. Вошел бай, долго кашляет. Райхан нервно сжалась. На голове у нее желез (*тяжелый головной убор невесты*). Стоит полузакутавшись в полог. С каждым движением Жексена ее правая рука сжимает, тискает в горсть часть полога. Старик снял халат. Исподлобья посматривает на Райхан. Сел на высокую постель и протянул ногу к Райхан. Райхан медленно нагнулась, сняла ичиги с ног бая. Снаружи с двух сторон юрты в отверстия кошмы впились глаза двух старших жен бая. С других сторон юрты жадно смотрят другие женщины-старухи. Две жены смотрят в отверстия, постоянно приближаясь друг к другу. У одного отверстия стукнулись головами, померялись взглядом. Враждебные, мстительные взгляды. В юрте, ложась в постель, старик потребовал:

– Подай рожок!

Райхан подала.

Долго втягивает старик носовый табак в ноздри. Сунул рожок в руку Райхан. Лег. Райхан подержала рожок, бросила вниз. Вышла за полог. Испуганно съежилась. Села с рыданием. Старик перевернулся в постели. Ждет. Ждет недоумевая. Райхан сидит. На улице старшая жена позвала старуху:

– Неси в юрту “молодых” таз с кумганом. Нужно для омовения их утром... если понадобится это омовение... (*Хихикают.*)

Старуха внесла в юрту громадный таз и кумган, наполненный водой. Ходит обезьяной, смотрит с жадным любопытством. Ушла. Старик рывкнул:

– Эй, поди сюда!

Райхан не смотрит. Бай рывком распахнул полог.

– Что, прилипла? Иди!

Райхан неподвижна.

Стоящие снаружи бабы томятся в нетерпении, впиваются в одно большое отверстие. Старик подошел к Райхан. Дернул за плечо. Она упала лицом на землю. Дрожат ее плечи. Когда потянул старик, она впилась руками в землю. Старик потянул за руку. Она с силой отдернула руку. Бай закачался, упал на полог и, сдернув его, распластался поперек постели. Поднявшись, с яростью подошел и ударил Райхан ногой. Райхан, вспыхнув, гневно вскочила, посмотрела в глаза со злобной ненавистью и уперлась спиной о решетчатую стену юрты. Старик медленно отступает. Сел на постель, вздохнул, опустил голову. Разминает свою спину. Донеслись до Райхан смешки снаружи. Она быстро взглянула на горевшую посередине юрты на полу лампу. Подошла быстрыми решительными шагами и ударила ее ногой. Лампа, падая, потухла. Наступил мрак. Лишь на улице разочарованы, бессильно озлоблены.

Утром вышел старик. Две жены и старухи торопливо, воровски забежали в юрту. Райхан не смотрит на них. Вышла. Женщины подбежали к тазу. Сухо. Впились глазами в землю. Щупают руками – сухо. Старшая жена взяла кумган, открыла крышку. Полно воды. Молодожены пока безгрешны. Омовение пока не понадобилось. Засмеялись с удовлетворением. Смеялись долго. Сердито посмотрел на них вошедший старик. Женщины не могут унять. Старик оглядывается вокруг, снял узду со стены и начал поочередно бить обеих жен. Вошла Райхан. На голову поднял халат. Побитые жены выбежали наружу. Смеются снова.

Старик сдернул халат с головы Райхан. Ударил уздой по подолу. Райхан снова посмотрела с яростью. Старик смотрит в упор.

– В тебе сидит бес! Умертвлю его! Иначе сгинешь у моего порога!

В ту же ночь.

Сурово и одиноко высится в ночном небе пустынный холм. Ровные, округлые очертания его освещены полной

луной. Редкий ковыль на гребне холма клонит долу ночной ветер. Осторожной поступью поднимается на вершину холма старый матерый волк. Смотрит вниз, в долину. Поводит носом, нервно скребет землю передними и задними лапами поочередно. Рвет и отбрасывает комья земли. Вздывается пыль из-под его ног. Остановился. Идут еще волки: второй, третий... целая стая. Поднялись на холм поодаль друг от друга. Уши всех стрелами направлены вниз, в долину. Затрепетали, часто переступают с лапы на лапу. Сели один за другим на задние лапы. Ждут чего-то. Прилег матерый волк на холме. Легла вся стая. Притаились. А в долине навстречу волкам идет косяк лошадей. Среди них малые жеребята, годовалые таи. Косяк в тридцать лошадей ведет, щипая траву, изнуренный дневной скачкой Акбесты. На склоне холма он отстал, жадно щиплет ковыль. Косяк ушел вперед. Вдруг заржал жеребенок, заржали таи и все жеребята. Тревожно заржал весь косяк, разом отдернул свою голову от земли Акбесты. Посмотрел вдаль. Помчался, раскидывая гриву в сторону косяка.

Мчались волки к косяку.

Кобылицы в неистовом ржании сбились в кучу. Взяли в середину испуганно фыркающих жеребят. Стали головами в сторону волков. Прискакал Акбесты. Яростно прижал уши назад, опустил шею и разом ретиво бросился в сторону волков. Матерый волк, подскочивший первым, дрогнул перед Акбесты, отступил в сторону. С открытой пастью, высоко взбрыкивая, гонится за волками Акбесты. Косяк ржет неистово. Волки, убегая от Акбесты, несутся вокруг косяка, кружат и несутся вокруг своего косяка и Акбесты. Храпит и фыркает, норовя ударить то передней, то задней ногой подступающих волков. Облился потом, взмылен весь. Но бьется и несутся отчаянно.

Беспрестанно ржет косяк, бьет тревогу. Проснулся и сразу отдернул голову от лохмотьев Есен, спавший в дырявой юрте. Выбежал наружу.

Слышит с холма ржанье коней.

— Волки!

Побежал опрометью в гору. Бежит и впопыхах улюлюкает собак:

— Хайт! Хайт! Ай так!

Услышали волки собачий лай. Остановились. Все еще несутся вокруг косяка Акбесты.

Есим подбежал к табуну, и тут только, перед самым его лицом, стали отступать и отходить волки к вершине холма. Отошли и остановились на холме, снова вздымая пыль столбами.

Измученный Акбесты протянул морду к ласкающим рукам Есима. Ноздри его пышут жаром. Заливая глаза, текут обильные капли пота. Есим обнял его голову, гладит гриву. Треплет по нижней губе. Прижался к его голове.

– Страдалец бедный! Ты нужен только для хвастовства. Шакалы, шакалы окружают тебя.

В сонном покое дремлет большое стадо овец. Поднимается ветер. Вдали блеснула молния. Гремит дальний гром. Молнией озарило семь юрт аула. Две белые большие, пять – черные дырявые лачуги. В середине стада на изодранной кошме сидит Райхан. Кутается в старые лохмотья.

– Э-эй, хайт! Хайт!

В большой юрте не спится старшей жене бая. Подняла растрепанную голову. Смотрит на хлопающий тундик. Оделась и вышла из юрты.

– Счастлив, с молодой женой лежишь! – говорит она, смотря в сторону второй белой юрты. Рука сжалась в кулак. Стиснулись зубы. Во второй юрте проснулся и поднимается Жексен. Вторая жена смотрит вслед. Жексен выходит из юрты. Вторая жена подходит к двери:

– Потянуло к молодой токал!

Бай разыскал Райхан. Показывает на тучи. Райхан безмолвна. Бай потянул ее за плечи. Она не поворачивается, вздохнула, по-прежнему склонила голову к коленям, ежится.

– Живет еще бес внутри... Ты моложе, сильнее нас всех. Свои стада, не чужие, не спи, – говорит бай, уходя домой.

Райхан вздрогнула. Прикрыла глаза. Упрямо дернулось ее лицо. Медленно, с грустью, раскрываются ее глаза. Смотрит на мрачно нависшие, темные тучи.

Середина черных туч постепенно рассекается пробивающимся светом. Белый круг – и там всплыло улыбающееся лицо красивого юноши. Смотрит нежно на Райхан. Длинные волосы причесаны. Это портрет Салима. Он спускается по небу, как луна. Все ниже, ниже и садится за горизонт. На смотревшем с упованием лице Райхан восторг постепенно потухает, переходя в тяжелую грусть.

– Говорит “бес”. Разве бес ты? Но ты вдали, точно в небесах уже наши мечты о жизни совместной, вольной. *(На лице снова раздумье.)*

Над закрытыми тундиками сонного аула занимается заря. Уходят на выпас овцы. Место их кочевки оголилось. Среди черного овечьего помета, на изодранной кошме спит Райхан. У ее изголовья ходит пегий пес. Обнюхивает. В крайней дырявой лачуге спит Есим. Полураздетый, спит беспокойно, глотает слюну. Снятся блюдо жирного мяса, копченые казы, баранья голова. На лице Есима улыбка. Рука его тянется к блюду. Вот, близко... но блюдо отплыло. Вздрогнул. Очнулся. Холодная палка тычет его в лицо. Над головой стоит бай.

– Барин, овцы ждут тебя!

Есим увидел спящую среди двора Райхан. Отогнал собаку. Долго, грустно смотрел он на детское лицо Райхан и, тяжело вздохнув, осторожно разбудил ее, указал на юрту.

– Райхан, милая, иди спать в юрту.

Райхан посмотрела на него с благодарностью. Смотрит след и Есим. Разошлись.

Не успело подняться солнце, бай подошел к рваной постели Райхан. Заставил встать. Старшая жена приготовила два ведра и коромысло. Райхан пошла за водой. Над земляным очагом Райхан среди дыма раздувает огонь, не может разжечь. Тащит тяжелый казан. Взбивает масло в большом чану. Вьет веревку – аркан. В промежутках только присядет, подходят бай или байбише, посылают за работой.

Она доит коров, очищает от червей раны у овец. Поит хромых ягнят. Байбише посылает Райхан за кизяком. За спиной мешок, она собирает кизяк в песках. Поет песню плача. *(Песня.)* Слушает ее голос за холмом Есим. Вдыхает, слушает жадно.

В песках идет пожилая женщина, с ней – акын. Они услышали песню. Остановились. Узнали голос. Спешат к Райхан. Мать и дочь, увидев друг друга, бросились в объятия. Райхан, обессилив, грохнулась ничком.

– О родимая, что стало со мною! Рабыня я!

– Идем в аул, – говорит акын и решительно ведет женщин за собою.

Райхан пошла доить кобылиц. Подошла к жели *(привязи жеребят)*. Акбесты тянет морду к ее ведру. Райхан смотрит с улыбкой, гладит коня по морде, треплет шею.

— Из всего байского только он один друг мне. Люблю его больше всей семьи Жексена.

Есим, помогающий доить кобылиц, тоже треплет по шее Акбесты.

— И он тоже несчастный...

— Но им дорожат больше, чем мною.

— Дорожат? Нет, мучат. Я же спас его от стаи волков.

— Когда это было, а?

Есим вздохнул, опустил глаза.

— В ночь вашей свадьбы с баем.

Райхан обняла голову Акбесты:

— Друг мой по мукам. *(У нее слезы на глазах.)* В ту ночь и меня терзала стая волков.

Дома бай, акын, старшая жена и мать Райхан.

Гневно спорит акын с баем:

— В рабыню превратил, мучаешь ее!

— Она выкуплена нами, и вам нет дела больше, — говорит байбише.

— О, дитя родное, в какие звериные пасти бросила я тебя! — плачет мать Райхан. Бай притворно утешает ее:

— Не говори лишние слова. Не говори этого Райхан. Она ребенок. Не порти ее. Ведь это ее собственные табуны, ее же хозяйство. Кто же не смотрит за своим!

— Лжешь, бай! На устах у тебя молитва, а на руках когти звериные, — говорит разъяренный акын.

— Замолчи... Не заступник, а совратитель. Еще старший родственник!

— Не замолчу. А скажу громко.

— Скажешь, — передразнивает бай, — так и ждут послушать тебя, бездомника.

Акын молча берет домбру, перебирает нервно все чаще струны.

— Нет, пора, я скажу, и скажу. Чтобы слышали о стоне в долине Бала-Шакпак, о стенании в семье бая, о слезах на глазах измученной Райхан. Скажу вначале в лицо тебе... тебе! — обращается он к баю и его жене и начинает петь.

Байбише испугалась, дернула своего мужа. Бай остервенело бросается к домбре акына. Вошла Райхан. Смотрит недоумевая. Акын не дает домбры. Бай в ярости рвет струны.

Акын смерил бая жарким, суровым взглядом, перевел глаза на Райхан.

— И домброй без струн я спою о горе твоём, родная. Спою во всеуслышание. Пусть горы и долины вторят моему голосу. Пусть дойдет песня плача измученной казашки до Москвы, до Ленина. И придет отмщение тебе, бай... Придет и жестоко обрушится на твою голову справедливая кара за все, за все. Пора, пора. Я иду, зову ее. А ты верь, родная, верь в звезду не на небе, в звезду настоящего счастья на земле, родная моя Райхан! — заканчивает акын, целует Райхан в лоб и уходит быстрыми шагами. Бай и жены бросились с уговорами к матери Райхан:

— Оставим, оставим мы ее дома!

III часть

Вскачь подлетает к юрте бая Асан. У него страшное известие. Второпях зовет бая:

— Где бай?

В юрте всполошились бай и две жены.

— Что такое? Что с тобою?

Асан в тесном кругу семьи бая. Говорит, воровато оглядываясь вокруг:

— Знайте, беда! Власть решила отобрать земли и стада у баев. А самих баев с семьями отправят, сошлют в чужие края.

Ужас и злоба на лице бая и его жен.

— Когда это собираются сделать? — спрашивает бай.

— Скоро. Власть уже едут.

— Кто? Кто от властей? Может, знакомый мне или Самату?

— Знакомый, но тем хуже. Едет кузнец Андрей.

— Андрей? — с ненавистью повторяет бай. — Он знает все земли, стада мои, все мое состояние и взятку не берет. А знают батраки об этом? — наступает снова на Асана.

— Пока нет, не знают.

— Так ни слова, ни слова не говорите никому, чтоб ничего не знали пастухи и табунщики, — говорит бай женам. — Надо скорее прятать, распродавать, раздавать родным на время часть скота. Пригодится. А ты, Асан, скачи, скачи скорее за Саматом, за Сарсеном, братом моим.

Есим и Райхан у колодца. Есим говорит оживленно, весело:

– Канпеске! Канпеске! Ах, какое хорошее слово! Как песня. Канпеске!

– А что это такое? – спрашивает Райхан.

– Это значит под суд... Стада отобрать у бая, передать беднякам. А самого бая-то да с семьей пустить, как перекаати-поле, по ветру, чтобы не остановились до тех пор, пока не дойдут до края земли, где, знаешь, ездят на собаках. И пусть вот бай Жексен выберет там себе пса для езды верхом, эдакого иноходца, – хохочет он. – А на согум, на закол, пусть откармливает годовалую суку.

– Тебе не жалко? – говорит, нахмутив брови, Райхан.

– Знаешь, не жалко. И пусть...

– И меня не жалко?!

– Тебя? – резко переменялся и рванулся к Райхан Есим.

Но Райхан повернулась круто, пошла прочь от него.

– Тебя? – спрашивает как бы себя Есим. И смотрит вслед женщине, понурился головой.

Скачут Самат и Асан. Скачет Сарсен. Кони взмылены, ноздри их раздуваются, как мехи. Остановились у юрты бая.

Идут один за другим старики к Жексену, Самату. Уезжают с лошадьми, коровами по 10-20 голов. Отдельно выделены баем и Саматом группа верблюдов, коней, баранов. Угоняют их ночью. Они на базаре. Распродаются быстро. Пачки, пачки денег исчезают в карманах бая, Самата и Сарсена.

В ауле говорит с казахами, бывшими на тое.

– Я не был зловредным. Делился всем с людьми.

– Это был милостивый бай. Разве он похож на других?

– Какое зло от него видели вы, люди?

– Что, кроме пользы, приносили его стада? – говорит старик. Он недавно отправил с сыном украденных лошадей к себе.

Самат показывает приговор людям:

– Вот только подпишите. Заступитесь за отца! За старость его.

Бай подписывает. Они просят подписать Болата, Есима.

– Вы наши родные, свои... И вы батраки, ваш голос спасет вашего бая.

– Нашего? – переспрашивает Есим раздраженно. – Нет...

Бай и батрак – как вода и масло, не сольются и подписи наши.

– Подпишешь ты! – пристаёт Самат к Болату.
– Нет, я неграмотный, – говорит с усмешкой Болат. Отворачивается и Иса.

– Канпеске! Канпеске, – уходит, напевая, Есим.

В юрте бай и байбише ухаживают усиленно, льстиво за матью Райхан. Достают из сундука дорогие шубы, шелка, серебряные драгоценности.

Бай надевает шубу на ее плечи.

– Надень, ты родная мне. Но береги.

– Не изнашивай, а береги, – говорит байбише.

– Отправил в твою зимовку трех верблюдов лучших и пять лошадей. Вот перед богом – твои.

– Вспомнишь нас, поможешь в нужде.

– Говори, что это был калым за Райхан.

– Держись за все это, не отдавай, не уступай, – говорит Самат. – Следи, следи, однако, за Райхан, в эти дни. Она молодая, глупая, не знает цены своему добру. Пусть дорожит своим домом, родней.

Собрание бедноты. В центре кузнец Андрей, Бекберген.

– Бай вьется ужом. Он хитер. Кружится и вокруг вас. Вот собрал приговоры. Шлет гонцов в город. Что же, оставим, не тронем, скажем, что Жексен – хороший бай, что долина Бала-Шакпак – счастливая долина, находится в благоденствии под владычеством святого бая? Так, что ли?

Беднота смеется. Смеются Есим, Болат и Иса, глядя насмешливо на Сарсена, Асана и Самата, присутствующих на этом собрании. Поднимается акын Бекберген:

– О святом бае поет наша долина. Поют струны нашей домбры. Как поют? А вот как. *(Поет песню изболитительную о многих злоупотреблениях бая. Поет быстрой напевно-речитативной мелодекламацией. Все горячее, страстнее и быстрее льется его песня. Быстро перебирает струны его разгоряченная рука. Красиво трепещут на ладах его пальцы.)* Короткий конец длинной речи. Кто за изгнание бая? Поднимите руки за мной! – Такими словами он закончил песню и сам первый поднял высоко руку с домброй.

– И домбра за канпеске! – говорит Есим, с восторгом и резко поднимает руку вместе со всей беднотой.

– Кто против? – говорит Андрей.

Асан робко приподнимает руку один. Рука тут же падает.

– Бала-Шакпак будет теперь другой, друзья... Стада, имущество переходят к народу. Земли и мир весь, все, все только наше! – заканчивает Андрей.

Ночью бай, Самат, все жены бая, Сарсен, Асан и мать Райхан собрались в тесный круг в юрте. Введен в юрту Акбесты. Сурово, таинственно говорит бай:

– Клятва да поразит отступника. О деды, прадеды до седьмого колена! Духи моих предков, вы все, сто двадцать пять поколений, и вы, сорок калик святых, и ты, бессмертный Хизр, – будьте свидетелями, внемлите этой клятве, клятве смертной над головой моего Акбесты – ты был счастьем моих табунов, ты был излюблен святым Хизром. Он незримо ездил на тебе и охранял благополучие моих стад и табунов. И мы клянемся уберечь его от рук супостатов. Отдадим жизнь за него. Клянись, совершив бата, вы все, родные, кровью чистой сроднившиеся со мной, люди мои!

Молитвенно распростер свои руки бай. Подняли руки, причитая за баем вслед, Самат, Сарсен и две старшие жены. Все смотрят на мать Райхан. Подняла руки и она. Райхан, стоящая в стороне, подняла брови. Смотрит с укором на мать.

– Подними и ты, Райхан!

– Подними, – зашептали все.

Райхан не поднимает рук, оглядывается, готова выбежать в испуге.

– Загороди ей путь, Сарсен.

– Подними за Акбесты, я стану вором, разбойником, но умру, не отдам. В нем сила и слава наших предков.

– Подними!

– Разве ты не любишь его? Истерзают, измучат его батраки. Загонят и бросят его, как падаль, на растерзание голодным своим псам. Вороны и коршуны будут клевать эти черные безвинные глаза. Смотри на них. Пожалей их!

Райхан растрогана. Рванулась к Акбесты. Обняла его голову. Тоже совершила бата.

Уворован Акбесты. Ночью скачут, взяв его за повод, Сарсен и Асан. Уходят в ущелье, в скалы.

Внутри байской юрты горой навалены шубы, ковры, дорогие халаты, кафтаны с галунами, со знаками волостного управителя, даренные сабли. На знаках и саблях – двуглавые орлы. Сурово стиснуты скулы у бая. Две жены в слезах. На

улице – уполномоченные, милиция. В центре Андрей, Есим. Райхан не одета.

Бай и две жены его смотрят на Райхан вопросительно. Райхан на улице, но не трогается с места. Сели на телегу бай и две жены. Бай готовит место для Райхан. Райхан стоит.

Подошел к ней Андрей:

– Ты едешь или нет?

Райхан смотрит на бая и жен, отрицательно мотает головой. Лица бая и жен озлоблены. Вздыхнул Жексен, подозвал мать Райхан к себе. Молча взял ее руки, сокрушенно припал к ним лицом. Расплакалась мать Райхан.

Но тронулась телега. Удаляется все дальше, дальше. А в другую сторону в пыли со стадами, с песней и веселым смехом уходят Болат, Есим, Иса, Андрей, Бекберген. Издали доносятся песни и смех.

Райхан одна, стоит как вкопанная.

Подошел Самат:

– Покинула моего отца! Я служу, я имею еще власть! Изменница! Но смотри, мои глаза будут следить за каждым твоим шагом!

Ушел, бросив на Райхан яростный взгляд.

Райхан одна. Стоит как прежде. Подошла обозленная мать, она в слезах:

– Перешагнула через святое венчание. Покинула его... Знай же, покидаю тебя и я... Уйду в гроб, проклиная тебя... (*Уходит.*)

По-прежнему стоит одна Райхан. Смотрит поочередно то на уходящую толпу, то в сторону удаляющихся табунов. В пыли с песней уходят они. Подошел Есим. На лице Райхан оживление, надежда.

– Мы только разузнали. Украли Акбесты. Ты знаешь что-нибудь?

– Нет, – нерешительно процедила Райхан.

– Скрываешь? Ты еще не с нами?

Она молчит.

– Была байской женой и хочешь остаться ею.

– Дурак!.. Уходи прочь!

– Ну скажи...

– Не знаю, не скажу!

Резко отвернулся от нее и зашагал за своими Есим.

Райхан смотрит в сторону юрты, махнула рукой, не хочет идти.

— Куда я пойду? Некуда! *(В раздумье просветлело ее лицо.)* Пусть. Ничего мне не надо. Только ты, дырявая лачуга, и жизнь, жизнь с Салимом...

Одна... Вдруг приходит Салим. Сияющая, рванулась к нему Райхан. Сдержанно останавливает ее Салим. У него озабоченное лицо:

— Прибери свое добро. *(Указывает на юрту.)* Там еще много ценностей.

Райхан смеется, счастлива безгранично. Не слышит его слов.

— Забери все. Ты была женой-рабыней. Имеешь право на эти ценности. Возьми скорее. А то расхитят батраки.

Райхан не слышит, теревит его, жметесь к нему, счастлива.

— Прибери всю юрту. Собери, припрячем кое-что! Иди!

Райхан отскочила с гневом:

— Не нужно мне юрты!

— Иди в юрту, — говорит настойчиво Салим.

— Не пойду, пусть сгинет все! Не подойду. Свободна моя жизнь, — говорит она с упоением. — От рабской петли свободна моя голова. Мы с тобою вдвоем. Хватит лачуги одной. Хватит, не правда ли?

— Нет, не хватит.

— Что ты сказал? За что любил меня?

— Нужно состояние.

— Так вон состояние. Иди, женись на нем. А меня нет для тебя. Я уйду, сегодня же уйду прочь отсюда.

— Куда?

— Все равно. Весь мир — мой дом. Уйду и от тебя. Иди, уходи!

Салим, уходя, бросает ей резко, гневно:

— Смотри, запомни, не будет у тебя добра, не будет и меня.

— Сказано всем, ну, уйди прочь!

Ушел и Салим. По-прежнему одиноко стоит Райхан.

— От одних я ушла, а другие ушли от меня. Одна, куда бы теперь?.. Ну, все равно, все равно я рада, свободна, вольна я теперь.

Закружилась, запрыгала в детском восторге, с улыбкой детской, беззаботной. Сдернула шарши со своей головы.

– Вольна я теперь! *(Подошел к ней негий нес. Прилег у ног.)*
Что, и ты один? Некуда? Да, и я одна!

Смотрит в сторону стада. Там шум и гомон. Смотрит на телегу, уходит далеко, далеко, в степи, в пески. Вьюжит пылью и заносит ее след. В раздумье Райхан. Подошел акын.

– Ты что? Осталась одна?

– Нет.

– А как же?

– Весь мир стал другом моим.

– Назови имя хоть одного твоего друга.

– Имя? Имя? Имени его нет еще.

– Так иди за мною! *(Берет ее за руку.)*

– Куда?

– К батракам.

– Не пойду.

– Почему?

– Там Есим. Мы поссорились. И там джигиты, будут при-
ставать.

– Ты теперь не третья жена бая. Ты будешь советской женщиной. Ступай своей настоящей дорогой.

– А куда она приведет?

– К Ленину, к его пути. Ты ведь ему обязана своей свободой...

Она оживилась сразу. Тронулась с места, зашагала быстро, скоро она впереди акына, сама торопит его.

Пришли на сбор батраков. В центре Андрей. При появлении Райхан замолчали все и вопросительно посмотрели на нее. Андрей подошел к ней близко, взял ее руку, крепко жмет, трясет ее. Подошел и Есим.

– Скажи, Райхан, про Акбесты.

– Говорят, ты знаешь, скажи, Райхан. Ты теперь с нами, – говорит ласково Андрей.

– Скажи, Райхан, помолчала, ну и довольно. Ну! – говорит акын.

Райхан посмотрела на него, отступила, смущенно опустила глаза.

– Дала клятву, да? Не хочешь клятву нарушить? Не правда ли? – говорит, обняв ее голову, акын.

– Правда.

– Так самой большой клятвой у них было венчание, а ты ведь нарушила ее. Плюнула на нее и хорошо ведь сделала. А это что? А ведь Акбесты дорог и нужен нам. Он наш, ему гораздо лучше у нас. Скажи!

– Скажешь?

– Скажу!

Захлопали все батраки. Любовно, с восторгом окружили ее.

– Акбесты в горах, знаю место, куда он упрятан.

– Ну вот, теперь ты с нами, Райхан. Ты вместе со всеми нами будешь теперь растить свои стада, советские, народные, – говорит Андрей.

Райхан отрицательно качает головой.

– А что? Чего ты хочешь?

– Дай познать путь Ленина! Раскрой мне глаза. Пошли учиться.

Андрей одобрительно хлопает ее по спине. Дает обещание.

В темноте ночи, среди сгрудившихся скал стоит с железными путами Акбесты. Руки Есима обняли его за шею и взнуздали.

Райхан пришла на казахские женские курсы. Все указывают на нее, на голову. Она в шарши. Смеются в спину. Райхан сердито отворачивается. Идет, дошла до заведующего курсами. Подает бумагу. Заведующий согласен. Райхан стала веселее. Заведующий улыбается, указывает на ее шарши:

– Надо снять. А то как бабушка.

– Прабабушка, – засмеялись за спиной Райхан девушки.

Райхан нахмурила брови, вспыхнула, сдернула обеими руками шарши, бросила с размаху на стол. Кругом нее рассмеялись одобрительно. Довольная, рассмеялась и сама Райхан.

Она идет по коридору, осматривает все. Остановилась у портрета. Райхан спросила проходившую девушку: “Ленин?” – подошла вплотную. Подняла обе руки и, как бы обнимая, сняла портрет со стены. Сбежались девушки. В изумлении требуют объяснения. Райхан не смотрит на них, то приближает, то отдаляет от себя портрет. Смотрит восторженно, с благодарностью. Одна из девушек наступает решительно, хочет отобрать. Райхан увидела окруживших только тогда, не смутилась:

— Подите дальше. Вы видите его всю жизнь, а я сегодня — в первый раз! — обняла, прижала к груди. Заведующий стоял тут же. Понял, рассеял толпу.

Райхан на уроке. Рука учителя пишет на доске: 8+7. Райхан теряет вначале. Задвигалась, шевелит губами. Глаза ее задумчиво поднялись кверху. Представились ягнята на привязи: семь маленьких, восемь больших. Все разных мастей. Сосчитала глазами.

— Пятнадцать ягнят, — сказала она. Рассмеялись девушки. Райхан рассердилась на них. Вскочил учитель, успокаивает:

— Правильно, пятнадцать, но без ягнят. 19 — 11.

Она связала головами друг к другу 19 (*овец*), 11 из них по одной развязывает, развязывая, считает. Осталось 8. Верно. Улыбнулась.

IV часть

Бодрой рысью идет серый конь по дороге, поросшей по краям густой и высокой травой. Бежит линейка за конем. Понурился, распустил вожжи, дремлет кучер, молодой казах. За ним, свесив ноги с тележки, сидит Райхан. Высоко засучив правый рукав, она облокотилась на дорожный узел, поставленный на небольшой чемодан. Смотрит вдаль. Смотрит пристально. Скоро сосредоточенность ее лица сменяется оживлением. Быстро нахмурил брови, она заморгала. Удивленно озирается кругом. Виден холмик, ложбина... видна долина, уходящая назад. По ней вьется речка.

Бала-Шакпак, долина Бала-Шакпак!

— Стой, остановись, — сказала Райхан и слегка тронула левой рукой возчика.

Телега остановилась. Въезжая в улицу, обсаженную по обеим сторонам молодыми деревьями и застроенную белыми маленькими, но чистенькими домиками, Райхан быстро спрыгнула с линейки, отошла на несколько шагов. Все озираясь кругом, сняла с головы белый берет. На обнаженной голове отчетливо пролегал тщательный прямой пробор ее густых, лоснящихся волос. Ветер шевелит, треплет на висках и на лбу тонкие пряди выбившихся волосинок. Она переводит свой взгляд с холмика, оборачивается. Густыми клубами расходящихся облаков дымит высокая снежная вершина. Застывшими мощными волнами, ритмичными валами залегли

предгорья. Чредою уходят вдаль тени складок и подчеркивают высоту валов. Вырвался восторженный вздох из груди Райхан. Шуря глаза от солнца, она улыбнулась широко и радостно.

Райхан идет по молодому яблоневоу саду. Ищет глазами что-то. Озирается. Остановилась. Смотрит пристально на крайние ряды деревьев: высокая водяная колонка, рядом покосы. Подходит, остановилась у развалившегося колодца, села у края.

– Десять раз в день я ходила сюда за водой!

Представилась прежняя Райхан в грязном рваном платье. На плечах коромысло. Измученное лицо. Качнулась. Еле удержалась на ногах. Горестно понурила голову. Выступили крупные капли слез на ресницах.

– Сколько слез моих текло у твоего края! – Поднялась, обняла ближайшую молодую яблоню в густом цветении, прижалась и жарко, тихо залепетала: – Ведомо ли тебе, постижимо ли, что ты выросла и цветешь на земле, обильно орошенной давно-давно моими слезами!

Идут по саду четыре человека. В центре полуседой Андрей. По бокам его трое садоводов в фартуках. Андрей обратился к бородатому садовнику:

– А дашь хорошие яблоки, эдакие (*показывает обеими руками*), с полкило каждое?

– Куда денемся? Дадим...

– И чтоб без червей. Понимаешь, что значит первые, собственные яблоки, своей долины Бала-Шакпак. А черви – брак.

Андрей перевел глаза на Райхан. Посмотрели туда все остальные. Стоит, прижавшись к яблоне, забывшаяся Райхан.

– А что это за странная девушка? И ласковая какая, – смеется старый садовник.

– Эй, тетка. Ты что с деревом обнявшись? – спросил насмешливо молодой садовник.

– Что? Как? – очнулась Райхан.

– Да чего без толку-то, поди, и не поцелует, она мертва, – смеется садовник.

Райхан оглянулась на приблизившегося Андрея: “Андрей!” Андрей, пораженный ее видом, откинулся и застыл на месте.

Она рванулась к нему.

— Дочка! Райхан. А дама-то какая, просто прелесть! — говорит Андрей, приходя в себя. — Ну, теперь я понимаю, — продолжает он, горячо трясая ее руку, хлопает по спине.

Вновь он отступает, любитесь, всматривается, вновь вглядывается в нее. Удовлетворенно улыбнулась и крепко прижала к себе правой рукой.

— Приехала к нам в помощь! О тебе я слышал и ждал. Ну, пошли.

— Да, — сказала решительно Райхан, и они зашагали вместе вдвоем.

С лестницы небольшого одноэтажного белого дома сходят Андрей и Райхан, за ними Самат. Спустившись с лестницы, Самат забежал вперед, подошел к линейке. Поддерживая рукой, усадил Райхан. Медленно, солидно наклонил голову.

— Помни, Райхан, земотдел все отдаст за это дело.

Райхан прощается с Андреем:

— И тебя я не оставлю в покое, Андрей Иванович. Часто буду тормозить райком. Ни покою, ни сна не дам.

— А этому еще пуше буду рад! — спокойно, шутливо отвечает Андрей, приложив руку к сердцу. — Я и сам буду врываться к тебе. Запомни одно — главное богатство долины Бала-Шакпак в табунах, а дело (*разводя руками*) пока на месте. Заставь горы и пески служить тебе. Служить, чтобы выросли новые, иные табуны, чтобы дали Родине новое, небывалое племя. (*Делает круговое движение крепко стиснутыми кулаками, весело улыбается ей.*) Быка за рога и рвани (*делает энергичный рывок*), скрути.

Одобрительно смеется Райхан ему в ответ.

— Ну, езжай.

Телега идет по ложбине. Проезжает маленький холмик. Райхан распахивает грудь и поет. Поет протяжную свою песню, которую она исполнила давно в поле, идя за кизяком. Едет другая телега. На ней Есим. Оживилось его лицо, приподнялся. Быстро оглядывается назад. Смотрит вперед. Нет никого. Слушает, песня доносится вновь. Пораженно озирается кругом.

— Какой голос! Чей же это? (*С улыбкой радости.*) Не может быть! Но где же? Откуда? (*Озирается.*)

Пусто везде. Растревоженный Есим и сам запевает эту песню, поет в унисон.

Райхан, продолжая свою песню, также озирается кругом, слушает пение. Спрыгнула с тележки, взбежала на холмик и закричала с радостью:

— Есим!

— Райхан! Райхан, родная!

Спрыгнул с телеги и Есим. Бежит к ней навстречу. Радостно и крепко сжались их руки. Долго и горячо рукопожатие.

На вершине высокого холма, на скале, стоит огромный горный козел-рогач. Справа и слева высятся близкие, снежные пики.

В небольшой высокогорной долине на фоне снежных пиков всадник на коне. Это Салим на Акбесты. Он переехал зону лугов. Выехал в снега, неглубокий талый снег комьями летит из-под копыт Акбесты. Вдруг осекся. Остановился. Салим смотрит пристально на скалу. Видит горного козла. Тронутся козел. Салим пустил вскачь Акбесты; скачет по снегам, между скал, по косогору Акбесты. Пригнувшись к луке, держа наготове длинный курук, понукает коня Салим. На лице его улыбка неудержимой страсти, азарта. Пойман горный козел. Его шею крепко, туго стянула петля курука. Облитый потом Акбесты волочит за собой горного козла.

Аул из девяти юрт. Недалеко от них высится снежная вершина. Выбегает из средней юрты женщина, за ней — мальчик. Выбежали за юрту. На их лицах улыбки восторга. Мальчик бежит с криком:

— Смотрите, ей, бегите все!

Быстро выбежали из второй и третьей, четвертой юрт мальчики и девочки. Бегут к первой женщине со всех сторон дети и старшие. Выскочила черная собака из-за юрты, залаяла неистово. Собралась уже большая толпа. Идет со стороны жели с полным ведром молока Кеке. Подошел к толпе.

— Кому ты рада? Кого ждете? — обращается он к пожилой женщине, не смотрящей на него.

— Тебя! *(Смеется.)*

— Так я вот, целуй, на вот, в нос! — протягивает он свое лицо с жидкой бороденкой. А нос его запачкан носовым табаком.

Рассмеялась женщина в телеге. Но смотрят все в одну сторону. Оглянулся туда и Кеке.

— Акбесты! Опять мучат его!

— А таутеке?

– Смотри, Акбесты нагнал таутеке!

– В горах, среди скал нагнал. Сокол, а не конь!

Заговорили женщины, дети. Понукая себя и ударяя по ляжке, скачут вокруг женщин веселые мальчишки.

Подскачил на Акбесты Салим, за собою волочит на куруке громадного горного козла.

– Умрешь, Акбесты, – о тебе легенду сложат, сказку будут сказывать. Вот что ты достиг сегодня. После этого и помирать не жалко. Не правда ли? – треплет по взмыленной шее измученного Акбесты Салим. – Гнался полдня, среди снегов, среди скал. Видано ли? А вот! – *(Показывает на таутеке.)*

– И тоже жеребец! Ихний-то, – смеется Кеке.

– Иди, держи его, – подталкивают его женщины.

– А што, пойду и возьму, – идет на цыпочках Кеке.

Таутеке делает прыжок. Кеке, убегая, падает и, дрыгая ногами, ползет на брюхе, спотыкается, кувыркаясь через голову. Весело смеются над ним женщины.

Райхан, Есим, акын едут в горах среди табунов.

– Много наших табунов. Много больше, чем было при бае Жексене, – заканчивает свою песню акын.

Толкнула его Райхан.

– Стой! – остановился разом акын. Смотрит пристально вперед.

Смотрит, нахмурив брови, Райхан. Идет борьба между двумя жеребцами. Один из них истощенный Акбесты. Взметнув, как пламя, свою гриву, раскрыв пасть, вздыбился высоко Акбесты. Еще выше его поднялся на задние ноги вороной жеребец. Он сытый, сильно запускает свои зубы в загривок Акбесты. Бьется задними ногами, покачивает головой, опущенной вниз, прижимает уши и несется Акбесты. Несется в погоне вороной. Бежит, взмахивая хвостом, серая кобылица. За нею несется с опущенной вниз головой, с вытянутой шеей Акбесты.

Он встречается в новой драке с другим жеребцом с лысиной. Припал на передние ноги Акбесты. Его в плечо кусает лысый жеребец. Содрана кожа, брызнула кровь из плеча Акбесты. Стегнула коня Райхан. Скачет и Есим. Они разогнали жеребцов. Помогли Акбесты. Райхан вглядывается. Содрогнулась. Слезла с лошади. Подбежала, обняла за шею Акбесты.

– Неужели это он?

Подъезжают Андрей и Самат.

– Ты о нем так стосковалась, – говорит, довольно улыбаясь, Андрей. – А он того стоит. Это золото, а не конь.

– О нем сказку сказывают в долине Бала-Шакпак, говорят, что это конь крылатый, – смеется Самат.

– Подобно орлу, настигает диких коз среди скал наш Тайбурыл, наш конь благородный, – говорит акын.

– А дети его какие скакуны! – говорит Есим.

– Да, этот табун и есть золотоносная жила нашего округа, – говорит Андрей.

Райхан то приближается, то смотрит, отходя, на Акбесты.

– Золотоносная жила, – повторяет она. – Золото, говоришь, Андрей Иванович? Да, золото есть в этом хозяйстве – но золото, находящееся в руде.

– Но, однако, какой он худой! Почему у него вид развалины? – говорит, подъезжая, Андрей.

– А кости как торчат у бедного, что же это? – говорит сокрушенно Самат.

Райхан смерила взглядом Акбесты. Обошла кругом. Ее лицо вдруг озарилось новой мыслью. Смотрит широко раскрытым, пристальным взглядом.

– Послушайте, да это он, Акбесты? Или нет?

Удивились, приблизились к ней остальные. Смотрит в глаза Акбесты Райхан.

– Он! Да, это он. В годы учебы я часто вспоминала его. Все старалась его представить себе. Он тогда был молод, – говорит она, раздумывая. – Вырос, определился. И что же, смотрите, Андрей Иванович, Есим, смотрите. Да ведь он – метис. Это же одиночка, случайным подбором улучшенный конь. И его отец, должно быть, был ахалтекинец (*увлеченная своими мыслями, достаёт измеритель, быстро обмеривает*). Нет, не ахалтеке, а англичанин! Англичанин! Андрей Иванович! – кричит она в восторге. – Улучшенный метис! Вот, вот она где цель и программа, вот назначение нашего хозяйства, сотни, тысячи Акбесты. Вот за кого борьба!.. За скаковых, выносливых, годных коней, за тысячи Акбесты. Вот кого мы должны давать. Давать исключительно под седло командному составу нашей армии. От Акбесты, от других подобных ему английских метисов и чистокровных будем множить и растить наших коней...

– Ты ошибаешься, Райхан, он не должен быть англичанином, – говорит недовольно Самат. – Нет, я убежден в этом, и ты не спорь, – решительно возражает он.

Райхан смотрит сердито на подъехавшего табунщика Болата.

– Как тебе не стыдно, Болат? За что так мучишь его? – указывает она на Акбесты.

– Спроси у завфермой. Тот пятнадцать дней ездил и скакал на нем. А косяк его отбили сытые соперники. И вот, истощенный, измученный, он собирает свой косяк, а не может...

– Я убила бы этого завфермой. “Много наших табунов”, – передразнивает акына Райхан. – “Табунов много, а толку мало”, – пел бы ты лучше.

Едут Райхан, Есим, с ними Андрей, Самат. Перед ними один, другой, третий тай (*годовалые жеребята*) со сбитыми спинами, истощенные.

– Заезжены, – говорит Райхан, – а порода Акбесты.

Идет вороной стригун, хромает.

– Что с ним? – спрашивает Андрей.

– Что? Загнан. Известно, тоже от Акбесты, все они скакуны, конечно! А видишь, вот эти жемчужины, брошенные в навозную кучу?! – говорит гневно Райхан.

– Заезжены, замучены, истощены сызмальства.

– Да, здесь не хватает только одного.

– Кого? – спрашивает, наблюдая за ней, Андрей.

– Бая Жексена, вот кого!

– И верно, – говорит Самат, – все по старинке. Довольно. Пора с этим покончить.

– Хозяйство до сих пор по-настоящему не дало ремонтных коней, годных для армии. Позорно, а терпим, – говорит Андрей всем.

– Все иначе, иначе должно быть, Андрей Иванович. Дадим ремонтных коней. И на первое время дадим из потомков самого Акбесты. Подберем. Перевоспитаем. А дальше добавим и от других, англичан. Побольше, побольше теперь нам родни Акбесты.

– А они тут есть, но смотри только, в каком виде, – говорит Есим.

Они едут, видят исхудалого лысого жеребца, другого, третьего, такой же породы – серых мастей. Все изгрызенные, исхудалые...

– Запретить езду на них и молодняке. Какое варварство, – говорит Самат.

– И не только это. Разбить, перегруппировать табуны. Пасти отдельно молодняк и по возрастам. А жеребцов во главе с Акбесты взять в стойла.

– Как? Из косяка? Где это видано – табун без жеребцов? – переспрашивает удивленно Болат.

– Не умрут без них!

Табунщики в недоумении. Иса и другой старший табунщик презрительно выпятили губы, отвернулись.

Райхан, Есим, Андрей, Самат, акын в ауле. Подъехали к жели. Лежат на привязи молодые жеребята. Их десять, двадцать, тридцать штук – на длинной привязи. Дрыгает ногами, бьется в петле серый жеребенок. Бьется стоя, стараясь освободить шею от петли. Другой жеребенок падает, кувыркаясь через привязь. Тошие, обессиленные, бьются один за другим.

Райхан вынула из ножен Болата его нож. Слезла с коня, быстро подошла к серому жеребенку, разом перерезала петлю на шее. Заржал и весело поскакал жеребенок. Быстро подскакала Райхан к другому жеребенку, отрезала также.

Выбежал из юрты Кеке, видит – убегают один за другим жеребята. Бежит с криком: “Ай! Постой!” Подбежал, схватил за руку Райхан:

– Тебе игра, а мне ходить ловить их! С ума сошла!

– Не будешь больше ловить!

– Как! Отойди! – хочет отстранить он Райхан. Райхан не отступает.

– Больше нет привязи для жеребят.

– А кумыс? А доить кого? Бая, что ли?

– Тебе кумыс, а жеребят – вот, – Райхан показывает фигу, – да?

– Я скажу завфермой! Он тебе протокол составит, под суд попадешь.

– Зови, где он, завфермой.

Подходит Салим.

– Вот, Салим, смотри! Ей-богу, бешеная, – говорит Кеке.

– Райхан, родная! – спешит, восторженно глядя на Райхан, Салим.

Райхан поздоровалась холодно.

– Ты снят с должности.

– За что? Райхан? – подходит близко Салим.

Райхан в упор смотрит ему в глаза.

— За жеребят, за Акбесты. За все.

Сел сокрушенно Кеке, сморщилось все его лицо от обиды:

— Я всю жизнь доил кобылиц. Поил весь народ. Поил табунщиков. Пятьдесят кобылиц выдавал мигом. Мне награду надо... — говорит он всем, — а вот примчалась бешеная — и я безработный. Ну кого, кого теперь мне доить? *(Делает обеими руками быстрые жесты доения.)*

— Ты хороший доильщик? Так будешь доить коров, — говорит, наклонившись, Райхан.

— Коров? Ко-ров? — разъяренный, как ошпаренный, вскочил Кеке. Злобно вращая белками, подступает к Райхан. — Я, мужчина, и бабым делом? Вонючих коров? Недаром, знать... Сразу видно, ты баба: волос длинен, а ум короток.

Тычет ей скрюченным пальцем в лицо, в ярости не находит слов. Райхан громко смеется, хлопает его по спине. Быстро закрывает ему рот — молчи! Вращая белками, с надутыми щеками, Кеке продолжает булькать ртом из-под руки Райхан.

Райхан с теми же спутниками среди группы табунщиков.

Все на конях.

— Разбить табуны по летам. Пасти эти табуны по отдельности. Отныне не прикасаться даже рукой ни к жеребьятам, ни к таям, ни к другому молодняку.

— Вот когда мы дадим богатых, достойных коней богатырям Красной Армии нашей...

Недоуменно переглядываются табунщики, толкают Болат. Он подвинулся вперед, понукая своего коня.

— А ты знаешь, что разбить табун — значит иметь много табунщиков. Откуда взять их?

— Найдем, есть они.

— Где?

— Вот тут, — показывает на подошедших женщин, — вот они!

Отшатнулся в седле Болат, вытаращил глаза:

— Ты что, родимая! Баба за табуном лошадей! Тут смелость, отвага, сила надобна.

— По-твоему, это баранов пасти, что ли?

— И то, баба не пастух, — подхватили два других табунщика.

– Баба, да с куруком, да скакать за жеребцами! – рассмеялся Болат.

Засмеялись все табунщики. Ежатся, смущенно смеются женщины, стоящие пешими.

Подскочил торжествующий Кеке к Райхан. Вытянул свой скрюченный палец в сторону, показывает. Оглянулись в указанную сторону все. Скачет крупный дикий конь, бьет в воздух задними ногами по очереди. Стащил курук у дюжего табунщика, скачущего за ним. На шее коня оборванная петля.

– Вон, все мужчины скачут. Силачи. Даже и они не удержали. Ты языком ладно стрижешь... Поди-ка, подступись! – хохочет Кеке.

Райхан посмотрела. Ехидно, насмешливо переглядываются табунщики и мечут лукавые взгляды в ее сторону. Райхан быстро подалась вперед. Подъехала к Болату.

– Дай сюда курук!

Выхватила курук, стегнула коня, на скаку ловко распустила петлю и помчалась за диким конем. Замерли в молчаливом, сочувственном ожидании Есим, Андрей. Ошеломленно смотрят женщины. Презрительно, недоверчиво смотрят, смеются табунщики. Приплясывает Кеке на земле.

– Да, да, на-кось! Так тебе и далось! Это тебе не бумагу марать (*смотрит в сторону женщин, насмешливо морщит лицо*) и не штаны шить!

– Смотри...

– Посмотри-ка! – задвигались табунщики.

Улыбкой оживляются и лица женщин, смотрящих вдаль.

Райхан на бешеном скаку уже настигает коня. Конь делает прыжок через яр. Перескакивает и конь Райхан.

– Ого!..

– Стой!

– Удержалась! А крепка, – говорит Болат, мотая головой.

Райхан сворачивает коня к аулу, настигает снова, ловко затягивает курук. Петля на шее коня.

– А ну-ка!

– Ну-ка теперь! – задвигались в толпе табунщики.

– Не баба, а шайтан, – говорит, опираясь обеими руками в колени, приседая и смотря пристально, Кеке.

Крутится быстро курук в руках Райхан. Стягивается все ту же петля у самых ушей дикого коня.

– У самых ушей!

– Умело!

– Как джигит – у самых ушей!

Тянет конь Райхан за собой. Но слабо, Райхан победила. Привела фыркающего, разъяренного дикаря. Глаза его пуговообразно закатываются. Уши стригут беспрестанно. Но побежден. Приволокла Райхан. Андрей, весело усмехаясь над Кеке, подъехал к женщинам, наклонился к старшей. Она приблизилась. Андрей подманил, подозвал и остальных женщин.

– Видели, как насмеялся Кеке. А теперь черед за вами. Ну, что стоите? Накажите. Айда!

Женщины в восторге набросились на Кеке. Повалили его. Он дрыгает ногами, отбивается. Навалились громко смеющиеся женщины на него, щиплет бороду ему чья-то рука. Перед моргающими его глазами щипцами поползла сильная рука. Безжалостно, крепко таскает его за нос. А он заблеял, как козел: “Ммэ-ээ!” Андрей и Есим весело заливаются над ним.

Спешились табунщики. Есим взял курук у Райхан. Табунщики окружили тесным кольцом Райхан, обнимают, хлопают по спине. Гладят ее руки. Вырвалась Райхан, но окружили ее теперь женщины. Старшая баба целует ее.

Запел восторженно акын перед Райхан:

– Был один богатырь Кобланды. Была достойная подруга Кортка. Она взрастила волшебного коня Тайбурыла батыру своему. И ты, Кортка наша, расти сотни волшебных коней для юных наших защитников богатырей, а мы твои помощники, – заканчивает акын.

– Помощники, помощники твои, – вскидывая руку кверху, заговорили все женщины разом.

Андрей в центре женщин. Изучает мускулы рослой молодой казашки. Она смеется.

– Мускулы, сила! Что, Кеке? Такая мужчину сама разом подомнет. Смотрите на Райхан. Разве большая? А смелая... Держитесь за нее. Хорошо?

– Айда, давай лошадь! – говорит решительно старшая женщина.

– Давать – так всем! – заговорили все женщины разом.

– Айда, давайте им коней, – говорит, смеясь, Андрей. Весело, приветливо кивают головами Райхан и Есим.

С ласковой улыбкой, поучительно заговорил Самат:

– Сотни лет, тысячи лет не подпускали женщин к лошадям. И вот настоящие хозяева пришли. Это вы. Вы будете за-

ботливее. Больше будете жалеть коней. Айдайте, за дело... — и еще ласковее жмет руку старшей женщине, хлопает ее по спине.

Ночью на могильном кургане, среди древних надгробных сооружений, копошится громадная фигура человека. Внутри кургана рядом две-три могилы. Фигура встала около центральной могилы. На верху ее, на вышке, отчетливое изображение полумесяца; воздел человек руки к нему, совершает бату, молитвенно обводя ладонями лицо... Крупное, бледное, злобное лицо, с окладистой полуседой бородой. Стоит с закрытыми веками. Челюсти стиснуты, цедит слова, медленно шевелит губами:

— Три дня я с вами. Постился три дня. Покорен вам. Следую велениям вашим...

Вдруг встрепенулся он. Воровски метнул взгляд наружу, к входу. Прислушался и быстро отступил за могилу. Скоро снова медленно поднимается его барашковая шапка. Злые, суровые глаза смотрят исподлобья...

Подскакали к елям три всадника, оглядываются вокруг, тоже воровато, тихо. Скрылись под одной тенистой елью. Спешились. Прислушиваются. Смотрят исподлобья застывшие, остекленевшие, злые глаза их...

Зашли в курган трое. Впереди Самат. За ним Сарсен и Асан.

Кинулся, перепрыгнув через низкую могильную насыпь, Жексен к сыну. Обнял, крепко прижался к отцу Самат. Они в могильном кургане.

— Мои табуны здесь. Чую. Все они тут. Не правда ли? Они целы, мои табуны!.. — говорит, протягивая дрожащие растопыренные пальцы к сыну, Жексен.

— Табуны твои... они целы... их стало даже больше. Сейчас коней пять тысяч триста десять... И пусть множатся, — говорит, зверски сверкая зрачками, Самат.

— Пусть. Не давайте продавать, колоть табун мужикам.

— И доить не даем кобылиц.

— Так, так. И верно... пусть растут крупными задорными кони мои. Мои, — озлобленно сжал кулак бай и заговорил, обратясь к могиле: — Вот она, долина Бала-Шакпак, унаследованная мною от вас... Вот табуны ваши и мои, сонмом святых предков ваших и моих хранимые в студеных зимах, в

темных ночах... Вот табунщики мои, вчерашние рабы мои. Мои! – решительно, яростно трясет бородой. – И моя жена... рабыня моя... Райхан. Не уйдешь от меня... Исполокую острием ножа черный преступный лик твой... Изменницы, жены моей. Помните, храните, – таинственно, близко склонился к остальным, – вот с чем пришел я сюда... А предки завещали... Сказали в посту, в молитве моей: “Бери свое... Все, все будет твое...” – изрекли они. Особо... Особо... следи за Акбесты!... Акбесты... Где он? Ну, как он? – наклонился бай к старшему сыну.

– Жив...

– Еще... Ему ныне только тринадцать лет.

– В табуне?

– Нет, в стойле...

– Зачем?

– Берегут...

– Пусть берегут. Придет день, увезу первого его. Следите. Держитесь теснее. Будьте крепки. Верьте. Ждите.

– Будь спокоен, отец... Держись, уже впился зубами и когтями в свое добро, клянусь могилой предков моих, – подходит, целует полумесяц. Делают то же Сарсен и Асан...

Сверкнула молния. Загремел раскатистый гром. Заржал табун вблизи.

– Табуны, лошади мои, табуны, – заторопился бай.

– Стой, отец, не ходи... – хотел удержать сын.

– Не стоит, не удерживай... Пойду, загляну в темноту ночи... Не стоит... Поздоровуюсь с ними... Скажу, что я тут...

Бай быстро зашагал в темноту. Идет и прислушивается. Присел, приложил ухо к земле. Заржал конь. Улыбка, страстная и дикая, озарила его лицо.

Акбесты, это, должно быть, Акбесты. Узнаю тебя... тебя, счастье, звезда моих табунов!

Огромною массой идут табуны на склоне горы... Они идут, подминая траву. Проходит куст, в котором сидит, притаившись, Жексен... На его лице страстная, но холодная улыбка... Он приподнимается.

– Мои кони, табуны, идите ко мне, мои, я среди вас...

Снова сверкнула молния. Грянул гром. Лошади, увидев Жексена, зафыркали. Шарахнулись с храпом вскачь во все стороны... Молнией озарило серую, дикую фигуру Жексена.

Он припал к земле. Громадным паучьим задом набухла его скорченная фигура на косогоре. В диком испуге разбежались кони. Встал Жексен, смотрит им вслед.

— Вы мои... Вы ждете меня... А я вот среди вас... Не вы ли бежали из городов, с ярмарок, где вас продавали, обратно ко мне. Находили меня. А я сейчас среди вас... И вы? (*Глядит на скачущих вдали от него коней.*) Бежите от кого? От меня. Нет, вы... вы мои. Идите, идите, глупые вы мои, — приговаривает он, приседая и тиская судорожно обеими горстями густую, росистую траву.

У часть

Голые безлюдные скалы. На самой вершине они рассечены широкими треугольниками — щелями. Показалась верхушка барашковой шапки в средней щели. Шапка по цвету сливается с камнями. Медленно всплывают зоркие стеклянно-холодные глаза. Они смотрят исподлобья, презрительно, взгляд поворачивается. Вдруг глаза раскрываются широко, глядят пристально, теперь видно прижавшееся к камню лицо бая Жексена. Он смотрит вниз. А там поднимается в гору табун молодых кобылиц-байтал. Медленно, вразброд идут они, щипля траву. Идут среди камней, среди елей по склону, испещренному оползнями, торчащими каменистыми холмиками, глубокими водостоками.

Воровато льнет к камню лицо бая. За табуном едет с куруком в руках женщина — высокая молодая Жамал. На ее лице беспокойство. Она часто перекидывает свой взгляд с одного края табуна к другому. Крепко тискают ее руки длинный курук.

Видна вся фигура бая. Он весь одет в цвет камней. Обернулся, подманивает сзади кого-то... Подошли и также припали лицами к щели Асан и Сарсен.

Быстро спустились Сарсен и Асан со скалы. Сели на лошадей. Поскакали в разные стороны.

— Стой, тише!

— А что? — подъехал к Жамал Асан.

— Вспугнешь табун. А они, байталы, такие пугливые, дикие...

— О, я знаю. Ты права. Они молодые, дикие. Да они не умеют пастись табуном.

– Не умеют... Чуть что, так шарахаются в разные стороны и несутся врассыпную, как дикие козы.

Едут Жамал с Асаном, отстают от табуна. А табун вошел в ельник, в скалы.

– А как хорошо! Хорошо, что ты сильная, смелая, умеешь делать то, что под силу только мужчинам.

– Ну, ладно, хорошо, хватит, – смеется она...

– А я ищу, сколько дней ищу тебя в горах!..

– Ищешь несколько дней? А дело где? Что скажешь колхозу?

– Как узнал, что ты в табуне, решил найти... встретить одну в горах и сказать все... все, что годами сидит во мне, гложет меня...

– Перестань! Я не буду слушать тебя тут...

– Горы безлюдны... ты да я, только вдвоем. Мы одни... Он неожиданно обнял, притянул к себе Жамал. Старался поцеловать. Она вырвалась.

Из-за ели медленно опускается курук среди ветвей и быстро, ловко набрасывается петля на шею серой байтал. Она рванулась. Но поймана. Это схватил Сарсен. Взнуздал.

Впереди табуна лежит за камнями Жексен. Выворочена и шапка... Лежит, скрючившись, огромным неподвижным комом. Глаза его сверкают из-под шапки, низко прикишкой к земле.

– Родная, сердечная! Все, все брошу ради тебя!

Обнимает снова. Возится... Не выпускает ее голову из своих объятий. Отстали.

– Уйди прочь! Отпусти, – говорит разъяренная Жамал.

Он не пускает. Она быстро вынимает ногу из стремени:

– На тебе, нах-хал! – цедит она, крепко ударяя его в бок ногой.

Он валится с коня. Слетел с коня Асан, смотрит умоляюще:

– Боже мой, за что же, Жамал? За любовь?

– Сказано, молчи, – смеется чуть виновато Жамал.

Подошла близко большая, густая группа байталов. Жексен смотрит и видит, как увел Сарсен за холм одну, другую кобылицу.

– Хватит, довольно на сегодня, – говорит бай и, быстро сорвавшись с места, сгорбленный и страшный, издавая звук воющего волка, летит к кобылицам. Они захрапели, шарах-

нулись. Дико, неистово, со ржанием понеслись они врассыпную... Понеслись неудержимо. Жамал испуганно оглянулась.

— Ой, таутеке! Вон, погляди, таутеке! Я видел, — говорит, садясь быстро на коня, Асан. Он скакал рядом с Жамал. — Испугались таутеке, подлые... Я поскачу, скажу табунщикам... Ого, бедная, не удержишь, ни за что не удержишь их теперь. Скажу вашим, поскачу я.

— Скачи, пошли их! — бросила Жамал, подстегивая коня, и улетела с поднятым куруком.

Жексен стоит под густыми елями, держит под уздцы двух кобылиц: одну серую, другую темной масти.

— Скажите, — говорит он Сарсену и Асану, — передайте, одну вот эту, она пожирнее (*указывает на серую*), заколите себе. А другую пусть продаст на закол. Деньги, деньги тоже нужно копить, скажите ему. В районе ежегодно продавал на ярмарках. Даже косяками продавал, так лучше... Скажите.

Поскакали Сарсен, Асан с кобылицами на поводу.

Салим с табунщиками — Болатом, Исой и еще с четырьмя другими. Они в горах, видны несущиеся поодаль друг от друга табуны... Подъезжают еще два табунщика...

— Слезайте, — говорит Салим.

— Чего слезать? Раздавай и все. А то разбредутся табуны... — говорит нетерпеливо Болат.

— Не стоит. Это зарплата! Я отвечаю... Нужно, чтоб расписались все собственноручно.

— Но я не умею расписываться, — говорит один из табунщиков.

— И я тоже. Зря возите.

Салим медленно слезает с коня. Долго раскачивается, достает бумаги, ведомость.

— Не умешь, так палец приложишь. Я отвечаю — нельзя. Слезайте, идите.

— Целый час водишь, табуны покинули — всех в кучу.

— А табуны дикие, без жеребцов, все вразброд. И ты еще тут, — говорит Болат.

Начали они прикладывать пальцы. Медленно считает Салим деньги. Топчутся нерешительно табунщики. Вдруг Болат оглядывается.

— Ой, джигиты, беда! Айда на коней!

Видно, как с горы несутся группа за группой испуганные лошади.

– Напугают остальные табуны! Скачи! – кричит Иса.
– И напугали. Пошла беда! – садится на коня молодой табунщик. – Несутся потоками байталы с гор.
– Это байталы Жамал!
– То-то. Баба-табунщик? Довела, – дразнит старик.
– А что баба? Это байталы дикие, – говорит старшая женщина.

– Гнать вас от табунов, – кричит старик, скача. – Все, все табуны напугали!

Видно, как шарахаются и волнами несутся частью вверх к горам, частью вниз в ущелье табуны – один, другой.

Подскакал Есим.

– Джигиты, скачите. Потеряем целый табун байталов. Скачите. Остановите. Иначе понесутся и след простынет. Они и так взбесились сейчас.

Подскакали Райхан, акын.

– Джигиты, разбейтесь надвое. Болат, Иса, ты и ты, – выделяет она четверых, – оставайтесь за остальными табунами. Соберите. Следите, не слезая с коней. А вы! Но мало вас! Кто же еще? Скачите за байталами, гонитесь, верните, – говорит торопливо Райхан.

– Мало людей... А они скачут по пять, по десять и в сотни сторон, – говорит Есим тревожно.

– Упустишь – потеряешь. Ну, скачу и я сама.

– Постой, ты собирай здесь людей. Поскачу я. Ты только шли людей за нами... – говорит Есим и скачет.

– Райхан, шли за нами людей. Знаю, это погоня суровая. Они бегут в пески. – Акын скачет в другую сторону.

– Скачи, Есим. А я слезу с коня... до возвращения твоего...

Скачет Есим. Подскакала Райхан к большому загороженному двору. По краям большие крытые стойла. На скаку заехала Райхан, смотрит.

– Держи, держи крепче! – кричит она на скаку.

Кеке пугливо, слабо задерживает скачущего и взбрыкивающего красивого жеребца... Скачет Райхан.

Ржет и бьется дико около одной женщины другой жеребец, светлой масти... Она силится, не пускает.

– Держи, держи крепче! – кричит Райхан...

Но Кеке при новом прыжке лысого отпустил, сам упал брюхом в пыль. Клубами задымилась пыль из-под него.

Жеребец подлетел к другому, которого задерживала женщина, стал грызть... Отпустила, чуть не задавленная разъяренными жеребцами, женщина. Подскочила Райхан. Спрыгнула с лошади. Удержала. Подбежали женщины. Разняли жеребцов. Лысый прыгал. Райхан, обернув вокруг пояса повод, прыгает вместе, висит и дергает, задерживает. “Вот так!” — учит она женщину. Женщины делают то же, остановили другого жеребца, укротили обоих. Райхан подводит лысого к Кеке.

— Мужчины! — говорит сердито Райхан.

— Ты, ты виноват во всем! — шипит Кеке. Он с запяленным лицом и бородою... — Там кобылы тоскуют. А тут жеребцы беснуются.

— А ты что глядишь? Заступник кобылиц!

— Сердце ноет, ей-богу, сердце ноет... Ты... Ты женщина-мерин, вот что!..

Хохочет Райхан.

— Ты знаешь, что и им хочется не холостяками, не вдовами как... как... — осекся Кеке.

— Ну, а ну-ка! — сердито подходит Райхан.

— Ну, пошли, кобылам муж нужен, а им вот *(показывает на жеребца)* — бабы. Ну что же? Что же это... Там в горах косяки разбрелись. Байталы разбежались. Здесь этот помирает с тоски. Пропал совсем...

— Ничего ты не понял, — смеется снова Райхан.

— Нет, понял.

— А что понял?

— А скажи вот, ну вот, почему ты не выходишь замуж? А? Ну почему? Не замужем сама, так и хочешь, чтобы все тут были холостыми да вдовами. А вышла бы замуж, ну и поняла бы, что и его не надо мучить. *(Тычет в морду лысого.)*

Скачет и скачет долго за пятью байталами акын. Они в песках. Не может остановить. Льется пот с измученного лица. Взмыленная лошадь под ним. Скачут, убегают байталы.

Подскакали друг к другу Райхан и Есен.

— Ну что, вернулся акын? — спрашивает Есим.

— Нет... а вот уже трое суток. Трое суток без пищи, без питья.

— Неужели погиб в песках?..

— Я взяла воду *(указывает на турсук)*. Поеду сама на розыски. Иначе погибнет человек.

— Нет, дай турсук. Поскачу я...

— Но ты сам только вернулся, измучен.

– Ничего. Дай турсук.
– Не дам, поскачу я сама...
– Нет, нельзя, – говорит решительно Есим, отбирает турсук, скачет...

Среди песчаных барханов, в безлюдье, у входа в широкий могильный курган стоит акын... А внутрь загнаны все байталы. Пробует подойти акын. Они шарахаются. Акын качает головой. Изнуренный, садится у входа. Вдруг хватается за горло. Беспомощно открывает рот. Измождено его лицо до неузнаваемости. Закатываются глаза... Падает, прислонясь всем корпусом к стойке входа.

Скачет Есим. В песках еле заметны следы. Останавливается, осматривается. Скачет вновь. Увидел курган. Скачет.

Приходит в себя акын. Жадно раскрытым ртом ловит воздух. Видит лужайку недалеко. А там – журчит вода... Оглядывается на байталов. Качает головой акын... Не уходит от входа... Поникла голова. В беспамятстве опять. Подскакал Есим. Спрыгнул с коня. Подносит воду.

Акын больной. У его постели Райхан, Есим. Райхан капает воду ему в рот... Обнимает его голову. Пришел в себя, открыл глаза акын. Райхан принимает к нему:

– Спасибо!

– Не надо... Не смущайся, – говорит акын, голова его снова падает. – А ты права! *(Забылся, снова очнулся.)* Четверо суток в песках, в жару. Уже умирал от жажды, а рядом текла вода...

– Жизнью буду обязана тебе. Ты учишь нас, учишь меня... только бы ожил... – приникла Райхан к лицу акына...

В просторной комнате за столом Андрей. Около сидит Самат и говорит разгоряченно, с возмущением.

– Вот акты. Акты! *(Бьет по бумагам.)* Провал. Провалила она приказ высшего командования? Десятого октября! Срок на носу. Срамиться перед Красной Армией, перед лицом целой воинской части. Позорный провал. *(Мечется по комнате.)*

– Кто говорит, что провал? – спокойно спрашивает Андрей.

– Кто? Спроси у табунщиков. У Кеке, Болата. Они пятьдесят лет с табунами... Косяки бредут беспризорно... Жеребцы грызутся... губят друг друга... Байталы одичали, взбесились... Погибает человек... При смерти, и кто? Акын! Что скажет

народ? Акын погиб из-за нее... Пропали байталы. Где их искать?

Андрей встал... Попрощался с Саматом... Он скачет на коне.

Самат, Асан, Сарсен во дворе. Стоят украденные из табуна байталы.

– Пропали байталы. Пропали! – говорит, ехидно улыбаясь, Самат. – Пропали, чтобы попасть хозяевам в живот...

Асан колет байтал. Спешит. Большое блюдо вареного мяса. Самат разливает из бутылки. Выпили трое. Набрали полные рты мяса. Стук в дверь. Открыл Самат. Вошли гости – их пятеро. Одеты по-городскому, с портфелями. Все они похожи по виду на Самата. При виде мяса расплываются в улыбке вошедшие.

– Откуда, Самат? Счастливец! – говорит усатый.

– Да был конь. Откармливал долго и вот заколол. Садитесь.

– Устрой и мне!

– Достань, дорогой Самат, и мне!

– Ну не оставь и меня! – кинулись со всех сторон к Самату.

– Казы! Какое казы! Жизнь отдам за один благодатный запах...

– Будет, достану... только пейте и ешьте, – говорит, почтительно усаживая гостей, Самат.

Мясо, водка. Уже пьяные, гости по очереди целуют Самата.

Андрей у ворот конюшни разговаривает с Кеке.

– Ну что, плохо?

– И хорошо и плохо! – говорит, поочередно разводя руками Кеке.

– Что хорошо?

– Жеребец хорошо, мужик хорошо, кобылица хорошо, баба хорошо.

– А что плохо?

– Мужик нет – баба бесится, баба нет – мужик дурак. А

Райхан баба хорошая, сладкая.

– Ты говори о хозяйстве.

– Это хозяйство.

– Как?

– Выдай замуж... Скажи, партия приказывает – айда замуж. Доставай мужика! – прикажи ей.

– Ты что это? Во сне?

– Во сне? – вскипел Кеке. – Ничего ты не понимаешь. Райхан замуж – и все будет хорошо. И байтал не побезит, и жеребец будет рад... И Кеке рад будет. Праздник совсем...

Подошли Райхан и Салим. Кеке, довольный и веселый, смотрит с умилением на них обоих. Обходит. Приплясывает:

– Ах, хорошо!

Райхан подошла к Андрею. Кеке останавливает Салима.

– Что такое? – спрашивает Салим.

– Ну женись, женись! (*Указывает на спину Райхан.*) А жена какая! Э-эх! Ну, понял? А я даю бата.

– Благословите! – Салим делает молитвенный знак.

– Аллах акпар! Ну, умри, а женись, родной!

Андрей смотрит испытующе, озабоченно на Райхан.

– Ну что, плохо? Не поддается?

– О, смотри, Андрей Иванович!..

Салим, Райхан ведут Андрея – показывают Акбесты, он выглядит прекрасно, сыт и выхолен... Смотрят на других – в стойлах. Андрей доволен.

Они едут среди табуна.

– Это ремонтные кони. Все потомство Акбесты, – говорит Райхан. – Выглядят хорошо. Рослые, статные.

– Потомки Акбесты, а ими едва ли может гордиться их отец – недостаточные, – говорит Андрей.

– На них печать прошлого, ты прав, – отвечает Райхан.

Прощается Андрей у ворот с Салимом и Райхан. Сев на коня, он говорит Райхан:

– Ты все же права, но ремонтных коней переведи в стойла. Ты знаешь, что твоей работой интересуются далеко за районом... Готовься, готовься, как к большому делу, – сказал он на прощанье.

Андрей уезжает. Довольные, смеющиеся идут Райхан и Салим. Глядя на них, приплясывает сзади, делает жест, как бы обнимая их обоих, Кеке... Весело он входит в конюшню Акбесты, треплет коня по шее.

– Скоро, скоро все будет хорошо. Все, все твои кобылицы со всеми твоими детьми будут вокруг тебя, а ты всегда с ними. Праздник будет, – говорит Кеке, улыбаясь и трепля Акбесты по губам.

VI часть

Высокие, новые и красивые стойла. Одно, другое, третье. Идут Есим, Иса и четыре женщины в спецовках, бодрые, веселые.

— Мы ведь на стороне Райхан! Докажем, что права Райхан, а не Самат. Не правда ли, докажем, да! — говорит Есим. Женщины смеются, уверенно кивают ему в ответ. Подходит акын.

— А, наши сказочные Кортки, — смеется он, — и богатырские кони их!

Выведены ремонтные кони. Первая ведет Жамал серого, как молодой Акбесты, метиса. Он пугливый, беспокойный. Но Жамал держит уверенно. Идет другая, третья и еще десяток женщин с таким же конями.

— Шлифуют алмаз — и получается сверкающий бриллиант. Вы шлифуете неплохо. Точно молодые Акбесты, — говорит акын.

— Где там, далеко еще до Акбесты. Это только намеки, — говорит Иса.

— Все впереди... Что скажет еще командование? — говорит Есим.

— Вот сдадите первых боевых коней, многих Акбесты — и я тогда сложу песню, поэму, такую поэму о сказочных героинях, женщинах, вырастивших сказочных коней... О Жамал... О Шолпан, об Алме... — указывает акын, смеясь, на каждую из близстоящих женщин. — Такую песню сложу, что весь Казахстан, весь Великий Союз запоют эту песню!

— Вот, смотрите, разве не права Райхан? — говорит Жамал, трепля по губе Серого...

— Мы и самой Райхан кое-что покажем. У них жеребцы из ее двора, так у нас ремонтные кони, — смеется Иса, — что там Кеке, так у нас Жамал...

Другой чистый, просторный двор. И там тянутся по краям огороженного двора стойла. Красивые, выбеленные и обсаженные молодыми деревьями.

Вошел Кеке в среднее стойло. Осматривает одного, другого жеребца. Подзывает двух женщин. Они также в спецовках. Как они, подтянут, чисто одет и сам Кеке.

— Плохо расчесаны гривы, — говорит он, указывая на жеребцов с недовольным видом.

– Я причесывала вчера.
– Только вчера, – говорят женщины.
– “Вчера!” – передразнивает Кеке. – Небось сама-то расчесалась. И мужа не ждешь, а расчесалась. Пусть и у них нет барышень сейчас... Тоскуют, правда, бедные, но все одно – посмотри-ка на них. Разве не хотят они быть красивыми? И причесаться, и подушится... и в зеркало посмотреть? Как ты, или ты, – обращается он к смеющимся молодым женщинам. Он гладит себя. Жеманится и рисуется как бы перед зеркалом. – Хотят! Спроси, все хотят... О, это, брат, кавалеры... шеголи... Держись только, – говорит он, любуясь лысым красавцем... Женщины начинают быстро расчесывать одного, другого.
– Но правда, что они не Акбесты, – продолжает Кеке.
– Почему не Акбесты?
– Чем не Акбесты? Хуже, что ли? Орел! – указывает первая женщина на жеребца около себя.
– А Вихрь чем хуже? – говорит другая, указывая на своего.
– Но, но, но, – раздражительно заговорил Кеке.
– “Но, но, но”, – передразнивает его первая женщина.
– Тебе бы только был Акбесты. Сказала мне Райхан, что от всех моих будут Акбесты... и еще какие!
– “Орел!”, “Вихрь!”, – передразнивает Кеке. – “Будут Акбесты!” У плохой собаки кличка Волкодав. Вот что. Помалкивай лучше, – говорит он, как бы оскорбляясь, и отходит дальше.

Райхан, Самат, Болат, акын и Есим идут по стойлам. Близко прикасаясь к Райхан, идет также Салим. Кеке принимает их радушно. Они проходят, осматривая несколько жеребцов в стойлах. Подошли к Акбесты. Остановились. Он в теле. Статный. Повернул морду к Кеке с тихим ржанием.

– Здрасти, здрасти... Вот, – говорит Кеке, показывая на людей, – гости, друзья пришли к тебе... – и, обращаясь к Райхан, приложив руки к сердцу, продолжает: – Все понимает, все говорит мне. То скажет: “Где это Кеке пропал? Я пить хочу...” А то скажет, а то скажет... – задерживается он, многозначительно смотря на Салима и Райхан по очереди, – ну когда же ты женишься, наконец? Все обещаешь, обещаешь... А я все жду, жду, говорит он, у кобыл нет коня, он говорит сегодня утром...

Смеются Райхан и Салим. Смеются все остальные.

Прервал смех Самат, он говорит Райхан:

— О нем уже знает военный округ. Заинтересовалось командование. А ты знаешь, что это значит?

— А что? Потребуют его родословную?

— А ты имеешь ее?

— Акбесты скажет сам за себя...

— Сомнительный эксперимент, непроверенный опыт. Пусть редкий, а случайный экземпляр казахского коня. А ты все хозяйство, хозяйство военное, оборонное строишь на голом эксперименте. Вот чем все пахнет.

— А, так говоришь пахнет? — строго посмотрела на Самата Райхан. — Ну так давай уж напрямик... Ты тоже отвечаешь за все... Хорошо начал. И вот Акбесты из табуна твоего отца. Ты должен знать все. Скажи правду о нем!

— Здесь? Все? — вытаращил удивленные глаза Самат. — Что с тобой? В уме ли ты?! — хохочет он. — Я учился, служил. Был всегда в городе. Нашла же свидетеля!..

— И ты не знаешь?

— Откуда? — пожимает плечами Самат.

— Так ты должен знать, Болат. Ты всю жизнь был табунщиком у них. Скажи ты, — наступает Райхан на Болату.

Болат думает.

— Вот, милая, все думаю и думаю и никак не вспомню, откуда и как только получился он?

— Ну, каким был его отец? Таким же?

— Ну, где там, — морщит нос Болат, — тот, которого называли отцом, даже одного копыта его не стоил. Был словно не конь, а кошка!

— И ты не знаешь, откуда взялся Акбесты?

— Да нет, откуда мать его я знаю!

Райхан озадачена.

— Видишь! Откуда он — неясно, неведомо никому!

— Нет, он должен быть, он и есть потомок английской чистокровки...

— А доказательство? А родословная?.. А биография его отца и матери? — сыплет вопросы, злобно торжествуя, Самат.

Райхан молчит... Молчат, понурив головы, Есим, Кеке и Салим. Нахмутив брови, что-то вспоминает акын.

— Послушайте, — приблизился он к Райхан и Самату. — Я вспоминаю, что тринадцать или четырнадцать, да, четырнадцать лет тому назад бай Жексен продал несколько кобылиц

одному генералу. У него были знаменитые скакуны, английские. И вот одна из этих кобылиц, я помню, о, хорошо помню, это была мать его, — указывает на Акбесты акын и радостно улыбается, — прибежала осенью обратно из генеральской конюшни.

— И верно, ей-богу, это была его мать, — засиял и Болат. — Права, ты права, стой на своем, ты права, милая Райхан, — говорит он и с восторгом обнимает, хлопает Райхан по спине.

Опустил голову Самат. Пошли все. Быстро догнал Есим уходившую Райхан. Обнял крепко. Взял ее руку левую, с жаром прижимает к сердцу и быстро шагает с нею, рядом с ними и обрадованный Кеке...

Но вдруг посмотрел на Есима и Райхан, осекся; пораженный и недовольный, смотрит он то на уходящих, то на Салима, отставшего от других. Делает знак, чтобы шагал и он. Сердито огрызается на Есима. Засеменил за ними. Метнулся быстро обратно. Притащил домбру, настиг акына. Дернул и повернул его к себе.

— Пой. Ну пой же!

— О чем? Ты что? — говорит удивленно акын.

— Что тебе песня? Что плюнул, что плеснул воду — и все. А сколько поешь зря. А тут? Тут жизнь, свадьба (*показывает на людей и на коней*), всем, всем свадьба, — пой.

— О ком? И о чем петь?

— Пой о Салиме. Перед Райхан пой. Есим что? Все равно не женится, а Салим? Пой, хвали его.

— За что хвалить его?

— Хвали, хороший джигит, значит, хороший муж будет, — сует он настойчиво домбру.

— Но как хвалить?

— Пой, ну, хвали, говори, что джигит — аргамак, скакун... (*решительно и радостно взмахивает обеими руками*). Пой, что этот джигит Салим, не Салим, а сам Акбесты...

Ушли Райхан и Есим. Торопит и волочит за собою акына Кеке.

Кеке с джигитами у кормовой базы. Он отмеривает, раздает овес женщинам.

— Ты что так мало даешь? — наступает женщина.

— Нет больше.

— Как нету?... А это куда? — говорит сердито другая женщина, указывая на большую порцию овса, отмеренную особо.

Кеке загораживает овес. Но женщины вытащили.

– Куда прячешь?

– Это? Это для Акбесты! Не знаешь, что ли?

– А почему ему больше, а Мереу меньше?

– Почему обижаешь Орла?

– А Вихрь? Что это тебе не Акбесты, что ли?

– Давай, давай, ну-ну, дальше, – говорит сурово Кеке.

– Давай, так давай сюда! – рвет из его рук скорей первая женщина. – Тысячу раз Райхан говорила: корми одинаково, а ты все Акбесты, Акбесты.

– Акбесты – военный человек, будет Красный Армия смотреть. Округ!

– А наших что? Не думай, и их попросят!

– Акбесты командир, корпус, а ваши – эскадрон. Пошли, айда. Ну, – теснит он женщин мешком.

Ночью над головой Акбесты в окно высунулась голова бая Жексена. Смотрит воровски направо, налево, смотрит со страстной улыбкой на Акбесты.

– Здравствуй, родной мой! Здравствуй! Ты тут, в плену. А я прибрел к тебе. Твой, твой хозяин! Тебя хотят увести. Показать войскам... А там – под пулю? Н-е-ет. Не будет. Не позволю. Защитник, заступник есть у тебя. Это я. Скоро, скоро будешь со мной, у меня. Отделили от косяка, заперли. *(Смотрит на двери.)* Все равно не удержат... А это кто? *(Смотрит на соседей Акбесты – на лысого... на светлого с другой стороны.)* Ох, ах... вот они кто? Точно Акбесты... Точно ты. Да, все одной крови. Твоя мать была бегунья... Я, продавая ее, знал, что она прибежит обратно ко мне. И она прибежала. С Ботовской ярмарки, из Андижана, из Ташкента. И продал я ее генералу. И она принесла, пришла ко мне, имея в утробе тебя, угадала! И как узнала, что ты англичанин? Райхан *(злбно стискивает зубы)*, жена! Третья жена моя. Вырвалась сама, взбесилась, ушла сама, и хочет все, все вырвать из моих рук... Нет... Не дам... Все равно все мое... И ты, Акбесты, первый будешь со мною... *(Заворошился, достал острый нож, сверкнуло лезвие. Закинула рука нож над головой Акбесты. Остановилась.)* Не то... Не так. *(Придвинулся ближе. Достал гриву коня, отделил пучок волос, срезал их. Приблизил к лицу, приставил ко лбу, зажевал губами, закрыл глаза, подержав волосы у лба, поднес к губам.)* Су-у-уф! *(Дунул на них и тщательно засунул за пазуху. Отодвинулся на-*

зад. С наружной стороны считает стойла.) Шестой... седьмой... (Чертит крест на стене своим ножом.)

Пошла сгорбленная, вкрадчивая фигура, сгорбленным серым волком, в ночь, в темноту.

Кеке бережно, любовно гладит Акбесты. Берет щетку, начал расчесывать гриву. Вдруг остановилась рука... Смотрит Кеке пристально в гриву коня. Видит – серьезно... Забеспокоился... Оглянулся кругом... Смотрит в окно... Приподнялся. Поднял один волос. Выбежал из стойла... Он идет снаружи стойла... Остановился у отверстия... Смотрит на крест.

Пришли Райхан, Есим, Кеке... Смотрят на крест.

– Что-то подозрительно, – говорит озадаченная Райхан.

– Подозрительная охота, – говорит Есим и добавляет: – Вот что, выведи Акбесты, Кеке. Переведем на несколько дней его ко мне, в наши стойла...

– И посмотрим, что будет дальше, – согласилась Райхан. – Выводи Акбесты.

Его уводит Есим на поводу.

– А я сегодня сам переночую в стойле Акбесты, – говорит Кеке.

Райхан одобрительно кивает ему головой.

VII часть

Идут Самат и Есим по стойлу. Особенно сосредоточено лицо Самата. Он ищет глазами кого-то. Вдруг метнул взгляд. Оживилось его лицо. Отдельно от других ремонтных коней, далеко от конюшни, в маленьком дворике стоит Акбесты.

– А, Акбесты ты готовишь? Это неплохо, – сказал Самат.

– Куда готовим? Никуда не готовим, – удивился Есим.

– Как? Ты разве не знаешь? Есть приказ командования привести напоказ, на аттестацию и Акбесты ко дню приема ремонтных коней...

Они же. Идут с группой женщин.

– Вы знаете, что день приема воинскими частями, командованием ваших коней – десятое октября?

– Как? – забеспокоился Есим.

– А что вы думали? И какое внимание! Командование. Воинская часть приедет принимать... Это впервые.

– А вы что? (Смотрит на обеспокоенные лица женщин и Есима.) Вы, я вижу, еще мало торопитесь! Раскачаться не хо-

тите? А знаете вы, что ваши кони должны быть не дикими, а должны давать и щупать и обмеривать себя, и, главное, должны свободно входить в вагон! В вагон. Вот что! А вы и не подумали об этом? – говорит Самат.

Насмешливо смотрит на него Жамал.

– Да, да, как раз и не подумали, – говорит, отходя от мужчин, Жамал и, подтолкнув смеющуюся женщину, идущую рядом с ней, добавляет: – Ишь ты! Учитель! Заявился, когда осталось только три дня...

Стоят два красных вагона, по виду товарные. Но они на деревянных колесах. Самодельные. Поперек красных вагонов идет надпись белым: “Жасасын айбынды кызыл аскер!” Ко входу в вагон ведет широкий наклонный настил. Стоят вереницей женщины, каждая держит по коню.

Первой подошла Жамал с белым, как Акбесты, молодым статным конем. Она ступила ногой на настил. Ступил и конь. Но затрепетал и отступил обратно. Тянет его Жамал. Он вытянул шею, фыркает, пятится назад. Спустилась Жамал. Подошла, потрепала его по губе.

– Дурень! Большой, а дурак, вот ты кто. Но неужели ты не понимаешь, что не пойдешь в вагон, так пойдешь ногами тысячу верст. И что тогда станется с тобой! (*Треплет по ще, по губам.*) А тут сел в вагон – и сам привезет. И еще скорым поездом понесет. Да ты понимаешь, что ты первый, первый из всего этого табуна увидишь такую почесть!.. Ни отец твой, ни мать сроду не видали ее. Да хоть взять бы меня. Вот говорю о поезде, а сама еще ни разу в жизни не ездила... А ты поедешь, и раньше меня!.. Ну, понял, образованный человек? Ну, айда, пошли, – уверенно повела она.

Чуть задержался вначале конь.

– Ну же, глупыш, ну! – потянула Жамал, и конь уверенно зашагал по настилу. Зашел в вагон.

Уже много коней входило в вагон и выходило оттуда. Подошли Самат и Есим, видят эту картину. Самат поразился. Подошла к окну Жамал.

– Ну что, мы не подумали, да? – смеется она.

– Bravo, bravo! – качает головой Самат. – Когда же это? И как догадались?

– А это вот наша Жамал, наши женщины придумали, – говорит, посмеиваясь, Есим.

Смеются женщины, и незаметно, как они теперь смеются

над Саматом. Нахмуренный и раздраженный, резко отвернулся от них Самат. Метнул глаза в сторону, туда, где отдельно от других стойл, в маленьком особом дворике стоит Акбесты. Прищурил глаза и, постояв немного, резко повернулся к Есиму.

– Послушай, Есим, ты сейчас едешь со мной в район!

– Зачем? Ты видишь, у нас какая горячка тут?

– Да, и именно поэтому... Надо поехать в район и получить самому все инструкции, указание по сдаче коней... Ну, собирайся, живей. Айда!

Есим покачал головой. Готовится и, подходя к Жамал, поручает:

– Сообщи Райхан, что меня вызвали в район... *(Смотрит на солнце – оно садится за высокий холм.)* Скажи, что вернусь только завтра.

Ночь. Кеке в стойле Акбесты сидит на карточках и, одолевая дрему, глядит в сторону отверстия наверху. Озаряет лунным светом часть косяка и стены. Смотрит, прислушивается. Тихо поднявшись на носки, подходит на цыпочках к отверстию.

А снаружи конюшни из-за трав приподнялась сгорбленная фигура. Ярко белеет стена стойла. Отчетливо виден черный крестик под одним отверстием. Фигура поползла к стойлу. В руке огромный железный лом. Это Сарсен. Идет воровато, медленно, оглядываясь кругом. Внутри настороженно прислушался Кеке. Приподнимается. Снаружи идет к стойлу Сарсен... Вдруг раздается отчетливый, короткий свист. Оглянулся Сарсен. Внутри, быстро приподнявшись, прижался к отверстию лицом Кеке. И он услышал свист. Смотрит. Отступил Сарсен. Из густой травы приподнялась другая фигура. Подзывает Сарсена коротким жестом руки.

Пригнулся Кеке. Нахмурил брови. Всматривается.

– Что? – подошел быстро Сарсен ко второй фигуре.

– Акбесты не здесь. У Есима. Там, в отдельном маленьком дворе, где квартира Есима. Скачите туда...

Видит Кеке спину, затылок этой фигуры. Выбиваются длинные волосы. На голове шапка с ушами, виден краешек белого воротника.

Узнал и отшатнулся Кеке.

– Это он?! Негодный! – разочарованно и в отчаянии он ударил себя кулаком по виску.

Разошлись две тени. Расстались две фигуры. Быстро понесся Сарсен. Отойдя сторбленной от него, скоро выпрямилась фигура человека, и он медленно, посвистывая, озираясь на луну, пошел спокойным шагом.

Вошел Кеке в канцелярию. Сидят за столом друг против друга Райхан и Салим. Салим отсчитывает на счетах.

– Вот и вся сумма! – усталая, озабоченная, смотрит на Салима Райхан. Пристально глядит Кеке в затылок Салима: спина и затылок, белый воротник.

– Райхан! – окликнул он холодно. Посмотрела из-за абжура Райхан, улыбнулась.

– Что! Пришел опять нас женить? – смеется она.

– Нет, – говорит сурово Кеке.

– А что?

– Ты не выйдешь замуж!

– Как?! – встала с места смеющаяся Райхан. – За что же такое наказание? – подошла к Кеке и, видя его суровое лицо, нахмурилась, тронула за плечо.

– Видел охотников за Акбесты.

– Видел? Кто? – подступила Райхан.

Кеке смотрит на затылок Салима. Райхан смотрит на Кеке и на Салима по очереди. Заметно, как страшная догадка мелькнула на ее лице.

– Говори! Скажи все!

– Спроси у этого джигита.

Будто ужаленный, быстро повернулся к ним Салим. Но решительно, медленно подошел к нему Кеке и добавил, глядя в упор, в лицо джигита:

– Он знает. Он все знает.

Салим вскочил с места.

– Ложь! – крикнул он.

Райхан сурово сдвинула брови, подступила к нему:

– Скажи сам! А то скажет Кеке!

Будто переменялся в лице Салим, обратился с мольбой:

– Райхан, милая... Разве забыла, кем я был тебе давно.

Продолжая говорить, он приближается, хочет обнять Райхан. Она впиалась в него глазами.

– Кого видел недавно? – крикнула Райхан, осадила его. Смотрит сурово, пристально...

Меркнут лживые глаза Салима. Отскочила Райхан, сорвала со стены плетку, и посыпался удар за ударом на голову и лицо Салима... Он растерянно съежился.

– Говори, кого ты видел сейчас!

– Человека от твоего мужа, бая Жексена!

Райхан быстро вытолкнула Салима в соседнюю комнату, захлопнула дверь.

– Сторожи! – сказала Кеке и сама села за стол.

Сбились ее волосы, пристально и задумчиво глядят в пространство ее глаза.

– Когда-то это был мой идеал. И теперь я отхлестала идеал несчастной темной юности моей!..

Но, вспомнив что-то, она быстро вскочила... Достала браунинг из ящика стола... Сунула в карман...

– Есима нет. Акбесты один! – быстро выбежала она из комнаты... Поспешно садится на коня. Стегнула его.

Быстро вбежала Райхан в комнату. Вскочил навстречу Иса.

– Ты один? – спрашивает она.

– Да? А что?

– Не успели с несчастным телефоном! – злится Райхан. – Жилье разбросано по горам, люди рассеяны... Побеги, беги скорее, буди... позови людей! Где Акбесты?

– Тут, во дворе... Но что случилось?

– Враги, охота за Акбесты... Беги в ближайшее жилье...

Но вдруг насторожились оба. Прислушались. Сильно залаяла собака. Это лает чей-то пес за углом. Взглянула Райхан в дверную щель.

– Опоздали, отрезаны. Есть ружье? – говорит торопливо Райхан.

– Нет, откуда?

Подъезжают к отдельной зимовке девять-десять человек верховых. Райхан метнулась во двор, около дома. Выскочил Иса навстречу верховым, крикнул:

– Эй, стой!

Верховые не остановились, наступают на него... Быстро спешились, бегут к нему. Он сбил одного дубиной. Окружили остальные, поймали. Иса отбросил двоих. Вцепился в него Сарсен. Иса чуть не сбил его с ног. Но за ноги Исы схватились Асан и еще другой. Свалили.

Райхан на Акбесты вылетела стрелой со двора... Выстрелила раз, другой. Съежились, прижались к земле враги, оглянулся бай.

– Хватайте, бейте ее! – командует он.

– Разойдись, стой!.. – кричит Райхан, но видит, издали наведены на нее дула...

– Живьем Акбесты, живьем! – кричит бай.

Лежат двое, придавливая Ису... Остальные расползаются, окружают Райхан.

– Скачи, спасайся! – кричит Иса.

Райхан пустилась вскачь. Вся группа врагов на коне. Пустились за Райхан. Она скачет поперек лога. По пути овраг, арыки. Акбесты делает громадные прыжки. Впереди холмы. Задние пришпоривают коней. При угрожающих криках бая Сарсен видит оскаленные зубы. Она среди холмов. Бай и Сарсен впереди погони.

– Уходит, стреляй! – командует бай.

Сарсен на скаку взводит курок. Стреляет. Райхан скачет. Задние без устали бьют коней. Виден домик, откуда уехала вначале Райхан. Близо. Не отстает, а настигает погоня. Райхан не может остановить Акбесты. Она теряется. Акбесты несет ее. Сделал круг, обогнув двор. Погоня близка. Райхан решила и направила коня прямо на глиняный высокий забор. Выбежал из комнаты во двор Кеке. Акбесты сделал высокий прыжок, перемахнул через стену и оказался во дворе. Райхан и Кеке быстро завели Акбесты в конюшню, закрыли на засов ворота, Кеке стал с дубиной как вкопанный. Враги подскакали.

Райхан стреляет из разных отверстий. Начали стрелять и снаружи. Выбежали из дальних зимовок женщины. Но их взяли под обстрел. Залпами в дальние зимовки. Райхан рассмотрела: командует бай. Целится, стреляет, не попала. Стреляет еще раз. Свалила одного... Еще одного. Но мало пуль. Осталось только три пули. Враги бьют в ворота конюшни, теснят Райхан к дому.

Отрезаны Кеке и Акбесты. Райхан рванулась. Она в комнате. Быстро достает пули из чемодана. Сквозь закрытые ставни поют пули. Летят вдребезги стекла. Посмотрела Райхан на стену. Портрет Ленина. Пуля пробила нижний край. Ее лицо воспыало гневным огнем. Подкралась к окну, ударила

пуля о ставни. Выстрелила она, свалился еще один. Вдруг она оглянулась. Подходит Салим.

– Дай помочь тебе, – приближается он, смотрит хищно.

– Стой! – скомандовала Райхан, навдя браунинг, выстрелила на улицу, снова наводит дуло.

Бьют пули в ставни, колотят люди в дверь.

Оглянулась Райхан, бросился на нее со звериным лицом Салим. Быстро поворачиваясь, выстрелила Райхан. Грохнулась около Салим. Бросилась к двери Райхан.

Стреляют в дом бай и Сарсен. Остальные уже свалили ворота конюшни. Лежит связанный Кеке. Выведен Акбесты. Затихла стрельба. Открыла дверь, выбежала Райхан. Связан Кеке. Настежь открыта конюшня, она бежит туда. Пусто... Грохнулась на Кеке и быстро развязывает его Райхан.

Скачет во весь опор Иса. На скаку въехал в зеленую улицу. Он и Есим скачут по улице. Остановились у райкома. Андрей, глядя на стоящих перед ним Есима и Ису, снимает трубку телефона.

– 2-30. Петров. Зайди ко мне.

Повесил трубку.

Вошел Петров. Быстро зашагал навстречу к нему Андрей.

Спешно собрался и вышел Самат из комнаты. Загудела машина, газ. Тронулась. В ней шофер, рядом Самат.

– В город! – скомандовал коротко Самат. Посмотрел на показатель бензина – полный!

Выехали на большую дорогу. Мчится машина во весь дух.

Трое военных постучали в дверь. Подождали. Тронули дверь – открыта. Зашли. В комнате Самата все перевернуто. Нет никого. Вышли, подходят к сараю. Вошли. Нет ничего. Быстро подошли к воротам. След машины.

Скачет Иса.

Щека повязана, нахлобучена мохнатая шапка на глаза. Подошел к вошедшему Сарсен.

– Ущелье Амансай, у подножия скалы Найзатас, – буркнул Сарсен.

Быстро повернулся вошедший, сверкнули знакомые глаза Самата при уходе. Бросился Иса, вцепилась его рука в руку Самата.

– Жулик! Ловите его! – кричит Иса.

Повернулся спокойно Самат:

– Братва! – кликнул он жуликов. Все жулики сорвались с мест. Самат глядит насмешливо на Ису и командует:

– Держите его, это беглец. Я давно слежу за ним.

Но ударил его Иса. Бьются кулаками. Сильны оба. Сарсен норовит схватить Ису сзади. Иса подставил левую ногу и ударил Самата в висок. Тот полетел. Но, поднимаясь, крикнул:

– Ловите, ловите его!

Насели на Ису все жулики... Задержали. Убежали быстро Самат и Сарсен.

– Нельзя, нельзя драться в порядочном обществе, – смеются жулики, подмяв под себя Ису. Но рванул Иса, разбросал жуликов, бросился на улицу. Смотрит Иса в разные стороны. Горят тусклые фонари по краям грязной улицы сонного города. Простыл след беглецов. Бежит по улице Иса.

Вдали ремонтные кони. С ними женщины и мужчины. Идут Андрей, Райхан, Кеке и акын. Крепко обнимает за плечи Райхан Андрей.

– Воинские части уже в районе. А завтра утром придут командиры. Ровно в десять, чтобы ровно в десять утра. Главное четко и точно. А во-вторых, бодро и весело, – говорит он, с улыбкой глядя на Райхан. Она грустит, молчит, поникла ее голова.

– И без него... без Акбесты с каким лицом явлюсь я туда? Родной мой! Куда я?! – зашаталась Райхан, быстро закрыла лицо обеими руками. Остановилась. Сокрушенно вздохнул и Кеке.

– Ну, полно! Акбесты вернется. А что завтра без него, так за него все скажут его сыновья и дочери. Довольно, ты сделала все, ты ни в чем не повинна, ну, конечно, отбрось теперь все. – Он достал платок, вытер слезы на щеках Райхан. – Знаешь ли, это вовсе не военный нрав, – смеется он.

Оживилась, взяла себя в руки, засмеялась Райхан и пошла быстро, взяв под руку Андрея.

Кеке, Андрей и акын. Андрей у коня, собирается садиться на него. Взял за плечи акына и Кеке.

– Смотрите за Райхан. Веселите ее, устройте сегодня вечером хорошую, дружную компанию. Скажите это и женщинам. А ты пой, акын, ей песню про героиню Кортку. И знаешь ли, пой то место, где хищный враг Алшагир пришел набегом на ее аул. Пой это и даже присочини от себя, – смеется он, – и расскажи, как не сломило горе сильную и мудрую Кортку. Одним

словом, веселитесь. Но смотрите, однако, чтобы только не проспаться! — грозит пальцем и смеется он, тряся руку акына.

— Э-э-х! — сокрушенно вздохнул Кеке, любовно смотря на Андрея.

— Что? Что с тобой? — обратился к нему Андрей.

— Эх, был бы я партия! — качает головой Кеке.

— Ну и что бы тогда?

Подтянулся, принял бравый вид Кеке и добавил:

— Был бы я партия — отдал бы сейчас военный приказ.

— Какой приказ?

— Какой? Не видишь? Нападает волк на косяк — Акбесты защищает. Нападает на Кортку Алшагир — батыр защищает. А тут? — пожимает он плечами. — И вот отдал бы я приказ — молчать, Андрей, руки по швам, Андрей, и... и жениться на Райхан, Андрей!.. Вот что бы приказал.

Хохочет Андрей. Он сел на коня и поскакал галопом.

Есим и двое товарищей — едут в горах, среди скал. За седлами коржуны. С ними старик казах. Он слушает Есима.

— Они большие инженеры. Ищут дорогие камни в горах. А я переводчик-толмач.

Старик показывает камень на горе. Инженеры дали ему сто рублей. Другой казах, с ним еще несколько. Показывают камни. Инженеры бьют молоточками камни. Одобрительно кивают казахам. Кладут куски камней в коржуны.

— Рахмет, рахмет! — приговаривают они, раздавая деньги.

Скачут от них казахи по ущелью, довольны.

— Щедрые, щедрые инженеры, — говорит казах встреченному в ущелье.

Переодетые Жексен, Сарсен, Асан углубляются в горы, в ущелье. С холма Жексен указывает путь дальше.

— Вот скала Найзатас. Скоро должен явиться Самат. Явится, и тронемся быстро в сторону границы — Акбесты на поводу.

Всадник на лужайке среди скал. Пущены стреноженные кони. Акбесты не щиплет траву. Все смотрит назад. Жексен наблюдает за ним. На лице его беспокойство.

— Он не щиплет травы. Не думает ли о своем стойле?

Задремали все. Акбесты идет прыжками. Идет в ту сторону, откуда приехали. Посматривает вперед, ржет, рвется прыжками. Оторвалась веревка от одной передней ноги. Спутаны две ноги, легче продвигаться. Очнулся Жексен. Метнул

взгляд. Нет Акбесты. Всполошились все. Забегали. Погоня верхом. Акбесты вдали. Он увидел погоню. Идет быстро. Но мешают пути. Уже близко Жексен и Сарсен. Подъехали. Акбесты сделал отчаянный прыжок. Разорвались пути. И он пустился во всю мочь. Снова погоня. Удаляется все дальше, дальше Акбесты. Сарсен в отчаянии снял ружье. Выстрелил, не попал.

— Лучше умри, чем попадешь к ним! — сказал бай, слез с коня, поднялся на камень, взял на прицел. Выстрелил. Акбесты дернул на скаку правой задней ногой, но скачет далыне. По правой ноге потекла кровь. Не хромает. Скачет и ржет он. Выстрелил снова бай. Не попал. Конь перевалил через холмы, исчез с глаз.

Сарсен и Асан скачут по ущелью, расспрашивают у старика. Он видел, указывает им направление лошади.

На высоком каменистом холме инженеры, с ними трое казахов. Послышалось ржание лошади. Заржала и кобылица Есима. За горой снова ржанье. Близко. Насторожился Есим. Ржет кобылица. Смотрит Есим на верхушку недалекой скалы. Из-за камней показались белые уши и грива. Вышел Акбесты. Снова заржала кобылица. Акбесты обходит издали, ходит то назад, то вперед. Приближается к кобылице. Узнал, подошел близко. Есим поднял подол халата, сделал как мешочек для корма, подносит... Акбесты протягивает морду. Есим обнял за шею. Засмеялся.

— Придет хозяин, возьмет, а пока останется у нас, — говорит он казахам. Взяв деньги, казахи разъехались.

Инженеры остановились в ауле, в горах. Сарсен и Асан встречают отъехавшего казаха. Расспрашивают:

- Не видел белого коня?
- Видел.
- Где он? — спрашивает Сарсен.
- Да он уже пойман.
- Кем?
- Одними русскими тут.

Асан встревожен, делает знаки Сарсену ехать обратно. Сарсен переспрашивает:

- А какие русские, военные?
- Да нет. Ищут камни, инженеры. Я показал камень и взял денег. Говорят, здесь будет завод. Нашли дорогой камень.

Лицо у Сарсена прояснилось. Тронулись дальше. Достает из-за пазухи погонную на Акбесты.

Подъехали к аулу. Осмотрели. В конюшне Акбесты. На улице один из инженеров. Сарсен обращается к нему, показывает на Акбесты.

— Лошадь ваша, так возьмите. Покажите только главному инженеру ваши бумаги, — говорит инженер.

Сарсен слез с лошади. Вошел в зимовку. Асан на улице. Инженер подошел к нему. Слез и Асан, идет к Акбесты, за ним идет инженер. Сарсен перешагнул через порог. Смотрит в передний угол. Раздается команда:

— Руки вверх!

Сарсен метнул глазами в обе стороны. Наставлены наганы. Инженер на улице наставил наган на вора.

Скачут Есим и товарищ его... С ними еще двое. Арестован бай... Насторожился Есим... Слушает... Слушает и держит наготове винтовку, инженер впереди. Слышно приближение машины. Притаились в седле за скалами ожидающие. Мчит-ся машина. Правит, смотрит вперед Самат. Вдруг он заметил что-то за скалой. Торопливо остановил машину. Быстро поворачивает. Выскочили из-за скалы инженер, Есим, еще двое.

— Стой!

— Слезай! — командуют на скаку они. Самат, повернув машину, высунулся, выстрелил раз, другой... Тронулась вверх по дороге машина. По бездорожью, по камням скачут наперерез кони. Они настигают. Стреляют верховые. Смотрит Самат — дорога идет по краю обрыва. Пересекают ему дорогу Есим и инженер. Винтовки их наведены на Самата. Самат быстро, круто поворачивает руль. Машина несется прямо на край обрыва. Стреляют ездоки. Выстрелил раз Самат. Пустил машину с размаху. Полетела в пропасть машина с Саматом. Смотрел пристально за машиной бай. Рванулся в последний момент. Удержал его военный. Полетела и грохнулась машина на камни, перекувыркнулась.

— Как благословлял час твоего рождения, так благословляю час твоей гибели, — говорит бай, что-то прошептав, делает бата.

Длинной вереницей стоит кавалерийская часть, разбившись на два ряда. Посередине между этими рядами пока пусто... В головной части рядов небольшое возвышение. Взошли

туда Андрей и три человека военных. Это командиры частей. На груди ордена.

– Ну, где же они? – говорит первый командир.

Смотрит на часы Андрей. Беспокойно, пристально смотрит он вдаль, в конец улицы. Не видно ничего. За частями по обе стороны улицы толпится народ. Его ряды тянутся далеко, далеко.

– Собрались со всей долины Бала-Шакпак! Тут все люди нашей долины, – говорит Андрей.

– Лучше бы весь Бала-Шакпак, и горы и долину его, сделать одним огромным объединенным хозяйством особого государственного значения... – говорит первый военный.

– Мы, люди этой долины, только будем рады, – говорит Андрей, но беспокоится, смотрит на часы. 10 часов 15 минут. Смотрит с досадой в даль улицы.

– Однако, где же они? – говорит второй командир.

– Но когда же, скоро ли? Когда же они? – беспокоится Райхан. Стоят около своих оседланных коней Райхан, акын, Кеке, Болат, Жамал. Кеке весело шутит с Райхан:

– Все, все в порядке, – отдает он ей честь. – Все в порядке, товарищ полковник, – говорит он.

Смеется Райхан. Смеются женщины.

– Ну, я полковник, а ты кто? – спросила Райхан.

– Ты полковник, а я атутант, жолдас командир, – говорит он. Райхан смеется и смотрит пристально на его грудь. Там оборваны пуговицы.

– Товарищ адъютант, у вас нет ни одной пуговицы, и вы вообще неряха, – говорит она. – Сними спецовку. (*Сама сдерживает с Кеке спецовку.*) Женщины, сюда! Есть нитки с иглой? Пришлите ему, – передает она Жамал.

– Адъютант на параде перед нашей Красной Армией и – в ночной сорочке, – смеется Райхан.

– Вот, вот они! – закричали вдруг.

Стоят Есим и военные. На поводу у Есима Акбесты. Райхан бежит к Есиму. Он пеший, держит под уздцы Акбесты. Райхан подбежала, обняла и поцеловала Есима, обняла и прижалась к голове Акбесты. Обнял ее и Есим, другой рукой он также обнял шею Акбесты. Смотрит на них бай. Чуть подался вперед. Раскрылись широко его глаза. Счастливы Райхан и Есим, обнимая Акбесты. Померкли глаза бая. Попятился чуть

назад, съезжился, поник даже осанистый бай. Он бессильно опустился на землю, закрылись опущенные вниз веки его.

— Где же, где же они? — начинает нервничать первый командир.

— Что же это с ними? — волнуется Андрей. Смотрит в даль улицы Андрей. Но вот оживление среди ожидающей толпы. Зашумели.

— Едут, едут! — оживились люди на возвышении. Появились в конце улицы длинные ряды всадников. Идут, идут они, на поводу, белые, белые, кони. Во главе шествия Райхан в ярком казахском костюме. На поводу у нее Акбесты. Чуть позади от нее ведут по три белых коня Есим, Жамал, Болат, Кеке, акын и целая вереница за ними. Заиграла музыка.

— Ура, Акбесты!

— Ура, Райхан!

— Ура, табунщицы! — кричат из толпы. Летят цветы, букеты роз, букеты астр падают на спину, на гриву Акбесты. Взяла на караул кавалерийская часть... Сверкнули сабли, взята к плечам. Парадно, торжественно застыли бойцы в ожидании. Проходит, проходит длинная лента белых статных коней. Все летят цветы. Все бодрее играет музыка.

Райхан, Жамал, Есим, акын на возвышении. Горячо трясут руку Райхан командиры, хлопает ее по спине командир с орденом. Треплют по шее Акбесты все командиры, любовно, восхищенно окружили они его. Запел вдохновенно, красиво жестикулируя, акын:

Это сказочный Тайбурыл,
А вы, родные соколы, — богатыри для него.
И как в красивом сказе народном
Вскормила дочь волшебного коня,
Так счастливая дочь народа ныне
Подводит с ликующим лицом,
С любящим сердцем богатырского коня.

Снова музыка. Радостная улыбка на всех лицах бойцов. Горячо и взволнованно говорит Райхан:

— Это первое поколение наших питомцев. Все лучшее, подлинно лучшие поколения у нас впереди. Следующий год и последующие годы за ними принесут настоящую, заслуженную славу нашим горам, нашей скромной долине. И мы

счастливы жить и трудиться одной великой мыслью, что наши любимые кони будут верными, боевыми друзьями наших героев командиров, наших маршалов и самого Климента Ефремовича! Ведите наших коней как дань нашего сердца, привета дочерей и сыновей народа героям нашей Красной Армии.

Подхватило Райхан на воздух много крепких рук.

Смех, радостный смех на всех лицах. Летит все больше и больше букетов цветов. Замелькали в воздухе розы, астры, георгины. Сверкают они многоцветьем. Улыбки, улыбки. Радостный восторг также сверкает на всех, на многих и многих лицах.

К о н е ц

**Балет
либреттолары**

ҚАЛҚАМАН – МАМЫР

(Қанды қақпан)

I

Тау-тас арасы, сай. Тап ортада оқшау тұрған биік қанды құз. Қыз-келіншек тобы шығады. Мұң басқан, иығы түскен жүдеу топ. Тап ортада қаралы Мамыр. Тасқа отырады. Көптен бетін сыртқа бұрады, оқшау. Қасына біресе шұбырып, біресе жалғыз-жалғыздан қыздар, достары келеді. Айналаны, тау-тасты, су, тоғай, аспан көкті көрсетіп алдандырмақ. Мамыр айықпайды. Аналарды серпеді, кой дейді. Әр жаққа таратып жібереді. Өзі жалғыз қалған соң дертімен шерленеді, тілек тілейді. Жартасқа, қанды құзға жалынады, жабысады, егіледі, бүк түсе жалбарынады... Қу ағашқа әлем байлайды, оған жалынады. Күнге, аспанға, көк майса тал шалғынға да бұралып оралып зар шағады. Қайтадан шер кернейді. Қараны қайта жамылады. Қанды құзды өрлей-өрлей береді. Тау басына тақап енді атыла береді... Сол кезде жан-жақтан нөкерлері жүгіріп-жүгіріп шығысады. Арттарына қарасып бір қызық ерекше жаңалық әкелгендей. Бәрі арт жақты нұсқайды. Дабыл, керней үні. Жауынгер топ шығады. Қыздар жамырай табысып қарсы алады. Жорықтан қайтқан топтың ортасында Қалқаман. Бұның тобы қыздарға өздерінің жеңісін, жортуылын баян етеді. Шабуыл, қырғын көрінісі. Билей жүре барлық топ Қалқаманға қошемет көрсетеді. Қалқаман Мамырды көреді. Өзі барып тастан түсіреді. Мамырға қызыққан. Қыз қошеметке елікпейді. Жігітке ғана таңдана қарайды. Екеуі де бір-бірін алғаш көріскен, таңырқасады. Мамырға ойынға қосылып, көңіл көтеруді ұсынады. Көп оралады. Мамыр қаралы күйде жалғыз, мұңлы қалпынан аумайды. Көптің қызығына қарамайды. Қалқаман Мамырдың дос қызын жібереді, шақыртпақ. Мамыр ойыспайды. Желікті топ қыза-қыза келіп Қалқаманның айналасына оралып, бұны хан көтеріп алып кете береді. Қалқаман Мамырға қызыққан бетінде Мамырдың дос қызына садақ оғын береді. Мамырға бер дейді. Мамыр бұны көріп, ең соңғы сәтте Қалқаманның артынан телміріп қарап, ұмтылып тасқа шығып, телміріп қалады. Кәрі жеңгелер шығады. Түстері суық Мамырды шақырады. Мамыр тастан түспейді. Қараға ораналды. Жеңгелер бұны сүйреңкіреп алып кетеді. Мамыр жалына, қинала, жұлқына, артына қарай кете береді де, Қалқаманнан оқ әкелген досына омырауындағы орамалын тастайды.

II

Батаға жиылған рубасылар, олар ортада биік орында... Ойын-той белгісі бар. Билер алдынан тәжім ете өтіседі. Көкенай ашулы әмір етеді. Мамырды әкелуге бұйырады. Жеңелер Мамырды алып шығады. Мамыр бетін ашпайды. Көкенай: “Мына билер мен көптің тілек-батасы – сен басындағы қараны тастайсың, мына Ескенеге тиесің”, – дейді де, басындағы қараны жұлып алады. Сол кезде Ескене шығады. Қаба қара сақалды құбыжық түсті әменгер. Мамыр шошынып үркеді, көптен тілек етеді. Қара жамылшысын сұрайды. Бүгілген Мамыр қатып қалады. Билер бұйрық бата жасайды... Көкенай Мамырды Ескенеге табындыра әмір етеді. Ескене Мамырды өз қасына алғызады... Сол кезде ойын қызу күшейе береді. Топ көтеріліп, қуанып бір жаққа қарайды. Қалқаман тобы хан көтеріп батырды әкеледі. Билерге тағзым қылысады. Көкенай мен Әнет Қалқаманды кезек шақырып, бата береді. Жайды сұрайды... Қалың ел биі, ойын-ойнақ, жортуыл-жорық көріністері, бір топтан бір топ үдеп, желік қыза береді. Найзаласқан, балталасқан, көппен жалғыз алысқан және жекпе-жек соғыс көріністері. Жамбы атысу. Көкенай атады. Ескене атады, тимейді. Ақыры Қалқаман атып жамбы түсіреді... Мамыр қуана қостайды, орамалын береді. Қалқаман жамбыны бұған сыйға тартады... Шалдар қожырайды, ырза емес... Ескене бүлініп кеп жамбыны қайта лақтырып, Қалқамандағы орамалды алмақ болады. Ол бермейді... Қалқаман, Мамырдың дуэт биі... Көңіл қосылысқан серт, уәде сияқты қабақ білінеді. Көкенай Қалқаманға өз садағын сыйға тартып, қалың ел бата береді.

III

Түн. Көл жағасы, сары камыстар. Үміт-тілекпен жаңғырып жайнап шыққан Мамыр. Қасындағы қыз досы, жүректегі қуанышын баян етеді. Сырын ашады. Тау, дала бостандыққа тартады. Дүние бұған күлгендей түн үнін қуана тамашалайды. Елеңдей сабырсыздана күтеді. Дос қызы қорқады. Бөгемек болады. Қой дейді. Ауыр жаза бар дейді. Мамыр қинала күліп, көнбейтінін, өлсе де осылай ететінін айтады. Елеңдейді, қуанады. Қалқаман мен жалғыз жолдасы шығады, Қалқаман қуанышты, ұмтылады... Мамыр тартынады, іркіледі... Анау жабысып, жалынып, оң назарын өтінеді. Салқындық себебін сұрайды. Мамыр кетейік, мені алып кет дейді. Қалқаман мен қосшы қыз шошиды. Қалқаман да ойланып қалады. Мамыр жалғыз бостандық тілек-талаптың сағымын көксейді.

Қалқаманға сол өмірге кетейік деп жетелемек, еліктірмек, жалынады... Жігіт пен қыз шошып, қатты қарсы болады... Қыз ауылға қашпак, көпке хабар айтпак, атой салмақ. Мамыр ашулы, қызды бұрымынан жұлып соғып бауыздамақ, өзін де осы арада өшірмек. Қалқаман ұстап айырады... Жолдасына ақыл салады. Ол қарсы... Не қыз, не ел-жұрт дейді. Қалқаман – қыз Мамыр дейді. Мамыр ұмтылып, қуанып, бақытпен жайнайды. Екеуі де қуанышты, сүйісіп табысты, кетпекші. Сонда жігіт пен қыз қош деспестен бұлардың қаруы мен киімдерін лақтырып, кетіп қалысады. Екеуі сонда да күлкілі, бақытты. Құшақ қосып, түнге бет түзеп, ойнап, жайнап, аспандағы бір жұлдызды бетке алып, соған тілек айтып, қол созып, жайнай жөнөп береді.

Дабырлап үркіп топ шығады. Бастық – Көкенай... Қап-қара түнерген қанжар, кісендер жарқылдаған қанішер бұзар қол... Жігіт пен қызға кісен салады... Ашулы Көкенай қызды бауыздап жібереді. Ант, серт лаулап, дүркіреп, жан-жаққа шабуылдап жөнеліседі...

IV

Әбігер үркінді. Жастар жүдеу. Кәрілер, үлкендер зәрлі... Жұрт шошынады... Күтеді. Баксыдай сарнап Көкенай шығады. Артында айбалталы, сапылы топ тұрғандарға әмір етеді. Жұрт жетелеп, сүйемелдеп кәрі Әнетті алып шығады. Көкенай Әнетке күш салып билік айт, бер тентектерді дейді. Әнет өз қолында жоғын айтады. Ақсақалдар, рубасылар талқысы құтырған бурадай. Жастар тағзым етіп, өтініш айтады... Шалдар, Ескене, әсіресе Көкенай құтырып кетеді. Жастарды айдап шығады. Әнетке салмақ салады. Әнет өзің айт дейді. Көкенай: менің билігім – екеуін де оққа байлатқыз. Ескене Қалқаманды мен атам дейді. Екі ана жалынады. Әнетке көпке рақым ойла дейді, жалбарынады. Көкенай оларды лақтырып жібереді. Әнет Көкенай өкімін қостайды. Барлық жиын бата қылады... Кәр, зұлымдық үкімі. Қаптап, құжынап лаулай жөнеледі. Жұртында екі ана емшегін көкке сауып, егіліп қалады.

V

Қақпа жартас. Қарсы биікте Әнет пен кәриелер тобы. Сірескен қол. Тұтқындарды алып шығысады. Көкенай мен Ескене Мамырға қарап әлсірейді, жаны ашығандай. Көкенай тістеніп, қажырланып кеп садақты ұстатады... Жастар Қалқаманды көргенде егіліп, тілек тілеп жалбарынады. Қалқаман шалдарға лағынет оқиды, жастарға қарайды. Бірақ олар...

КАЛКАМАН И МАМЫР

**Либретто балетного спектакля
в пяти действиях с прологом**

Действующие лица

Калкаман – почитаемый народом джигит, батыр, 25 лет.

Мамыр – девушка, возлюбленная Калкамана, 20 лет.

Ескене – ее второй жених, 50 лет.

Кокенай – бий и батыр, старший из рода Мамыр, 60 лет.

Ажар – девушка, подруга Мамыр.

Анет – старейшина всех родственных племен, бий-судья
над всеми.

Мать Калкамана.

Мать Мамыра.

Девушки, джигиты-воины, старухи, старики,
народ.

Действие происходит в середине восемнадцатого столетия.

ПРОЛОГ

На фоне заката над пустынным холмами виден, окутанный в сумерки, силуэт надмогильного кургана. Чернеет вдали его вход. Вскоре выходит оттуда и медленно приближается по склонам группа женщин в трауре. Это идет Мамыр с подругами и со своей матерью. Она на холме — в черном, на фоне заката — прощается последний раз с прахом своего жениха. Ажар, ближайшая подруга Мамыр, старается утешить ее. Спускаются ближе, их ждет группа старших, среди них старший Ескене. Он поручает одному старику передать его просьбу Мамыр и ее матери. Старик сообщает. Ескене претендует на руку Мамыр, просит снять траур и думать теперь о нем. Мать бессильна, убита горем. Но Мамыр оскорблена. Неожиданная буря ненависти и презрения к Ескене охватывает ее. Она требует Ескене, указывая на могилу, заклиная небом, удалиться отсюда. Он уходит, но уверен в себе. Она садится с рыданием на камень.

Действие первое

Ущелье. В центре одиноко высится Кровавый Утес (Канды Куз). Выходит группа девушек. Во главе с Ажар они в играх-танцах выражают свое бодрое веселье, свою любовь к воле, славят красоту окружающей природы и жизни юной, беспечальной. Но в кругу их Мамыр. Она одна в трауре, задавлена горем, несет глубокую печаль. Отходит от подруг, озирается на утес. Зачарована неведомой, манящей силой его. Отворачивается от девушек, садится одна у подножия утеса. То поодиночке, то вереницей идут к ней девушки подруги. Поочередно стараются отвлечь ее видом гор, окружающей природы. Мамыр не оборачивается, отстраняет их и рассылает по сторонам. Оставшись одна, она, то горько, то гневно, то молитвенно покорно, изливает свою печаль гибким тростникам, мягким лугам, небу

и солнцу. Она подносит, как жертвенный знак, свою шаль иссохшему, старому дереву, привязывает к нему, молит. Неуспокоенная, она бросается к Кровавому Утесу. Покорно устремлена всем своим существом к нему, молит его, хочет обнять его, льнет. Убитая горем, она ломает руки, распускает траурно свои волосы, они закрывают ее лицо. Укутывается в черный халат. В своем отчаянии поднимается все выше и выше по утесу. Когда достигла вершины, качнулась, готовая броситься вниз. В этот миг сбегаются во всех сторон ее подруги. Оглядываются назад, на их лицах ожидание, надежда. Указывают в одну сторону. Приближаются звуки керней (рога) и барабана. Выходит вооруженная рать. Это возвращаются с победой из набега Калкамана и его джигиты. Родные и друзья, девушки встречают их с объятиями радости и восторга. В центре джигитов Калкамана. Джигиты кратко повествуют девушкам о недавней сече, набегах. При восторженных одобрениях девушек они оказывают большую почесть и внимание Калкаману. А он видит Мамыр на скале, поражен ее печальным видом, обращает внимание всех джигитов на нее. Идет сам к ней, осторожно ведет ее вниз. Он изумлен ее красотой, пытается вовлечь ее в общие веселье и радость. Но она смотрит безразлично, грустно. Только слегка удивлена видом незнакомца. Калкамана хочет развлечь ее. Сам ведет повесть перед ней о бранных подвигах своих джигитов. Но Мамыр опять ходит одна в своей печали. Калкамана посылает к ней ее подругу Ажар, зовет в круг. Мамыр отказывается. Джигиты в ликующем, бурном плясе кружатся вокруг Калкамана и вмиг поднимают его на белой кошме, хотят унести на руках. Очарованный красотой девушки, батыр вынимает стрелу и передает Мамыр через ее подругу. Увидев поднесенную стрелу, Мамыр в последний миг оглядывается на исчезающую толпу, подается вперед, прильнув взором в ту сторону, подбегает к утесу и взбирается на него, все пристальнее смотрит им вслед. Но выходят старые женщины. Лица их суровы, они ищут Мамыр, зовут ее. Она не спускается с утеса. Отворачивается от них. Вся озаренная надеждой, то очарованно, то трепетно всматривается она все в ту же сторону. Ветер рвет на ней платье, играет прядями ее волос. Неожиданно возвращается и становится у подножия утеса Калкамана. Они устремлены друг к другу. Поняли, нашли друг друга. Она оглядывается еще раз назад. Торопливо, но решительно вынимает шелковый платок,

бросает вниз — ответный знак Калкаману. Прижимает к груди подаренную им стрелу.

Действие второе

Родовые старейшины собрались в кругу, чтобы благословить и освятить союз Мамыр с презираемым ею Ескене, получившим по левирату (право унаследования невесты или жены умершего родственника) права на девушку после недавней смерти ее жениха. Старейшина на возвышенном месте. Готовится торжество. Молодежь и женщины проходят перед старшими с низким поклоном. Кокенай, суровый бий, старейшина племени Мамыр, отдает приказ доставить девушку. Группа старых женщин выводит Мамыр. Она с закрытым лицом. В знак печали и протеста, она не открывает своего лица. Кокенай, возмущенный ее видом, резко объявляет ей приговор старейшин, приказывает снять траур. Она медлит, не хочет. Тогда Кокенай сдергивает с нее халат своей рукой и показывает на только что вошедшего Ескене: теперь это ее господин, небом предопределенный ее властелин. Пожилой. Страшный Ескене возносит руки к небу и просит у старейшин благословения. Мамыр полна отчаяния, страха и протеста. Молит всех старших, просит пощады, тянется к своему траурному одеянию, в мольбе она падает на колени, ползает, убивается. Но бий и вся толпа с возмущением и ненавистью отворачиваются от нее. Застыла убитая, сломанная Мамыр. Старейшины совершают приговор — бата. Решена ее участь. По приказу Кокенай женщины ведут Мамыр и Ескене, садят рядом, как жениха и невесту. Начинается по знаку биев игра-веселье. Торжествует победившая косная сила. Дикое ликование страшных старух и стариков, сторонников Ескене. Grimасы быта через проданную и купленную жизнь Мамыр. На глазах у нее старухи жадно хватают подарки Ескене. Рвут и прячут куски подаренной материи...

Толпа ожидает кого-то. Это идут джигиты-победители, они выносят на руках Калкамана. Все джигиты во главе с Калкаманом делают низкий поклон старшим. Старейшина бий и Кокенай подзывают к себе по очереди Калкамана. Благословляют его и его джигитов и просят поведать о совершенных ими подвигах. Группа за группой выходят с воинственным плясом джи-

гиты. Они изображают усиливающуюся битву диких набегов и расправы с врагами. Повествуют и о поединках с копьями, секирами, о борьбе одного со многими врагами, о единоборстве.

Начинается стрельба в слиток золота из лука. Просят стрелять Ескене, он не попадает. Стреляет Кокенай. Тоже не попал. Толпа просит Калкамана, он сбивает слиток. Кокенай в восхищении дарит Калкаману свой лук и стрелы. Молодежь благословляет и торжественно чествует победителя Калкамана, одаренного луком старшего в роду батыра-бая. Мамыр также восхищена джигитом, она в кратком, но выразительном жесте благословляет его судьбу. А он в ответ ей подносит слиток золота. Старшие поражены, недовольны такой выходкой батыра. Дуэт Калкамана и Мамыр, они поняли, нашли друг друга сердцами. Их танец, как импровизированный айтыс (не поединок), утверждает их обещание друг другу и их совместное решение. А Ескене, заметивший недовольство старших, теперь и сам приходит в ярость. Вырывает у Мамыр слиток, бросает его обратно Калкаману. Батыр хватает его на лету, протягивает Мамыр. Она идет к нему, чтобы взять дорогой подарок из его рук снова. Но злобный Ескене становится посередине. Пересекает ей дорогу. Грубо отталкивает ее в сторону.

Действие третье

Ночь. У озера. Пожелтевшие камыши. Выходит неузнаваемая в радостном ожидании Мамыр. С нею ее подруга Ажар. Мамыр излагает подруге свою радостную надежду, посвящает в свои тайны. Горные выси и просторы полей манят ее на волю. Мир улыбается ей, и она, упоенная, прислушивается к дыханию этой ночи, встревожена и нетерпелива. Ажар пугается ее решения. Хочет приостановить Мамыр. Отговаривает. Пугает тяжелой карой. Мамыр с горькой насмешкой заявляет о своей непокорности, о своем решении умереть за свою мечту. Идут Калкаман и его товарищи. Рад и батыр, бросается к ней. Но Мамыр спохватывается, становится сдержанной. Мамыр просит батыра увести ее отсюда, молит покинуть все и уйти с ней вдвоем. Калкаман не ожидал этого, задумался в нерешительности, а подруга Мамыр испугана. Но Мамыр одна неудержимо, гордо требует свободы и воли. Она тянется вдаль, к миражам. Зовет и молит джигита уйти с нею туда, в эти дали. Испуган и друг Калкамана, он и Ажар протестуют, они говорят о гневе

биев и народов. Девушка хочет бежать в аул, рассказать людям обо всем. Мамыр хватает ее за косу, в ярости готова заколоть подругу, решает покончить и с собой. Калкаман отнимает у нее нож. Убеждается в ее любви к нему. Советуется со своим другом. Но тот по-прежнему осуждает и в гневе требует от Калкамана выбирать или закон рода, или девушку. Калкаман решительно заявляет, что он будет с девушкой, с Мамыр. В безграничной радости и с сердцем, наполненным любовью и благодарностью, бросается к нему Мамыр. Они счастливы, верны друг другу, решают бежать. Ажар и джигит бросают им одежды и доспехи и с возмущением покидают их. Но Калкаман и Мамыр счастливые, они сияют. Их только двое, пусть весь остальной мир черным кольцом окружает их. Слились их объятия; бодрые и гордые, они идут в ночь. Это была их сказка, которую только однажды в ее жизни и только на краткий миг степь поведала звездному небу. Их руки простерты вперед. Одинокие и отверженные, они идут навстречу своему счастью.

Выбегает встревоженная, гневная толпа. Ведет ее Кокеная. Чернеют рукоятки кинжалов. Бряцают цепи. Жаждет крови яростная толпа биев. Выводят связанных джигита и девушку, покинувших недавно Калкамана и Мамыр. Заковывают джигита, друга Калкамана, в кандалы. Кокеная в ярости закалывает девушку и, подняв окровавленный кинжал, требует, чтобы толпа поклялась на этой крови. Дана клятва рода, и разъяренные гонцы разбегаются во все стороны.

Действие четвертое

Молодежь печальна, часть в ужасе. Одержимые дикой злобой, идут старейшины. Народ покорно стоит перед ними. Все ждут кого-то. Выходит Кокеная. Старый жестокий батыр в доспехах, он ведет вооруженную рать. Отдает приказ старейшинам. Люди ведут с почетом престарелого бия Анета. Кокеная настаивает выдать голову преступника, требует, чтобы бий вынес свой приговор. Анет беспомощен, у него нет пойманных виновников. Недовольны, возмущены нерешительностью старшего бия старейшины и люди Кокеная. Молодежь робко, с поклоном, хочет просить пощады. Но старики, Ескене и особенно Кокеная, озлобляются еще больше. Резко отстраняют молодежь. Снова настаивают на приговоре Анета. Но этот бий уступает Кокенаю, передает решение старейших ему. Кокеная

требует подставить обоих виновников под стрелы. В девушку из лука будет стрелять Ескене, а в Калкамана — он сам. Являются убитые горем две престарелые матери. Обращаются к Анету, к кругу старших, молят пощады. Кокеная сурово отталкивает их, Анет после колебаний дает согласие на приговор Кокеная. Одобряет его и совет старейших. Они посылают свои проклятия влюбленным. Яростная злоба охватывает воинов. Заклиная власть и толпу, падают в бессилии матери.

Действие пятое

Кровавый Утес. Напротив на скалах бии. В центре их Анет. Внизу войска. Ведут пленных Калкамана и Мамыр. Кокеная и Ескене выделяются из толпы, поднимаются к уступу, готовятся к стрельбе. Но при виде Мамыр Ескене колеблется, опускают руки. Кокеная корит его, заставляет снова поднять лук. Молодежь молится за жизнь Калкамана. А он шлет свое гневное проклятие старшим биям. Оборачивается к молодежи, зовет к ней. Но джигиты покорно оплакивают его участь. Калкаман отворачивается, уходит от них и в последнем прощальном поцелуе прикасается к Мамыр. Они доходят до вершины скалы. Там стража повелевает перепрыгнуть через пропасть. В этот момент и должны стрелять в них. Кто благополучно перепрыгнет, тот спасен. Первая прыгает Мамыр, в нее стреляет Ескене, но не попадает. Она благополучно перепрыгивает. В радостном восторге оживляется молодежь. Но Кокеная приходит в ярость. Сталкивает с места Ескене, сам хватается за лук. Хочет стрелять в Мамыр. Это вызывает страшный гневный протест Калкамана. Он бросает отчаянный, яростный призыв народу и молодежи схватить Кокеная. Молодежь бросается на скалу. Становится упрямой, уже непокорной защищающей стеной на пути стрелы Кокеная. Благословляя джигитов и осмеивая приговор биев, Калкаман перепрыгивает к Мамыр. Молодежь и весь народ в ликовании бежит к ним. Калкаман поднимает Мамыр. А народ поднимает над головой их обоих. Осмеянные, покинутые и опозоренные, убираются один за другим бии и старухи. Мамыр и Калкаман, упоенные счастьем, благодарят народ, который они нашли вновь. А их, смелых и дерзких, благословляют матери, приветствуют и возносят девушки и джигиты.

Пьесапар

ҚАРА ҚЫПШАҚ ҚОБЫЛАНДЫ

Төрт актылы, сегіз суретті

дастан-драма

Қатысушы адамдар

Қобыланды — жас батыр, руы Қара Қыпшақ, 20 жаста.

Құртқа — қалындығы, жады кемпір Көкланның тұтқынында өскен
Қыпшақ қызы.

Қарлығаш — қарындасы.

Аналық — шешесі.

Тоқтарбай — әкесі.

Қараман — құрдасы, Қият руынан.

Шуақ — Қыпшақтың жас батыры.

Көбікті — Қызылбастың хан батыры, Қыпшақ жауларының басы.

Қазан — Көбіктінің батыр серігі әрі әмірші.

Алшағыр — бұ да сондай батыр, әмірші.

Көклан — жады кемпір, Көбіктінің досы.

Қарлыға — Көбіктінің қызы.

Бірсімбай — Көбіктінің батыр баласы.

Күнікей — Бірсімбайдың қалындығы, Алшағырдың қарындасы.

1-қолбасы }
2-қолбасы } Қыпшақтың қолбасы батырлары.
3-қолбасы }

Жасауылдар, қыз-келіншек, құлдар.

I АКТ

Бірінші сурет

Ат керт етіп шөп жемес, ер кылық етіп су ішпес, арқар баспас азаптың жері. Тас шақаттың арасы. Тылсымменен тас боп қалған алып батырлардың бейнесіндей болып, бөтен ренді серек тастар үңілісіп тұр.

К ө к л а н (қара тастың басында жалғыз отыр. Құныса түсіп бүрісіп, жын бұғандай селк етіп, бұрк-сарқ етіп қояды).

Зу-зу-зу! Арзу, арзу!

Қанды қақпан, қанды қақпан,

Қанды басы тартқан-ды.

Аяусыз ажал мен баққан

Күші бетер көп қақпан,

Айласы бетер аярдан. *(Қаран.)*

Кім? Кім? Кім басад

Көк Көклан жеріне?

Тас қорғаны тылсымдай,

Тас қамауы қарғыстай,

Кім? Кім? Кім келед,

Көк Көклан шебіне?

Айбар шеккендей атып тұрып, тесіле қарайды. Қобыланды, Қараман шығады.

Қ о б ы л а н д ы

Мен, мен келем, Қыпшақ ұлы Қобылан!

Бетті түзеп кегіме!

К ө к л а н

Қастың ұлы Қобылан?!

Түңілдің бе жаныңнан!

Зу, зу! Арзу, арзу!

Қ а р а м а н (*қорқып Қобыланға*).
Қайрақан! Азапқа жерік өлермен,
Қандай ғана сор қуып,
Қай пәлеге жолықтың?
К ө к л а н
Қүдіретіме қан құнын,
Құтырта сокқан құйын мен,
Ұшырсам ба құм қылып,
Құй түбіне лақтырып,
Құртсам қайттің қоңыз қып?
Қ а р а м а н
Құрығында шыбын жан,
Осы ма әлде қан жұтқан,
Жады кемпір Көклан?!
Қ о б ы л а н д ы
Қор болып қозғап жынымды. (*Қараманға.*)
Тый, шығарма үнінді! (*Көкланға.*)
Жолында өлер ер кектің,
Есемді қуып кеп жеттім.
Жаулығың асқан жәдігөй,
Жыныңды қағар еркекпін.
Таудай көрген тас қорған
Талқан етіп көрмекпін.
Ашып кірмей қақпанды,
Ашумен кеп мен тептім.
Айласызға аяр боп,
Асыпсың ғой әліңнен.
Құлатып бақ басыма,
Долы Көклан, аспанды.
К ө к л а н (*секіріп түсіп, ұшқан қара құстай*).
Зу-зу, арзу, арзу!

Тастар зуылдайды.

Қ о б ы л а н д ы
Бақ, күшіме бағып көр!
(*Қылышымен қара тасты қақ бөледі. Зуыл басылады.*)
Жеткен болсаң, көк долы,
Шашты шайтан боларсың.
Затың сенің сонда да

Түннен туған қара жын,
Түнекте жасар албасты.
Затым менің күн болад,
Көріппедің жеңгенін
Күндей жалын оты бар,
Күннен туған алмасты?

К ө к л а н

Кұл Қыпшақтың баласы,
Кімге шеккен айбарың?
Аш көзінді! Көкланның артында
Қызылбастың жері бар,
Көбіктідей белі бар.

Қ о б ы л а н д ы

Жеткіз жеміт ханына,
Қыпшағымның кегі бар.
Кектің туын көтерген
Бүгін Қобылан ері бар.

К ө к л а н

Кек? Кімнің кегі?

Қ о б ы л а н д ы

Ежелгі жау езгісін
Көре-көре күңіренген,
Еңсесі түскен ел кегі.
Көбіктіден көргенді,
Қайырармын өзіне,
Тоғыздан тартып сыбаға!
Бүгін кәрім, түйгенім —
Сенсің, Көклан!
Көр ажалдың басыңа
Ақ алмас боп шүйгенін...
(Қылышын сермейді, Көклан сескенеді.)

К ө к л а н

Тарт, ала құйын аңғал жас,
Асылға асыл сермемес.
Қара қылыш қолыңда,
Қаһарыма тең келмес.

Қ о б ы л а н д ы (*тап берін*).

Өшір, жәдігөй, үнінді,
Қақ бөлөрмін, қу қақпас!

К ө к л а н

Не кегің бар бұл жерде?

Қ о б ы л а н д ы

Ұлын құл ғып, қызын — күң,

Қақсатып болған Қызылбас,

Мен жеткенше елімді.

Қамауында қырық қыз бар,

Шығар бәрін азат қып.

Апа, құрбы, қарындас,

Қуа келдім кегімді.

Босат қазір көзімше!

К ө к л а н *(сақ-сақ күлін).*

Қыз деймісің? Күң деймісің?

Қ о б ы л а н д ы

Монтансыма, танып көр,

Жоқ деп көрші, тұтқын Қыпшақ қыздарын?

К ө к л а н

Бар қыздары, Қыпшақ қызы.

Қ о б ы л а н д ы

Шығар шапшаң соларды,

Азап шеккен бауырымды

Азат ете мен келгем.

К ө к л а н

Қыз деймісің, қайғылы қыз деймісің?

Қайғысыз болса нетерсің?

Сары алтынға бөленіп, қарқ боп тұрса нетерсің?

Қ о б ы л а н д ы

Шығар Қыпшақ қыздарын,

Бетіне түскен таңбадан

Көрем күндік ызғарын.

К ө к л а н

Көр, көре ғой, күндік сондай сор мекен?

(Алақанын қағады.)

Жартас жарқ етіп, от төккендей болады. Аздаған жарық түскен жартас енді көрінеді. Төменгі тұстары тас бағаналармен безендірілген. Бұтқа табынған елдің құдай-пірлерінің тастан ойған суреттері бар. Қалың сырлы көрі үнгір. Осындай жат дүниенің арасында, ақ сәуленің ішінде айшырайлы, бота көз Құртқа шығып қарап тұр, артында қыз нөкерлері.

Қ о б ы л а н д ы *(қыз шұғыласына елтігендей)*.

Тәңір ием, зор атың,
Жад етіп жаққан шам-шырақ!..
Шұғыласы қандай ед?!
Нұр қызы ма көргенім,
Тегі, жөні қандай ед?

К ө к л а н

Тегі Қыпшақ, қыз Қыпшақ!
Көріне ме көзіне
Қорлық кешкен жанға ұқсап?

Қ о б ы л а н д ы *(енді қысылғандай)*.

Жоқ, жоқ... Қорлық жүзі бұл болса,
Бақтың жүзі не болмақ?..
Ұрындым ба аңдамай?..
...Әлде аярлық болар ма? *(Құртқаға.)*
Айтшы, асыл зат, тегінді,
Шын затың ба ел Қыпшақ?

Қ ұ р т қ а

Аярлық жоқ, шын еді,
Шыны затым сол Қыпшақ...

К ө к л а н

Көрсін сенің көр көзің
Хан қызындай қастерлі,
Есіттің бе өз сөзің?
Жоқшы болмай бұларға,
Жалшы болсаң жеткенің...

Қ о б ы л а н д ы

Асау жолым адастырған шақ екен,
Жылағанды іздесем,
Жетіскенге тап екем...
Аямасқа суырған
Ақ семсерді адасып
Айға білеп жүр екем.
Айып етпе, ай сұлу,
Мен келместей жол екен... *(Кетпекке айналады.)*

К ө к л а н

Бар жолыңмен жер болып,
Аяқ асты Қыпшақтың
Алғаш көрген кебі емес,
Сен де жөнел қор болып.

Қ о б ы л а н д ы

Көрдім қаза, шектім жаза жолымнан,
Ай жүзді аяш тегімді
Жатқа беріп қолымнан... *(Кете береді.)*

Қ ұ р т қ а

Тегімді... Жатқа беріп қолымнан?
Ері ме әлде елімнің
Іздеп келген соңымнан...
Тоқта, батыр, дәт тыңда! *(Қобыланды тоқтайды.)*
Адаспаған боларсың,
Аяулысы елімнің,
Армандасы боларсың.

К ө к л а н

Тый тілінді, қыз Құртқа,
Армандасың ол емес.
Мен өсірген ұяда,
Мен қорғаған қияға
Қыпшақ басар жол емес,
Шығарма қайтып үнінді!..

Қ о б ы л а н д ы

Тоқтат, жәдігөй, зілінді,
Айт, бауырым, сырынды.

К ө к л а н

Айтпа! Тыйдым тілінді. *(Ұмтыла береді.)*

Қ о б ы л а н д ы *(сапысымен Көккланның жолын тосып,
тоқтата беріп).*

Жоғал көзден, ойран асыр салармын
Шерлі бауыр жолына.
Қыршын жасым қиярмын,
Бар Қызылбас жабылсаң,
Жайынды өзім табармын.

К ө к л а н

Ей, Қыпшақтың қыршыны,
Сертім менің өртпен тен.
Көбіктіден көрерсің
Асау, асқақ сөзіңнің
Өзінді ордан тосқанын?!
Жоғал, Құртқа, бұл жерден!..

Қ о б ы л а н д ы

Тыйып байқа, айтпағын,

Талқан етіп шабармын,
Тостым сенің сертіңді!
Менің сертім әділ семсер жүзінде.
Арбар болсаң аруды,
Басыңды сәтте қағармын.
Айт арманың, асыл зат!

Қ ұ р т қ а

Қамауда өскен күн көрмей,
Қапалық басқан жайым бар.
Айналамды қоршаған
Бала жүрек мұздатқан,
Қаскөй дүние жайындар...
Тек жасытпас жастығым!
Еркімді алған қапастар
Есімді алған жоқ еді.
Арман, қиял досым бар,
Азаттық қосқан мұңым бар.
Түн аспаны түнеріп
Тұрса-дағы басымда,
Менің де күткен айым бар!

Қ о б ы л а н д ы

Ерте ойламай қамыңды,
Аңғырт бойда өтіппін!
Тас қияны қақ жарып,
Ерте тапсам нетуші ед?
Айыптымын, құрбыжан,
Зарықтырып сендерді,
Көп кешігіп жетіппін.

Қ ұ р т қ а

Қысылмаңыз, Қобыланды,
Айып деген ойда жоқ.
Көргенімнің өзіне
Көп шүкірлік етемін,
Монтаны мінез бойда жоқ.

Қ о б ы л а н д ы

Ай шырайлы аяш-ай,
Арман деген ащы зар.
Тілің ғана айтқан жоқ,
Шарпығандай сездім-ау
Жүрегіннің лебінен,

Тосқан айың оралып,
Аяғыңа бас иіп,
Тәу етсе де болмай ма,
Сендей жардың “құтқар” деп
Жалғыз айтқан демінен!
Адал күшім ақ жолыңа арналсын.
Азат етпес мен болсам,
Жас өмірім тең болсын
Тірідей кірер көріммен.

Қ ұ р т қ а

Арманым жоқ өлсем-дағы бұл сәтте,
Елім, белім, бар екенсің!
Өшті деп ем, зар шегіп ем тыналмай,
Ел намысы бар екенсің.
Ерді ырғытқан бұландай,
Тәңір ием, арманыма басшы бол!

К ө к л а н (*тулан*).

Күркірей соғар күндей боп,
Кие соғар жауынды,
Көк Көбікті, қайдасың?
Қара құйрық Қобыланды,
Қанға тоймас қан шелек,
Кәрлі Қазан, қайдасың!
Алпыс екі айлалы,
Тарғыл ала жолбарыс,
Талмай үдер тарланым,
Ал, Алшағыр, қайдасың?
Тап, тап мынау жауыңның,
Тап үдетпей айласың! (*Орғи жөнеледі.*)

Қ ұ р т қ а

Ашылмаған ұяң сыр
Ашылсын мекен әсте-әсте,
Айтылмаған арлы сөз
Айтылса мекен әсте-әсте?

Қ о б ы л а н д ы

Бала өмірде бар көрген
Жан жарығым біреу-ақ.
Десем жалғыз осы шақ
Өзі қалар бір есте...

Қ ұ р т қ а

Толықсыған айымды
Талай суық тұл кеште
Күтсем-дағы зарығып,
Жаңа көрдім десем бе?

Қ о б ы л а н д ы

Уа, жарығым, ынтызар
Тұтқыныңмын мен сенің,
Жатым сенсің десең де...

Құртқа екеуі бір-біріне иіліп жақындай береді. Бағанадан бағып қарап тұрған Қараман енді тап беріп, арадан кеп тұра қалады.

Қ а р а м а н

Токта былай, тұр әрі. *(Қобыландыға.)*

Қайда, қайда барасың?

Қайрыла кет артыңа...

Не деп тұр, сірә, мына қар!

Қ ұ р т қ а *(шошып қап)*. Қар?

Қ о б ы л а н д ы. Қараман?!

Қ а р а м а н. Болды, токта, тыңдамаймын сөзіңді. Қу шақаттың ішінде жадысы мен жәдігөйі жайлаған жерде дос шықпақ па, қас шықпай. Ай шырайлы аяш па, жоқ, сынықсып тұрған аяр ма? Қай сырын білдің бұл қатынның?

Қ ұ р т қ а. Қатынның?! Мен бе қатын дегенің?!

Қ а р а м а н. Сен... Сен!..

Қ ұ р т қ а

Неткен сұмдық, не көрдім?

Сағынып көрген нұр күнім,

Өртеп кетер от па едің? *(Жылап жібереді.)*

Қ о б ы л а н д ы. Айналайын аяш-ай! *(Қараманға.)*
Қойшы, құрдас, қинама. Қинама, тілек еттім барымша...

Қ а р а м а н. Жоқ, былай тұр. Сынамай алғызұшы ма ем мен саған. Танымастан жалп етіп ұйыған несі тал бойы... Бізді жаңа көк долы кәрімен алмақ болған. Енді сені сұлу жылан зәрімен алса қайтемін? Айдаһардың тіліндей, тіліп өтсе білінбес, ынтызардың тілімен алса қайтемін?

Қ о б ы л а н д ы. Өлсем арман етпейін, қойшы батыр, құрдасым?

Қ ұ р т қ а. Қоятұғын не қалды? Біттің бе сен келместен. Қош, қош енді сен-дағы, әлсіз, жалғыз үмітім!

Қ о б ы л а н д ы. Налымашы, құрбыжан, ол құрдасым еді. Құрдас тілі зәр еді. Әдейі айтад сондықтан. Қараман, кинама енді! Қажаман енді шыдамымды!

Қ а р а м а н (*Құртқаға*). Шыныңды айт та, жөніңці айт. Өзім тергеп шығамын. Майыспа да бұрылма, өйтіп сикыр маған жүрмейді. Дарымайтын ермін мен. Жә, Қыпшақ сенің аузында бұрыннан бар ма еді, жоқ, бүгін түсті ме? Бұрыннан елім деп жалын атқан болсаң, мынау тотыдай түрің не? Мынау хан қызындай құрметің не, не серт? Не мінезбен жеттің бұған? Күткенің жоқ па басқадан? Айт маған бар шыныңды.

Қ ұ р т қ а (*қайғылы*). Улы жылан ордасында жансақ шыққан бір гүлмін мен. Жат десе де, жау десе де біреуді жалындай түсіп ынтығып, көрсем дерім сол еді... Көптен бері бұл жердің шошып айтар, кектеніп айтар бір жауы бар. Жаңа жеткен жас пері деуші еді. Сол еді менің тосқаным. Сондайым еді Қобыланды. Әсіресе асыға күтіп едім бұл кезде... Қазан менен Алшағыр екі жақтан қызықты, қызығумен таласты. Біреуіне бермек болып бағып отыр Көклян. Өз жүрегім солардан жеркенумен безіп еді. Қос бүйірден қабатын қос бөрідей көруші ем. Керегі не, не дейін?! Арман алыс, өткел жоқ. Кестіңіз ғой келер деген бақ жолын.

Қ о б ы л а н д ы . Жетті ғой, жалған болды ғой, кинама енді, кинамашы, Қараман.

Қ а р а м а н. Тоқтат деймін, тергеймін. (*Құртқаға*.) Шын күткенің бұл болса, айғағың бар ма тым құрса?

Қ ұ р т қ а. Айғағым деп нені айтам? Арман алыс болған соң тым құрмаса қиялда алданышым болсын деп, келер ием достығымды көрсін деп, күн көзіне көрсетпей, жел лебіне қақтырмай, құлынынан өсірген Тайбурылдай тұлпарым бар еді. Үстіндегі қаруын, оқ өтпес те, кәр өтпес батыр киер сауытын, бәрін өзім бектеп ем... Сенер болса көңіліңіз, бір кепілім сол дер ем.

Қ а р а м а н. Көрсетші сол тұлпарды!

Құртқа артына қарай қозғалып, екі алақанын қағып қалады. Сыры қалың, кәрі үңгірдің бір бұрышы жарқ етіп ашыла береді. Көк тұлпардың басы көрінеді, үстінде әбзел ер-тұрман, бойында ердің қалқаны мен сауыты, сапысы мен найзасы тұр. Қобыланды мен Қараман ынтық бола қарайды.

Қ ұ р т қ а (*Тайбурылдың үстінен сапы мен найзаны әкеп Қобыландыға ұсынады. Сауытын әкеп кигізе береді*).

Таңды таңға ұрғызған
Ақ еді ғой арманым!
Тәңір ием жар болса,
Ақ сауыттың көзінен
Жау жарасы дарымас.
Қайда жүрсең аман жүр,
Барым өзін, алғаным...

Қ о б ы л а н д ы

Ақ шырайлы аяшым,
Бойымдағы қасиет,
Ойымдағы тілектің
Бәрін саған арнадым...
(*Сүйеді.*)

Ш ы м ы л д ы қ

Екінші сурет

Ханның ханы зор Көбікті ордасы. Кент қоңырауы қағылып, даңғаза боп ұрып тұр. Қара құлдар жүйткіп жүр. Орда бүгін қонақ күтеді. Құл, нөкері қоршаған батыр Қазан шығады. Алып батыр кер асқак. Кісі басындай екі шойын шокпарды асықтай атып ойнап келеді. Алдынан орда бегі шығып қарсы алады.

О р д а б е г і

Сұлтаным сүйген батыры,
Қадірлі қонақ Қазанның
Құтты болсын қадамы.

Қ а з а н

Әміріңе сәтте әзір
Бұйрығымен кеп тұрған
Батыр, сұлтан Қазаны, кеке!
Ордада ма ер ием?

О р д а б е г і

Аңға шыққан шағы еді,
Оралса керек тезінен. (*Кетеді.*)

Қ а з а н

Кеке! Кеке! Кекке-ке! Кекке-ке!

Өз құлдарынын қолына шокпарларын тастай береді. Әр шокпарын бес-алты құл тәлтіректеп зорға көтеріп апарып, анайдайға қояды.

(Қазан өз нөкерлеріне.)

Көз алмасын, көздесін,
Оқыс келіп қалмасын!
Көбіктідей көк ауру,
Хан, сұлтанның мықтысы,
Кінәшілдің кектісі,
Тәу етіп күте алмасаң,
Келіп пәле салмасын!

Құлдар құп болады дегендей айнала тарасады.

(Қазан ырғалып отырып.)

Кекке! Кекке-ке! Кекке-ке!

Н ө к е р *(жетіп келіп).*

Алдияр сұлтандардың сұлтаны,
Көк пілге мінген Көбікті
Келіп жетті, тақсырым...

Қ а з а н *(қолбаң етіп тұра беріп).*

Көбікті! Сұлтандардың сұлтаны,
Ханның ханы Көбікті...
Қасында кім бар нөкерден?

Н ө к е р

Бекзадасы Бірсімбай,
Ханзадасы Қарлыға —
Қасына ерген ұл-қызы...

Қ а з а н *(бойын тарап, қылықсып).*

Ханзадасы Қарлыға! Кеке! Кекке-ке!
Қасым деуге қимайтын,
Досым деуге сыймайтын,
Қарақ суын тілесем,
Мазақ етіп қыз сайқал,
Зәрдің суын іш деген. Кеке!
Тағы кім бар қасында?

Н ө к е р

Алдияр! Ақ пілге мінген айдынды
Алшағыр бар бір бөлек!

Қ а з а н (*нөкерді ауызға қойып қалып, шалқасынан түсіріп,
кеудесін басып тұр*).

Жап аузыңды жалп етек,
Жалынып өскен жаппар құл!
Қобылан, Қазан тұрғанда
Алшағыр ма еді айдынды!

Н ө к е р (*аяғының астында жатып*).

Алдияр тақсыр, жаздым мен,
Айдынды емес Алшағыр...

Қ а з а н (*өз кісілеріне бұйрық етіп*).

Шығар Қыпшақ тұтқынын! (*Нөкер белгі етеді*.)

Тұтқынды кеспекпен тіркестіріп алып шығысады.

Ханның ханы Көбікті
Көк пілінен түсерде,
Көк күмбезге кірерде,
Көлденең тартып бауыздап,
Хан жолына шалыңдар!
Қазан тартқан сыйы деп,
Оң шырайын алыңдар!
(*Тұтқындарды алып кетеді*.)

Қарбаласқан әбігер. Қазан бір отырып, бір тұрып, аюдай қолбаң етіп,
өзін-өзі бүйірден қойып қалады.

Көбіктіден күшті емес
Қарлығадан қаймыққан
Ит кеудені не дейін?

Көп шам жағылып, күмбез сырты жалт етеді. Көк пілдің басы көрінеді.
Піл үстіне орнатқан жібек шатыр ішінен Қарлыға, Бірсімбай түседі. Ке-
нет қонырауы қаңғырлап, бай орданың бәйтөбетіндей үріп тұр. Келген-
дер орда ішіне кіре береді. Алшағыр кіреді.

Қ а з а н

Кекке! Хан шақыртып кеп тұрмын.

А л ш а ғ ы р
Мені де хан шақыртқан.
Қ а з а н
Қандай жарлық еткендей?
А л ш а ғ ы р
Аттан демек жауына.
Қ а з а н
Кімге?
А л ш а ғ ы р
Білмедім әзір жау бетін.
Қ а з а н
Аттан дей ме, Қазанға, Алшағырмен қосыла? Кекке!
А л ш а ғ ы р (*күліп*).
Қосыл десе қомсынбақпен Алшағырды, ер Қазан?
Қ а з а н
Кекке, кекке-ке! Қомсынбасам – кексінем!
Бақталасым, тайталасым,
Алмаймын мен сен көрсетер көмекті.
А л ш а ғ ы р
Бақталасым? Қыз таласым десеңші,
Майдан ортақ емеспед? (*Күледі.*)
Қ а з а н
Ертпеймін мен майданға
Егесін қоймас күндесті. Кекке!
Тыйылдың ба қыз Құртқаға таластан?
Тыйылдың ба Қарлығаға таластан?
А л ш а ғ ы р
Тыйылғам жоқ, күйгеніңмен, ер Қазан...
Қ а з а н (*қайнап кетін*).
Кеке! Кекке-ке!
Жауым болсаң нетушед?
А л ш а ғ ы р
Жауың болсам әлдеқашан аяннан
Екі ару да кетушед!
Қ а з а н
Сені тандап кетермед?
А л ш а ғ ы р
Өртеніп өлер болсаң да,
Ер Қазанды қор Қазан қып кетер ед... (*Күледі.*)

Қ а з а н (*сапысын ұстай алып*).
Қайнатпа менің қанымды.
А л ш а ғ ы р (*саспай сапысын ұстан*).
Қайнамақтан төксең мейлің қаныңды.
Қ а з а н
Кел былай! Кекке!
А л ш а ғ ы р (*саспай*).
Келсең кел!

Бірсімбай, Қарлыға шығады.

Б і р с і м б а й
Тарт семсерді! (*Екі батыр еріксіз тоқтасады.*)
Хан тағының алдында, қай тағылық бұл дүлей?
(*Бірсімбай екеуін де түсінгендей.*)
Таныдым ба түрлерін...
Тағы да ескі талас па?
Сол қу талас тозбас па?
А л ш а ғ ы р
Алдияр бекзадам, қоятұғын Қазан ба?
Қ а з а н
Кекке! Қарындасын Алшағыр
Берер бопты өз басыңа, бекзадам,
Қара ордаға кол артыпты, жетпес пе?
Тағы туыс кезегін мен алмастан, бұл алса,
Ішімде кек кетпес пе? Кекке! Кекке-ке!
Б і р с і м б а й
Қызыққанын қуатын Қазанда да қолай бар,
Қарлығадан дәме етер
Сенде-дағы орай бар!
Қ а р л ы ғ а (*атып тұрып*).
Ағам болған Бірсімбай,
Әділ сөзің осы ма?
Қай дұшпаның айтарлық
Бұндай жолды досына?
Саудаға мені салғанша,
Кескілескен жауыңа
Сауғаға берсең болмас па?
Қай зорлығың қор еткен?

Б і р с і м б а й

Қыздың еркін Қызылбас
Қызға берген ел емес!
Әкең айтар билікті
Бұрын айтар мен емес. *(Үшеуіне де.)*
Бұл таластың бүтінде
Шегіне шығар шак жетті.
Хан кесігін естисің!
Қарындасым болсаң да,
Тайталасар сен емес...

Қ а р л ы ғ а

Екі тағы таласса,
Жемге жүрер болмаспын.
Жаманнан біткен жараға
Емге жүрер болмаспын!
Аялар деген ұядан
Аяусыз соққы тап болса,
Қор қайғыны жар тұтып,
Санадан солар болмаспын!
Жадында тұт, Бірсімбай,
Намысқа тиер соққыдан
Ажалын жақын көріп ап,
Қарлыға шығар қымсынбай.

Қ а з а н

Кеке! Кекке-ке! *(Дей береді.)*

Көбікті шығады. Оқшау келе жатқан батыр сұлтан Көбікті. Кент
қонырауы қағылады.

(Қазан Көбіктінің аяғына бас қойып жығылып.)

Қадамыңнан садаға
Қадірсіз құлың Қазаның!
(Жұрттың бәрі де бас қояды.)

К ө б і к т і *(таққа отырып, сыртқа қол сілтеп).*

Тоқтат қаңғыр-күнгірін.

Қ а з а н *(нөкерге).*

Өшір қонырау үндерін!

Қонырау сап болады.

К ө б і к т і (*дүр сілкінгендей, бұрқ-сарқ етіп тұра бере*).
 Белде! Белде! Белдеді!
 (*Отырған жұрт тегіс атқып тұрып, сілтідей тынады.*
Ақыра сөйлеп.)
 Көк иесі, көк тәңірі,
 Жер иесі Көбікті! (*Үндемегендерге акырып.*)
 Көбікті емей, кім еді?
 Ж ұ р т т ы ң б ә р і
 Жер иесі Көбікті! Көбікті!
 (*Десіп тегіс етпеттерінен түсіп, бастарын жерге*
қояды.)
 К ө б і к т і (*мазақтан*).
 Көбікті, Көбікті!
 Ендеше, білсін тегіс безерген,
 Естімеген бір қорлық —
 Көбіктіні тірідей қара жерге көміпті...
 Қ а з а н (*атқып тұрып*).
 Кекке-ке! Қандай қорлық, хан ием!
 Қап, қап, қап, қап, не дейді?
 Нұсқасаңшы жау бетін!
 Шап десеңші Қазанға! (*Алшағырға.*)
 Алшандаған Алшағыр,
 Хан күйігін сен көріп,
 Қайтіп шыдап кеп тұрсың?
 А л ш а ғ ы р
 Сап, сап, Қазан, қоя тұр.
 Пәле деген сыбысты
 Естігенім осы ара!
 К ө б і к т і
 Қаланы басып Қазан қарық,
 Аймақты басып Алшағыр...
 Қарсылығын қоймаған
 Жауым отыр жайрағыр!
 Талай таптап езсем де,
 Түрекеле алысқан
 Қасым батыр Қыпшақтай
 Қанжар сілтеп қарысқан.
 Жоям Қыпшақ елін мен!
 Жөңкілтіп алам жерін мен!
 “Аттан” деп ұран тастаймын,

“Тапта” деп сүрен бастаймын.

“Құп” дер жауап күтемін

Еңсере тиер ерімнен!

Сал алдыма сертінді!

Қ а з а н

Алдияр тақсыр хан ием,

Өзіңе бердім еркімді.

А л ш а ғ ы р

Мен де бердім сертімді.

Қ а з а н

Қысқа күнде қырық шапқам.

Тағы да типыл қылайын,

Қан құстырып Қыпшақты.

К ө б і к т і

Сал, ендеше, сүренді,

Жартас құлап басына

Жапырылған жалғандай,

Сал көрмеген қыспақты.

Қ а з а н, А л ш а ғ ы р

Алдияр, алдияр!

Көклан кіреді.

К ө б і к т і

Немене келдің, Көклан,

Түрінде наза, каза ғой?

К ө к л а н

Қорлық көрдім. Қорлық. Айхай, қорлық!

К ө б і к т і

Кімнен, кімнен? Жөніңді айт!

К ө к л а н

Қасыңнан! Кескілескен қасыңнан.

К ө б і к т і

Қыпшақтан ба? Айт шапшаң!

К ө к л а н

Содан, содан, қор етті мені, сені де!

К ө б і к т і (*жиынға Көкланды нұсқап*).

Көремісің мынаны?..

Көреген көзім кім еді?

Сақ құлағым кім еді?
Кемімес кегім кім еді? *(Ақырып.)*
Көрер ме қар көздерің?

К а з а н

Кеке! Кекке-ке! *(Деп басылады.)*

К ө б і к т і

Көр мынаны бәрің де,
Есігі ойран, төрі талқан!
Қарақаттай қайран көз
Қамшы бойы жас төгіп отыр, мінеки!
(Көкланға.)

Төңкерілсең төбем сен!
Салдым бәрін жолыңа,
Айт аямай бәрін де!

К ө к л а н

Көкте жанған күні сөнсін, дәрі емес!
Тұнжыраған түні солсын, дәрі емес!
Уай-ай, уай-ай, айхай-айхай, қайдасың,
Айда тұрған ақ пері, аямас ием, қайдасың?!
Жой жойылғыр дүниесін.

Ыран көден, ылан сордың сойқаны,
Соқ пәленді, әлекке сал әлемін,
Кешпес кегің қайнасын! Зу! Зу! Арзу! Арзу!

(Деп құтырып кетеді. Құлдар қорқып етпеттерінен түседі.)

К а р л ы ғ а *(алдына иіліп).*

Ашулы ана, алып ана,
Зар шеріңнен қайт-сана...
Қолыңда өлед жауынның,
Ұлдарыңа ұйыған
Ашуынды айт-сана...

К а з а н, А л ш а ғ ы р

Ашуынды айт-сана, айт-сана!

К ө к л а н

Құмырсақдай таптаған
Қырық жолбарыс үйірін
Аяр Самбыл ол кетті,
Сыңар қанат, қарқ болат
Құй түбінен сыр тартқан,
Арқалар құсым, андаушым,

Аңырап қалдым, ол кетті!
Қылыш құйрық қиянқым,
Кекке шапқан киенкім
Жекпе-жекте жер қапты.
Жер ғып кетті, ол кетті...
Нені білдің, мұрдар-ау!
Бәрін қырған жалғыз жау.
Құрыған Қыпшақ қасыңнан
Жалынып шыққан жас пері,
Қарсы біткен емендей
Қасарманы қалмаған
Қайту білмес Қобыланды...

Қ а з а н

Қобыланды?

Қ а р л ы ғ а

Қобыланды?

А л ш а ғ ы р

Қыпшақ? Қобыланды? Ат қып мінген құланды,
Ас қып жеген жыланды.
Атаңның көрі алақшы,
Жапа-жалғыз өзім-ақ
Жерге қағып жойсамшы...

Қ а з а н

Қалдыраған қанқойдың
Бас терісін сойсамшы!

К ө к л а н

Түбіме жетті қас Қыпшақ,
Ай жүзді ару Құртқаны
Қуа келіп құтқарып,
Алғалы жатыр сол Қыпшақ!

Алшағыр мен Қазан атқып тұрысады.

А л ш а ғ ы р

Не дедің сен, не дедің?

Қ а з а н

Кеке! Кекке! Кекке! *(Алшағырға.)*
Қызғанғаның мен едім,
Жеттің бе, арам Алшағыр,
Шоқ-шоқ, шоқ-шоқ, Алшағыр!

А л ш а ғ ы р
Қарау Қазан, қор Қазан,
Қасым болсаң нетушед.
Сен таласқан кеселден
Кетіп отыр қыз Құртқа,
Сенен тартқан бұл сазам! Сенен!

Қ а з а н
Сенен, арам Алшағыр.

А л ш а ғ ы р
Сенен, қорқау қор Қазан, қайран Құртқа.

Қ а з а н
Қайдан Құртқа табармын. Кеке! Кекке!

А л ш а ғ ы р
Сенікі емес, менікі ед!

Қ а з а н
Менің Құртқам болатын!

А л ш а ғ ы р
Садаған кет, менің Құртқам болатын.

Қ а з а н (*сасын*).
Кеке! Кекке-ке!

А л ш а ғ ы р (*мазақтан*).
Меке! Меке!

Екеуі ұмтылысады. Көбікті ақырып “сап, сап” дейді. Бірсімбай екі батыр-
ды айырып жібереді. Көклан жылағаны, күлгені белгісіз сақылдап ойнап,
құтырынып шығып кетеді.

К ө б і к т і
Белде, белде, белдеді!

Батырлар отырысады.

Қыз дегенде қораздай
Мекиен көріп мәңгірген,
Қокиланған неменес?
Қос текедей бақылдап
Қағынғаны неменес?

Қ а з а н
Кеке! Кеке!

А л ш а ғ ы р
Доғар, доғар!

К ө к л а н

Тәйт былай! Екіленген екеуің
Қас Қыпшаққа қасарған
Қандай қысым көрсеттің?

Қ а з а н

Қаласын алған мен Қазан.

А л ш а ғ ы р

Аймаған алып аңыратқан,
Мен аямас Алшағыр.

К ө б і к т і *(кекен)*.

Дәу-дәу, неткен дәу дерсің!
Жел көріксің жалған дәу...
Шыбын шықты деді ме
Тасырлаған тарпыңды?
Қысылған Қыпшақ көрдің бе?
Тұқымменен таусылып,
Қырылған Қыпшақ көрдің бе?
Нәлет, нәлет болсын, жой былай,
Босқа бөскен алқынды.
Сан ықылым заманнан
Қыпшақтан асқан қасым жоқ!
Түу Кейқауыс тұсынан
Түгеніп кетпес кегім бар,
Қыпшақтан асқан қасым жоқ!
Хан баласы Сияуыш
Кім қолынан өліп ед?
Қыпшақтың басы құныкерім,
Апрасияп өлтіріп,
Ақ мөңгілі тауменен,
Таң түлік деген жолменен
Кеткенінде Кейқауыс,
Қандай күйге келіп ед?
Айнымастай ашумен
Арылмас антын беріп ед.
Ел Қызылбас нәсілі
Тусын, білсін, бел бусын,
Қыпшақтан асқан қасым жоқ!
Деп ұрпаққа сеніп ед...
Құрымай Қыпшақ келеді...
Антым, сертім, сол, сол-ақ!

Құмырсакадай қыrmаса
Қыпшақ біткен жынысын,
Көбікті кектен өледі.
Мен дегендер міз бакпай,
Түйіп сертін береді.
Бітсін бүгін бейбіт күн,
Бірің қалмай беттейсің.
Байлау ет те белгің бер,
Кімің бастап, кімің қостап ереді?

А л ш а ғ ы р

Алдияр! Шапсын Қазан әуелі!
Мен соңынан соғамын.

Қ а з а н

Торығаның тағы да
Қыпшақ емес, Қазан ғой.
Жағаласқа мен кетіп,
Қыз Құртқаны бейнетсіз
Тигізетін қолына
Менің, сірә, жазам ғой?

А л ш а ғ ы р

Қоямысың, ей, Қазан,
Шабыс бар да намыс бар.
Нені есіттің, не түйдің
Батыр сұлтан дертінен?

Қ а з а н

Кеке.

Б і р с і м б а й

Болды, жетті егесің,
Кім алдында керісіп,
Кімге қияс етесің?
Батыр, батыр дегелі
Дәу пірімсіп екеуің
Әлден асқан екенсің.
Тайғақ болса табаның,
Тантырамай шыныңды айт,
Өзім берем ессін...

А л ш а ғ ы р

Өртер болды осы сор,
Қайда барсам Қазанмен
Қақтықтырып қызғаныш,
Қатынсыз өтіп қор болдым.

Қазан
Мен де сенің керінен
Қатынымнан айрылып,
Езіліп қара жер болдым.

Көбікті
Қоямысың, қос мұрдар!

Қазан
Алдияр! Алсаң екен жолымнан
Алшағырдай пәлені.

Алшағыр
Алдияр! Тыйсаң екен Қазанды...

Көбікті
Қылығы жеткен қыз алад,
Қылығы жетпес сендер мед?
Жан жүзінің бар қызы
Жалғыз-ақ қыз Құртқамед?
Көрсетші менің көзіме,
Сендерге тимес қай қыз бар?

Алшағыр
Алдияр! Тағы таңдар бір қыз бар...

Қазан
Оған тағы таласпыз...

Көбікті
Қыз біреу де, ер екеу,
Талас болмай нетеді?
О да тимей кетті ме?

Қазан
Таласқанның керінен
О да кетер тарпы бар.

Көбікті
Кесір болса араңда,
Қыз пәлесін кесемін.
Кете алмайды біріннен,
Атын ата сол қыздың?

Қазан (*Алшағырға*).
Ал аптыққыш Алшағыр!

Алшағыр
Қара кезек бергішін!

Қазан
Айта алмаймын, айтпаймын.

А л ш а ғ ы р
Неге айтпайсың, не болды?
Қ а з а н
Айналайын Алшағыр,
Осы жолы өзің айт.
Менен шығар қайрат жоқ,
Мүлде оңбайын, айтпаймын.
К ө б і к т і
Айт талдырма, жасырма!
А л ш а ғ ы р
Алдияр, айтсам кәр қылма!
Қ а з а н (*қостан*).
Кәр қылма.
А л ш а ғ ы р
Құртқадан соң мазақтап
Екеумізді қор қылған.
Қ а з а н
...Қор қылған.
А л ш а ғ ы р
Жез қобыздай сынқылдап,
Жез бұйдалап талдырған.
Қ а з а н
...Талдырған.
А л ш а ғ ы р
Өз қасында отырған
Қасарман қызың Қарлыға!
К ө б і к т і
Қарлыға! (*Қарқ-қарқ күліп.*)
Белде, белде, белдеді!
Қ а з а н (*үміттеніп*).
Кеке! Кеке! Кекке-ке!
К ө б і к т і
Үйтпес болар Қарлыға...
Қ а р л ы ғ а (*атқып тұрып*).
Хан көке, тыңда, хан көке!
Қасиеті асқан ел алад,
Қылығы асқан қыз алад.
Қасиет, қылық білмеген
Қызталақтар нені алад?
Қ а з а н
Кеке! Кеке! (*Деп шошына береді.*)

Қарлыға

Құртқаны да бездірген
Қорқау мінез осылар.
Қасиетін атасын
Мен теңім деп қосылар.
Бұлдағаны білек пе,
Сүймеймін де тимеймін,
Іркерім жоқ жасырар.
Батыр болса бұларын
Мен майданда кем бе екем?
Өнерім бар асырар...

(Деп Қазанның қос шоқпарын алып асықтай атады.)

Тандамаймын, тимеймін!
Өз теңдесім болмаса,
Ынтығым жоқ бас ұрар.

Көбікті *(қарқ-қарқ күлін)*.

Қызығатын жөні бар!
Қыз біреу де, ер екеу,
Қырқысатын жөні бар!

Қазан

Кеке! Кеке! Жөні бар!

Көбікті *(қатайып)*.

Белде, белде, белдеді!
Болды байлау, әмір сол,
Қаусата соғып Қыпшақты,
Қазан жойқын бастайды,
Аңди соғып Алшағыр,
Түре қуып тастайды.
Бұйырмайды Қыпшаққа
Қыз Құртқадай асыл жар!
Қызыл жирен ат мінген,
Қылқа шоқпыт тон киген
Ері алады елімнің.
Таласың жоқ жалғыз-ақ,
Бұрын жеткен алады!
Соңғыға да сауға бар,
Қарық алтынға малынтып
Қарлығамды алады.

Қарлыға

Сауға, сауға! Мен бе сауға?
Хан көке, не дедің сен, хан көке?

К ө б і к т і

Бітті бұйрық, байлау сол.

(Қазан, Алашағыр сүйсінеді.)

Апкел антпен түйемін

Қыпшаққа деген кегімді.

Қ а з а н *(құлдарына бұйрық етіп).*

Келтір қанын Қыпшақтың,

Жау қанымен ант еттік.

(Жез тегене келеді, ішінде Қыпшақ қаны.)

К ө б і к т і

Батыр қанға қолыңды,

Тегіс батыр еретін,

Қостайтұғын кекте басар жолымды!

(Бәрі қолдарын қанға батырады. Қарлыға тартынын түйіліп, кейін жалғыз қалады. Көбікті бастап, өзгенің бәрі қостап ант айтысады.)

Тәңір ием, кең ием,

Куәм өзің боласың.

Деш Қыпшақтан алмасам

Тегіс тартып даласын.

Таптырмасам даладан

Исі Қыпшақ моласын!

(Дауыстарын үдетіп.)

Осы сертке жетпесек,

Төбесі ашық көк ұрсын!

Төсі түкті жер ұрсын!

Найзағай ием оғы ұрсын!

От иемнің шоғы ұрсын, шоғы ұрсын!

Ш ы м ы л д ы қ

II АКТ

Үшінші сурет

Ай шырайлы аяштың тойы. Қобыланды батыр ордасы. Тойды күткен қыз нөкер, күй безеген күйшілер. Ата-ананың тобын бастап Тоқтарбай мен Аналық шығады. Қастарында Қараман.

Аналық (келе жатқан Құртқаны тосып тұрып, қолында жұп шырағы — тілек шырағы. Токтарбай да жұп шырақпен тосады).

Қайырымды ием Қамбар-ау!
(Маңдайына шырағын көтеріп, тәу етіп.)
Қаралдымның қызығын
Қарық боп көрер сәтті бер!
Мен болғамын бір кезде
Соңынан бота ермеген,
Бозінген боп боздаған,
Аңыраған Аналық,
Зар күнімнің, сол күнімнің арманы,
Осы еді ғой бер деген.

Оюлы шымылдық шыға береді. Ар жағынан Құртқалар.

Кел, кел, айым, кел, айым!
Атаң өзім болайын, анаң өзім болайын!
Т о қ т а р б а й
Құтты қадам, жан балам,
Сапарыңа бақ тілеп,
Алдында тұр ағайын.
Жалғызым жалқы болмасын,
Өсіп, өрбіп өркенде.
Бар тілегім бір айтып,
Жұп шырағым жағайын! (Бұ да тәу етеді.)

Шымылдық ашылып, Құртқалар көрінеді. Қасында Қобыланды, Қарлығаш, Шуақ сияқты жақындар. Қобыланды мен Құртқа ілгері шығып, Токтарбай мен Аналықтың алдына тізе бүгіседі. Тосып тұрған үлкендердің бәрінің қолында қос шырақ пайда болады. Екі жастың үстерінде, айналасында қоршай жанған шам-шырақ. Токтарбай бастап, бар жиын қостайды. От-ананың құрметіне арналған сиыну ырымы орындалады.

Жұп шырағым жалындап,
Жад еткенім өзіңсің,
От анасы, жарылға!
Ж ұ р т
От анасы, жарылға!

Т о к т а р б а й

Оттай ыстық достық бер,
Жұбын жазбай ұзақ бер!
Жар жарастық кызығы,
Қартайғанша арылма!

Ж ұ р т

Қартайғанша арылма!

Т о к т а р б а й

Қарғысы қатты қайрақан
Қазасынан сен сақта!
Қараңғыны жамылған,
Қара түнде қағынған,
Ие, кие кегінен,
Монтаны жарғыш ебінен
Егізімді сен сақта!
Жолдарын жарық, жарқын ет,
Ұлы пана өзіңсін,
От анасы, жарылға!

Ж ұ р т

От анасы, жарылға!

Осы сәтте сахнаның төрт бұрышынан лапылдап төрт от жанады. Құртқа мен Қобыланды сол оттарға кезек-кезек бұрылып, иіліп тізе бүгеді. Жұрт “от анасы, жарылға!” деп тілек айтып тұрады. Сиыну бітеді. Оттар сөнеді.

Жұрт жадырай бастайды.

Қ а р а м а н. Уай, қайран асыл ата-аналар! Тілектерің тап болсын, арқауылдай асқарлар. Тек келінің киенкі болмағай-акта. *(Үлкендер түсінгендей күле береді.)* Келмей жатып келінің қатты бұйрық етіп тұр. Жеткіз деп тұр сендерге... Өзегімізді талдырмай қызығымызға тез жеткізсін. Ойын-сауығымызды бастасын тез. Болды енді деп тұр, мінеки. *(Жұрт күледі.)*

А н а л ы қ. Айтпайды оны ақылы толық аяшым.

Қ а р а м а н. Айтпайды? Әттен, айналайын аңқау анамай...

Қ ұ р т қ а *(Қарлығашқа)*. Қорғасаңшы, айым-ау!

Қ а р л ы ғ а ш. Ойын-сауық дегенді Құртқа емес, біз айтамыз.

Қ а р а м а н. Әне, әнеки, көрдің бе? Қарлығашқа да сол айтқызып тұр. Ол одан да зорын айтады. Білмеуші ме

ен, анам-ау. Бұл долы кемпір Көклан асыраған қыз емес пе? Мұның долылығының қасында шешесі момын, коңыр қозыдай.

Ж ұ р т. Басталсын той! Қайырлы той! Жарқын той!

А н а л ы қ. Бар тілегім жолына, бар қызығын жайып сал қос маралдың алдына.

Үлкендер кете береді. Қараман Құртқа қасына келеді.

Қ ұ р т қ а (*кулин*). Қайран құрдас, қайтейін, досым мұндайсың, қасым болсаң қайтер ең?

Қ а р а м а н. Е, қасым болсаң, қазір алар өшім бар. Қобыландыны қасыңнан қазірден-ақ айырам. Көкжал! Шық былай! Той-сауықты бастаймыз.

Қобыланды қозғала береді.

Қ о б ы л а н д ы. Жүр, жиынға барайық.

Кетіседі. Жастар ойынға әзірленіп сейіле береді. Құртқа, Қарлығаш, Шуақ қалады.

Қ а р л ы ғ а ш

Қинаған жоқ па Қараман,
Жақсы көңіл жасытып,
Қынжыла көрме, жабықпа!

Қ ұ р т қ а

Айым, жаным, айтпа оны,
Бұл күйімде көңілімді
Жабықтырар әзіл жоқ.
Айтсам ба екен екеуіңе
Ішімдегі шын толқыған сырымды?

Қ а р л ы ғ а ш

Айт, жеңеше, жақыным де жаныңдай.

Қ ұ р т қ а

Айым, қабыл алдым мен... (*Аз бөгелін.*)
Көз жұмсам бір сәуле
Өне бойым балқытып,
Шарпығандай жалындап...
...Мамыр күні маңғыстап,
Көз жүзіне еркелеп,

Қалқып ұшқан ақ мамықтай ақ бұлт,
Бақ-мерейім туы боп,
Төбеме келсе деп едім!
Төбем емес, бұл кезде
Күмбезімде көрермін...
Ей, екі жас, достарым,
Кінә қылма, кеш мені,
Шаттығымнан шалқығандай боламын,
Жанып өскен жастығымның зарында
Осы сәттің өзін емес,
Құр елесін бір көрсем.
Көріп қана құр тірліктен жөнелсем.
Қалғаны бар, арманы бар,
Мен де мұнды дер ме едім?..

Қ а р л ы ғ а ш

Ақ жүрегің айтқызған
Ай нұрындай сырың бар.
Ақ тілеуің сәулесі,
Қуанам да қызығам...
Тек жалғыз-ақ, жеңеше,
Қысқа тілек тілегендей болмашы!

Ш у а қ

Қысқа демей қарық болдым деп кетер ем,
Мен күткен бақ, сағым шақ
Мол еместен, осындай-ақ болсашы.

Қ а р л ы ғ а ш

Жапа көріп біреуден,
Түңілгендей тілеуден,
Аз қызықты көп көріп,
Не көрдіңіз, қысылдыңыз неліктен?

Ш у а қ

Алдағы тілек алыс боп,
Қолға жетпес қиын боп,
Айырар болса еріктен,
Ей, қалқажан Қарлығаш,
Арман деген ащы зар
Айтылмасын неліктен?

Қ а р л ы ғ а ш

Жасылды асыл тартқандай,
Тың сырды сыр тартар ма,

Айтса нетті? Бекінісін бұзғандай,
Шықса нетер беріктен?
Қ ұ р т қ а (*Шуаққа*).
Ұзатып мені әкелдін
Ұзақ жолда үйімнен,
Содан бері бақсам мен,
Бір жалының бар көрем.
Шығаршы жас соныңды,
Нені сүйіп дүниеде,
Неден үміт күйінген?

Ш у а қ
Ашсам ба екен сендерге,
Іздеушісі жоқ болған
Іште жатқан түйінді!

Қ ұ р т қ а (*Қарлығашқа*).
Айт десеңші, айым-ау!

Қ а р л ы ғ а ш
Өзінің сырын өзіне
Билетсек нетті өйткенше.

Ш у а қ
Өз жүрегім билесе,
Өзек жарған мұңымды
Өзім деген жақынға да айта алман...

Қобыланды келіп тындайды.

(*Қарлығашқа.*)
Бір сырым бар жүрегімде,
Жан нұрым сол жебеген.
Тар зынданның ішінде, тас қамауға түссем де,
Талдырмастай табынғаным өзі сол.
Қасарысқан жауыма
Қан кешуде жақтартсам,
Арнап айтар айым сол!
Сиынып тартар жаным сол!
Аз өмірде барымша
Жан жүзінен жасырып,
Бек сақтаған барым сол.
Бүгін ғана бой жазып,
Айналайын Қарлығаш,

Ашылмаған арманым
Алдына кеп бас ұрды.
(*Қарлығаш қысылады.*)
...Ашылмаса жөн бе еді?
Айтылмаса жөн бе еді?
Айттым-дағы киналдым,
Жасқансам да жайым сол...

Қ а р л ы ғ а ш
Шешілместей түйінді
Өзім түртіп толқытқандай болдым ба?
Тұнық көңіл тыныштығын бұздым ба?

Ш у а қ
Көктем күнін жар тұтып,
Қауызын ашқан ақ гүлдей,
Жаным сыры ашылды,
Өзіне сеніп сол гүлдей...

Қ а р л ы ғ а ш
Шуақ! Оқыс сырдың тосын жайы
Тоқыратады, ұғыңыз.
Үндей алмай әзірше,
Бүгін айтар орайым жоқ,
Әзір берер белгімдей.

Қ о б ы л а н д ы
Қарлығашым, қанатым!
Шуақ інім, серігім,
Тайталасқа түскенде
Табандап шыдар берігім.
Ынтық сөзін жар айтса,
Мен едім лаулап жанатын!
Шуақтан қалған шер бар ма,
Орны жоқ па еді, орай жауап алатын?

Қ ұ р т қ а
Қысыламысың әлде, айым,
Еріксіз айғақ боп қалған
Аға менен жеңгеңнен?

Қ а р л ы ғ а ш (*Құртқаға*).
Бұрын сырлас болмасаң,
Тәңір қосса, бұдан соң
Бар сырыма жаны ортақ,
Жан қиысар жеңгемсің.

Жасырарым сендер емес... *(Шуаққа.)*
Ұлы күні ұямның,
Көкем Қобылан тойында
Бар көңілім біреу-ақ тілеу соңында,
Енжар болман өз мұңыммен,
Онаша бір сыр бойлап,
Саған айтар барым сол,
Қайда жүрсен аман жүр,
Тірлігінді тілермін,
Көп тілермін, көп ойлап. *(Шуақ бас иеді.)*

Қ о б ы л а н д ы

О, дүние, дүние! *(Қарлығашты сүйіп.)*
Ырза болдым, жарығым,
Жауабына сүйіне! *(Шуаққа.)*
Асық жар – жалын, біз – болат,
Жалын шалса, шар болат
Шымырай жетер күйіне.
Ер серігім, ырза бол,
Бүгін бізді қуантса,
Кешікпей-ақ келеді
Саған да кезек дүние!
Адал жарың жаныңа ап,
Келер тойда кіресің
Ақ күмбездей үйіңе!
(Екеуін де құшақтайды. Құртқаны құшақтап.)
Аяшым, айдай ақ сәулем!
Балапандап жан өсед,
Балаусалап тал өсед.
Егіз болсын екеумізге қос қозым,
Қуанышпен күн кешед.
О, дүние, дүние!
Бүгін бойым балқығандай, буын жоқ,
Сәт көрмесем сәулемді,
Айым батып кетердей,
Қорқыныш пен кам өсед...
Қуанышым, сабырлы бол, саям бол,
Бүгін менде сабыр жоқ.
Тақатсызбын, айласызбын, айласызбын баладай,
Әлсіздемін, аян бол! *(Сүйіседі.)*

Қараман бастаған жастар тобы жайнай шығады.

Қ а р а м а н

Уай, жарандар, жар тыңда!
Алпыстағы Аналық,
Тоқсандағы Тоқтарбай
Толғанып көрген Қобыланын
Жортуыл жорық кезінде
Маған серік болар деп,
Сеніп берген көкжалын,
Қылдай белі бұралған,
Талшыбықтай оралған,
Құлықтысы Құртқасын
Қарық қызыққа кенелт дейд!
Маған баста, төсте деп,
Бар билігін беріпті,
Өз қолыңмен жөнелт дейд!

Қ а р л ы ғ а ш

Құп аламыз, билей бер!

Қ о б ы л а н д ы

Билеп өзің бастай бер!

Қ а р а м а н

Билегеннің мәні сол,
Қысасым бар Құртқада,
Жар саламын бәріңе,
Маған сендер еріндер!
Оңашаға бармаймыз,
Емешесі құрысын,
Қолқа салса көнбейміз.
Қырық күн ойын, қырық күн той
Таркамастан тойлаймыз.

Дәл осы кезде шеру тартқан керней үні келеді.

Қ о б ы л а н д ы

Шеру тартқан қол болар.

Ш у а қ. Ел ме, жау ма, қайдан жүр? Суық тартқан жол ма екен? *(Шығады.)*

Сахна сыртына тасырлап келген тұлпарлар дабыры білінеді. Көк темірге құрсаңған бурыл сақал бір батыр найзасын тіреп тұра қалады. Артындағы қолына қарап:

1-қ о л б а с ы

Тарт, тарта бер, жетемін!

Сахна сыртынан шауып өтіп жатқан қол білінеді.

(Шуақ жақындағанда.)

Аман, аман, аман бол!

Ш у а қ

Ел, ел, ел бол!

Ү й д е г і л е р

Ел дейді, ел! Я Қамбар!

Ш у а қ

Арман батыр Аққозы?

1-қ о л б а с ы

Бар бол! Асығыспын, бар ма Қобылан батыр ұл?

Қ о б ы л а н д ы *(шығып).*

Қай жүрісің бұл жүріс?

1-қ о л б а с ы

Жүрісімді сұрама,

Қасасқан жау Қызылбас,

Қанқор Қазан қол бастап

Шауып кетті Қиятты.

Ері қырғын, ел сүргін,

Малы, жанын шұбатты,

Аттан, Қобылан, жауына!

Аттан, Шуақ, бөгелме!

Өш алмасаң – өлгенің,

Қалма сен де, Қараман,

Ер батырдың жанына!

Жет соңымнан, жетіндер,

Тарт намысқа бас ұра! *(Деп жөнеліп кетеді.)*

Ш у а қ

Аттанбасқа амал не?

Қ о б ы л а н д ы

Кесір Қазан, келдің бе

Кезігетін жеріме?

Қорған болар ер жоқ деп,

Пана болар жер жоқ деп,
Қан шенгелді салдың ба?
Жазығы жоқ, жаулық жоқ
Иен жатқан еліме?

Тағы бір шапқын келеді. Тағы әлгіндей қол өте береді. Мұның бастығы
2-қолбасы.

2-қ о л б а с ы

Кімнің қолы алдымда?

Ш у а қ

Аққозы жетті ағындап.

2-қ о л б а с ы

Неғып тұрсың, Қобыланды?

Неге аттанбай тұрсың сен?

Қ а р а м а н

Жаңа білдік мән-жайын.

2-қ о л б а с ы

Не тұрыс бар, ендеше?

Қ о б ы л а н д ы

Аман ба екен, білдің бе,

Қияттан өзге қалған ел?

2-қ о л б а с ы

Амандыққа сәні жоқ,

Қалғанға да күн қараң,

Ноғайлыға шауыпты,

Кесескені Қыпшақ дейд.

Жаланып кепті ит Қазан,

Аттан, тұрма, тез қамдан,

Тарт ілгері, Аламан.

Шаба жөнеледі.

Ш у а қ

Тарт тұлпарды, Аламан!

Жігіт жөнеледі.

Қ а р а м а н

Тарт тұлпарын көкжалдың,

Тайбурылдың өзін тарт!

Ш у а қ
Тартпа Қобылан тұлпарын!

Қ а р а м а н
Неге? Сен не дедің?

Ш у а қ
Дегенім сол! Тойы күні, жалғыз күні
Тыным дамыл бермесем,
Ел боламын, ер боламын несіне?
Шықпа, Қобылан, бұл жолға!

Қ о б ы л а н д ы
Айналайын қанатым,
Қайратың сал халқыңа,
Жолын берсін ер еңбегі жанатын!
Кешікпеспін артыңнан, мен болмаспын
Бүк түсумен қалатын!
Тарт жауыңа жалындай!

Шуақ жөнеледі.

Қ а р а м а н
Шуақ кетті, шұбап кетті Аламан...
Жол болар ма? Бәрі бұлдыр сағымдай!
Ел үрейде, ер сында,
Неге қалдық, неге тұрмыз біз де бірге сабылмай?

Қ о б ы л а н д ы
Бақшы, досым Қараман,
Сұлдер кеткен сойым бар.
Ынтық жеңген бойым бар,
Аял берші азғантай!

Қ а р а м а н
Немене аял, не дейсің?

Қ о б ы л а н д ы
Алма үрейді, аптықпа.
Ауыр сөздің бәрі әзіл
Күйім тұрса шаттықта!
Бұдан кетсем, көп көшем
Бетті бұрып жаттыққа!
Қайтіп қиям Құртқамды
Ақ тілеудің үстінде,

Ай көргендей тәу еткен
Арманы көп жастықта?
Жалғыз ауыз тіл қатамын Құртқама.

Үйге кіреді. Үйде қазір Токтарбай, Аналық та бар.

Асығып күткен қызығың
Астан-кестен болғандай.
Айыбың жоқ, ата-анам,
Алтын ұям, жазығың жоқ сенің де!
Жанбай күнім солғандай...
Амалым бар ма жалғыз-ақ,
Жұрт күйзелген шақ жетті.
Есігіп қалай тұра алам
Ұран, сүрен сарынын?
Шамам бар ма, аял қылып қалғандай?

А н а л ы қ

Куанышым Қобыландым,
Анаң тілек етеді.
Тойынды түгел өткізбей,
Алыстама қасымнан.

Қ а р л ы ғ а ш

Барма, көке! Қызығынды үзгендей
Қаймықтың ба қасыңнан?
Қ о б ы л а н д ы
Жарым деуге жетсем де,
Жарым күн жарық көп болған,
Не дейсің сен, Құртқажан?

Қ ұ р т қ а

Барма деуге бара алмайды батылым,
Етегінен тартам ба
Ер егесі келгенде,
Елі күткен батырын!?

Қ о б ы л а н д ы

Жарым Құртқа, кимасым,
Жауыңа аттан дедің бе?

Қ ұ р т қ а

Сақтаушы ием, бек сақтасын сені онда!
Алыс жолға сен кетіп, алысқанда, талғанда,

Қорғаны жоқ біз мұнда
Не көрсек те шыдадық.
Тапсырдым зор тәңірге...
Тұрма, батыр, сапар тарт!
Жолың болсын, жолбарысым, жортқанда!
Тілектен басқа дәрмен жоқ,
Өзіңнен өзге ойы жоқ,
Жас тілеуін жат жолына сарп еткен
Көңілі күпті, көзі жасты Құртқаң да.

Қ а р л ы ғ а ш

Барма, көке, жалынамын, бармашы бұл сапарға.

Қ о б ы л а н д ы

Барам, жаным, жалынба,

Болды байлау, аял жоқ.

Тарт, тұлпарым, Бурылды!

Жігіттер мен Қараман жөнеледі.

Әкпел сауыт, сайманды!

Құртқа өз қолымен киіндіре бастайды. Аналық жылап шөгіп қалған.

Қ а р л ы ғ а ш

Қасарманың бар еді

Қарсы біткен емендей,

Айтпасыма әддім жоқ,

Анталаған жауың көп,

Қас қамауда біз қалсақ,

Жан көке, кімге тапсырдың?

Тоғай толған жылқың бар,

Қора толған қойың бар,

Жан көке, кімге тапсырдың?

Қ о б ы л а н д ы (*қатуланып*).

Алысарға шыққан соң,

Аңдап айтар ер емен.

Амандығым садаға

Аңырап кеткен елімнен.

Т о қ т а р б а й

Сапарыңнан тыймаймын,

Ер туады елі үшін.

Тілегенде тәңірден,
Тусын деген жерім жоқ
Аналық пен мен үшін,
Тек кесірге жолықпа!
Астам сөзден алыс бол!
Қас иемнен қарғыс ап,
Қапы кетсең қимаймын!

Қ о б ы л а н д ы (*егесе мүсін*).
Жоқ, жоқ, жағаласа шыққан соң
Тау суындай тасармын!
Жалынып соғар жерім жоқ,
Жолды білмес жасылмын!
Өршеленіп ұрармын,
Өртегенді білермін!
Қай қастаны кезіксе,
Егесуге шыдармын.
Егестім сол! Егесуге құмармын!
Тоғай толған жылқымды
Жасанған жауға тапсырдым.
Қора толған қойымды
Аш бөріге тапсырдым.
Азу тісі балғадай
Жас бөріге тапсырдым.
Ата-анам – кәрімді,
Қарлығашым жанымды,
Жар қызығын көрмеген,
Жаным сүйген айымды,
Жанымнан асыл барымды,
Қимасам да, айтқаным
Қас иеме тапсырдым...
Жалғыз-ақ тілеу жетелеп,
Жалғыз-ақ мұрат байладым.
Өшім, кегім кетпесін.
Барды сарп етсем де,
Осыны ғана ойладым.
Осы ғана жолымды,
Жалғыз ғана тілекті,
Зор тәңірге тапсырдым. (*Қаруларын алып.*)
Тарт, тұлпарым канатым,
Тарт, серігім Бурылды! (*Жөнеле береді.*)

Жұрттың бәрінің қолында жұп шырақ. Бүгіліп тілек тілеп қалады.

А н а л ы қ

Жалындаған албыттың
Астам сөзін аңдама,
Халық иесі Қамбар-ай!
Қаралдымның жұлдызын
Оңынан туғыз, Қамбар-ай!
Ақ тілеумен көтерген
Ақ күмбезін жүдетпе,
Жан иесі Қамбар-ай!
Жас тілеуін жад етіп,
Жаңа келген жарының
Ақша бір жүзін суалтпа!
Бақ иесі Қамбар-ай! Қамбар-ай!

Жұрттың бәрі төрт тарапқа иіліп тілек етеді.

Ш ы м ы л д ы қ

Төртінші сурет

Қасқаралының биігі. Қазан батыр қорғаны. Ноғайлы қиятты шауып, жауланып келген Қызылбас қолы тосқауылда тұр. Қолбасы батыр Қазан. Қазір мұның түсі, сауыт-сайманы жат, суық ренді, қарқ болатқа шымқанған. Өзі мен батырларының беттерінде неше алуан аю, қабан рендес масқалар бар. Қазан қолы таланған қазыналарды сүйретіп әкетіп жатыр. Кейбір әскерлері тұтқын қыздарды шұбыртып өткізіп жүреді. Сахна ортасында қарауыл биік — Қасқаралының шоқысы. Соның басында Қазан жалғыз қарауылда.

Қ а з а н (*қасына нөкері келгенде*).

Қара қақпай қабақты!
Қайда келед қуған қол?
Қалт етпей бақ жан-жақты!
Анау шаң не? Анау кім?
Жеткен кезде айт маған!

(Өзі берірек түседі. Тұтқын қыздар өте береді. Қазан саспай қос шоқпарын аспанға атқылап.)

Кеке! Кеке! Кекке-ке! (*Әскеріне*).
Таламасын қыз біткенді Қызылбас,
Қылқа матап өз ордама жөнелтсін.
Шабындыдан түскен қыз —
Анық батыр сауғасы!
Өзімнен қалған сарқытты
Өзім тартам қайраты асқан ерлерге.
Қыпшақ қызы қас батырды кенелтсін! Кеке!
Н ө к е р (*биіктен*).
Алдияр! Тақсыр!

Қазан карайды.

Қуғын алды келіп жетті қасына.

Қазан биік басына шыға береді. Қасына үш батыр қосылған.

Қ а з а н (*қаспай*).
Келсін бері, келіп көрсін,
Жез телпегін ұшырып,
Қызыл телпек кигізермін басына!
(*Екпіндеп кеп 1-қолбасы шығады, артында қолының шеті көрінеді. Қазан ақырып.*)
Кеке! Кеке-ке!
Тоқта, сөйлес қыламын!
1-қ о л б а с ы
Сөйлесерлік нем қалып еді сенімен!
Қ а з а н
Алысамысың, ендеше? Кекке!
1-қ о л б а с ы
Алысқанды кескілеспей басылман!
Қ а з а н
Кел, келе бер, бер таман!
(*Қолбасы тауға баса бергенде.*)
Қолың тегіс жетпепті,
Менің қолым жасанып тұр жаланып!

Қолбасы жақындағанда, батырлар шанышпақ болып ұмтылады.

Қ а з а н *(әмір етін).*

Тиме, жібер бері қарай!

Кел, кел, мына көзің сал!

Қолбасы шығып қарайды.

Көр әнеки, тұрғыны алып тосып тұр,

Тұнжыраған түмен қол!

(Жау қолына қарап.)

Селдіреген аз тобына тимеймін,

Тиер болсам ұйпап алам, аптықпа.

Жи артыңды! Аял берем азғантай.

1-қ о л б а с ы

Не деп тұрсың сен маған?

Қайдан шыққан қайрымың!

Қасиетің шын болса,

Қарап жатқан халқымды

Қапыда шапқан қай сырың?

Қ а з а н

Елінді егер қылсам да,

Ес жиғызбай құйындай,

Қапыда алман ерінді!

Белдесіп тұрып бек соғам!

Бар қолыңа, артың тос!

Өршеленбе жиынбай! Кеке! Кеке!

Сырт айнала береді. Қолбасы қолына келеді.

Алдынан 2-қолбасы шығады.

2-қ о л б а с ы

Қият, Қыпшақ, Қыпшақ, Қият!

(1-қолбасы сабыр дегендей белгі етеді.)

Алжастың ба, Аққозы?

Неге тұрсың ұрынбай?

1-қ о л б а с ы

Тоқта, жетсін бар батыр

Ұшқындаған тобымен,

Арандайтын жер емес.

Көріп қайттым көзіммен,

Қалың тұман қол жатыр!

2-қ о л б а с ы

Жау санасып ұрсыппек¹,
Не пәлені бастадық?
Неге шаптық, ендеше?

1-қ о л б а с ы

Кой, Қосдәулет, тасыма,
Ел қырғыны жетеді.
Андымастан алғызар,
Қастаным жоқ қасыма ерген жасыма!

3-қолбасы жетеді.

Жетті ме бар батырлар?

3-қ о л б а с ы

Не тұрыс бұл, не қорлық?

1-қ о л б а с ы

Алысудың кезегін Аққозы ғана билейді.
Сенің қандай ақың бар? (3-қолбасына.)
Кім келеді артыңда?

3-қ о л б а с ы

Ноғайлының аламан
Асыға жиып аттанған,
Он екі баулы Шуағы
Болса керек артымда.

1-қ о л б а с ы

Жетсін Шуақ тым құрыса! (3-қолбасына.)
Қаракорен жаурыншы,
Не көрінді балыңа?

3-қ о л б а с ы

Аман шығар, қайтушед,
Алыспастан қол тұрса!..
Келді ме, сірә, Қобылан,
Арқауылым жас ұлан!

1-қ о л б а с ы

Қобыландысыз сөйлемей ме жаурының?

3-қ о л б а с ы

Абыроймен сақтаса,
Сол-ақ қорғар қор боп кеткен бауырын!
Келмеген ғой ол, сірә...

1-қ о л б а с ы
Жетпеді ғой жетер десе Қобылан,
Асығыспен жол тартып,
Айыраар десен бауырын!

Қ а з а н *(биіктен)*.

Кеке! Кеке-ке!
Жетті! Тосып болдым мен,
Жиылдың ба, кемеліне келдің бе?

1-қ о л б а с ы

Аял, айла ойлаған
Мен емен, сен қан шелек.
Тоспай-ақ қой, әзірмін,
Тұрушымен езбелеп!

Қ а з а н

Шық, ендеше, шық былай!
Содыр басы мен болам,
Соңыма ерген көп бөлек!
Өшің болса, бір өзімнің басымда,
Мені жеңсең, елім жеңген боласың.
Байлауым сол, батырынды бек сайла.
Шығар былай, айттым мана,
Шық қарсыма жекпе-жек! Жекпе-жек!

Барлық Қасқаралының биігінің басы, жан-жағы “жекпе-жек” деп
кұжынай жөнеледі.

1-қ о л б а с ы

Тілегені жекпе-жек?

2-қ о л б а с ы

Жалтаратын жер емес,
Екі айтатын кеп емес!

1-қ о л б а с ы

Бермесіне болмайды,
Тілеп тұрса жекпе-жек!

3-қ о л б а с ы

Ата батыр Аккозы,
Нұсқағаның барамыз,
Жау тілегі сол болса,
Біз де тілер жекпе-жек!

1-қ о л б а с ы

Кімді атармын жалғыз-ақ!
Ел талайын сенгендей,
Ер егесін бергендей
Қара құйрық қабылан,
Қасымда жоқ Қобылан!

Д а у ы с т а р

Қайда? Қайда, келмей неғып жүр?
(*Бұл жақта дағдарыс, бөгелең.*)

Қ а з а н (*қаруын алып, саспай оқшау басып*).

Шық, шық, жетті! Шық бермен!
Қайда, шығар қарсыма,
Құрыған ба батырың? Кекке! Кекке!
Өзім атап шақырам,
Шығар маған Қобыланды!
Қыпшакқа қорған болам деп,
Құлдығымнан алам деп,
Құтыра шыққан Қобыланды,
Шығар шапшаң қарсыма!

1 - қ о л б а с ы (*қиналып*).

Тағы айғайын салып тұр,
Құрттың ба? Құрыды ма жер болып!

Шуақ шыға келеді. Қазан “жекпе-жек” деп тұр.

Ш у а қ

Тілеп тұр ма жекпе-жек,
Кім шығады, Аққозы?

1-қ о л б а с ы

Өлсем етті бүйткенше,
Тіленіп тұр келсін деп,
Қайда, қайда Қобылан!

2, 3-қ о л б а с ы

Қайда, келмей неғып жүр?
Не қылған ез қор қылған?

Ш у а қ

Не деп тұрсың маңырап,
Шығар батыр жоқ па екен?

Шыдар жүрек жоқ па екен!
Қай қорлыққа көнбекпін,
Бер, Аққозы, жекпе-жек!
Мен барамын, бер кезек! (*Әзірленеді.*)

1-қ о л б а с ы
Бармайсың сен, сен емес!

2-қ о л б а с ы
Екі-ақ батыр алысад,
Екеуінің ісімен
Тарқар болды бұл егес.

Ш у а қ (*Аққозыға*).
Сал майданға, мені сал!
Жау мерейін асырып,
Бөгелетін жер емес!

1-қ о л б а с ы
Тоқтат, сені салмаймын.
Айт, айт жөнін, айт маған,
Қашан келед Қобылан?

Ш у а қ
Жетпейді бүгін Қобылан!..

3-қ о л б а с ы
Қандай бөгет? Не қылған!

Ш у а қ
Қалыңдығын жана әкелген күн еді...
Қал деген мен, жоктатпасқа серт қылғам!

Қ а з а н (*ақырып*).
Кеке, кекке!
Шығамысың, қайдасың,
Атаңның көрі алакшы!..

1-қ о л б а с ы
Қор қылдың ба, Қобылан!

2-қ о л б а с ы
Асты-ау мынау қаракшы!

Ш у а қ (*дайындалып*).
Бер өзіме кезекті,
Жекпе-жекке мен шығам! (*Қазанға.*)
Шық, шығып көр қарсыма!

Қ а з а н
Кекке, қорықтың ба, Қобылан,
Сен келдің бе баршыға!

Сен бозторғай болғанда,
Мен боламын қаршыға,
Кел, ажалың қарсыма!

Ш у а қ

Жазықсыз елім жолында,
Намысымның соңында
Асыра сүрен салармын,
Жетсін барып арсыға.

Қара Қыпшақ! Қара Қыпшақ! *(Деп жөнеледі.)*

1-қ о л б а с ы

Жолың болсын, жолың болсын,
Жалындаған жас ұлан!

Жекпе-жек. Шуак өледі. Қыпшақтар үнсіз. Бел сынғандай, шөккендей.

Қ а з а н

Кекке! *(Ақырып.)* Жеңілдің. Қанқай, жеңілдің.
Жеңілдің, Қанқай, жеңілдің... Кеке!
(Қолбасы батырлары шулайды.)

Д а у ы с т а р

Жеңілдің, Қанқай, жеңілдің!..

1-қ о л б а с ы

Әттең, әттең, не болдым?

2-қ о л б а с ы

Жер қылғандай не қылдым?

Алыстан айқай, сүрен шығады.

3-қ о л б а с ы

Токта, токта, тындашы!
Қику сүрен шығады!

Ағындап келе жатқан батырдың екпіні білінеді. Қазандар естіген жоқ.

Қ а з а н

Жеңілдің! Кекке! Жеңілдің!

Осы кезде Қобыландының ұраны шығады. Сахнаның үстіне қарай суылдап ағып сұңқар шүйгендей бір сарын.

1-қолбасы *(бастан, өзге Қыпшақ қостайды)*.
Сәт-сәт, ақсарбас!
Айттым, тәңірі, ақсарбас...
Қазан *(мәз боп тұрған жерінен селт етіп қаран)*.
Кекке! Кекке!
Қобыланды *(ағындап ақырып, сахнаның үстінен биікте көк тұлпарын ағызып ұшып өте береді)*.
Қара Қыпшақ, Қара Қыпшақ, Қара Қыпшақ!
(Деп асып өтіп кетеді.)
Қыпшақтар
Тәңірі, тәңірі, зор тәңірі!
Ақсарбас, ақсарбас!
Қараман *(жүгіре шығып)*.
Жеттім, міне, мен-дағы!
Дауыстар
Кел, кел! Келші, батыр серігі...
Қобыланды *(Қазан тұрған Қасқаралы биігіне жарқ етіп ытқып шыға кеп)*.
Жекпе-жек, жекпе-жек! *(Деп өзі тілек етеді.)*
Қазан
Кеке! Кекке-ке! Мен тілегем жекпе-жек,
Алысатын Қызылбастың елімен,
Сайысатын менімен
Кімсің сен?
Қобыланды
Не қыласың жөнімді?
Елім кегін алатын
Еңіреген ері мен!
Қазан
Атаң сенің кім деймін?
Анаң сенің кім деймін?
Қараман *(екіленіп тепсініп сөйлей жөнеліп)*.
Көзің ақсын, ит Қазан,
Сыбағанды беретін
Сол емес пе Қобылан!
(Дабырлай береді, жекпе-жек тәртібін бұзып тұр).
Қазан *(Қобыландыға қарап ақырып)*.
Тый ананы! Қайдан шыққан көргенсіз.

Қ а р а м а н (*өз кісілерінің тоқта дегеніне қарамай, өршеленіп*).

Қара мұны, Қобыландыны танымай,
Танытайын мен саған!

1-қ о л б а с ы

Токта былай, Қараман!

Қ а з а н

Кеке, кекке-ке! (*Ақырып.*) Тыясың ба ананы?

Қ а р а м а н

Тыям сені мен өзім! (*Құтыра беріп.*)

Жерге қағам, жоямын.

Қ о б ы л а н д ы (*Аққозыға ақырып*).

Өшір деймін, өшір үнін үргізбей.

Қ а р а м а н (*Аққозының қолында бақырып тұрып*).

Қара мұның асқанын,

Қырам, жоям қазір-ақ.

А қ қ о з ы (*сілкіп-сілкіп жіберіп, алқымынан алып, бетіне бетін тақап тұрып*). Ей, кер кеткен, бері қара! Жолын бұздың жекпе-жектің. Не боп кеттің құтырып! (*Қараман бұған бақырая қарай қалғанда.*) Алдың Қобылан, артың қалың қол, құтыртып тұрған сол ғой сені, мас қылып. Бөрі көрсе безіп кеп, бөксесін үйге тығып ап, босағада шәуілдеген күшікпісін, несің сен?

Қ а р а м а н (*есі жаңа кіргендей, екі көзі бақырайып*).
Күшік! Шәуілдейтін? Не дедің, батыр-ау?

А қ қ о з ы. Бүйдедім.

Қ а р а м а н. Қап, жайымды әбден таптың ғой! Сілейттің ғой серейтіп... Шок, шок, шок! Тілегенім сол екен, өзіме де обал жоқ. (*Тыйылады.*)

Қ а з а н (*Қобыландыға*).

Кеке, Қазан атым шыққалы

Қарсыласқан жауымда

Аямасым екенсің.

Қан кегімді қайнатқан

Қас дұшпаным екенсің,

Келдің өлер кезіңе. Кекке, кеке!

Астыңдағы көк тұлпар,

Үстіндегі көк сауыт,

Алыспай бер жан барда,

Тарт айыпқа өзіме.

Қ о б ы л а н д ы
Астымдағы көк тұлпар –
Сен мінсін деп семірткен,
Әкен баққан мал емес!
Үстімдегі көк сауыт –
Қорқау Қазан кесе деп,
Ынтық емес, зар емес,
Сенің көзің жойсын деп,
Оң тілекпен тоқтаған,
Өз қолымен кидірген,
Жан жарымның бергені.
Тілегі болмай қалатын,
Сөзі жерде қалатын,
Құртқам тегін жар емес.

Қ а з а н
Құртқа! Кекке! Шық былай!
Жаңа ғана жойғанмын
Желігіп келген бірінді,
Сол батырдың соңынан
Өшірейін үнінді. Шық бермен! Кекке!

Қ о б ы л а н д ы *(өз тобына)*.
Қай батыр, мынау не деп тұр?

1-қ о л б а с ы
Ал кегінді, аяма,
Сол жауыңның қолынан
Қаза тапты Шуағың!

Қ о б ы л а н д ы
Шуағым?! О, бауырым, Шуағым! *(Ұмтылып.)*
Өлем, жаным жолыңда,
Қанды қанмен жуамын,
Жоям, дұспан, жоямын. Шық! Шық!

Тап беріп қанжарласып кетеді. Қолдар анталасып тұр. Қожырасып тілектерін айтып, Қыпшақ жағы “Көкқасқа”, “Ақ мүйізді ақ қошқар” десіп қояды. Қобыланды Қазанды мегдетіп кеп қалқайта соғады. Тап беріп кеудесіне басып, қанжарды сала беріп.

Кешпес кегім, кетпес болар, аяма! *(Өлтіреді.)*
1-қ о л б а с ы
Аламан! Аламан! Жеңілді жау, Аламан!

Жұрттың бәрі “Жеңілді жау, Аламан!” деп қалаға қарай қаптай тартады.
Сахна сыртынан қашып жатқан Қызылбас тобы білінеді. Арттарынан
жаулана тартқан Қыпшақтар селі.

Қ о б ы л а н д ы (*қолбасыларына*).

Бар, бөгелмей тарт енді,
Кір қамалға қолыңмен.
Босат тұтқын сорынан,
Кім бар, кім жоқ елімнен.
Тарт, тарт тегіс бәрің де,
Мен қаламын Қасқаралы басында!
Тосып алам, осыдан, тарт шапшаң!

1-қ о л б а с ы

Тарт, ордасын ойран ет,
Тап еліңді, Аламан!
Сен батырдан ұзама!

Өзгелері жөнеледі.

(*Қараманға.*)

Сен батырдан ұзама,
Қасында қал, Қараман.

Қараман, Қобыланды қалады.

Қ а р а м а н (*мақтанып*).

Қандай қылдың Қазанды,
Пай-пай, тойым талқандап,
Қалай алды мазамды...
Білгем, білгем осылай тынарын!

Қ о б ы л а н д ы (*ұмтылып кеп, Шуақтың басына төніп,
құшақтап еңіреп, егіліп кетеді. Сең соққандай шер соғады*).

Қаралдым-ай, өркенім-ай!
Қаза табар сен бе едің?
Артыңда қап адыра,
Тірі жүрер мен бе едім?
Қан кешуде серігім,
Тас қамауда берігім.
Сені өлтіртіп жауыма,
Не бетіммен тірімін?
Менен... Менен... Менен болды-ау, бар қазан?

Менен... ынтық ез болған,
Сенен, сенен, Қобылан, тарт сазан!
О, елім, жұртым, саған барар нем қалды?
Ел қорғаны болмай кет!
Ер серігі болмай кет!
Лағынет, лағынет саған, Қобылан,
Өл, Қобылан, қарабет,
Қор Қобылан, лағынет!
(Деп бұлқынып, тебіреніп кеп, талып жығылады.)

Қ а р а м а н *(Қазанға қаран).*

Айттым ғой, айтқам мен саған,
Солай берем сазанды.
Мен бе, мен, мен әрдайым
Қырмай қайтқан емеспін.
Самғап шығам сәт сайын,
Қойған емес жол болмай,
Ақ жол! Ақ жол мен болам...

Осы кезде сахна сырты жат зуылға тола бастайды. “Зу! Зу! Арзу!” деп жады Көклан екпіні келеді. Бөсіп тұрған Қараман алақтай бастайды.

Ой, мынау не, Қайрақан!
Көк долы ма тағы да?
Бәлем, тақап келіп көр,
Жоям өзім көзінді!

(Дей береді. Бірақ өзі жады болғандай есеңгірей бастайды.)

Жоям! *(Талмаурап ұйқыға кетіп бара жатқан сияқты.)*
Не боп барам? *(Қобыландыға қарайды. Ол қорылдап жатыр.)*
Көкжал! *(Көзі жұмыла бере қалғып кетеді.)* Көклан! *(Қалғып кетіп.)* Кө... көк... көк! *(Деп қорылдайды да, құлап түседі. Екеуі де қатып қалады.)*

Қарлыға шығады. Үсті-басы көк болат. Қолында ұзын ақ семсер.

Қ а р л ы ғ а *(Қобыландыны шауып жібергелі жақындап).*
Ата-бабам кезінен
Арылмастай дау қалған.
Құрыған Қыпшак, қасым сен,
Аямастай жау болған!
(Төніп кеп.)

Шап, семсерім, тайлықпа!
(Сілтеп қалып, Қобыландыға төне бере тоқырап қалады.)

Не қылған жүз, мына жүз?
Жазықсыз бесік ішінде
Жат жаманат білмеген,
Маужыраған баладай...
(Тоқтайды.)

“Зу-зу! Арзу” деп Көклан шығады. Артын ала көпіре шыққан Көбікті.

К ө б і к т і *(Қарлығаға).*

Белде, белде, белдеді!
Алдыма түсіп кетіп ең,
Семсеріне сеніп ем,
Жайраттың ба жауынды?

Қ а р л ы ғ а

Өзінді тостым, хан көке!

К ө б і к т і

Қан кешуде жора жоқ,
Сыбаға жоқ үлкенге,
Табынары бұл жолдың
Семсер ғана емес пе ед?

Қ а р л ы ғ а *(Көкланға қарап).*

Семсерден бұрын серейткен
Долы анамның күші екен.

К ө к л а н

Зу! Зу! Арзу! Кес, кес, басын, Қарлыға!
Қас дұшпаным өзі екен!

К ө б і к т і

Қазанымды жайратқан, белде, белде!
Қалам аузын қандатқан,
Көкке ұлытып Көкланды,
Азалы қып аңыратқан,
Ызалы жауым осы ма?

К ө к л а н

Бәрі де осы, ал басын!

К ө б і к т і

Көзін оя мен келгем!

(Шаба береді. Қарлыға өз семсерін жолына тоса қалады.)

Қарлыға

Алдияр, тақсыр, хан көке!

Көбікті

Тай жолымнан, Қарлыға!

Қарлыға

Хан көке! Әмірің биік көктейсің,

Алдыңнан шығар жерім жоқ.

Тек намысың жыртқаннан

Іркіліп қалар жөнім жоқ.

Бала күннен батыр боп,

Күркіреген күндей боп,

Көбікті боп өскелі,

Қапылыста, ұйқыда қай жауыңды алып ең?

Ойламасаң осыны, өкініп қылық еткейсін...

Көбікті *(тоқырап қан)*.

Белде, белде, солай ма еді, не дейді!

Ей, қуарғыр, құрғыр қыз,

Айтпасаң да нетушед?

Айтқаннан соң қайрылады қылышым!

Кескілескен кесірге

Қандай сыйлық ет дейсің?

Қарлыға

Алдияр, алып барып зынданға

Қорлықпенен салайық,

Барлық қаза, жазаның

Бәрін салып басына,

Ұзақ өшін алайық.

(Қобыландының қол-аяғын өзі байлайды.)

Көбікті

Әпкел бері, ендеше,

Қазан кегін жылан, шаян қоса алсын,

Өзіңнің соры өлмесе!

(Деп Қобыланды, Қараманды екі қолтығына қысып алып, тарта береді. Көклан “Зу! Зу!” деп қуана ойнақшып шығып кетеді.)

Қарлыға *(жалғыз қалып)*.

Не болды осы, неттім мен?

Өлтірмеген мәнім не?

Өлтіртпеген мәнім не?

Батпадым ба, қимадым ба?

Қайтпас бетім, нені көріп тайлықты!
Неден жүзім қаймықты?
Неден? Неден?
Қай келген?!

Ш ы м ы л д ы қ

III АКТ

Бесінші сурет

Қобыландының ордасы. Қалпы бұрынғыдай. Бірақ тыстан шабуыл дабылы келеді. Айқай-шу, жылаумен қатар қиқулаған ұран, сүрен өктеп тұр. Құртқа, Қарлығаш, Аналық қолдарында жұп шырақтары, құдайына жалбарынып тілек тілеп жатыр.

Ү ш е у і д е

Я, Қамбар, я, тәңірі! Мейірлі ием, дос ием!

Қ а р л ы ғ а ш

Кеткеннен-ақ шошып ем,
Айырылдым ба шынымен
Жалғызым, бауырым Қобыланнан?!

(Жылайды, жалбарынады.)

Я, тәңірім, дос ием!

Қ ұ р т қ а

Садаға боп кетсемші!
Ақ шұнақ тоқты мен болып
Асылым, жарым ағаңнан...
Я, тәңірім, дос ием!

А н а л ы қ

Я, тәңір, я, Қамбар!
Ақ жолын бер, бақ жолын бер жалқыма!
Қосарыңнан ажыратармысың, жарығым!
Аңыратармысың зарығып!
Қуанышым қос қалқам!
(Екеуін құшақтайды.)

Қ а р л ы ғ а ш

Құрисың ба, қайран шақ,
Бітесің бе, біздің бақ!

А н а л ы қ (зарлап).

Не дейсің? Не дейді мынау, Қамбар-ау?
Жаманатын есірткенше жалғыздың,
Жансамшы мен, өлсемші мен, жалған-ау!

Қ ұ р т қ а (екеуіне).

Айым, анам, есің жи.
Сенерің жоқ болған соң,
Қайраттан басқа қайла жоқ!
Көмексіз жаспен жасытпан
Жау алдында жанымды.
Қас мерейін асырсам,
Қор етермін жанымды.
Айым, тоқтал, тыя гөр
Жатқа айтпастай зарыңды...

Тоқтарбай келеді.

Айналайын, әтекем!

Қ а р л ы ғ а ш

Қор болдық па, әкекем!

Т о қ т а р б а й

Арылмаған сор екен,
Арманыммен өтермін...
Кімнің тірі қалса да,
Жаудың жөнін білгейсің.
Тірі болса жалғызға
Кегім сонда дегейсің...

Қ ұ р т қ а

Жасаған! Келмесе екен тек Қазан!

Т о қ т а р б а й

Келмесе екен қуа кеткен сол жауы!

Қ а р л ы ғ а ш

Әке сорлы, не дедің?

Шошыдым ғой сөзіңнен.

Қ ұ р т қ а

Не дермін мен? Жок, жок, жүрек, лоблыма.
Теуіп ашып есігін,
Тас қамаудан шыққалы,
Қас көбейткен шығармын.
Арыстаным, алыста бол, тек бар бол,
Не көрсем де шыдармын...

А н а л ы қ

О-о, Қамбар, бере гөр!

Қ а р л ы ғ а ш

Айнымастан шыдармыз.

Далада жақындаған шу.

Т о қ т а р б а й. Не боп кетті тағы да? (*Есіктен қарай бере.*) Келіп қалды, жетіп қалды, ордама да ойраны. Қорғап өлем ұямды. (*Ұмтылады. Алдынан қалың нөкер қаптай басып, қимылдатпайды. Құртқа есіктен қарайды.*)

Қ а р л ы ғ а ш. О, тәңір, бере гөр, Қазан емес, басқа екен. Біз не көрсек көрейік...

Алшағыр, Бірсімбай жетіп келеді. Алдарында екі жақта тұрған жасауылдар иіліп тағзым етеді.

А л ш а ғ ы р

Бар сапарым ондалды,

Бөгетім жоқ жолымда. (*Құртқаға.*)

Іздеп шыққан жоғым-дағы оралды,

Қашқын қыз да қолымда.

Қ ұ р т қ а

Нең бар еді қалмайтын,

Неге жүрсің әлі күнге сонымда?

А л ш а ғ ы р

Ел жүрегін жаралап,

Қорлыққа кеткен Құртқаны,

Намыспен қуған ер болам.

Қуанбасаң сорың да...

Қ ұ р т қ а

Намыскер ер болғаның,

Алысар батыр жоғында,

Шал-кемпірдің ұясын

Шапқаның ба ұялмай,

Бұғып келіп бөрідей?

А л ш а ғ ы р

Қашанғы мен тоспақпын,

Ұзаққа кеткен батырың,

Оралмас болса біржола! (*Қарқ-қарқ күледі.*)

А н а л ы қ

Басына жетсін дегенің,
Өзіңе болсын сол жора!

А л ш а ғ ы р

Мен емес, келмес жол шеккен,
Шабуыл кеткен шартығың.
Ерді жайлап, елді алып,
Кеп тұрсам да кеммін бе,
Адасса да Құртқаны,
Коя берер ермін бе?

Қ а р л ы ғ а ш

Садаға кет ер болмай,
Қияда қыран жоғында.
Орнында қалған жеміне,
Жетсем деген қарақұс!

Б і р с і м б а й

Тарт тілінді, асқақ қыз!
Алшағырға қол жетсе,
Арманы болмас Құртқанның.

Қ а р л ы ғ а ш

Арам болар, тиіп көр!

Б і р с і м б а й

Ендеше, серт етейін,
Ол емес, өзің олжасың.
Сыбағасын алмаса,
Сәні бар ма жортқанның?

А л ш а ғ ы р *(бұйрық етіп)*.

Айтты әмірін бекзадам,
Ал, алындар тұтқынға! *(Қарлығашты тарта жөнелі-
седі. Құртқа қорғамақ болғанда Алшағыр бөген.)*

Токта, оны қорғамай,
Өзің құтыл әуелі.

Қ ұ р т қ а

Асқақтама, Алшағыр!
Сұңқар қонған ұясы
Бұйырғанша құзғынға,
Өртенгенін ем көрер...

А л ш а ғ ы р

Бұйырмаған биікке
Оқыс салған ұяны.

Керегіне келгенде
Ақ иық қыран алатын...
Байқамай бұзды деп пе едің
Торқалы ойын-тойынды?
Бұйырмайсың Қобыланға.

Қ ұ р т қ а
Бұйырмасам Қобыланға,
Бұйырмаспын жүз есе
Алшағырдай айуанға...

А л ш а ғ ы р
Ал обалың өзіңе,
Қысас қылар қайратыма келіппін.
Кесісетін аямай, кезегіме келіппін.
Келер болса тіріліп, көмген топырақ астынан,
Алшағыр алған қатыны
Қуантар болса досыңды,
Қарық қылар болса Қобыланды,
Сонда ғана сені алар!

Т о қ т а р б а й
Ей, Алшағыр, қуарған,
Ол сұмдықты еткенше,
Бар жанымды қыраарсың!

А н а л ы қ
Атың өшсін айуан,
Тарт қолыңды айымнан!

А л ш а ғ ы р (өз кісілеріне).
Кес тілдерін, тапжылтпа!
Ата-анасы осы екен
Аямас жауым Қобыланның!
Ал үстінен лыпасын... (Екеуін тонайды.)
Қазір күн мен құл етем,
Тіл табанын қазір-ақ.
Өз ордама жалшы етем,
Қор ететін қысасым!

Қ ұ р т қ а (азап шеккен ата-енесіне).
Айым, күнім, ата-енем!
Жат дұшпаным алдында
Айтылмаған серт берем.
Сендер көрген қорлықты
Көре тұра ұмытсам,

Тірлік біліп қорлықты,
Жасық ойды жуытсам,
Қуатым, барым Қобыланды
Күндіз, түні ойлаудан
Жас жүрегім суытсам,
Сәтте болсын жарық күн!
Өзге дәурен көргізер
Суалып бітсін қара көз!
Өзге тілек тілетер
Кесіліп солсын кызыл тіл!
Атам-анам, куә бол,
Жаным, жарым, соны біл...

А л ш а ғ ы р

Серт құтқарса көрермін,
Аямасқа бекініп, бек ұстаған қолымнан
Алып қалса көрермін.
Жебір-жесір жосытып,
Шұбырта тартқан жолымнан! *(Қолына бұйрық етіп.)*
Өрте, ойран, талқан ет!
Өрте дұшпан ордасын!
(От лаулай бастайды. Жын ойнағындай.)
Тарт, алып жүр бәрін де! *(Алғызып жөнелтеді).*

Орда өртене береді.

Ш ы м ы л д ы қ

Алтыншы сурет

Көк ауру Көбіктінің кекшіл, кесір ордасы. Зындан алдында Қарлыға жалғыз.

Қ а р л ы ғ а

Шырақ жағып табынғаның
Басқа соқты, қор етті.
Не дерсің, не дерсің сен, Қарлыға?!
Аямаған елің бар,
Алап ұрған жолың бар!
Тұтқын еттің біреуді,

Өлтіртпедің, сақтадың.
Өзің білмес жөнін бар. Бұл не?
Көргім-дағы келеді,
Көрмегенім жөн еді.
Әлдеқандай бір шырға,
Тартқандай ма бір сырға,
Екіталай ойым бар... Не бар, не бар осы,
Мені жеңген не дерт бар?!

Б і р с і м б а й *(шығады. Қасында жасанған нөкер. Бірсімбай жолға, жортуылға бара жатқан реңде Қарлығаға)*. Қарлыға, беремісің сертіңді, еремісің жолыма?

Қ а р л ы ғ а. Айттым, айттым, Бірсімбай. Ермеймін бұл жолыңа.

Б і р с і м б а й. Әкең берді бұйрықты... Өз қынабынан суырып, өз қылышын жіберді, мінекей. Ал мынаны! *(Қылыш ұсынады. Қарлыға алады.)* Алсын дейді Қазан кегін Қыпшактан! Ақтасын дейді айыбын... Енді ердің бе?

Қ а р л ы ғ а. Ермеймін мен сонда да.

Б і р с і м б а й. Не дейсің? Қасым ба еді қимасың?

Қ а р л ы ғ а. Қасың болса, қан майданда қайда қап ең! Ол Қазанды жекпе-жекте алды. Біз оны қапыда алдық. Өзі түгіл, үйін алдық қапыда. Жетпеді ме сол қорлық та! Қашан еді қасиеттің кеткені. Енді барып тағы да, қасқырша ұрланып тағы шаппақ болдың ба, қорғаны жоқ орданы? Наразымын, ермеймін ездік жолыңа! Алшағыр барсын, ары жоқ!

Б і р с і м б а й. Ездік деймісің! Ермеймісің? Алшағыр ма, арсызың? Ендеше, тыңда тағы, әкеннің басқа бұйрығын. Бермек болды Алшағырға өзінді, тартып сөйле ол туралы тіліңді!

Қ а р л ы ғ а. Алшағырға мені бермек болды ма?

Б і р с і м б а й

Бермек болды, бітті байлау.

Несі бар ед? Қазан шықты таластан,

Кім бар еді Алшағырдай бағы асқан.

Қ а р л ы ғ а. Сен емессің, сен емессің, Бірсімбай, менің ақыл қосарым. Тағы айт, тағы айт маған. Тағы қандай қорлығы бар әкемнің?

Б і р с і м б а й

Тағы да айтқан әмірі бар.

Ермек болса қасыңа, шаппас болса жауынды,

Бақсын деді міз бакпай
Жауым жатқан зынданды.

Қарлыға. Зынданды?

Бірсімбай. Зынданды, я зынданды! Маған ермей тапқан қасиетің сол болса, ол әні! Тұтқын жауды тапжылтпа. Менімен бармай, Қыпшақты шаппай қалғанда алғаның сол болады, мінеки, тұншықтыра күзет. Қор қып өлтір зынданда.

Қарлыға. Жазадан оны өлтіріп, қорлық атты қазадан қарындасынды өлтірем десеңші.

Бірсімбай. Бұйрық біткен, байлау бір. Жадында тұт жалғыз-ақ. Орала берме егесіңмен, басқа ойыңмен алдыман. Өлгенің артық дермін одан да. Қолыңда әкең қылышы! Әкеңнің жалаң намысы осы болаттың жалындаған жүзінде. Жаза бассаң жаза да берер сол қылыш! (*Кетеді.*)

Сахнаның төрі көрінеді. Ол зындан, жарымы тас қамау, тар алаң. Зындан іші алакөленке. Онда Қобыланды. Сыртта жасауыл.

Қарлыға (*Қараманды тексеріп тұр*).

Азаттық алған болсаң да,
Әлі кетпей жүр дейді.
Бағып тұрған пәледен
Бас тартпастай сен кімсің?

Қараман

Бас тартатын жөнім жоқ,
Жауың емес, бейбітпін.

Қарлыға

Құтырған қандай қалшасы².
Жауым емей, елмісің? (*Жендеттерге.*)
Бар, шығып тұр бұл жерден! (*Әскер кетеді. Қараманға.*)
Көзің жойсам қайтесің,
Тіл шырайға келместен.

Қараман

Барға санап жүргем жоқ
Өз басымның барлығын!
Досым үшін жан берем,
Орындауға кеп тұрмын
Ар-намысым жарлығын!

Қарлыға

Достық сондай сор ма еді,

Айтқызбаса тынбайтын
Ащы сөзін зарлының?
Қ а р а м а н
Өтпеп пе еді өз басыңнан дос мұңы?
Қ а р л ы ғ а
Дос деген не өмірде?
Көрген емен әлі күн...
Қ а р а м а н
Жас жаның бар, жақсы қыз,
Көрмесей де көксейсің,
Жүгінемін жүрегіңе өзіңнің.
Қ а р л ы ғ а
Жан қиғаның Қобылан ба?
Қ а р а м а н
Қапалымын сол қорлықта қалғанға...
Қ а р л ы ғ а
Алушы ма ед тіліңді?
Қ а р а м а н
Көңілім қалып көрмеп ед.
Қ а р л ы ғ а
Жалғыз жол бар, таңдау жоқ
Шығаруға Қобыланды...
Қас батырды қимаймын,
Қараңғыда қара қайғы кеміріп
Өлмесін ер арманды!
Тек ұмытсын, жат десін
Артында алыс қалғанды...
Өзі өлтірген Қазанның
Орнын басып бек болсын,
Сақтап, билеп, қорғасын,
Оң көзі боп ордамды.
Азаттығын әперем,
Ақ бейілін беремін,
Қадірлеймін, бек тұтам
Бұл сертімді алғанды.
Досы болсаң, осыған
Көндірер болсаң, сөзге кел.
Келмес болса қолыңнан,
Көнбес болса Қобылан,
Білсін, тоссын аямай

Басына пәле салғанды.
 Не дейсің сен сөзіме?
 Қ а р а м а н
 Жасырмаймын, катал қыз,
 Айтқан жоқсың шығар жолдың амалын.
 Қапасына зәр төгіп,
 Көбейтерсің азабын.
 Ер намысын жаралап,
 Атап тұрсың ең ауырын жазаның.
 Қ а р л ы ғ а (*ақырын*).
 Тоқтат, босар мен емес,
 Екі айтатын кеп емес!
 Сыбағаң бітті сенің де,
 Көрінбегім көп болар
 Енді қайтіп көзіңе! (*Жүре береді.*)
 Қ а р а м а н
 Амалым жоқ, аял бер...
 Қ а р л ы ғ а
 Айт шапшаң!
 Қ а р а м а н
 Көнеді деп айтпаймын,
 Өтінейін алдынан,
 Тек тілдестір өзіне. (*Қарлыға белгі етеді. Зындан ішіне елес сәуле түседі. Қарлыға да тыңдап тұр.*)
 Қобыланбысың?
 Қ о б ы л а н д ы. Бармысың?
 Қ а р а м а н. Құрысам етті бар болғанша бұлайша. Көп аза-
 бы көп иттей талап түтіп барады. Қажытты ғой, көкжал-ай!
 Қ о б ы л а н д ы (*қараңғыда ызамен үн салып*). Зарлама
 енді заржақ болған жетім қозыдай. Бұндай күйде көргенше,
 сөнсе нетті жанарым. Оралып шабар дос десем, неғып
 жүрсің тіленшідей тентіреп?
 Қ а р л ы ғ а (*жалғыз*). Тіленшідей?!
 Қ а р а м а н. Сенің басың билігі мен осы зындан кілті
 де, қамау, қоршау күші де балуан қыз Қарлығаның қолында.
 Сол Қарлыға қыз бұйырған аманатпен кеп тұрмын.
 Қ о б ы л а н д ы. Не қыл дейді?
 Қ а р а м а н. Қияс қастан көңілден Қобылан қайтсын
 дейді.
 Қ о б ы л а н д ы. Орайына не дейді?

Қ а р а м а н. Оң шырайым болат дейді. Зынданнан шығарам, бірақ шырғамда қалады дейді.

Қ о б ы л а н д ы. Қорлыққа сатпақ па екем мен, халқым мен Құртқамды?

Қ а р а м а н

Солар үшін шықсаң етті әуелі?

Қ о б ы л а н д ы

Құлдыққа сатып басымды,

Алмаймын мен азаттық

Айлалы аяр қолынан...

Қ а р л ы ғ а (*жалғыз*).

Аяр?

Қ а р а м а н

Көнбесінді білгемін.

Қ о б ы л а н д ы

Өлсін Қобылан, өшсін үні бүйткенше...

Қ а р л ы ғ а

Қандай қырыс сөз шығад

Бөрісінен Қыпшақтың?

Кездеспеген кер асқақ..

Ашылмасқа әддім жоқ,

Кекшіл жүзін көрмекпін! (*Өзі жақындап.*)

Жаңсақ айтад жаны ашыған жолдасың!

Қаза болса арманың,

Аңсамай-ақ аласың!

Берер болсам азаттық,

Құртқаң үшін бермеймін,

Қызметімде қаласың.

Қ о б ы л а н д ы (*жақындап жетіп келеді*).

Қайда? Қайдасың сен, қанеки,

Келші бері, бер таман.

Көрінші бір көзіме!

Қ а р л ы ғ а

Келдім міне, не дейсің? (*Екеуі бетне-бет.*)

Қ о б ы л а н д ы

Дейтінім сол, танып ал,

Сен атаған азаттық —

Азабымның ащысы!

Жетегінде жүретін,

Шыжымыңмен ұшатын
Кім деп білдің Қобыланды?

Қ а р л ы ғ а

Тен майданда емессің,
Тен қаруың колда жоқ.
Тұтқынымда отырсың,
Қатты айта алмай киналам.
Тарта айтамын амалсыз,
Бірақ білсең нетушед,
Қарлыға ма екен асқақтап,
Арзанға саяр саяғың?

Қ о б ы л а н д ы

Уай, зәрлі қыз, тілің тый,
Сен емессің кінәласар мұндасым.
Көбіктінің көп жылқысы ішінен
Азынатып колда ұстап,
Зарықтырып талдырар
Айғыры емен Қамбар боз,
Байтал көрсе бас ұрар!

Қ а р л ы ғ а

Тарт тіліңді, Қобылан!

Қ о б ы л а н д ы

Тартпаймын мен, тағы біл!
Алмаспын мен азаттық
Қас дұшпаным қолынан.
Бақ талайын тілермін,
Ақыра құлаш сермесем,
Ысқыра тілген жартасты,
Ақ семсерім жолынан.
Қайта қаптап келермін,
Көбіктідей көк ауру
Сыбағасын берермін.
Жалынып алмай сендейді,
Бұрымыңды борт кесіп,
Бүріп алып кетермін.
Бұра тартып жоныңнан...
Бар, қастығың қыла бер. *(Қараманға.)*
Жоғал, жаным жасытпа!
Жойыл! Жоғалт көзімнен!
(Жалт беріп қайта қараңғыға кетеді.)

Қарлығы (өз-өзіне).

Жаралғалы жан болып,
Жан жүзінен көрмеген
Қорлығымды көріппін...
Қалай, қалай, неліктен?
Неге талқан етпеймін?
Қайда намыс, қайнамай?

Пауза.

Ашуым жоқ, кәрім жоқ,
Айнығаным бұл қалай? Жеңілдім бе?
...Әлде бақ па, әлде сор,
Аянышым арынымды басыпты,
Жабы боппын, жайын тауып жайламай! (Ойда.)

Қараман (тайқи беріп).

Біліп едім, жолсыз бір сөз боларын.

Қарлығы (Қараманға).

Жоқ, жоқ, тоқта! Аял қыл!

Қараман (тақап келіп ақырын).

Не қыл дедің тағы да?

Қарлығы (жетіп барып).

Жасың құрбы жан екенсің,

Сақтармысың ашылмастай сыр айтсам?

Қараман

Айт, айтып көр, не дейін.

Қарлығы

Жат ниетпен келсем де,
Қайтып тұрмын бұл сәтте,
Бойым жеңді, өзге ойым...
Байлаудағы батырды
Қатты қинар жайым жоқ.
Бара алмады батылым!
Шығар емес есіктен
Қарлығының қолы ашқан,
Бірақ шықпай болмайды,
Естіп тұрмын жаманат!

Қараман

Тағы қандай жаманат?

Қарлыға

Алшағырдай аш бөрі
Хабарын біліп Қобыланның,
Ордасын шауып кетіпті.
Жанкүйердің барлығын
Тізіп айдап еліне,
Жебір-жесір етіпті...

Қараман

О не дейді, не дейді,
Құрысам нетті есіткенше сұмдықты...

Қарлыға

Тапсыарым жалғыз-ақ:
Тұспалменен айтпасаң,
Туралап айтпа батырға.
Булығып өлер ашудан!
Ақылынды айт тек маған,
Не қылсам Қобылан шықпақшы?
Өзім қорғап отырған
Қырсық қамау зынданнан?

Қараман

Қандай ғана досым ең,
Айналайын Қарлыға!..
Жалғыз ғана айла бар,
Тұсына әкеп батырдың,
Тақымына бұрау сап,
Шыңғыртыңдар Бурылды!
Шыдай алмас, ширеңар,
Ашу ғана шығарар.

Қарлыға жөнеледі. Қараман ойда тұр. Зындан қараңғы.

Қараман. Көкжал, ей, Көкжал! Мен қиналып тұрмын-
ау!

Қобыланды. Білемін... Ал!

Қараман. Тұншықтырған тас қамау. Қара қанат албас-
тыдай тағы да кеп төніп тұр. Екеу-ақпыз тағы да!

Қобыланды. Ал!

Қараман. Қайрат серік болмасам да, ақыл серік бол-
сам деуші ем! Не істедік осы біз?

Қобыланды. Қайт деп едің сен маған?

Қ а р а м а н. Не қыларды білмес пе ек, неге алмадық азаттық?

Қ о б ы л а н д ы . Не қылушы ем үйтіп ап?

Қ а р а м а н. Тілемегің өлім бе?

Қ о б ы л а н д ы. Қорлық тірлік алғанша, қарғыс өлім шақырғам.

Қ а р а м а н. Рас, рас, қорлық... Алысып та түспедік. Жады кемпір Көклан жеңдім деп кетті. Бәрінен де сол қорлық.

Қ о б ы л а н д ы. Қой, қой, сандырама, сөзіңді тый. Кімді алушы ед Көклан? Қорқақ қоян сені алады... Жалпылдап ұшқан жарқанаттай жынды көкек, сол мені алушы ма ед? Жоқ, жоқ, ол емес мені жыққан, есімді алған ардан шөккен азабым-ды. Әлі де сол шердемін. Тұтқын буып тұрған жоқ, тас қамау қысып тұрған жоқ, сол буып тұрған! Соның ғана қысымында қормын мен. Бұдан үлкен жаза, қыса жоқ екен ел басына. Өкініш... Елім ері, ер серігім, бауырым үшін ол өкініш. Жазықсыз ғана, сәт-сәт қана қызық тілеп ем, ынтығым үшін сәттей аял тілеп ем. Соның үшін жаза шектім Шуағымдай жанымнан... Сонымнан ерген бауырымнан айырылдым. Не деп көрем барым деген, ерім деген ел бетін, анам бетін! Не деп, не деп көрем Қарлығашым, қарындасым ай жүзін, ай жүзінде қайғысын? Азаттық емес, жаза, жаза, әлі де қатал аямас жаза, жаза керек мен жолсызға! Жолсызға.

Қ а р а м а н. Не дейін, не дейін. Айтарсың. Бір басың бөлек... Бірақ Қыпшақ, Қиятел қайда? Бір сендеген ел қайда? Қыс қыстауың – Қараспан, жаз жайлауың – Жиренкөл. Тосып қалған жер қайда? Арманы көп ата-анан, жалын жұтқан жар қайда?

Қ о б ы л а н д ы . Толқын ұрған жардай ғып жасаңсытпа жанымды. Жаратқан ие мен бе екем? Түбі қылдай жалғыз кып туғызған болса қайтемін! Тілеп алған шер ме екен?

Қ а р а м а н. Жалғыз да болсаң, жалын ең. Ойлар деп ем артыңды... Жаман айтпай жақсы жоқ.. Құлағыңа іле көрме, Қайрақан, ойлаймысың, Көкжалым! Бүк түсіп біз жатқанда құшағыңда ку тастың, ел шабылып күңіреніп, ата-анамыз қолды боп, жар досымыз сорлы боп, тағы да қорлық, зорлықта жатса қайтеміз? Шуақтың өлімінен де өктем сор туса қайтеміз?

Қ о б ы л а н д ы (*ширығып кеп, құста болып қайнай бастайды*). А-а! Не дейсің, не дейсің? Өртедің ғой, не дейсің?

Осы кезде өзгеше бір жат үнмен шыңғыра кісінеген Тайбурыл дыбысы келеді. Қиналып шыңғырады. Қобыланды отырған зынданның қабырғасын тепкілеп жәрдем күткендей жанталаса шыңғырады.

Кімнің үні, кімнің үні мынасы? Жанымды өртер жақын жанған жалындай... Кімнің үні, айтсаңшы?

Қ а р а м а н

Сай-сүйегім босайды.

Тілеп тұр ғой көмекті...

Қ о б ы л а н д ы

Тайбурыл! *(Аласұрып.)*

Қ а р а м а н *(шақырады.)*

Тайбурыл!

Қ о б ы л а н д ы. Жан қанатым, Тайбурыл, жау азапқа салды ма?

Қ а р а м а н

Әлде есіл жануар,

Алыста жатып зар шеккен

Анасындай Құртқаның

Зар айғайын шалды ма?

Қ о б ы л а н д ы

Құртқа! Тайбурыл! Халқым! *(Шынжырын талқандай бастап.)*

Қайна, қайна, қайрат, аянба!

Құрысын өлмей жолыңда,

Қарғыс атып қалам ба? *(Зындан ішін талқан етіп, шыр-мауынан босай бастайды, сырттан жасауылдар жүгіріп келе береді.)*

Б а с ж а с а у ы л *(қылышын жалаңаштаған).*

Бұзып шықпақ зынданды,

Тос, тос семсермен осыдан!

Жет, жасауыл, батырға,

Көбіктіге хабар ет!

Бір жасауыл жөнеледі. Қобыланды шынжырын талқандап жатыр.

Қ а р л ы ғ а *(жасауылбасыға).*

Не боп жатыр бұл жерде?

Не көрінді көзіне?

Б а с ж а с а у ы л

Шыққалы жатыр дұшпаның,

Төсеп тұрмын алдынан
Аяусыз алмас жүздерін!
Қ а р л ы ғ а
Тай, былай тұр жолынан! (*Жасауыл қозғалмайды.*)
Жоғал, өзім тосайын,
Жоғалсын тез іздерің! (*Бұйрық тыңдалмайды.*)
Б а с ж а с а у ы л
Аздың ба, қыз, жолыңнан?

Қобыланды жақындап, зындан есігін бұза береді.

Қ а р л ы ғ а
Жоғал!
Ж а с а у ы л
Кетпеймін мен, азбаймын...
Қ а р л ы ғ а (*қылышын суырып алады. Қараман қоса суырғанда, соған*).
Тоқтал, жігіт, былай тұр. (*Жасауылға.*)
Тұр былай!
Ж а с а у ы л
Тындамаймын тіліңді.
Қ а р л ы ғ а
Алмас болсаң тілімді,
Өлесің өз қолымнан.

Жасауыл таймайды. Қарлыға жолдағы екі жасауылдың семсерін жайдай ойнатып, топ-топ қағып түсіреді. Бас жасауыл тап береді. Қарлыға екеуі қанжарласып кетеді. Қобыланды осы кезде есікті талқан етіп шыға келіп, қалт қарап қалады. Қарлыға жасауылды қағып шауып, қалпақтай ұшырады да, Қобыландыға салқын ғана салмақпен.

Айып етпе мезгілі жоқ ойынды,
Алдын ашық, батырым!
Тосар болса тағы да,
Мә семсерім, серігің,
Жөнеле бер жапырып! (*Семсерін созады.*)
Қ а р а м а н
Қарыздармын, Қарлыға...
Айналайын Қарлыға.
Қ а р л ы ғ а
Неге алмайсың, Қобылан,

Дос колымен, барымен
Созып тұрған семсерді?
Қ о б ы л а н д ы
Қарыздар екем, Қарлыға,
Не деп алам білмеймін.
Қай қайратпен ақтаймын,
Қандай сертпен ырза етем
Осынша жақын досымды!
Қ а р л ы ғ а (*қасына қуанғандай жетіп келіп, семсерді беріп*).
Жә, қиналма, ала бер,
Досым деген жалғыз сөз
Бар қарыздан құтқарды.
Ырзалығым соншалық,
Қисам-дағы аз дермін
Ақ жолына басымды!

Қатты дабыр, жат сарын келеді. Жау келіп қалған.

Қ а р а м а н (*жалт қаран*). Пәле шықты жаңадан, келе
жатыр Көбікті. Қайрақан! Ал, Қобылан, есің жи!
Қ о б ы л а н д ы (*саспай Қарлығаға*).
Қалай болды, Қарлыға?
Бір борыштан айықпастан алдыңда,
Алысар болып әкеңмен,
Қос қыспаққа қалдым ба?
Не қылмақпын мен енді —
Ақыл тосам өзіңнен,
Бар билігім өзіңде!
Қ а р а м а н
О, Қайрақан, кеп қалды,
Жи есіңді, Қобыланды!
Қайттім, қайттім тағы енді?
Айналайын Қарлыға... Қобылан!
Қ а р л ы ғ а (*Қобыландыға*).
Әкем де болса амал жоқ,
Айтарым жоқ қайтадан.
Берме есеңді, азат бол,
Аянып қалма мен үшін,
Тірлігіңді мен тілеймін, Қобылан!

К ө б і к т і

Белде, белде, белдеді!

(Жалақтап күркірей келіп Қарлығаға). Қап-қара боп, құса боп, қан қатқандай ішіме, кешпестей боп кек қатқан. Қас қанымен ант еткен ежелгі жауым осы еді. Білмеуші ме ең, Қарлыға? Не ғып тұрсың жайратпай?

Қ а р л ы ғ а. Әке, мен жеңілдім Қобыланнан.

К ө б і к т і. Айтпа, айтпа сұмдықты. Қайда сенін, қолына сеніп берген семсерім?

Қ а р л ы ғ а. Ол семсерің әнеки, жас батырдың қолында.

К ө б і к т і. Не қорлыққа көнгенсің? Өлі айрылмай, тірідей семсерінді жау алып, неге тірі тұрсың сен? Айт, айт маған жөніңді?

Қ а р л ы ғ а. Алыспадым жайым сол, біле бер, әке, жөнімді.

К ө б і к т і. Өлтірсең нетті, мені өзін. Жойыл, жоғал көзімнен. Қыз емес, қара қаншық боп, қапсаң нетті мені сен? *(Қобыландыға тап береді.)* Шық, шық бермен, шық былай!

Қ о б ы л а н д ы

Кел, Көбікті, келіп көр.

Өзіңнен шыққан семсердің

Өзіне деген кегін көр.

К ө б і к т і *(булығып күйгеннен есінен айрылғандай. Қай қаруын жұмсарын білмей бұрқ-сарқ етеді.)*

Белде, белде, белде ме?

Ата-бабам көрмеген,

Ер боп өзім жүрмеген,

Қайнатып өртер қанымды,

Қорлық-қорлық келді ме? *(Жекпе-жек.)*

Жоям, жоям, жоқ етем...

Қ о б ы л а н д ы *(кең салмақпен қағысып жүріп).* Кеш, Қарлыға, кеш, Қарлыға! Кеш мені!

К ө б і к т і. Білдім сойқан, Қарлыға! Өз қолымнан көмермін. *(Соғысып жүріп.)* Көмермін мен, қарабет! *(Дей бергенде, Қобыланды ұшырып түсіреді. Көбікті жайрайды.)*

Қ а р а м а н

А, дос ием ақсарбас,
Ал, достарым, аял жоқ,
Жөнелейік тезірек.

Қ о б ы л а н д ы

Жөнелмеймін, тапжылма!

(Қарлығаның алдына келіп, семсерін созып, иіліп.) Айы-
бымнан арылатын күнім жоқ, бердім билік өзіңе, ал барым-
ды, Қарлыға!

Қ а р а м а н

Қайрақан! Не деп кетті мына албыт!

Қ о б ы л а н д ы

Не тілейсің, Қарлыға?

Қ а р л ы ғ а

Бар билігің беріпсің,
Бар мұратым жеткендей.

Тыңда бірақ, батырым!

Еркінді алар мен емес,

Жалғыз тілек етейін:

Қайда жүрсең қасыңа

Қан майданға бірге алып,

Жандай сенсең досыңа,

Ала кетсең өзіңмен,

Өзге тілер қолқам жоқ...

Қ о б ы л а н д ы

Бердім, досым, жүр бірге.

Қ а р л ы ғ а

Ердім, баста, батырым!

Ш ы м ы л д ы қ

ИНТЕРМЕДИЯ

Бұрынғы Қобыланды ордасының орны. Өртеніп орда, қаңырап қоныс
қалған. Тылсым бұғандай жым-жырт боп жайраған дүниелік арасында
баяу басып Қобыланды шығады, жалғыз.

Қ о б ы л а н д ы

...Сенбісің сол, сенбісің?

Есіл атты бесігім.

Жазығым не, жазығым не осынша
Қарсы алардай жабығып?! *(Толғана күңіреніп.)*
Күндіз бүркек, түн тұман,
Қуарып солған сор заман,
Қайда жүрмін қаңғырып?
Жұрты жатыр, елім жоқ,
Батпағы жатыр, көлім жоқ.
Қаңырап қалған Қараспан,
Бауырыңда бұла өскен
Балапаның келіп тұр.
Жазығым не осынша
Тұншыққандай үн шықпай,
Осыншалық дал қылып?
Өл, Қобылан, десең де,
Үн қатсаңшы, жаңғырық!
Қас болмасаң, қор дүние,
Аясаңшы, айтсаңшы,
Қайда, қайда жүрмін қаңғырып?

Қобыланды өз мұнымен жым-жырт болып отырып қалған. Бір шеттен жалғыз Қарлыға шығады, о да ойда.

Қ а р л ы ғ а

Бауыры суық ұяда
Түңілдірген көп еді,
Арманым ғана жүр еді
Қол жетпес бір қияда.
Қасымда отыр сол бүгін,
Қайғысы бар қара тас.
Сыр ашқаным сыя ма?
Өртеп кеттім артымды.
Алдым жұмбақ бір тұман,
Қайда барам, кім боп барам!
Не де болса жалғыз-ақ
Ынтығыма жеткізем,
Аямастан күш салам,
Көре тұрып Құртқаны,
Барар бетім аңғарам... *(Қараман шығады, о да баяу.)*

Қ а р а м а н

Қайран менің құрдасым,
Саған нала келгенше,

Өзіме пәле болсын дер,
Қадірлесім, кимасым,
Өтті ғой зарың, аяулым,
Қайдасын, жаным, құрдасым! *(Ізденіп, тыныштық
таба алмай жүріп, алтын қазық тауып алады.)*

Бұ не, бұ не, мынау не?
Бүлінген дүние ішінде
Бұғып қалған белгідей!
Көкжал, Қарлыға! Бер кара! *(Қобыланды жақындайды.)*

Қ а р л ы ғ а

Бұ не, не қып ұмыт қалғандай?
Тегін бұйым болмас-ты,
Әдейі қалған емес пе,
Тапқанға бір ой салғандай?

Қ а р а м а н

Токта, токта, таптым мен,
Айналайын Құртқажан,
Айналсамшы есіңнен!
Көтер басты, Көкжалым, көтер бері, бер кара!
Ай, жұлдыздың тұрақсыз
Тынымсыз кешкен жолында,
Темірқазық аспанда –
Тапжылмастай тірегі,
Сол қазықтай айнымас
Қайда жүрсен Құртқаның
Саған деген жүрегі.
Сол белгісін қалдырған
Жандай жардың жолында,
Талдым, солдым дер болса,
Шіріп-ақ қалса болмай ма?
Ер дегеннің білегі...
Таста, Көкжал, азаны,
Жұлдызыңа бет түзе,
Жазалы оғың қазалы,
Көтер деймін басыңды!

Қ о б ы л а н д ы

Қанатыма қанат қос,
Жалыныма жалын қос,
Айтшы, айтшы, тағы аямай,
Айтшы аямай, есіл дос.

Қ а р л ы ғ а

Қадірлесім Қобылан,
Аямасың, қасың кім?
Қайда екенін білемін!
Талдырмайық жұртыңның
Жау қолында жабығып,
Жанып-сөнген тілегін.
Қинамайық Құртқаңның
Қайғыменен қан жұтқан
Жалынға толы жүрегін!
Бар қайратым қан кегінің жолында,
Сарапқа сал серігіңнің білегін!
Сен мұратқа жеткенше,
Қай қамалы тұрса да,
Ашуменен сермелген,
Ақ найзаңның ұшы боп,
Алдында өзім жүремің!
Қамдан, батыр, әзірлен!

Қ о б ы л а н д ы

Әзірлен, достар, әзірлен...
...Көк жүзіне тырмысып
Көгеріп өскен жас емен.
Тілемесін тәңірінен
Тұнжыраған тыныштықты,
Қара бұлттан туып кеп,
Қас иесі қуып кеп,
Құтыра соққан дауылын
Қарайласым десін ол!
Қарлы мұзы қабаттай,
Қарсылай соққан қаңтардың
Сықырлаған аязын
Сыбағам деп білсін ол!
Төңкеріліп аспаны,
Түйіліп келіп төбеден,
Күтірлей ұрса кең ие,
Шатырлай түссе найзағай,
Шың етпестен зымырап,
Тағы соқ деп тұрсын ол!
...Жас емендей жас елім,
Қайсар күшің қайт қылман,

Ала алмайсың, қас өлім!
Көнбес үшін қарысам!
Жеңбек үшін алысам!
Алдымда осы жалғыз жол,
Алдымда осы жалғыз жол...
Ер, достарым, соңымнан,
Бол, бол, кегім, басшым бол! (*Тартып кетіседі.*)

Ш Ы М Ы Л Д Ы Қ

IV АКТ

Жетінші сурет

Арыны күшті аюдай хан Алшағыр ордасы. Сарайдың ішкі даланына шығатын алаң, ашық үйінде Бірсімбай мен қалыңдығы Күнікей отыр.

К ү н і к е й (*күйеуін тоқпақпен басқа ұрып тұрып, күле беріп*). Соқ, тоқпағым, соқ-соқ! Соқ, тоқпағым, тоқ-тоқ!

Б і р с і м б а й. Семсер ал да шауып жіберсеңші бұл басымды.

К ү н і к е й. Ойын бұзбай, қан шығармай ойнаймын.

Б і р с і м б а й. Осының да тәттілік пе, ұнатқаның осы ғой, ә?

К ү н і к е й. Ұнатқаным ғана емес, сүйгенім сол. (*Күледі.*)

Б і р с і м б а й. Әттеген-ай, онда балуан қыз болмағаның бекер екен, айызың қана түсер еді ғой.

К ү н і к е й. Шыдамасаң шыныңды айт, көлгөрсіме. Бірақ Күнікей жарың осындай.

Б і р с і м б а й. Сүйгені жазадай де.

К ү н і к е й. Уай, қой әрмен. Күнікей кептерше сүймейді, жүнжіп, жидіп. Сілеусінше сүйеді, тістеп, тырнап. Шыдамаса шандозым өле қалсын ойынымнан. (*Сақ-сақ күледі. Алшағыр кіреді.*) Соқ, тоқпағым, соқ-соқ! (*Тағы күледі.*)

А л ш а ғ ы р. Ойын ба, бекзадам! Ойын ба, бүбім қарындасым? Ойын бұзған не көред?

К ү н і к е й. Кім бұзады ойынды!

А л ш а ғ ы р (*қатуланып*). Жау, жау бұзады... Алдияр!
К ү н і к е й, Б і р с і м б а й. Жау? Жау?
А л ш а ғ ы р. Жат жаманат келіп тұр, қамауда жатқан жау Қыпшақ құтылып кетіпті тұтқыннан.
Б і р с і м б а й. Біздің берік зынданнан ба? Қара бассын әкемді. Айырылғаны несі алжымай. Қара бассын, Көбікті!
А л ш а ғ ы р. Айып әкенде емес, Қарлығада.
К ү н і к е й. Қарлығада? Не қылған ол?
А л ш а ғ ы р. Зынданнан өзі шығарып, қашып кетіпті сонымен. (*Тасырлан.*) Кетіпті жауына еріп, аңшыға ерген каншықтай!
Б і р с і м б а й. Қаншық? Қансылата жоймасам ба көзінді. Не қып қалған, неге жоймай айырылып отыр Көбікті? Не қып өлмей тірі отыр.
А л ш а ғ ы р. Тірі емес деп естимін. Жаманат бар, жазым бопты деп отыр.
Б і р с і м б а й (*қайнап*). Кімнен жазым бопты?
А л ш а ғ ы р. Кетерінде жарып кеткен Қобылан дейді.
К ү н і к е й. Жау қолынан өлген бе? Не деген қорлық еді?
Б і р с і м б а й. Үйтіп өлген әкем болса, садаға болсын шерімнен. Ома қапсын өлмесе. Кегім, кегім, Алшағыр! Қамдан, сайлан, жол тартам. (*Тулап әзірлене бастайды.*)
А л ш а ғ ы р. Салдым барды кегіңе, камдануға әзірмін. (*Екеуі кетеді.*)
К ү н і к е й. Кек, кек! Кектен басқа табынатын тәңір жоқ. Тек кезек-кезек кек болсын. Алшағыр, бұйрығым бар! Жауына еріп Қарлыға қашса, тегін емес, қатын болып қашқан да. Қайын атамды өлтіріп, Қарлығасын қатын еткен дұшпанды құр өлтіріп қояр болсаң, қорсың өңшен дер едім. Қолында отырған жоқ па көк шүберекке түйгендей оның жаны... Құлықтысы Құртқасы. Сен де соны қатын ет. Қорлап қатын еткен соң ғана жауды көздей жөнейсің. Осы менің бұйрығым!
Б і р с і м б а й. Ақылыңда қапы жоқ. Кектің басы осыдан. Ал, Алшағыр, бұйрығын!
А л ш а ғ ы р. Не дедің, бүбім, не дедің? Алмасыма шарам жоқ. Өзің білдір бетпаққа, бұйрығыңды өзің айт!
К ү н і к е й. Өзім айтам қазір-ақ. Шақыр! Келтір мұнда күндерді! (*Алақанын қағып қалады.*)

Бірсімбай, Алшағыр қаруларын қамдай шыға береді. Күнікей жалғыз.
Аздан соң тұтқын Қарлығаш пен Құртқаны алып жасауыл келеді.

Азалы Құртқа сенбісің,
Айрылдым деген жарыңнан?

Қ ұ р т қ а
Не демексің тағы да?

К ү н і к е й
Өлі айрылдым деп едің,
Айрылыпсың тірідей.
Зынданнан босанып,
Көбіктіні өлтіріп,
Құтылыпты Қобылан.

Қ а р л ы ғ а ш
О-о, дос ием Қамбар-ай!

К ү н і к е й (Құртқаға).
Сен қалайша қуанбайсың?

Қ ұ р т қ а
Сүйінші болмас тілерің,
Тағы да бар ғой айтпағың.
Айтып тындыр барлығың,
Үздір Құртқа күдерін!

К ү н і к е й
Үздіретін мен емес,
Біл Қобылан қорлығың!
Зынданнан шығарған,
Аямаған әкесін,
Қайраты асқан Қарлыға —
Қыздан достық тауыпты,
Досын алып кетіпті,
Үйдегі жар ұмыт боп,
Соны қатын етіпті...

Қ ұ р т қ а
Мен қуанар аз екен,
Білмей тұрмын жалғыз-ақ,
Күнікей неге мәз екен?

К ү н і к е й
Өлгенменен өлмек жоқ,
Безген жардың бейілі
Қайта оралып келмек жоқ.
Қарлығаның орайы

Қайтар болды Құртқадан,
 Алмақ болды Алшағыр.
 Жақсы сөзбен жан тартам,
 Жарасатын жеңгем де...

Қ а р л ы ғ а ш
 Үніңді өшір, оқ жылан,
 Жас тілеуін жалмаған!
 Өзіндей деп ойлап па ең?
 Өктегенде өзеуреп,
 Аярлықтан талмаған...
 Садаға кетсін Алшағыр
 Айналайын ағамнан.
 Азатұғын жеңгем жоқ,
 Садаға кетсін Құртқамнан!

К ү н і к е й
 Болдың ба айтып барыңды,
 Сертім болсын, асқақ қыз,
 Саған да сый тартамын.
 Соныменен ақтармын
 Сен былғаған арымды. (*Құртқаға.*)
 Не дейсің, сен өзің айт! (*Құртқа үндемейді.*)
 Таныдың ба, жалғаны көп жарыңды?

Қ ұ р т қ а
 Таныдым...

Қ а р л ы ғ а ш
 Не деп тұрсын, Құртқа, сен?

К ү н і к е й (*Қарлығашқа*).
 Шығарма енді үніңді? (*Құртқаға.*)
 Танығаның шын болса,
 Таңдар жолын жоғын тағы білерсің?

Қ ұ р т қ а
 Білдім...

Қ а р л ы ғ а ш
 Құртқа?..

К ү н і к е й
 Құртқа! Ал дейсің бе Алшағырдан сүйінші?!

Қ ұ р т қ а
 Шақырып бер ағанды, айтысатын сертім бар...

К ү н і к е й (*кейін бұйрық етіп*).
 Келсін мұнда Алшағыр,

Келсін бері Бірсімбай! *(Екеуі келген соң.)*

Құртқа айтатын байлау сөз
Әйгіленсін жақынына жауымның,
Келтіріндер атасы мен енесін!

А л ш а ғ ы р

Келтіріндер, тындасын!

Тоқтарбай, Аналықты кіргізеді. Олар құл мен күн халінде.

К ү н і к е й

Жалтаратын жол емес,
Жасырып айтар сыр емес,
Сөйле, Құртқа, сертінді.

А н а л ы қ

Қай жазамен қинамақ?

Т о қ т а р б а й

Қандай серті болушы ед?

Қ а р л ы ғ а ш

Шыда, сорлы ата-анам,
Таныр болсаң тосыннан
Білінбеген дертінді.

Қ ұ р т қ а

Жұлдызынан жаңылған,
Жаманатқа таңылған,
Азалыда амал жоқ.
Бұрын бетін серіпсем де,
Бүгін үйтер шарам жоқ.
Айтқаның болад, Алшағыр,
Тек жалғыз-ақ Қобыланның
Қарлығыны алғанын
Таныт, көрсет көзіме.
Көрісімен тиемін,
Одан әрі аял жоқ...

А н а л ы қ

Не деп, не деп кеттің сен?

Қ а р л ы ғ а ш

Қайран ағам, қойныңа салмақ болғаның
Жарың емес, жылан ба ед?

А л ш а ғ ы р *(нөкеріне әмір етіп).*

Тоқтат тілін зәрлінің. *(Қарлығыашты жасауыл жұлқып ұстайды.)*

Т о к т а р б а й

Не дермін мен, не дермін...

Тентіреген тірлікте

Бұндайда медін көрер күн!

О, сұмырай, көрер күн!..

А л ш а ғ ы р

Алдым, Құртқа, сертінді!

Бұрымын кесіп сайқалдың,

Басын кесіп Қобыланның,

Алдына әкеп табысқанын танытпай,

Алдырмаймын, алмаймын мен еркінді...

(Бұйрық етіп, Тоқтарбайларды нұсқап.)

Есігерін есітті,

Шығар мынау құл, күнді.

(Оларды алып кетеді.)

Ойнақшып, құтырып Көклан шығады.

К ө к л а н

Көзін көрсет, көзін көрсет

Сертін берген сайқалдың! *(Құртқаға кеп қадала қарап.)*

Асыраған қолымда

Қызым болған күнінде,

Қырсығыңа шыдағам,

Жатым болған күнінде,

Айдағы ақ піріме аямасқа ант бергем.

Тілеп алған сыбағаң! *(Тіміскін.)*

Монтаны ма? Монтаны!

Монтанысы болатын.

Мені де мерт еткізген,

Иектеген иесі.

Атың өшсін, Алшағыр,

Алданар болсаң тағы да,

Жер соқтырар күн болса,

Киенкінің киесі! *(Тағы құтырынып.)*

Сөзін алма, өзін ал!

Сертін алма, өзін ал!

Сертін алма, өзін ал! *(Ойнақтап шығып кетеді.)*

Қ ұ р т қ а *(күліп).*

Табыстырар сен болсаң,

Жар таппас па ем мен ерте!
 Не ғып тұрсың, Алшағыр,
 Тілін алсаң асаудың,
 Аяма да мені өрте!..

Б і р с і м б а й
 Жок! Ердін серті емес...

А л ш а ғ ы р
 Қайтарым жоқ айтқаннан,
 Тек, тек бірақ килікпе.
 Қолқа қылма, Құртқа, сен,
 Қыпшаққа деген кегімді,
 Бастаймын мен кезекпен
 Мына тұрған байталдан! *(Қарлығашты көрсетеді.)*

Қ ұ р т қ а *(күліп)*.
 Алмастан бұрын өзімді,
 Сайламақпең күндесті?

Б і р с і м б а й
 Не деп тұрсың, Алшағыр?

А л ш а ғ ы р
 Алдияр, тыңда кебімді!
 Кебімді тыңда, Күнікей!
 Сен бұйырдың, мен көндім,
 Сен де маған кезек бер!

К ү н і к е й
 Бердім кезек бұйырсаң!

А л ш а ғ ы р
 Сенен асар Қаңқайдың
 Қай қызының талайы?
 Күң қатын қып, қор қылып
 Бірсімбай алсын мынаны!

Қ а р л ы ғ а ш
 Тарт қолыңды қасиетті басымнан,
 Зарламаймын, садаға кет жасымнан.
 Тарт қолыңды қасиетті басымнан,
 Қара басса Қарлығаш,
 Қатын болмас, қар болар...
 Қай мінезім жағып ед,
 Жау бөріне жар болар?
 Сансыз отқа күйгенше,
 Сен сұмдарға тигенше,

Қадір білер Қарлығаш
Жас тілегін жат етіп,
Жанын айтып жолына
Жан бауыры Қобыланның,
Жарылып өлер, қан болар! *(Сапысын жұлып алып, өзіне сала береді. Күнікей атқып тұрып ұстайды.)*

К ү н і к е й

Сен бе тимей тулайтын?

Сен бе безер ерімнен?

Қ а р л ы ғ а ш *(арпалысып).*

Жиренемін, жиренемін, жат көрем

Азынаған көрімнен...

К ү н і к е й *(Қарлығаштан сапыны алып).*

Не дедің, не дедің сен, не дедің?

Бекзада туған Бірсімбай,

Қай Қаңқайдан кем едің? *(Ашумен қайнап.)*

Алшағыр! Алдым, алдым, көндім мен.

Бұйрығыңа бас ұрдым.

Намысым қайнап күйгеннен,

Жарыма тілі тигеннен

Егестім де кестім мен!

Күң қатын қып алмасаң,

Таспа тіліп жонынан,

Көндіріп жолға салмасаң,

Ерім емес, қорсың сен.

Ал, Бірсімбай, ал мына

Атым өшсін, ант ұрсын,

Алғызбасам осыны!..

А л ш а ғ ы р

Бәсе, бәсе, солай-ды!

Ш ы м ы л д ы қ

Сегізінші сурет

Сол сарай, сол орын. Бірақ бұл суреттің оқиғасының көбі үй ішінде емес, сарайдың ішкі алаңында болады. Алаңды қоршаған биік тас қабырға, шойын қақпа көрініп тұрады. Құртқа, Қараман шығады.

Қ ұ р т қ а (*асығыс*).
 Алыста ма, арыстаным қайда тұр?
 Қ а р а м а н
 Алыста емес, тақауда тұр тіл күтіп!
 Қ ұ р т қ а
 Жакын тұрған кісің бар ма қорғанға?
 Қ а р а м а н
 Килігем деп кіжініп,
 Зорға шыдап Дәулет тұр,
 Жаза осы деп жалғанда!
 Қ ұ р т қ а
 Килікпесін бір өзі,
 Тез әкелсін Қобыланды!
 Басқа түскен қыспақтың
 Асып тұрған сор кезі.
 Арыстанның аузында
 Ажал тосып сәт сайын
 Ата-анасы, бауыры тұр!
 Таусылғанша амалы,
 Әреңменен жары жүр.
 Тілімді алсын арыстан,
 Тақап келіп тап берсін,
 Шандатпасын алыстан! (*Қараманға кілт береді.*)
 Мә, қорғанның кілтін ал,
 Бір күн сейіл еткіз деп,
 Алшағырдан алып ем.
 Бөгелме енді, барың сал!..
 Қ а р а м а н
 Кетем, Құртқа, жөнелем,
 Көмегіне бұл жерде
 Батыр серік қыз берем!
 Қ ұ р т қ а
 Қыз? Кім еді ол?
 Қ а р а м а н
 Қарлыға!
 Қ ұ р т қ а (*күлімсіреп*).
 Айта кетсең нетеді,
 Кім деп алам көмегің?
 Қ а р а м а н (*о да күліп, жазыла беріп*).
 Қай-ра-қа-а-а-н!

Қалжыраған болса да,
Алжыған жоқ құрдасың.
Қараман ба ед жансыздап
Сыр тартатын бөбегін?
Қ ұ р т қ а (*күліп*).
Күпті еткенше көңілімді,
Күйіп кетсең нетуші ед.
Қ а р а м а н
Саспа! Көкжал болса мен білген
Сұлулардың сендердей
Талайына жетуші ед!
(*Қарлығаны ертіп кеп.*)
Ал, мен кетемін жөніме,
Шүйіркелесе екеуің,
Танысып ап, табысып,
Барың сал да, серік бол
Батыр қуған кегіне. (*Жөнеледі.*)
Қ а р л ы ғ а
Құртқа?!
Қ ұ р т қ а
Қарлыға?!
Қ а р л ы ғ а
Шалғыншы боп келіп ек,
Арманым жоқ жол болса...
Қ ұ р т қ а (*Қарлығаны қасына отырғызып*).
Айтқаның келсін, Қарлыға,
Осы күнді тілеп ек!
Қ а р л ы ғ а
Аяғаны батырдың
Жебір, жесір жасыған,
Қара Қыпшақ ел болса,
Аңырағаны зар тұтып,
Қалың қайғы қажытқан
Қарт ата-ана бір болса,
Аңсағаны жалындап,
Құлықтысы Құртқа едің,
Көзім көріп күйігін,
Шыбын жаным жолына,
Сен тигенше қолына,
Құмарлық болсын деп едім.

Қ ұ р т қ а

Қарыздармын, Қарлыға,
Қайысыпсың қимастай
Қорлықтағы зарлыға!..
Ұмытпаспын, аямаспын барымды,
Бұл тірлікте шықпаспын
Айнығыш болып алдына.
Алғыс деген аз бейіл,
Айтқаныммен толмайды. *(Күлімсірен.)*
Тағы бар ғой бір жора,
Өзегін берер өз болса,
Өзіндей жақын көз болса,
Алғыс олай болмайды,
Рас емес пе осыным, Қарлыға?

Қ а р л ы ғ а

Өзім дерлік болсаң сен,
Өзге тілек тілемен!

Қ ұ р т қ а

Ашылса екен маңдайым...
Айықса екен тұманы...

Қ а р л ы ғ а

Алынса екен ер кегі,
Жеткізсе екен қуғаны!

Қ ұ р т қ а

Күпті болған жүректің
Тарқаса екен күмәні!

Қ а р л ы ғ а

Бар тілегім, бар күшім
Талабына батырдың,
Керегіне жарасын!..*(Өзіне.)*
Көрсем деп ем, ынтық ем,
Көрдім ердің күнде аңсаған данасын!
Ақылын көркі безеген,
Көркін мінез безеген,
Бұдан артық ер сүйер
Қай адамзат баласын...
Барым берем, табыстырам сендерді,
Содан әрі өртенсем де жол берем.
Лайығы жоқ! Жоқ, мүлде жоқталасым!
(Құртқаға.)
Бақытыңа жет, жаның жарқын асылкеш!

Қ ұ р т қ а

Тәу еттім, айдай нұрлы асыл дос!

Көклан келе жатады. Зу! Зу! Арзу! Құртқа Қарлығаны қалтарысқа тығады.
Көклан, Күнікей шығады.

К ө к л а н (*құтырынып*).

Жайра! Жайра! Жайрағыр!

Жау бар жақын, Алшағыр!

Қайдасың сен, Алшағыр,

Жау бар жақын, ес қайда?

К ү н і к е й (*жүгіріп*).

Шақырайын, шақыртайын бәрін де! (*Нөкерге*.)

Шақыр, келтір Бірсімбайды,

Шақыр жылдам Алшағырды! (*Құл жөнеледі*.)

Қандай қатер, анам-ау,

Қатер жау ма сасқандай?

К ө к л а н (*құшырланып*).

Есінді жи, сөкек қыз!

Жіп-жіңішке жол қалды,

Екеуміз-ақ қашқандай!

Қамдан, қамдан, қасыма ер! (*Алшағыр, Бірсімбай шығады*.)

Жау бар, жау бар, жайрағыр!..

А л ш а ғ ы р

Қайда? Қандай, қандай жау?

Б і р с і м б а й

Қайдан таптың жоқ жауды?

К ө к л а н (*Құртқаның айналасында жортып*).

Мұнда, мұнда, мынада,

Монтаның да мынада!

Құлатады басыңа

Қара аспандай ку тауды.

К ү н і к е й

Құртқа!

Қ ұ р т қ а (*мұңлы жүзбен*).

Қоймайсың ғой, анам-ау,

Мен тумастан көрінген

Баяғы ашқан балың ғой.

Не жазып ем осынша?

Қайда барсам өмірде,
Ұсынғаның зәрің ғой!
Тумап па едім тірлікке,
Мандайыма жазылған
Қара дүлей қастықты
Көрмек үшін көрімдей!
Осы болса жазғаны,
Құрысам нетті жөргекте,
Жау көзіне көрінбей...
Қолыңда тұтқын болғанда,
Анам деуге ынтықпап па ем мен талай!
Соған орай қалмаған несі сенің жалаң,
Жалмайтұғын кебіндей?

К ө к л а н

Анам десен, анам десен, балам демек едім мен!
Өмірімде жалғыз жол, балам демек едім мен!

Қ ұ р т қ а. Ләнет, ләнет болсын көргенім, өртегенсің
бәрін де, кешу білмес кегіңмен.

К ө к л а н (*қайта құтырынып*). Ләнет? Ләнет? Мен
ләнет! Жайра, жайра, жайрағыр! Қамдан, есуас Алшағыр!
(*Құтырынып жөнеледі.*)

А л ш а ғ ы р (*ақырып*).

Шакыр қолды қорғанға,
Соқтыр соғыс дабылын!

Дүние даңғаза бола бастайды. Әр жерден жүйткіп өткен жасауылдар. Аз
толастан соң ұрандап келе жатқан Қобылан үні естіледі.

*Қ о б ы л а н д ы (биік қорған басына жарқ етіп шыға
бере).*

Қара Қыпшак!

Қара Қыпшак! Қара Қыпшак! (*Қасында Қараман мен
қолбасылар.*)

Қ ұ р т қ а

А, тәңірім, кең ием!

А л ш а ғ ы р

Не дейді, не дейд? Қобыланды?!

Б і р с і м б а й

Қобыланды?

Қ о б ы л а н д ы

Мен, мен жеттім, міні, Қобыланды. Шық, шық,

Қатын болмасаң! Шық қарсыма, Алшағыр!

Б і р с і м б а й
Жекпе-жекте тілеп тұр.
(Пауза.)
Алшағыр?
А л ш а ғ ы р
Ашылсын деп қорғанды,
Аярлықпен алдап тұр!
Қ о б ы л а н д ы
Шық, шық менің қарсыма,
Аюсыған Алшағыр.
Қорқар болсаң жерге кір!
Шық, шық! Жекпе-жек!
Б і р с і м б а й
Алшағыр! Енді қашан, Алшағыр!?
А л ш а ғ ы р
Шықпасам ба деп тұрмын...
Қ ұ р т қ а
Қарусызға қасқыр ма ең,
Өл, бүйткенше, сен құрғыр!
А л ш а ғ ы р
Не дейд, не дейд? (Құтырынып.)
Тұр былай! (Айналып атқып жөнеледі.)
Қ о б ы л а н д ы (қорғаннан сыртқа қарай түсе беріп).
Кел, кел бермен, кел бері!

Көрінбей кетеді. Сыртта жекпе-жек үні келеді.

К ү н і к е й
Құртқа? Құртқа, басың бәйгеде,
Бақтым, бақтым енді сені мен. (Бірсімбайға.)
Алдаған болса аярдай,
Аямастан жаза кес,
Аянбай кес, Бірсімбай!
Б і р с і м б а й (Құртқаға).
Қасым болсаң қылқұрттай,
Өз обалың өзіңе!..
Қ ұ р т қ а
Ер егесі сол ма еді
Кіжінетін қатынға,
Қарсы барып жау құртпай...

Сырттан Қыпшақтардың қуанған айғайы келеді.

Дауыстар

Жарайды, жайрады жау Алшағыр... Алшағыр!

Қобыланды *(қорғанға қайта шығып)*.

Жайрады жауым Алшағыр,

Шық ер болсаң, Бірсімбай!

Бірсімбай *(тап беріп Құртқаны қармап алып, семсерін сілтеп тұрып, Қобыландыға)*.

Кет қорғаннан, көзің жой,

Кетпес болсаң жөніңе,

Жоқ етемін жарыңды!

Алыспай алам жаныңды!

Қобыланды

Құтқарам деп елімді,

Жолына айтқам басымды,

Кеш, қош, жарым, жұлдызым,

Қимасам да жанымды,

Қайта басар мен емен.

Қамап тұрған бетімнен *(Бірсімбайға)*

Босатпаймын маңыңды.

Күнікей

Сал, ендеше, семсерді, Бірсімбай!

Бірсімбай *(сермей беріп)*.

Жойдым, міні, жоқ еттім. *(Бұл ұра бергенде Күнікей баж етеді. Оны сарт етіп кеп Қарлыға қармап алған.)*

Қарлыға

Аш көзінді, Бірсімбай,

Оны өлтірсең, міні, орай! *(Семсерін сермей береді.)*

Айрылдың мынау жарыңнан.

Күнікей

Құтқар мені, Бірсімбай...

Бірсімбай

А, мұнда ма ең, сен сайқал,

Келді кезім, келді кезім кек қайтар!

Құртқаны тастап, Қарлығаға ұмтылады. Екеуі де жекпе-жектің асқан шебер білімін оқыған, алпыс екі айламен алыскандай бірін-бірі ала алмай жүреді. Қақпа шалқасынан ашылады. Ашып тұрып Қараман.

Қарлыға (*қақпаны көріп*).
А, жетті ме ері жеріне,
Жеттім мен де, мен де жеттім, жететұғын жеріме!
(*Қылышын тастайды.*)
Алыспаймын, өліспеймін сенімен.
Бірсімбай (*қылышын жұлып ап*).
Әкең берген қылышы
Аямасқа берілген,
Жаза кесіп, қаза берсін жөнімен!
(*Қарлығаны шауып өлтіреді.*)
Қараман
Ұмтыл, ұмтыл, Көкжал, жаның сал!

Қобыланды, Қараман және қолбасылар кіреді. Қобыланды Бірсімбайды алып ұрады.

Қобыланды (*семсері қолында*).
Жояйын ба, Қарлыға?
Қарлыға (*өлімші күйде*).
Өлтірме, тек байлап ал!
Бұл аямас болса да,
Мен тас емес, қаным бар...
Қобыланды
Кеше гөр, жаным, Қарлыға? (*Нөкеріне Бірсімбай туралы.*)
Өлтірме, тек байлап сал!
Ал көтеріп Қарлығаны қолыңа!

Қолбасылар Бірсімбайды байлаған. Қарлығаны екі батыр қолына алған.
Қобыланды Құртқаға ұмтылып.

Айым, Құртқам, кел, келші!
Құртқа (*бір ғана сәт тізе бүгіп, Қобыландыны қолынан сүйіп*).
Арыстаным, арманым! (*Деп шапшаң атқып тұрып.*)
Азапта жатыр ата-анаң,
Құтқар, құтқар, жүр соған! (*Тарта береді.*)
Қобыланды (*қолбасыларына*).
Ал, достарым, қайрат қыл,
Қыпшак, Қият ел қайда?
Тұтқында күткен ер қайда?

Қапта бәрің кідірмей,
Амандап қал, алып шық,
Тап бәрін де, азат қыл!
Қайда жатыр, қай-қайда?

Колбасылар тарай жөнеледі. Өзі Құртқа кеткен жакка аткі жөнеледі.
Сахнада Аққозы, Қараман, Күнікей қалған. Осы кезде “Зу! Зу!” деп
Көклан келе жатқаны білінеді. Қараман қалбақтай бастайды.

Қ а р а м а н. Қайрақан! Ойбай, батыр, қамың қыл! Мына
пәле әлі жүр ме еді алдымда? Маған сенбе, Аққозы. Менен
қайрат кетті де...

К ө к л а н (*құтыра шыға кеп Күнікейге*). Ер соңымнан,
салдақы! Зу! Зу! Арзу! (*Деп Аққозыға қарай сиқырлай қимыл*
етіп қарсы жүреді.)

А қ қ о з ы (*семсерін ала ұмтылып*). Құтыла алмайсың,
құтыла алмайсың, көк долы!

Қылышын сермейді. Бірақ көзі танулы кісідей теріс сермеп өтеді. Көклан
бір шетке кеткен.

Қ а р а м а н. Көрінбей кетті көзіме!
А қ қ о з ы. Көрінбей кетті көзіме! Қайда? Қайда жүр?

Қараман екеуі Күнікейді қоршап алған. Күнікей шыркырап: “құтқар,
құтқар” деп бажылдай береді. Көклан өзі сахнаның бір шетінде ақырын
“Зу! Зу!” деп жүр.

Қ а р а м а н. Қайда кетті, қайда жүр?

Көклан осы кезде “Зу! Зу!” деп ағындап барып төрдегі тас қабырғаға бар
екпінімен беріп ұрады да, сол тас қабырғаға батып, жоқ болып кетеді.
Мыналар бұл жақта әлі күнге Күнікейді қоршап бос әбiгерде жүр. Бір
сәтте Көклан тас қорғанның басына атқып шығып алады.

К ө к л а н (*өзгеше жат бір қимылдар жасап, булыға*
құтырып).

Зу! Зу! Қараң өшсін, қараң өшсін, Қобыланды,
Қаптармын әлі талай пәлемді! Зу! Зу!

Алғашқы суреттегідей қара түнде тастан ұшқан қара құстай лап етіп
ұшып, сырт қарап жоқ болып кетеді.

К ү н і к е й (ұмтылып).

Құтқар, құтқар, мен қалдым, құтқар! (Қараман мұны ұстай алмайды.)

А қ қ о з ы (қармап алып).

Құтылмайсың, қолымда қалдың сен менің.

Қ а р а м а н. Ұстадың ғой асауды, өзі қандай осының?
Бері қаратшы көрейін. (Көріп айналып.) Қандай сұлу көкайыл еді.

Қасында ата-анасы, қарындасы және азат етілген қалың ел – ата-аналар.
Қобыланды елді тастап ұмтылып, Қарлығаның басына келіп, тізе бүгіп отыра қалады, қатты толқып, қайғыға түсіп шер айтады. Құртқа қасына кеп бірге тізе бүккен.

Қ о б ы л а н д ы

Қадірің асқан Қарлыға,

Қайда кеттің, қайда кеттің, кимасым!?

Ұқтым ғой мен, жаңа ұқтым ғой,

Неге кеттің, не деп кеттің?

Аз өмірде азғындай

Сен бе ең, сірә, сыртқа тебер сыймасым!

Тар жолымда бар қасиет үстінде

Асып шығып аспанға,

Сөнбей жанар жұлдызым бол бір өзің!

Қасиет аты Қарлыға болсын,

Бұдан былай жаңа жолға басқанда!

Қош, қош! Кеш, қадірлім Қарлыға! (Қиналып тұрып,
зорға есін жияды. Халықты көріп сөйлейді.)

Уа, елім, жұртым, бауырым,

Кетті кесел түнерген,

Жайлана бер жадырап,

Ұмыт енді көрген кердің ауырын.

Мына ордасын дұшпанның,

Бар қаласын қасымның,

Бар бұйымын, асылын

Үлесіп өзің аласың. (Қолбасыларына.)

Айдатып кел жылқысын!

Боз биенің сүтіне

Шомылдырып халқымды,

Арылтамын біржола

Жаудан шеккен қайғысын!

(Жұрт мәз, алғыстар. Қобыланды ата-анасына жақындап, Құртқаны қасына алып бас иіп.)

Айналайын ата-анам,
Арманды бір ой бар ед!
Туы құлап тараған,
Бұзылып кеткен той бар ед!
Шығар ойдан барлығын
Көңілдегі алаңның,
Ақ тілекпен басташы
Жақсы бір тойын жаңадан
Келінің мен балаңның...
Т о қ т а р б а й
Айтқаның болсын, карағым!..
А н а л ы қ
Айналайын қаралдым!..

Халық шулай қостайды. Той болмақ. Шат. Қуаныш.

Ж ұ р т. Той, той. Қайырлы той! Той тойла! Той тойла!..

Ш ы м ы л д ы қ

С о ң ы

КАРА КИПЧАК КОБЛАНДЫ

**Драма-сказание в четырех актах,
восьми картинах с интермедией**
(подстрочный перевод с казахского)

Действующие лица

К о б л а н д ы — батыр из рода кипчаков, 20 лет.

К о р т к а — его невеста, дочь кипчаков, выросшая в плену
у чародейки Коклан.

К а р л ы г а ш — его сестра, 18 лет.

А н а л ы к — его мать.

Т о х т а р б а й — его отец.

К а р а м а н — его курдас (сверстник) из рода Тия.

Ш у а к — молодой батыр из рода кипчаков.

К о б ы к т ы — хан-богатырь, вождь враждебной кипчакам
страны кзылбасов.

К а з а н — вассальный хан-батыр из лагеря Кобыкты.

А л ш а г и р — то же.

К о к л а н — чародейка, союзница Кобыкты.

К а р л ы г а — дочь Кобыкты.

Б и р с и м б а й — сын Кобыкты.

К у н и к е й — его невеста, сестра Алшагира.

1-й военачальник

2-й военачальник

3-й военачальник

} батыры племен, родственников кипчакам.

Стража, женская свита, рабы.

І АКТ

Картина первая

Дикие скалы, куда не ступали даже ноги архара, где для воина нет ни глотка воды, а коню — ни стебля травинки. Мрачно свисают утесы, напоминающие причудливыми очертаниями окаменевших батыров-исполинов.

К о к л а н (*Сидит на черном камне, говорит как бы колдуя со злобным вещанием, часто делает дикие жесты.*)

Зу-зу, зу-зу! Арзу! Арзу!

Кровавый капкан, кровавый капкан,

Чья кровь течь готова,

Я смерть — безжалостно стерегущая!

Чары мои сильнее черной горы Кап,

Сети сильнее всех оборотней.

Кто, кто? Кто посмеет ступить

На землю синей Коклан?

Каменная крепость моя заморожена,

Мой плен — проклятие.

Кто, кто? Кто идет

В пределы мстительной Коклан? (*Вскакивает с угрозой, пристально смотрит. Выходят Кобланды, Караман.*)

К о б л а н д ы

Я, я иду, сын кипчаков Коблан!

Ведомый мезтью моей!

К о к л а н

Вражий сын Коблан!?

Ты простился с душой!

Зу-зу, зу-зу! Арзу, арзу! (*Шипят камни кругом.*)

К а р а м а н (*трусит.*)

Кайракан! (*Кобланды.*)

Неугомонный, влюбленный в муки,
Каким злом гонимый,
Какое чудовище встретил ты?

К о к л а н

Во власти моей кровь и жизнь твоя.
Унести ли мне смерчем,
Обратив тебя в песчинку?
Бросить ли во мрак бездонный,
Обратив в червя гнили?

К а р а м а н

Погибель душе моей
Иль она кровососушая
Чародейка старая Коклан?

К о б л а н д ы (*Караману*).

Не мути кровь мою своим позором,
Замолчи, уйми свой голос! (*Коклан.*)
Муж достойно умрет за месть свою,
За нее священную явился я.
Враг, нещадный злодейка
Истребить, карать я иду.
Горой гранитной заслонись
Раздробить я иду.
Не рукой открою входы,
А гневным пинком распахну.
Тщедушных ты колдовала
Зазналась немало.
Попробуй опрокинь на голову мою,
Злая Коклан, небеса!

К о к л а н (*спрыгивает с камня, будто слетела черная ночная птица*).

Зу, зу. Арзу, Арзу! (*Шипят камни кругом.*)

К о б л а н д ы

Зри силу яростную мою! (*Ударяет булатным мечом о камень, и камень рассекается надвое. Шипение утихло разом.*)

Достигло высей синее зло
И то ты, только волосатая Шойлан!
Ты порожденье гнусное
Только черной ночи.
Во мраке властная Албасты.

А я сын света, светила вечного.
Побеждала ты когда-нибудь
Светом мстительного огня
Сияющего алмаза!?

К о к л а н

Сын кипчака раба,
Кому ты угрожаешь?
Оглянись! За спиной Коклан
Земли Кзылбасов легли
Есть утес нерушимый Кобыкты!

К о б л а н д ы

Донеси до хана своего кровожадного
Кипчаков мечь ждет его.
Поднявший ее стяг
Ныне сам Коблан идет!

К о к л а н

Мечь? Чья мечь?

К о б л а н д ы

Врага беспощадного насилия
Выносившей со стоном
Народа измученного мечь!
Все обиды от Кобыкты верни ему самому
Десятикратной сдачей!
Но ныне гнев обрушу
На тебя одну, Коклан!
Гляди, смерть нависла над тобой
Смертным ястребом, саблей булатной! *(Вскидывает*

меч, Коклан защищается.)

К о к л а н

Отведи, юнец неразумный,
Не ударяют булат о булат.
Черная сабля в руках твоих
Не устоит против ярости моей!

К о б л а н д ы *(кинувшись).*

Замолчи, ведьма негодная!
Мигом рассеку!

К о к л а н

За кого ты мстишь здесь?

К о б л а н д ы

Сынов рабами, рабынями дочерей
Кзылбасы полонили

Народа моего пока я был мал!
В заточении твоём сорок девиц.
Выведи на волю их.
За сестер родных моих,
За кровь свою стою.
Выдай сейчас их всех.
К о к л а н (*зло насмехаясь*).
За девиц, ты сказал?
За рабынь, сказал?
К о б л а н д ы
Не прикидывайся, не тщись!
Попробуй сказать, что нет кипчаков дочерей!
К о к л а н
Есть девушки, кипчаков дочери они...
К о б л а н д ы
Приведи их сейчас.
Взамен насилия родным
Свободу я дарю.
К о к л а н
Девушек, ты сказал? Горестных девушек, ты сказал?
А если не в горе они?
А если в золоте, в неге они?
К о б л а н д ы
Веди сейчас сестер моих,
Следы печали глубокой
На лицах их узрю.
К о к л а н
Посмотри, посмотри, так ли печально рабство?

Ударяет в ладони. Скалы рассекаются пламенем, виден полуосвещенный грот. Внизу его входы подпирают каменные столбы, украшенные рельефными изображениями древних божеств. Грот древних тайн. На фоне сурового величия грота молчания стоит в невиданном сиянии луноликая краса — дочь печали и плена — Кортка, за ней свита девушек.

К о б л а н д ы (*ослепленный ее видом*).
Великан небо Танри,
Не светильник ли благой мольбы?!
Какое сияние вокруг,

Не дочь ли лучей я вижу?
Какая тайна ее рождения?

К о к л а н
Родом она кипчак, девушка кипчаков.
Кажется ли тебе она
Терпящей муки пыток!

К о б л а н д ы (*смущенный*).
Нет... нет... Коль такой лик имеют муки,
Каков же должен быть лик блаженства?
Иль вторгся не ведая?
...Иль чары это? (*К Кортке.*)
Молви, краса, о себе.
Верно ли твой род Кипчак?

К о р т к а
Нет чар, то верно.
Истинно мой род Кипчак!

К о к л а н
Вглядись, коль не слеп,
В почете большем, чем ханская дочь.
Слышал ты ее?
Не заступником быть тебе,
А слугой у них быть и то много.

К о б л а н д ы
Знать, буйная дорога моя заблудила.
Искал тех, кто в слезах,
А нашел счастьем упоенных...
Не для пощады вынутый меч,
Не ведая, взмахивал
На луну далекую..
Не вини, лунная краса,
Не для меня был этот путь. (*Хочет уйти.*)

К о к л а н
Иди дорогой позора
Кипчаку низкому у ног моих
Не впервые это привелось
Иди и ты, убитый!

К о б л а н д ы
Неудачу и кару я несу
Луноликую, родную мою,
Своей рукой уступая врагу. (*Уходит.*)

К о р т к а

Родную мою?.. Уступая врагу?
Не сын ли рода моего
В поисках прибывший за мной?
Стой, батыр, выслушай! (*Кобланды остановился.*)
Не заблудился ты, видно,
Лучший из рода моего
Быть может, ты друг горемык.

К о к л а н

Уйми язык девица, Кортка!
Не с ним делиться горем тебе
К гнезду, оберегаемому мной,
Среди утесов мною хранимых
Нет пути Кипчаку.
Не молви больше слова ему!

К о б л а н д ы

Довольно угроз твоих!
Раскрой, родная, тайны свои!

К о к л а н

Молчи! Запрещаю говорить!
(*Кидается к Кортке.*)

К о б л а н д ы (*мечом преградив ей путь*).

Прочь с глаз! Сокрушу я все!
Ради родичей горестных
Я жизни не пощажу!
Соберись всеми кзылбасами здесь
Один в бой вызову!

К о к л а н

Эй, кипчаков отродье,
Моя клятва пожару подобна!
От Кобыкты ты получишь
За горделивую речь
Расплату, как пропасть, ждущую!
Уйди, Кортка, к себе!

К о б л а н д ы

Попробую быть помехой,
Грозой я обрушусь!
Иду встретить твою угрозу!
Моя клятва на острие справедливого меча
Чарами вздумаеть снять ее

Тут же голову отрублю!
Поведай о печали своей благородной!
К о р т к а
Хоть не видя солнца, росла в плену
Грустью скованная я,
Окруженная всюду
Юное сердце леденящим
Враждебным миром зла,
Одно — непокорность юность спасла
И теснины (*темницы*), отнявшие волю мою,
Не отняли разум мой
И подругу — мечту мою...
И я ждала волю свою!
Хоть небо черной ночи
Висело над моей головой,
Я ожидала ясного месяца своего.

К о б л а н д ы
Не ведая участи твоей,
Беспечный я запоздал,
Рассекая упорный утес,
Раньше бы отыскать мне тебя.
Виновен я родился перед вами
Долго в ожидании грустном
Я вас томиться заставил.

К о р т к а
Не слушайся, Коблан,
Осудить не помыслю
За одну только встречу
Много благодарна
Ни обиду, ни притворство не таю!

К о б л а н д ы
Ясноликий дружок,
Тоску горькую и мечту
Не уста твои изрекли,
Как пламя, я таю,
Исторгнутое сердцем твоим!
Пусть месяц твой долгожданный,
Склонившись к твоим стопам,
Молит милости твоей
За одно слово твое, спаси,

За одно дыхание твое...
Силу честную мою — в жертву тебе!
Коль вас не освобожу,
Пусть жизнь молодая
Станет мрачней могилы сырой.

К о р т к а

Нет горя, у меня хоть смерть настигнет вмиг
Народ мой, оплот мой ты есть!
Думала погиб ты, была безутешна
И честь смелых ты жива
Героя вихрем возмутившая!
Танри великий, дай достичь цели моей!

К о к л а н (*разъяренная*).

Молнией мечи свой гнев,
Молнией, жестоко разящей,
Мститель Кобыкты, где ты?
Черногривый ягуар,
Кровожадный, ненасытный,
Страшный Казан, где ты?
Коварный и лукавый
Пестрогрудый тигр,
Неутомимый во вражде,
Где ты, Алшагир?
Шлите, шлите на врага гибель скорую беспощадную!
Зу, зу, арзу! (*Убегает в ярости.*)

К о р т к а

Скрытой тайне стыдливой
Не открыться ли чуть, чуть...
Не высказанным словам робким
Не сказаться ли чуть, чуть?

К о б л а н д ы

За годы юные впервые
Душа светоч узрела,
Если бы признался я — этот миг
Только один остается в памяти моей.

К о р т к а

Месяца своего в полнолунии
В холодные, бесплодные вечера
Хоть ожидала с тоской,
Сказать ли, что только вижу я?

К о б л а н д ы
О зря, мечта моя недостижимая.
Пленник я твой,
Хоть чужим назовешь...

Они приближаются друг к другу в восторге счастья, но тут неожиданно для них становится между ними дерзкий суровый Караман.

К а р а м а н
Стой, отойди прочь! *(к Кобланды.)*
Куда, куда несешься,
Одумайся, очнись!
Что изрекла эта стерва?

К о р т к а *(в ужасе).*
Стерва?

К о б л а н д ы
Караман?!

К а р а м а н
Довольно, не слушаю я тебя.
Среди проклятых скал, обитаемых
Чародейками, бесами,
не быть дружбе вместо злобы...

Это луноликая подруга
Или притворица-оборотень?
Какую тайну ты постиг у этой бабы?

К о р т к а
Бабы? Я ли она?

К а р а м а н
Да, ты, ты!!

К о р т к а
О чудовище *(лихо, ужас)*
Что слышу? Не солнце мечты
Моей, а пожарище, в котором должна
Я сгореть... *(заплакала.)*

К о б л а н д ы *(Караману).*
Оставь, курдас — не терзай, не терзай, молю тебя.

К а р а м а н. Нет, отойди... Не испытай, позволить пасть тебе? Не успел узнать, а уж пал и замлел? Только сейчас меня лютое зло хотело яростью покорить, а что если красивая змея вздумала тебя ядом отравить? И подобно жалу

дракона, пронизывающему незаметно, языком любовных излияний вздумала покорить?

К о б л а н д ы

Умру, не покаюсь, оставь же,

Батыр курдас...

К о р т к а

Чего еще ждать мне? Кончилась и ты не дойдя.

К о б л а н д ы. О не терзайся, родная. Это курдас мой. А язык курдаса – жало беспощадное. Он притворно говорит. Караман, не мучь больше, не наказывай больше терпенье мое...

Караман (*к Кортке*). Откройся всей правдой своей. Проверю все. (*Девушка смотрит с надеждой.*) Да будет ломаться! Чары не действуют на меня. Неподатливый я такой... ну, кипчаки у тебя были в памяти раньше или вспомнились сегодня? Если печалилась раньше о народе, почему ты так нарядна, как попугай? Почему ты в почете ханской дочери? Какими обещаниями, какой услугой достигла? Не ждешь ли другого? Раскройся мне во всем.

К о р т к а (*печально поникшая*). У логова ядовитых змей я цветок, выросший ошибочно... Когда называли чужим ли, врагом ли кого, я всем существом стремилась увидеть его... Уж много времени, как здесь называли с боязнью и ожесточением одного только врага. Только растущим, юным демоном называли его. Его-то ждала я, и таким был для меня Кобланды. Спешила видеть особенно теперь. Казан и Алшагир соблазнились мной и грызлись уже. Готовит меня Коклан выдать за одного из них, но сердце мое презирало их. Как на двух гиен, рвущихся кинуться на меня с двух боков, смотрю на них. Но к чему говорить? Цель далека, а путей нет... Вы пресекали дорогу, по который я ждала прихода счастья моего.

Кобланды. Довольно же всего... Довольно. Не мучь больше, Караман, молю тебя, не терзай же, друг родной!

К а р а м а н. Уймись я говорю, проверю! (*к Кортке.*) Но если ты ждала его, имеешь хоть доказательство одно?

К о р т к а. Что мне назвать? Когда даль мечты терзала сомнениями, чтобы хоть слабо утешить себя, чтобы друг неведомый понял о моем ожидании, выращивала, оберегая от ветров лихих, коня тулпара для него... Все убранство на

нем, все доспехи, несокрушимые для друга, хозяина его, готовила я своей слабой рукой. Если поверить хоть на миг вы могли, назвала бы свидетелем коня моего...

К а р а м а н. Покажи тулпара этого!

Кортка обернулась назад, ударяет ладонями, освещается еще один угол грота и там видна голова и весь перед сказочного белого коня. На нем убранство и доспехи батыра. Кобланды и Караман смотрят как замороженные.

К о р т к а (*сняла с Тайбурыла саблю, поднесла к Кобланды, потом поднесла латы, начинает надевать на него*).

Ночей бессонных, бесконечных
Безвинна была тоска моя
Пусть великий Танри благословит.
И белая кольчуга сохранит
Тебя от ран вражьих,
Где бы не витал ты,
Будь невредим, избранник мой!

К о б л а н д ы

Краса лунная моя,
Все достоинство во мне,
Всю мольбу на сердце
Тебе одной посвящу. (*Целует.*)

К а р а м а н

Ну теперь целуй сколько угодно!

З А Н А В Е С

Картина вторая

Орда всемогущего хана Кобыкты. Бьют барабаны, суетятся черные рабы. Орда ожидает важного гостя. В сопровождении боевой свиты и рабов выходит Казан — богатырь Кзылбасов. Батыр-великан самодоволен и горделив. Он идет, играя, как мячами, двумя огромными кистенями с челоуеви голоуы. Его встречает бек орды с почетом.

Б е к

Любимец моего повелителя батыру

Желанному гостю Казану
Доброго пути желаю!

К а з а н

Готовый каждому кличу
Повеленью покорный явился
Казан — богатырь султана! Кеке!
В орде ли храбрый властелин?

Б е к

На охоту изволил отбыть
Но прибытия скорого ожидаем. *(Уходит.)*

К а з а н *(продолжая играть кистнями.)*

Кеке, ке-ке! Кекке-ке-е! Кекке-ке-е!

(Бросает кистени, рабы подхватывают и, неся каждый кистень по несколько человек, относят в сторону.)

К а з а н *(своим нукерам).*

Следить зорко,
Чтоб не застиг врасплох
Синий мор Кобыкты,
Всесильный хан из ханов,
Мститель злопамятный.
Не встретишь на коленях,
Как бы не разнес в ярости.
(Свита делает поклоны покорности. Казан в раздумье.)
Кеке! Кеке! Кекке-ке-е!

Н у к е р *(входя).*

Алдияр¹,
Султан из султанов,
На синем слоне Кобыкты.
Прибыть изволил мой повелитель...

К а з а н *(вскочив с места).*

Кобыкты!
Султан из султанов
Хан над ханами Кобыкты,
Кто с ним в свите?

Н у к е р

С ним наследник Бирсимбай,
Ханской крови Карлыга,
Сопровождают сын и дочь.

¹ Алдияр — привычное обращение подчиненных к властителям, соответствует фразе “Прошу дозволения”.

К а з а н

Ханской крови Карлыга!
Кеке! Кекке-ке!
Назвать врагиней не смею,
Назвать другом не могу,
Взором суровая ко мне,
Когда о луче надежды я молил,
Насмешливая девушка, коварная
Яд протянула мне, кеке!
Кто еще с ним?

Н у к е р

Алдияр,
На белом слоне грозный
Отдельно прибыл Алшагир!

К а з а н (*разъяренный, ударяет в лицо нукера, наступив одной ногой на грудь упавшего раба*).

Закрой рот лъстивый,
Тварь угодливая, раболепный,
Когда тут черногривый лев Казан,
Алшагиру ли быть грозным?

Н у к е р (*лежит*).

Повелитель мой, прости,
Не грозный он Алшагир!

К а з а н (*своим нукерам*).

Вывести пленных кипчаков!
(*Выводят трех связанных пленников.*)

Когда ханов хан Кобыкты
Сойдет с синего слона
И направится в синюю орду,
Заколоть у него на глазах
В жертву почитания его пути. (*Уводят пленных.*)
И как на дар Казана
Его милость заслужите.

Засуетились слуги орды. Казан в волнении, неповоротливый, с медвежьей хваткой. Казан ударяет вдруг себя кулаком в бок.

Не от Кобыкты в смущении
Перед Карлыгой трясется
Жалкое сердце собаки бездомной!..

За сценой загораются огни. Освещен двор орды. Видна голова синего слона. На нем шелковый шатер в виде балдахина. С него спускаются Кобыкты, Бирсимбай и Карлыга. Барабаны неистовствуют, как свора сторожевых псов богатой орды. Идут гости в сторону. Появляется на сцене Алшагир.

К а з а н

Кекке! По вызову хана я тут!

А л ш а г и р

И я ханом вызван!

К а з а н

Какого веленья ждать?

А л ш а г и р

На врага намерен послать?

К а з а н

На кого?

А л ш а г и р

Не знаю имени его!

К а з а н

Казану повелит с Алшагиром идти в поход? Кекке!

А л ш а г и р *(смеется)*.

Тебе не в пару Алшагир, храбрый Казан?

К а з а н

Кеке! Кекке-ке! Пусть в пару, но в обиду станет

Недруг мой,

Не приму я помощи твоей!

А л ш а г и р

Недруг? Лучше соперник за девушку сказал бы! *(Смеется.)*

Но поле брани было же общим!

К а з а н

И для брани не возьму

Соперника, не перестающего перечить, кекке!

Перестал ли тягаться за девушку Кортка?

Воздержался спорить из-за Карлыга?

А л ш а г и р

Нет, не отказался хоть ты зол, храбрый Казан!

К а з а н *(вскипев)*.

Кеке! Кекке-ке!

Лучше врагом бы ты был!

А л ш а г и р
 Был бы врагом, давным-давно
 Обе красавицы покинули бы тебя!

А л ш а г и р
 Хоть бы сгорел бы ты со зла
 Храброго Казана опозорили бы они. (*Смеется.*)

К а з а н (*хватаясь за меч*).
 Не мути кровь мою!

А л ш а г и р
 Не мутить, а хоть пролить кровь свою решишь!

К а з а н
 Выходи! Кекке!

А л ш а г и р (*важно*).
 Ну выходи! (*Появляются Бирсимбай и Карлыга.*)

Б и р с и м б а й
 Прочь мечи! (*Батыры слушаются.*)
 Перед троном великим, что за дикий вид?!.
 (*Бирсимбай понял их.*)
 Узнаю я вас
 Снова старая тяжба?
 Когда же конец ей проклятой?

А л ш а г и р
 Алдияр высокородный! Разве уймешь Казана?

К а з а н
 Кекке! Сестру свою Алшагир
 Выдает за тебя высокородный!
 С великой ордой роднится, не довольно ли?
 И снова родниться черед он возьмет
 Не обида ли кровная мне! Кеке! Кеккеке!

Б и р с и м б а й
 Есть и Казану тягаться повод,
 Надеяться на руку Карлыги
 И тебе уместно!

К а р л ы г а
 Ты брат мне Бирсимбай
 И это речь справедливая твоя!
 Какой из твоих врагов
 Подобное другу своему поднес?
 Чем торговать мною
 Лучше бы закланному врагу

И в наложницы ты бы предложил?
Каким насилием позоришь меня?

Б и р с и м б а й

Девушек волю Кзылбасы
Девушкам не дают.
Решение, принадлежащее отцу,
Не мне предрекать! *(Всем троим.)*
Этой тяжбе наконец
Пора предел указать
И хана повеление услышите вы!
Пусть сестра ты мне,
Но спорить не дано тебе.

К а р л ы г а

Грызутся два хищника
Мною разнять не удается.
Рану гнилую
Мною лечить не удается!
От гнезда родного
Удар безжалостный получу
Горе презренное в друга не изберу
Не я буду копь в печали покорной!
Запомни ты, Бирсимбай,
Чем удар для чести переносить
Легче смерть предпочти
Как бы Карлыга решением своим не поразила?

К а з а н

Кеке, кеккеке! *(Выходит со свитой Кобыкты. Проходит к трону. Казан соскочил с места, делает земной поклон перед Кобыкты, то же делают все присутствующие за исключением Карлыги.)*

Жертвой твоего пути
Да станет жалкий раб твой Казан!

К о б ы к т ы *(садясь на трон, повелительно взмахивая рукой).*

Убрать грохот и вон!

К а з а н

Заглушить стук барабанов! *(Все затихло.)*

К о б ы к т ы *(охваченный особенной яростью, вставая).*

Бельде! Бельде! Бельде!

(Встают все присутствующие. Кобыкты кричит.)

Властитель неба Танри.
Властитель земли Кобыкты!
(Грозно кричит молчаливым подчиненным.)
Кто же кроме Кобыкты?

В с е

Властитель земли Кобыкты, Кобыкты!
(Все падают ниц.)

К о б ы к т ы (передразнивая).

Кобыкты, Кобыкты!
Так пусть узнают все
Неслыханный позор
Заживо Кобыкты
Хоронит в черный прах!

К а з а н (вскочив раньше всех).

Кекке-ке!
Какой позор мой повелитель
Ужель, ужель, ужель так?
Направь скорее на врага
Если идти Казану в набег (Алшагиру).
Горделивый Алшагир,
Видя муки хана ты
Как только мог стерпеть!?

А л ш а г и р

Уймись, уймись, Казан, погоди,
Слух о беде
Только тут достиг до меня.

К о б ы к т ы

Захватив город, доволен Казан,
Забрав округа Алшагир.
Не приняв покорность
Враг живет не раздавленный
Сколько его я не топтал
Встав снова бьется
Ненавистный мне кипчак
Еще меч не склонил.
Уничтожу я род кипчаков!
Истребив, землю отберу!
На коней, клич бросаю!
Вырезать всех велю!
Готовности, ответа жду!

От сокрушителей храбрых моих!
Клянись передо мной!
К а з а н
Алдияр, повелитель мой!
Тебе я волю отдаю!
А л ш а г и р
И я тебе клянусь!
К а з а н
В короткий день сорок набегов я чинил!
Снова беды обрушу,
В крови кипчаков потоплю.
К о б ы к т ы
Так начни клич боевой
Пусть скалой обрушится наш гнев,
Пусть свет для них потухнет
Невиданные беды неси!
К а з а н , А л ш а г и р
Алдияр! Алдияр! (*Входит Коклан.*)
К о б ы к т ы
С чем ты явилась, Коклан?
Не горе на твоём челе?
К о к л а н
Позор! Позор! Айхай, позор терплю!
К о б ы к т ы
От кого? От кого? Говори!
К о к л а н
От врага твоего ненавистного!
К о б ы к т ы
От кипчака!? Говори!
К о к л а н
От него! От него! Опозорил меня и тебя!
К о б ы к т ы (*своим людям*).
Видите ли вы ее?
Кто был очами моими,
Кто был ушами острыми?
Кто неистошимой мезтью моей был?
Не видят ослепшие глаза ваши?
К а з а н
Кеке! Ке-ке!

К о б ы к т ы

Узнайте, что у ней
Входы разрушены, своды сокрушены,
Из черных очей, ненаглядных
Слезы струей длиной с плетку льет (*к Коклан*),
Взволнуешься ты, словно горы рушатся,
Не пощажу ничего
Скажи, накажи их всех.

К о к л а н

Пусть потухнет светило неба, не жаль!
Пусть тени ночей сгинут, не жаль!
Уай, ай, уай-ай, ай хай ай-хай где ты!
Белый исполин с луны,
Беспощадный мой покровитель,
Круши мир недостойный.
Ыран-Коден, бед и невзгод источник,
Посей зло, сокрушай миры,
Да закипит жаркая ненависть и месть
Зу, зу, Арзу, Арзу
(*Беснуется в ярости. Рабы пали ниц в испуге.*)

К а р л ы г а (*склонившись перед Коклан*).

Гневная мать, всесильная
Воротись от яда горя.
Умрут в битве с твоим врагом
Сыны покорные тебе
Скажи только о своей беде...

К а з а н

Скажи о своей беде! Скажи!

А л ш а г и р , К о б ы к т ы

Скажи!

К о к л а н

Топтавший, как муравьев,
Сорока тигров стаю
Оборотень Самбул, он погиб!
Однокрылый булатный,
Из чрева земли извлекавший тайны.
Птица Аркалар, мой вестник,
В стенании меня оставила, погибла,
Саблю хвост лютый,
Готовый сражаться с небом, ярый

На поединке сражен,
Погиб, позором меня погубил.
Что ведомо вам, негодные?
Побиты они все единым врагом —
Сыном проклятого племени кипчаков
Юным дьяволом непобедимым
Твердым, как горный дубняк,
Неукротимым, дерзким,
Одним победителем Кобланды...

К а з а н

Кобланды?

К а р л ы г а

Кобланды!!

А л ш а г и р

Кипчак! Кобланды!

Ничтожные, кулана за коня сочтившие,

Змею в пищу обратившие

В гроб дедов ваших, нечестивцы,

Лишь один я сам

Зачем в землю вас не вогнал?

К а з а н

Гоготавших дикарей

Зачем я кожу с живых не содрал?!

К о к л а н

Изничтожил меня враг кипчак,

Луноликой красы Кортке

Освободителем явился

Забирает уже тот кипчак

(Алшагир и Казан разом соскочили с мест.)

А л ш а г и р

Что? Что сказала ты?

К а з а н

Кеке-ке! Кеке-ке, Кекке-ке!

(К Алшагиру, ослепленный яростью.)

От меня ты завидовал

Вот достиг своего, поганый Алшагир!

Поделом! Поделом, поделом! Алшагир.

А л ш а г и р

Ревнивец Казан, негодный Казан,

Почему только ты не враг мой,

Из-за тяжбы проклятой твоей,
Уходит вот красавица Кортка.
От тебя все я терплю.
От тебя.
К а з а н
От тебя, злодей Алшагир!
А л ш а г и р
От тебя, ненасытный, негодный Казан!
Бесценная Кортка!
К а з а н
Где найти мою Кортку? Кеке! Кекке-ке!
А л ш а г и р
Не твоя, а моей была!
К а з а н
Нет моей была!
А л ш а г и р
Ты жертвенный баран,
Она была моей!
К а з а н (*не находя ответа*).
Кеке! Кекке-ке!
А л ш а г и р (*дразнит*).
Шеке! Шеке!

Бросились друг на друга. Раздается грозный окрик Кобыкты: “Прочь! Прочь!” Бирсимбай встал между двумя батырами, разнял их. С истеричным хохотом, подобным рыданию, убегает взбешенная Коклан.

К о б ы к т ы
Бельде! Бельде!.. Бельде!
(*Батыры сели послушно.*)
Услышав про девицу, как петухи ошалелые
Перед курицей
Наохлились почему?
Подобно козлам горлодерам
Взбесились почему?
К а з а н
Ке-ке... Кеке!
А л ш а г и р
Молчи! Замолчи!

К о б ы к т ы

Прочь! Разъяренные оба
Упрямому кипчаку врагу
Какой удар нанесли?

К а з а н

Город отбил я Казан.

А л ш а г и р

Степи жег, стоны изверг,
Я беспощадный Алшагир!

К о б ы к т ы (*дразнит*).

Чудища, чудища какие,
Чудища, погляди,
Дутые пузыри, ложь!
Оба вы пузыри
Хоть за укусы мошки
Принял ваш грохот враг?
Видел я Кипчака в беде?
Видел я до единого
Зарезанного род Кипчак?
Проклятье, проклятье отныне
Пустому бахвальству!
Уже много сотен лет
Нет ненавистнее кипчаков врага.
Со времен славного Кейкауса
Не искуплена наша месть,
Нет ненавистнее кипчаков врага!
Наш царевич Сияуш
От чьей руки погиб?
Кипчаков водитель, кровопийца
Убийца Афрасияб
Когда бежал льдоспинными горами
Суровой дорогой Тантулик,
Преследуя Кейкаус,
Каким горем был скован?
Каким незабываемым гневом
На веки вечные клялся
Потомкам рода Кзылбас
“С рождения знать и жить мезью, запомнить,
Что нет ненавистнее кипчаков врага!”
Так завещал он потомкам.

Не исчезли кипчаки.
Клятва и завет мой только тот:
Не передавит, как муравьев,
Всех кипчаков живых,
Кобыкты от позора умрет!
Кто со мной бесповоротно,
Поклянется мне сейчас:
Кончены дни покоя
Все до единого в схватку!
Решите, дайте ответ,
Кто начнет, кто вслед пойдет?

А л ш а г и р

Алдияр!

Пусть первым идет набегом Казан,
Я за ним удар нанесу.

К а з а н

Снова охотишься
Не за кипчаком, за Казаном,
В битву мне уйти,
Чтоб без труда красавицу Кортку
Оставить на долю твою
За мою видно, вину?

А л ш а г и р

Уймешься ты, эй, Казан,
На поле брани только честь зовет,
Что ты слышал, что постиг
Из клятвы султана султанов?

К а з а н

Кеке!

Б и р с и м б а й

Довольно, довольно с вас
Перед кем вы здесь,
Где дерзнуть посмели
В батыры вас возвели,
А вы великанами мните,
Возгордились не в меру...
Пугает вас путь,
Скажите правду, не болтать!
Сам я за всех постою...

А л ш а г и р

Огнем меня сжигает,
Где бы ни был, с Казаном
Сталкивает меня зависть,
И все без жены жизнь влачу...

К а з а н

И я от твоей проделки
Лишившись жены,
Скоро в прах обращаюсь...

К о б ы к т ы

Прекратите вы, негодные?

К а з а н

Алдияр! Сними с моего пути
Зло мое Алшагира!

А л ш а г и р

Алдияр! Уйми ты Казана!

К о б ы к т ы

Кто отличится, тот бабу берет
Вы ли недостойные?
Разве в мире девица
Только Кортка одна?
Назовите только мне
Какая красавица отвергнет вас?

А л ш а г и р

Алдияр! Есть и другая на выбор!

К а з а н

Но из-за нее так же бьемся...

К о б ы к т ы

Коль мужчин двое, а девушка одна,
Как же не грызться за нее?
И она ушла от вас?

К а з а н

Из-за нашей тяжбы
Скоро и она уплывет.

К о б ы к т ы

Зло между вами
Из-за девиц, я пресеку,
Не уйдет от одного из вас
Назовите мне ее!

К а з а н (*Алшагиру*).
Ну, неужержимый Алшагир!
А л ш а г и р
Подумать, уступчивый какой!
Начал ты, досказывай сам!
К а з а н
Не сумею, не скажу...
А л ш а г и р
Почему?
К а з а н
Родной ты мой Алшагир!
Уж на этот раз ты сам
С меня нет толку совсем...
Пусть сгину, не скажу!
К о б ы к т ы
Говорите, я жду! Не скрывать!
А л ш а г и р
Алдияр!
За признание не карай.
К а з а н (*поддерживает*).
Не карай!
А л ш а г и р
Как Кортка насмехаясь
Обоих нас извела.
К а з а н
Извела...
А л ш а г и р
Медной флейтою певучая,
Лукавой притворщицей замучившая.
К а з а н
Замучившая.
А л ш а г и р
Сидящая возле тебя
Упрямая дочь Карлыга!
К о б ы к т ы
Карлыга?! (*Смеется будто каркая.*)
Бельде! Бельде! Бель-де-де!..
К а з а н (*обнадеживаясь*).
Кеке, Кеке! Кекке-ке!

К о б ы к т ы

Не должна такой быть Карлыга!

К а р л ы г а (*вскочила*).

Хан отец! Коке! Выслушай, хан коке!

Кто полон достоинства, власть над народом берет,

Кто заслужил честь, сердце девы берет,

А не имеющий ни достоинств, ни чести

Кого сукин-то сын берет?!

К а з а н

Ке-ке! Кеке...

К а р л ы г а

И Кортку отпугнули

Они, подобные гиене над падалью,

За какие прелести

Я себе их изберу?

Силой плеч горды?

Не польщусь, не выйду

Не пошажу, не утаю!

Пусть батыры они,

В бою я ли им уступлю?

И сама силой превзойду!

(Быстро выхватывает два кистеня Казана, играет ими

как мячами.)

И плюнуть поленюсь, не пойду

Не равны они мне,

Не соблазнят, не покорюсь!

(Кобыкты хохочет по-прежнему.)

К о б ы к т ы

Соблазнились, они правы,

Девушка одна

И тягаться должны.

К а з а н

Кеке! Ке-ке должны...

К о б ы к т ы (*сурово*).

Бельде! Бельде, бельде-де!

Кончено, слушать мое повеленье!

Сокрушая кипчаков,

Казан начнет набег.

Осмотрительным ударом Алшагир

Сбоку добьет.

Не достанется кипчаку
Девушка Кортка краса,
Седок краснорыжего коня
В краснопестром наряде
Воин Ерена возьмет,
Но не будете биться меж собой,
Возьмет первый, кому достанется,
Но и второму есть награда!
Погруженную в золото
Карлыгу мою возьмет...

К а р л ы г а

В дар! В дар отдать меня?
Хан коке! Что ты изрек, хан отец?!

К о б ы к т ы

Сказано, повеленье, решено.

К а з а н

Кеке-ке-ке!

А л ш а г и р

Асыр, асыр-ассыр!

К о б ы к т ы

Несите, клятвой скрепим
Месть смертельную кипчакам.

К а з а н *(приказывает своим).*

Подать кровь кипчаков
На крови врага клятву совершим.
(Подают в медном тазу кровь убитых кипчаков.)

К о б ы к т ы

Погрузить руки в кровь, всем батырам идущим
За мной, следующим по пути мести моей!

*(Погружают руки Казан, Алшагир, Бирсимбай. Карлыга
остается в стороне, не участвуя в клятве. Слова клятвы про-
износит Кобыкты, остальные повторяют.)*

Создатель Танри, милостивый повелитель,
Свидетелем тебя призываю
Коль у дешт-кипчаков не
Отберу силой все земли
И на их же полях могилы
Перебитым до одного
Кипчакам не уговорю,
(повышая голоса)

Коль не достигну этой клятвы
Пусть бездонное небо поразит,
Пусть волосатогрудая земля поразит,
Пусть повелитель-молния сразит,
Пусть гневная мать-огонь поразит, огонь поразит!

ЗАНАВЕС

III АКТ

Третья картина

Свадебный пир луноликой красавицы. Орда батыра Кобланды. Свадебная свита юношей и девушек, группа музыкантов, певцов. Выходят во главе шествия старших рода Тохтарбай и Аналык. С ними Караман.

Аналык (ожидая появления молодых, держит в руках два светильника, также ожидает и Тохтарбай).

Повелитель добрый, о, Камбар!
(Молитвенно приставив светильники ко лбу.)

Радость светоча моего
Дай в добрую пору, счастливо встретить!
Ведь я была когда-то,

Не ведавшая родного верблюжонка

Белой верблюдицей печальной

В стенании, Аналык!

Горестных тех дней мечтой давней

Не этот ли был миг?

(Появляется шелковый разукрашенный полог, на нем изображения духов. За пологом идут невеста и жених, с ними свита.)

Иди, приди моя луна краса!

Отцом тебе стану я сама, матерью стану я сама!

Тохтарбай

Слава тебе, дочь моя!

Счастья пути твоему молю,

Ожидают тебя родные,
Молю, чтобы сын одиноким не был,
Цветите, плодите, множитесь!
Обращаясь всей своей мольбой,
Парный светильник свой зажгу!

Делает и он молитвенные поклоны. Полог расходится, видна Кортка.

Около нее Кобланды, Карлыгаш, Шуак. Жених и невеста подходят к родителям, с глубоким поклоном становятся на колени. Зажигаются парные светильники на руках у всех старших. Над головами и вокруг у молодых сияют одни огни, парные светильники.

Исполняется торжественный обряд почитания огня-матери.

Т о х т а р б а й *(начиная обряд)*.

Светильник парный пламенея
К тебе одной обращаюсь
Мать-огонь, благослови!

Н а р о д

Мать-огонь, благослови!

Т о х т а р б а й

Горячей, как пламя, дружбой их осени,
Неразлучной долгой сотвори
Супружескую их радость,
До старости неиссякаемую.

Н а р о д

До старости неиссякаемую!

Т о х т а р б а й

От заклятий жестокого Кайракана

От бед его, сама охрани!

Кутающихся во мрак

Неистовых в черные ночи

Духов злых, мстительных

Коварных и жадных

От двойняшек моих отстрани,

Негасимым светом их жизнь освети,

Великая покровительница ты одна,

Мать-огонь, благослови!

Н а р о д

Мать-огонь, благослови!

С четырех сторон сцены загораются четыре огромных пламени. Это огни жертвоприношения, обращенные к четырем сторонам света, откуда могут придти добро и зло для новобрачных. Жених и невеста поклоняются каждому пламени поочередно. Народ продолжает повторять “Мать-огонь, благослови!” Кончился обряд. Потухли огни.
На сцене оживление.

К а р а м а н

О дорогие вы, отцы и матери наши!
Да будут услышаны ваши мольбы
Утесы вы, защита наша!
Но лишь бы невестка ваша не была злокой!

Кортка в смущении. Часть из старших смеется, понимая шутку сверстника-курдаса Карамана.

Не успела прибыть, а уже она повелевает. (*Карлыгаш старается успокоить Кортку.*) Довести до нас приказала мне. Женились не они, а мы. И пусть говорит, не томят они, а дадут нам вкусить нашей радости и дадут нам начать наши веселья. Уже пора, говорит она. Вот тут стоит и сама... (*Смех.*)

А н а л ы к

Не скажет так моя умница родная.

К а р а м а н

Не скажет? О бедная, доверчивая мать моя!

К о р т к а (*к Карлыгаш*).

Уняли бы его, защитили бы меня, мука моя!

К а р л ы г а ш

Об играх и веселье говорит не Кортка, а мы говорим.

К а р а м а н. А смотри, вон... видела? И Карлыгаш она приказала, как давече мне... Да она еще пуще скажет. Разве не знаешь мать моя, ведь недаром она дочь злойки старухи Коклан. А сама злая такая, что мать рядом с ней только скромный, серый ягненок.

А н а л ы к

Уймись, не стесняй мою птичку.

Не мучь перед старшими...

К а р а м а н. Кайракан! Да разве наедине она пощадит меня? Растерзает. Лучше не станем ее злить и перейдем к пиру и весельям.

Н а р о д

Начинайте пир! Счастливый, светлый пир!

А н а л ы к

Все мольбы мои за них,
Достань радость безмерную
Моим деткам золотым!

Старшие уходят. Караман подходит к молодым.

К о р т к а (*смеясь*).

О курдас неумолимый!
Таков ты в дружбе своей,
Каким же ты станешь, если бы стал врагом?

К а р а м а н

И чуть врагом уже не называешь,
Но если враждовать, так начну мстить сейчас же.
Тут же разлучу Кобланды от тебя.
Серогривый выходи. Пир-веселье, начнем.
(*Кобланды отходит от Кортки.*)

Они уходят. Молодежь группами отходит в приготовлениях к пиру.

На сцене Кортка, Карлыгаш и Шуак.

К а р л ы г а ш (*к Кортке*).

Не расстроил тебя Караман?
Свет сердца не туши,
Обидой себя не томи.

К о р т к а

Луна моя¹, о том не говори,
В этот миг мое сердце
Ни одна шутка не помутит

¹ Луна моя – это имя, данное Корткой Карлыгаш. По обычаю она не имеет права называть собственными именами родных мужа, а должна давать свое ласковое имя.

Сказать ли мне вам обоим
 Волнующую тайну моей души?
 К а р л ы г а ш
 Скажи родная, сочти другом сердечным.
 К о р т к а
 Моя луна, с сердцем принимаю!
 Чуть я глаза сомкну, свет невиданный
 Ласкающий меня вижу,
 Утопаю я в нем...
 Когда в вешние дни величаво
 Лазурному небу ласкаясь
 Плавно скользила пушистая тучка белая
 Ее, как знак счастья,
 Всегда над головой мечтала я иметь.
 Не в вышине сейчас,
 А в белом куполе своем вижу...
 О вы, друзья юные мои,
 Не осуждайте меня
 Радость пьянит меня...
 А в годы сгоравшей юности моей
 Не наяву, а хоть в видениях узрела бы этот день
 Увидев, уходила бы от жизни, не сочла бы себя
 ушедшей,
 Оставив недостигнутые мечты.
 К а р л ы г а ш
 Светлого сердца голос.
 Будто лунное сияние, тайны свои
 Твоя душа излучает...
 Рада я, льщусь,
 Только запомни, родимая,
 Моли не о счастье коротком!
 Ш у а к
 Не кратким, а счастьем безмерным
 Благодарно назвал бы я
 Лишь бы тот мираж, что я жду
 Как судьбу свою, явился мигом таким.
 К а р л ы г а ш
 Будто отвергнутые вы
 Будто желания утолили,

Короткий миг за много считать
Решились вы почему?

Ш у а к

Когда мечты далеки,
Мольбам не достичь до них,
И душа бессильна,
О, милая Карлыгаш,
Горе, печаль горчайшая
Как не скажется сама?

К а р л ы г а ш

Почему, как молнию булат,
Тайна тайну не притянет?
Почему не скажется вся,
Разрушив затворы,
Правда, выйдя на волю?

К о р т к а (к Шуаку).

Спутником моим ты был
За долгий путь из дому,
Осторожно наблюдая за тобою,
Пламя скрытое в тебе вижу,
Выпусти его, юный друг,
Чем охвачена душа
И чем надежда опалена?

Ш у а к

Не рассказать ли мне
Не дождавшуюся искателя своего тайну,
томившуюся в душе?

К о р т к а (к Карлыгаш).

Проси же луна моя, пусть скажет.

К а р л ы г а ш

Не лучше ль думой своей
Ведать ему самому
И сердце его поводырь
Само бы без нас вело?

Ш у а к

Дать власть сердцу моему! (Подходит Кобланды.)
Оно переполнившую тайну
Участливым близким откроет... (К Карлыгаш.)
Одна тайна души
Она свет силы непобедимой

Пусть в узком подземелье сию,
 Ей, утешительнице, поклоняюсь,
 Пусть против лютого врага.
 В кровавом бою стрелу пускаю,
 Ей, звезде моей, посвящаю,
 Уста молитву шепчут ей,
 За краткую жизнь, посильно
 Скрывая от мира,
 Одну ее я храню
 И только ныне сказалась.
 Милая Карлыгаш,
 Не раскрытые мечты
 К твоим стопам пали ниц (*Карлыгаш смущена.*)
 Иль лучше бы не раскрывались?
 Лучше ли было, если б не сказались?
 Изрек, а терзаюсь,
 Робею, но это была тайна моя!

К а р л ы г а ш
 Крепко связанный узел тайны
 Иль сама встревожила я?
 Не сама ли покой души нарушила?

Ш у а к
 Вешнему солнцу доверяясь,
 Раскрылся бутон,
 Душевная тайна сказалась,
 Вверяя все тебе подобно этому бутону, Карлыгаш!

К а р л ы г а ш
 Шуак! Неожиданно тайны новость
 Удерживает, поймите!
 Только молчать могу я сейчас...
 Нет ныне ответа моего
 Как знак приметный мой.

К о б л а н д ы
 Карлыгаш, крыло мое!
 Шуак брат, соратник мне,
 В испытаниях суровых
 Стойкий, верный мне!
 Когда любви слово молвит, друг
 Я пламенем возгорал!

Сколько грусти раскрыл Шуак
Разве не достойно было ответным словом утешить?!

К о р т к а

Стесняет, быть может, луна моя,
Невольная свидетельница,
Не делившаяся тайнами прежде?

К а р л ы г а ш (к Кортке).

Пусть прежде не делились,
Но по воле Танри
Всех тайн моих участницей,
Душой слившейся родной будешь,
Ни скрывать, ни смущаться тебя б не стала
(Шуаку.) В великий день моего гнезда,
На пиру милого брата Коблана
Всей душой одной мольбе предаюсь,
Не разделюсь мыслями своими
Тайной особой моей
Только одно скажу тебе —
Будь невредим, где бы ты ни был,
О благополучии твоём буду молить,
Много молить, много думая.

К о б л а н д ы

О жизнь! Жизнь! (Целует Карлыгаши.)
Доволен я тобою, родная,
Рад речам твоим! (Шуаку.)
Возлюбленная — пламя, мы — булат,
Опаленный пламенем булат
Крепче для боя готовым станет.
Друг отважный, будь доволен
Радость до нас достигшая сегодня
Не заставит долго ждать
И к тебе придет!
Взяв верную супругу свою,
В новый, скорый пир
В белый купол свой войдешь. (Обнял обоих.)
(Обняв затем Кортку.)
Нежная, любимая луна, краса моя!
Плодится — жизнь растет

Цветет — куст растет
Двойняшками нам, ягнятки будут
В счастье заживут.
О жизнь, жизнь!
Ныне от неги я пьян, слабею я!
Если не вижу миг сияние твое,
Будто померкнет светило,
Тревога сердце одолеет!

К о р т к а

Радость моя, терпеливой опорой будь!

К о б л а н д ы

Нет ныне терпения во мне
Трепещу и безумен, как дитя!
Слаб я, сама силой будь! (*Целует.*)

Шуак делает глубокий поклон Караману, за ними вся группа молодежи.

К а р а м а н

Уай, люди, слушайте глашатая! Старая Аналык,
Престарелый Тохтарбай
В долгих горестях долгожданного Коблана
В путях-походах
Как соратника мне
Приданного с надеждой,
И с талией тонкой, как волосок,
Нежно-стройной, как стебелек,
Его возлюбленную Кортку
Веселить бескрайне нам велят,
Всем повелевать мне,
Всю власть вручают,
Одному мне доверяют.

К а р л ы г а ш

Рады мы, веди один!

К о б л а н д ы

Веди и уж, начинай!

К а р а м а н

Толк в моей власти будет
В том, что сохраню свою месть к Кортке

Ведь клятвенно воду пил не щадить
И о том громогласно возвещаю
За мной следуйте вы все,
Не дадим быть им одним,
Пусть томятся порываясь,
Молить станут, не сдадим,
И сорок ночей игры, сорок дней пиры
Не расходясь отпразднуем!

Г о л о с а *(со смехом восторга)*.
И сорок ночей игры, сорок дней пиры
Не расходясь отпразднуем!

Вдруг врывается резкий, тревожный звук боевой трубы.

К а р а м а н
Кайрахан! Эй, кто это замычал?
К о б л а н д ы
Это же похода трубный звук!
Ш у а к
Враг или недруг, откуда он?
Как суровый путь ведет?
(Выходит.)

За сценой слышен топот скачущих коней. Окованный в латы седобородый батыр стоит на коне, опираясь на пику. Это Аккозы.
Он кличет рати своей.

А к к о з ы
Вскачь, вскачь неситесь, догоню!
(Слышно как проскакала рать к подходящему Шуаку.)
Жив, жив, жив будь!
Ш у а к
Свой, свой, свой будь!!!
(Внутри орды.)
Свой, свой, о, Камбар!
Ш у а к
Здрав будь, батыр Аккозы!
А к к о з ы
Будь невредим! Спешу я, есть ли сын батыр Коблан?

К о б л а н д ы *(выйдя)*.

Куда держишь путь?

А к к о з ы

О пути моем лучше б не знал!

Неугомонный враг Кзылбас

Кровожадным Казаном ведомый

Набегом нагрязнул на Киятов

Мужам гибель, народу беды

Людей, стада угнал!

На коня, не мешкая, Шуак!

Не отомстим, нам не жить

Не отставай и ты, Караман,

Скачи с батыром вместе.

Доскакать, догнать меня

Вскачь, честь спасая!

(Ускакал.)

Ш у а к

Можно ль не скакать?

К о б л а н д ы

Гнусный Казан, наконец

До встречи мы дошли!

Мнишь, защитить некому, мнишь,

спастись не могут?

Кровавые когти запустил

Безвинному, мирному народу вольному моему?

(Снова слышна скачка. Прносятся воины. Остановился

батыр вожатый. Это Косдаулет.)

К о с д а у л е т

Чья рать впереди меня?

Ш у а к

Аккозы несется лавой!

К о с д а у л е т

Отчего ты стоишь, Кобланды,

Почему не на коне?

К а р а м а н

Только сейчас мы узнаем.

К о с д а у л е т

Так не спешите почему?

К о б л а н д ы
Узнал ли кто еще
Кроме киятов в беде?

К о с д а у л е т
Беда не минует и всех остальных,
Набег на ногайцев еще направил
Да зубы точит на кипчаков
Волком в стадо хочет ворваться Казан
На коня, только быстро на коня!
Скачи вперед, аламан! Аламан!¹ (*Ускакал.*)

Ш у а к
Веди тулпара, Аламан. (*Убегают его слуга.*)

К а р а м а н
Веди тулпара серогривого
Веди самого Тайбурыла!

Ш у а к
Не нужно тулпара, Коблан!

К а р а м а н
Что? Что ты сказал?

Ш у а к
Сказал так! В день свадьбы, в один только день
Не дать покоя ему?
Для чего защитником народа зовусь!
Не скачи, Коблан, на этот путь!

К о б л а н д ы
Родной, крыло мое
Сил не щади за народ
Счастья, пути храброго, желаю!
Не задержусь за тобою, пламенем на врага!
(*Шуак уходит.*)

К а р а м а н
Шуак ускакал, скачут аламань!
Будет ли удача? Все во тьме!
Народ в ужасе, сыны в испытании
Зачем мы отстали, почему не несемся мы?

К о б л а н д ы
Послушай, друг Караман,

¹ Аламан — призывный клич к бою.

Бессилен я сейчас
Любовью я побежден
Дай повременить один миг?
К а р а м а н
Что за миг, о чем речь?
К о б л а н д ы
Не трепещи, не суетись!
Жестокие речи все шутки,
Когда в радостях жигит!
Отправлюсь, не ворочусь долго,
Чужбина в даль поведет
Как не пощажу Кортку мою?
В час священный мольбы
Божеством моим избранную
В пылкой, трепетной юности моей?
Одно слово молвлю я Кортке!
(Вошел в орду. Здесь и Тохтарбай с Аналык.)
Веселье ваше долгожданное
Будто бурей разносит...
Но безвинны вы отец, мать,
Золотое гнездо мое,
Нет вины и за тобой
Чтоб день не наступая угас...
Но смею ли я!
Пора бедствием народу настала,
Могу ли спокойно слушать,
Его клич призывает боевой,
Волен ли я мешкать здесь!?
А н а л ы к
Радость моя, Коблан мой
Молит мать у тебя,
Не справляя свадьбу свою,
Не удаляйся от меня.
К а р л ы г а ш
Не езжай, брат *(Коке)*,
Чтоб так радость прерывать
Ужель так смутился ты врага?
К о б л а н д ы
Хоть достиг мечты назвать своей,

Но полдневного света стало много
Для нас, что ты скажешь, моя Кортка?

К о р т к а

Остановить я не смею,
Мне ли удержать,
Когда честь зовет,
Народа честь, батыра?

К о б л а н д ы

Избранница моя, Кортка!
Ты на врага идти велишь?

К о р т к а

Милостивый повелитель
Пусть только хранит тебя там.
А когда будешь вдали ты
В тяжелой битве истощен,
Беззащитных нас здесь
Как бы ни терзали, мы потерпим.
Великим богам надеясь,
Не задерживайся батыр, в путь!
Не задерживайся.
Счастья льву моему в походе желаю,
Ничто кроме мольбы,
Ни мыслей кроме тебя,
У связавшей жизнь свою с суровыми
Путями твоими, нет у горестной, слезной
Кортки твоей!

К а р л ы г а ш

Не уходи, Коке, я молю,
Не уходи в этот путь!

К о б л а н д ы

Уйду, родная, не моли,
Решено, нет задержки!

Ведите тулпара Бурыла! *(Караман и жигиты срываются с мест.)* Несите доспехи мои. *(Кортка начинает сама снаряжать батыра. Аналык в горе.)*

К а р л ы г а ш

Упорным ты был, как горный дубняк,
Скрыть я не в силах, когда несметные враги

Злобно нас окружают,
Кому, любимый брат, нас ты поручаешь?
К о б л а н д ы (*сурово*).

Когда в схватку иду
С оглядкой речь не заведу,
Благополучие в жертву
Плачущему роду принесу...

Т о х т а р б а й

Не удерживаю с пути,
Муж для народа родится,
Когда молил у Танри,
Не просил, чтобы ты родился
Для Аналык и для меня.
Но не кличь злобу на себя,
Горделивого слова сторонись,
Если мстительного повелителя заклятье
Накличешь и оступишься, буду неутешен.

К о б л а н д ы (*разъяренный*).

Нет, нет,
Несясь на брань,
Горным потоком обрушусь,
Биться, умолая, не стану,
Я, молния, не ведающая начертанных путей,
Нешадно поражать
И жечь только умею...
Какая злоба не встретится
Биться насмерть постою
Вызов бросаю, только вызов почитаю,
Леса заполнившие табуны
Недремлющему врагу доверяю,
Поля заполнившие стада
Голодному волку доверяю,
Клыкастому лютому
Молодому волку доверяю!
Отца и мать старых моих,
Карлыгаш, душу мою,
Другом — супругом покидаемую,
Сердцу милую мою,

Всех, кто выше жизни моей,
Жалея, все же скажу,
Злобному богу доверяю.
Только одной мольбой ведомый
К одной цели спешу
Лишь честь и месть искупить,
Когда все за них я приношу,
С одной только думой иду,
Один только этот мой путь
Одну только мольбу
Великому Танри обращаю!
(Взяв в руки оружие.)
Подать тулпара крылья мои
Скачи же, друг верный Тайбурыл!

Уходит. У всех в руках загораются молитвенные парные светильники,
все склонились в молитвенной позе.

А н а л ы к

Пламя горячего юнца
Ветренное слово не примечай,
Людей покровитель, Камбар!
Родимого звезду
Справа засвети, Камбар,
Светлой мольбой возведенный
Белый купол его не разрушь,
Душ покровитель, Камбар!
Юную мольбу доверившей
Только явившейся его подруги
Белый лик печалью не суши
Счастья источник, Камбар! О Камбар!

Все присутствующие делают поклоны четырем сторонам света.

З А Н А В Е С

Картина четвертая

Курган Каскарлы — крепость батыра Казана. Рать Кзылбасы ожидает погоню в засаде. Наверху кургана Казан. Он одет в латы.

На лицах батыров маски хищных животных.

Воины проносят награбленное имущество.

К а з а н (*нукеру*).

Не своди ока

Где идет погоня

Озирайся кругом

Кто пылит там?

Кто эти?

Доскачут, доложи мне.

(Сам спускается вниз. Перед ним проводят пленниц. Казан, важно вскидывая кистени.)

Кеке! Кеке! Кекке-ке! *(Повелительно.)*

Пусть не уводят девушек Кзылбасы,

Отправить велю всех ко мне

Все пленницы наградой

Будут батырам достойным.

Я сам одарю

Львов храбрых моих.

Девушки кипчаков усладят их!

Кеке, Кекке!

Н у к е р (*сверху*).

Алдияр! Повелитель!

Погоня достигла нас!

(Казан поднимается на курган, около него группа батыров.)

К а з а н (*спокойно*).

Пусть ближе, ближе подойдут,

Сброшу шлемы медные,

Кровавыми уборами украшу.

(Стремительно выходит 1-й военачальник. За ним видна часть погони.)

Кеке! Кекке-ке!

Стой, слушай меня!!

1-й военачальник

Не речи заводить мне!

Казан

Биться захотел? Кекке?

1-й военачальник

Биться насмерть пришел. *(Бросается.)*

Казан

Иди, подойди ближе. *(Ждет. Военачальника встречают с наставленными пиками нукеры Казана.)*

Твоя рать не вся в сборе,

А моя ждет вся наготове.

(Нукерам, преградившим путь военачальнику.)

Отойди, пусти сюда!

(Военачальнику.)

Иди, иди, окинь взором.

(Военачальник около него, смотрит за курган.) Смотри, стеной нерушимой, тьмой несметной рать стоит!

Не трону твой жидкий строй!

Кинешься сам, растопчу

Собери силы, дам срок!

1-й военачальник

Что ты молвишь мне

Откуда такая доброта?

Имел бы честь всегда

Народ мирный мой

Ограбил бы разве, как вор?

Казан

Хоть народ твой наказал

Смерчем неожиданным

Не обману воинов

В схватке равной побью!

Иди, жди своих!

Не рвись без них. Кеке! Кекке-ке!

(Военачальник подходит к своим, навстречу выходит только явившийся 2-й военачальник.)

2-й военачальник

Кият! Кипчак! Кипчак! Кият!

(Воины рвутся вперед. 1-й военачальник останавливает жестом руки.)

- Ты сдурел, Аккозы,
Что медлишь, не бьешься?
- 1-й военачальник
Стой, жди батыров всех,
Дымкой маленькой наших сил
Не место лезть на гибель,
Видел все я сам —
Тьмою рать стоит!
- 2-й военачальник
Не бились мы, считая врагов,
Какой позор ты начал?
Зачем скакали мы?
- 1-й военачальник
Молчи, Косдаулет, не бурли,
Довольно гибели народа,
Чтоб беспечно губить
Не враг я дружины моей!
(Подскакал 3-й военачальник.) Все ли батыры тут?
- 3-й военачальник
Почему нет боя?
- 1-й военачальник
Время боя
Только я назначу
Не дело твое!
Кто скачет за тобой?
- 3-й военачальник
Воинов Ногайлы
Собрав наспех,
Многоплеменный Шуак
Скачет за мной.
- 1-й военачальник
Пусть прибудет Шуак (3-му военач.)
Каракорен гадатель,
Что гаданье вещает?
- 3-й военачальник
Вестимо без крови
Рать не воует,
Явился ли Коблан,
Опора юная моя?

1-й военачальник
Знать молчит без него гадатель?

3-й военачальник
С честью спасет,
Только он заступник
Обиженных родичей,
А его нет здесь!

1-й военачальник
Не явился он
Не спешит в путь
Спасти народ.

К а з а н (*сверху.*)
Кеке, Кекке-ке!
Пора! Довольно я ждал!
Готовы ли вы?

1-й военачальник
Уловкой хитрой ждал
Не я, а ты кровожадный,
Не жди, я готов
Не болтать я пришел.

К а з а н
Выходи тогда, выходи!
Всему я зачинщик,
Народ не повинен мой,
Мсти мне самому,
Победишь меня, рать покоришь,
Решаю я, выпусти батыра
Против меня, я вызываю
Вызываю на поединок! Поединок!

(Раздаются возгласы со всех сторон кургана: Поединок!)

Поединок!)

1-й военачальник
Требует поединка!

2-й военачальник
Не место отказу,
Не место торгу!

1-й военачальник
Не могу отказать,
Когда хочет поединка.

3-й военачальник
Назови, батыр Аккозы,
Любой из нас
На врага пойдет,
На честный поединок!

1-й военачальник
Кого же назвать мне...
Чтоб доверить народа честь,
Доверить мечь мою
Нет льва черногривого,
Нет со мной Коблана?

Г о л о с а

Где? Где он замешкался? (*Растерянность.*)

К а з а н (*во всеоружии выделился один.*)

Выходи, выходи, пора, выходи!
Где соперник мой
Или сдохли батыры ваши? Кекке!
Я сам его вызываю
Шлите ко мне Кобланды!
Защитой кипчаков хочет стать
Из рабства моего освободить
Задумал нагло Кобланды
Выставьте его против меня!

1-й военачальник (*в смятении.*)

Снова кличет он,
Сгубил ты? Проглоти меня земля!

(*Явился Шуак. Слышит клич Казана. "Поединок!", "Поединок!"*.)

Ш у а к

Поединок он просит,
Кого пускаешь, Аккозы?

1-й военачальник

Сгинуть бы мне,
Требует только его
Где, где Коблан?

Ш у а к

Разве нет батыров иных,
Разве нет стойких сердец,

Какой позор мне несть,
Дай поединок, Аккозы,
Назови меня, я иду! (*Готовится.*)

1-й военачальник
Нет не ты, не ты!
Скажи, скажи только мне
Где скачет Коблан?

Ш у а к
Сегодня не прибудет Коблан!

3-й военачальник
Что же держит его?

Ш у а к
Он только невесту привел...
Я остаюсь велел, клялся сам заменить его.

К а з а н (*нетерпеливо*).
Кеке, Кекке-ке!
Когда, когда же ты
Негодный дикарь!

1-й военачальник
Сгубил ты, Коблан!

2-й военачальник
Торжествует вор!

Ш у а к (*готовясь*).
Дай черед мне
В поединок сам я иду. (*Казану.*)
Иди, выходи в бой!

К а з а н
Кекке! Ты струсил, Коблан
А ты идешь испытать!
Ты жаворонок отроду
Ястреб я когтистый.
Иди, смерть навстречу тебе!

Ш у а к
За народ безвинный мой,
За честь мою
Клич гордый кину я,
Пусть вознесется до небес!
Кара Кипчак! Кара Кипчак!
(*Идет быстро.*)

1-й военачальник
Счастья, счастья, тебе!
Племя юное мое!

Идет поединок. Убит Шуак. Кипчаки безмолвно поникли
и будто переломал хребет, они в горе.

К а з а н
Кекке! *(Повелительно.)*
Побежден ты, враг, побежден!
Побежден дикарь, побежден! Кекке-ке.
Г о л о с а *(с кургана).*
Побежден дикарь, побежден!

Раздается долгий боевой клич.

3-й военачальник
Стой! Стой, послушай!
Клич набата несется! *(Здесь прислушались. В группе Казана еще не слышат.)*
К а з а н
Побежден! Кекке!

Раздается отчетливый клич Кобланды. Будто по небу со свистом могучих
крыльев проносится орел к добыче.

1-й военачальник *(за ним все кипчаки).*
Молю, молю тебя,
О, Танри!
К а з а н *(догадавшись).*
Кекке, кекке!
К о б л а н д ы *(с зычным кличем проносясь на пепельно-сером коне Тайбурыле над курганом — над сценой).*
Кара Кипчак. Кара Кипчак! Кара Кипчак!
(Исчезает по другую сторону сцены.)
К и п ч а к и
Танри, Танри, великий Танри! Жертву, жертву тебе!
К а р а м а н *(выбегая).*
Ну вот и я доскакал.

Г о л о с а

Почет, почет тебе, друг батыра!

К о б л а н д ы *(сверкнув мечом, вскочил на курган, где стоял Казан).*

Поединок! На поединок зову!

К а з а н

Кеке, Кекке-ке!

Я звал на поединок биться с народом Кзылбас,
меряться со мной.

Кто ты?

К о б л а н д ы

Зачем тебе знать?

Мститель беспощадный

Я, заступник за народ!

К а з а н

Кто отец твой?

Кто мать твоя?

К а р а м а н *(не выдержал, вскипел).*

Ослепни, собака Казан!

Наказать тебя явился.

Это сам Коблан.

(Своим криком он нарушает условие поединка.)

К а з а н *(возмущенно к Кобланды).*

Унять его, невежду!

К а р а м а н *(не унимается, когда хотят его удержать свои люди).*

Знать не хочет Коблана.

Я заставлю тебя узнать...

1-й в о е н а ч а л ь н и к

Уймись, прочь, Караман!

К а з а н

Кекке! *(Грозно.)*

Уймешь ли его?

К а р а м а н

Уйму тебя я сам *(как взбешенный.)*

В землю вгоню! Убью.

К о б л а н д ы *(кричит военачальникам).*

Уймите лай его...

Уймите собаку!

К а р а м а н *(в воздухе на руках Аккозы)*.
Раздавлю сейчас же.
А к к о з ы *(трясет беспощадно. Смотрит ему в лицо)*.
Эй, безумный, очнись.
Ты портишь обычай поединка!
Взбесился ты? *(Караман молча уставился на Орака.)*
Впереди Кобланды, сзади рать, этим ты опьянен?
Завидев волка, забежав в юрту,
Неугомонно лает трусливый щенок, не ты ли это?
К а р а м а н
Щенок? Неугомонный? Неужели?
А к к о з ы
Да, да точно!
К а р а м а н
О как уничтожил ты меня!
Раздавил то-то-то-то того видно и
Надо было мне! *(Успокоился.)*
К а з а н
Кеке! С тех пор как я Казан
Из всех моих врагов
Самый ненавистный — ты
Кипела кровь ненависти,
Лютой вражды во мне...
Ты дошел до гибели своей! Кекке! Кекке!
Коня своего крылатого,
Латы, что на тебе,
Без боя пока жив
Поднеси за грехи свои!
К о б л а н д ы
Конь тулпар подо мной
Выхолен для боя
Не отцом твоим для тебя
Латы — сталь на мне,
Чтобы хищный Казан носил
Не молят, не хотят!
На уничтожение тебя
Со светлой надеждой кованы
Преданной мне рукой
Верной супругой моей!
Чтоб мольба ее не сбылась,

Чтоб не исполнилось ее веление
Кортка моя не смертная простая!

К а з а н

Кортка? Кекке-ке! Выходи!

Только я растерзал

Одного твоего смельчака

Отправив за ним,

Потушу и голос твой.

Выходи! Кекке!

К о б л а н д ы (*своим*).

Кого убил, о ком он сказал?!

1-й в о е н а ч а л ь н и к

Мсти, ему, не щади

От рук этого врага

Смерть принял твой Шуак!

К о б л а н д ы

Шуак мой! О брат мой, Шуак!

(*Кидаясь.*) Умру, сгорю за тебя,

Но кровь кровью смою!

Раздавлю врага, раздавлю!

Иди, иди!

Начался поединок. Молят за батыров обе рати. Кобланды сбивает

Казана, ударяя кинжалом.

Мечь, мечь моя, не пошажу! (*Убивает.*)

1-й в о е н а ч а л ь н и к

Аламан! Аламан! Побезден враг! Аламан!

(*Кипчаки кличут: Аламан! Бегут за сцену.*)

К о б л а н д ы (*военачальникам*).

Спешите поскорее

В крепость всей ратью

Из плена позорного спасите

Всех, всех, спешите,

Я остаюсь на кургане,

Буду ждать здесь, скачите поскорей!

1-й в о е н а ч а л ь н и к

Скачи крушить орду,

Спаси народ! Аламан!

Уходят, остаются Кобланды и Караман.

К а р а м а н *(хвастливо)*.

Как наказали мы Казана!
О как пир наш испортил,
Как на нас налетел!
Я знал, знал, что кончится так!

К о б л а н д ы *(рванулся к трупу Шуака, обнял, горько зарыдал. Терзается в муках)*.

Бесценный, родной мой!
Тебя ли смерть взяла!
Отстав от тебя,
Мне ли было жизнь волочить!
Соратник в кровавой сече
Непокорный среди каменных теснин,
Дав убить тебя врагу,
Для какого позора мне жить?
Через меня, через меня гибель твоя!
Через меня, раскисшего в любви.
Твоя, твоя вина, Коблан, кару неси!
О народ, родина, с чем явлюсь я к тебе?
Не быть защитником народа тебе?
Не быть другом храброго в бою
Проклятье, проклятье тебе, Коблан!
Умри, черноликий Коблан!

Опозоренный, проклятый Коблан! *(В страшных муках отчаяния и раскаяния падает без чувств.)*

К а р а м а н

Сказал, сказал я тебе *(в сторону врагов)*
Только так наказываю я
Я, я такой всегда, —
Не возвращался не уничтожив,
Не вознесясь высоко!
Не было пути неудачного
Счастливцев я, счастливцев я!
(За сценой слышно приближение Коклан. “Зу! Зу! Арзу!”)

Караман *озирается.*)

Ой, кто это, Кайракан?
Или снова злодейка?

Ну попробуй, подойди
Уничтожу я тебя *(но сам начинает слабеть как замороженный)*.

Уничтожу! *(Одолевает его неожиданный сон.)*
Что со мной? *(Смотрит на Кобланды, а он храпит.)*
Кокжал, серогривый
(Караман стоя дремлет.) Ко...жал!
(Впадая в сон.) Ку... Кук... Кук...! *(Захрапел стоя и свалился. Вышла вооруженная Карлыга).*

К а р л ы г а *(собираясь ударить саблей Кобланды).*
С давних дедов времен
Извечной вражды
Носитель, лютый кипчак,
Нет пощады тебе! *(Нагнулась.)*
Руби, сабля, не щади! *(Замахнулась, но не рубит.)*
Что за лик у него?
Будто в безвинной колыбели
Неизведавший зла
Малютка беспечный *(Остановилась. Раздается "Зу!*
Зу!") Выбегает Коклан, за ней грозный Кобыкты.

К о б ы к т ы
Бельде! Бельде! Бельде! *(Карлыге.)*
Опередила ты меня,
Я верил мечу твоему,
Ты уложила врага?

К а р л ы г а
Я тебя жду, хан Коке.

К о б ы к т ы
В кровавом пути нет почета старшинству
Не поклоняются ли одному здесь верному мечу?

К а р л ы г а
До меча повалила их *(указывая на Коклан),*
Сила гневной матери.

К о к л а н
Зу, зу, арзу! Отруби, отруби голову, Карлыга
Он самый ненавистный враг.

К о б ы к т ы
Сгубивший Казана. Бельде! Бельде!
Крепость в прах обративший

Выть заставивший Коклан
Горем растерзавший
Он ли враг нечестивый?
К о к л а н
Все он! Убей!
К о б ы к т ы
Сгубить я пришел! (*Заносит меч. Но Карлыга протянула свой меч на пути его меча.*)
К а р л ы г а
Алдияр, всесильный хан-отец!
К о б ы к т ы
Сойди с пути моего, Карлыга!
К а р л ы г а
Хан-коке! Ты силен, как небо,
Не перечить хочу,
Только думая о чести
Не могу умолчать...
Еще юнцом став батыром,
Грозою молнией несясь
Став славным Кобыкты
Врасплох, во сне
Какого врага убивал?
Не подумав об этом,
Не раскаялся бы потом.
К о б ы к т ы (*опомнившись*).
Бельде! Бельде!
Так ли?.. Что молвит?
О негодная девица!
Хотя бы не сказала...
Раз сказано это... Меч притупился мой
Ненавистному злодею
Какой почет прикажешь оказать?
К а р л ы г а
Алдияр! Уведем их и бросим в подземелье
Все пытки и наказания
Обрушив на них,
Долгой мести приговорим! (*Сама связала Кобланды.*)
К о б ы к т ы
Подай мне их,

За Казана пусть мстят и гады
Несчастье их, коль не погибли тут!

Уходит, забрав подмышки Кобланды и Карамана.
Торжествуя уходит и Коклан.

К а р л ы г а (*задержалась*).
Что случилось? Что я сделала?
Почему не убила я!
Почему не дала убить?
Не осмелилась? Пожалела?
Не была я робкой, что же одолело?
Что свершилось во мне?
Отчего, отчего,
Какая воля?

З А Н А В Е С

III АКТ

Картина пятая

Ставка Кобланды. Вид прежний. Но снаружи доносится тревожный шум набега. Кортка, Карлыгаш, Аналык, держа в руках парные светильники, совершают обряд моления счастливого пути Коблану.

Т р о е

О, Камбар!
О Танри! Милостивый
Владыка, сохрани!

К а р л ы г а ш

Недоброе чуяла я, не потерян ли навсегда
Единственный брат мой Коблан! (*Молится.*)

К о р т к а

Да буду я жертвой пути светлого
Супруга моего! О Танри, сохрани!

А н а л ы к

О, Танри! О, Камбар!
Светлого пути, счастья пути дай одинокому моему!

Не разлучай нас судьба! Стенанием не томи
Бедных ягнят моих (*обнимает Кортку и Карлыгаш.*)

К а р л ы г а ш
Конец дням моим
Нет больше счастья нам!

А н а л ы к
Молчи! Что молвит она, о, Камбар!
Чем слышать весть страшную, сгореть,
Погибнуть мне,
О Танри, сохрани!

К о р т к а
Аим и мать опомнитесь!
Нет опоры нам
Крепитесь духом
Не унижу слезой беспомощной
Душу перед врагом,
Возвысив злодея,
Не оскорблю супруга моего!
Аим уймись, сокрой
От врага свою печаль. (*Вошел Тохтарбай, он в крови.*)
О родимый!

К а р л ы г а ш
Беда нам, отец!

Т о х т а р б а й
Неизбывно горе, с ним в могилу сойду,
Кто жив останется из вас, запомните врага
И если жив мой сын, месть завещайте ему...

К о р т к а
О создатель! Только бы не Казан!

Т о х т а р б а й
Только бы не враг, за кем ушел в погоню!

К а р л ы г а ш
О, отец несчастный,
Как страшны догадки твои!

К о р т к а
Что, что впереди? Нет... нет...
Сердце не трепещи...
Гордо покинув затворы, выйдя на волю,
Врагов нажила я...

Лев мой! Будь вдали, но будь живой!
И все я снесу! (*Доносится шум.*)
Тохтарбай
Уж близко... к орде моей...
Умру, защищая гнездо мое!

Рванулся, навстречу лавой кинулись враги. Скрутили Тохтарбая. Вошли
Алшагир и Бирсимбай.

Алшагир
Асыр! Асыр! Асырды!
Весь путь мой удачен, нет больше
Преград (*к Кортке*), и добро
Потерянное нашел и беглянка в руках моих!

Кортка
Что тебе во мне,
Зачем неотступно следуешь за мной?

Алшагир
Оскорбившую мой род, ушедшую
В униженье Кортку с честью преследующий
Я герой, не рада ты на несчастье свое!

Кортка
Не то ли за честь считаешь,
Когда нет батыра,
Гнездо женщин, стариков
Без усилия разрушаешь,
Подкравшись, как волк ночной.

Алшагир
Асыр, Асыр! Асырды!
Доколь же мне ждать,
Если долгий путь твоего батыра
Безвозвратно сковал! (*Хохочет.*)

Аналык
Пусть на твою голову
Придет, что каркаешь!

Алшагир
Не я, а твой плюгавый
Не воротится вновь!
Если воинов одолел и народ покорил
Не достоин разве я

Заблудившуюся Кортку
Не мне ли воротить?
К а р л ы г а ш
Сгинь ничтожный, когда сокол улетел с утеса,
На место его прилетевший
За крохами коршун.
Б и р с и м б а й
Уйми язык, девица,
Удостоится Алшагира, мечты своей достигнет Кортка!
К а р л ы г а ш
Не дотянешься!
Б и р с и м б а й
Так поклянусь я сам, не она, но и ты добыча.
Не имели бы наград,
Незачем набег совершать!
А л ш а г и р
Асыр! Асыр! Асырды! *(Повелительно.)*
Велено нам высокочтимым!
Забрать, забрать в плен.

Нукеры схватили Карлыгаш. Кортка хочет защитить.
Алшагир преграждает ей путь.

Не защищай ее,
Спасись вначале сама!
К о р т к а
Не кичись ты, Алшагир!
Чем гнезду кречета
Достаться ворону черному,
Лучше сгореть от позора.
А л ш а г и р
На недозволенной высоте
Свитое ошибкой гнездо, когда понадобится ему,
Белоплечий орел отбирает.
Иль случайно
Испортили ваше свадебное торжество?
К о р т к а
Не достанусь Коблану...
Стократ не достанусь Алшагиру, хищному...

А л ш а г и р

Ну, пеняй на себя,
До злобы меня довела,
Беспощадным сделала сама.
Если вернется смертный
Из-под насыпи могильной,
Если Алшагира мстительного
Жена добыча
Обрадует друга твоего, осчастливит Коблана,
Тогда только возьмет он тебя!

Т о х т а р б а й

Эй, Алшагир нечестивый,
Не совершишь этот ужас,
Пока всех нас не истребишь!

А н а л ы к

Пусть сгинет имя твое,
Прочь руки от милой моей!

А л ш а г и р (*нукерам*).

Отсечь им языки!
Это они отец и мать
Ненавистного мне врага!
Сорвать с них уборы! (*Их грабят.*)
Рабом и рабыней называю,
Выжгите мету на теле,
Слугами к себе назначаю
Унизить – клятва моя!

К о р т к а (*к измученным Тохтарбаю и Аналык*).

Родные старцы мои,
Перед лицом врагов
Невысказанную клятву совершу
Если ваши терзания
Когда-нибудь я забуду
И за жизнь позор приму,
Слабым мыслям покоровившись,
Если сердце мое Коблан
В думах денных и ночных
На миг забуду, пусть тотчас угаснет свет для меня,
Чтобы на иной мир не глядеть,
Пусть вытекут черные очи,
Чтоб об ином не молить,

Пусть иссохнет мой язык!
Будьте свидетели вы мои!
А л ш а г и р
Увижу, коль клятва спасет
Из рук моих гневных,
Крепко схвативших тебя,
Коль отобьет сейчас
С пути позорного плена
Пути долгого, невозвратного
(*Своим.*) Жги! Разнеси кругом
Жги вражью орду!
(*Кругом запылали огни.*)
Веди! Всех веди!
(*Уводят пленных. Горит орда.*)

ЗАНАВЕС

Картина шестая

Орда мстительного лютого Кобыкты. Перед темницей Карлыга одна.

К а р л ы г а
Все, чему я поклонялась,
Ударом отвергло, опозорило меня...
Что, что скажешь ты, Карлыга!
Есть род, не щадящий тебя,
Есть путь, манящий тебя!
В плен взяла одного...
От смерти защитила
Тебе самой неведомы тайны твои... Что это?
И видеть хочется мне,
Но не должна я видеть...
Какие же пути
Какие тайны влекут меня?
Раскололась надвое... Что, что это со мной?
Какой недуг мной владеет?
Б и р с и м б а й (*вышел с телохранителями, готовый в поход. Карлыге.*)

Карлыга! Согласна, ли ты,
Идешь ли со мной в набег.

К а р л ы г а

Сказала я, сказала, Бирсимбай.

Не иду я в этот путь!

Б и р с и м б а й

Отец твой повелел!

Вынув из ножен своих,

Послал вот меч свой!

Возьми! (*протягивает меч, Карлыга берет его.*)

Велел мстить тебе за Казана кипчакам и вину свою испустить.

Идешь ли теперь?

К а р л ы г а

Не иду все равно.

Б и р с и м б а й

Что ты сказала? Врага моего ты щадишь?

К а р л ы г а. Враг твой, но где ты был в открытом бою с ним? Он убил Казана в поединке. Мы взяли его нечестно. И семью его ограбили, застав врасплох. Но довольно ли этого позора? Когда же честь изменила нам? Теперь вновь, волком крадучись снова в набег идешь в беззащитную орду? Осуждаю, не иду в путь бесчестия... Пусть Алшагир идет нечестный.

Б и р с и м б а й. Бесчестия, ты говоришь? Не идешь? Алшагира нечестным называешь? Так слушай еще повеление отца. За Алшагира он решил выдать тебя. Уйми свой язык о нем!

К а р л ы г а. За Алшагира? Меня выдать он решил?

Б и р с и м б а й. Решил выдать, конечно с этим. И что же? Казан вышел из тяжбы. Кто же еще лучше, чем Алшагир?

К а р л ы г а. Не ты... Не ты, Бирсимбай, кому за советом обращаюсь. Говори, говори еще мне, говори, какую долю еще отец мне готовит?

Б и р с и м б а й. Еще есть повеление. Коль не идет, сказал, в путь, коль не захочет истреблять врагов, пусть зорким стражем станет у темницы, где враг закован, он сказал!

К а р л ы г а. У темницы?

Б и р с и м б а й. У темницы, да, у темницы! Отстав от

меня, чести ищешь, так возьми! Пленного врага стереги. Пожалела кипчаков, так души, дави его, с позором убей в темнице...

К а р л ы г а. В пытках его убить, в муках совести сестру убить задумал?

Б и р с и м б а й. Веленье дано, решение одно. Но запомни, не попадайся мне со своими упрямыми делами. Гибель твою предпочту. В руках твоих меч отца. Обнаженное... острие этого жадного булата. Сорвешься — этот меч тебя сам...¹

Видна темница, двор, окруженный высокой каменной стеной.

В темнице мрачно, там Кобланды. Во дворе воины.

К вооруженной Карлыге подводят Карамана.

К а р л ы г а (*к Караману*).

Тебе воля дана,

А ты не уходишь.

Не побоялся кары,

Кто ты, неудержимый?

К а р а м а н

Что меня удержит,

Если я не враг твой!

К а р л ы г а

Сын дикого кипчака

Разве свой ты мне? (*Воинам.*)

Идите отсюда вы! (*Люди уходят.*)

Что если уничтожу я,

Не молвя даже ни слова?

Исполнить я пришел

Веленье совести, чести моей!

К а р а м а н

Я и так не дорожу

Жизнью своей,

Пожертвую ее за друга.

К а р л ы г а

Разве дружба несчастье такое,

Не насытится, пока не заставит

Высказать горькую тоску?

¹ Часть текста утеряна — оборван край страницы. — *Ред.*

К а р а м а н
Разве не ведала ты горе за друга?

К а р л ы г а
Что за дружба, в жизни
Не ведала никогда!

К а р а м а н
Юная душа в тебе девица
Не ведала, но мечтаешь о ней!
Судьей твое сердце избираю...

К а р л ы г а
За Коблана жизнь отдаешь?

К а р а м а н
Горюю за его терзания.

К а р л ы г а
Он послушен тебе?

К а р а м а н
Ни в чем отказа не знал!

К а р л ы г а
Только один путь, нет выбора,
Вернуть волю ему,
Жаль батыра достойного.
Во тьме черная печаль
Пусть не гложет, не сгубит,
Но пусть забудет, как чужих,
Всех, с кем разлучен,
На место убитого им Казана
Станет он беком.
Пусть бережет и защищает
Преданным рыцарем орду мою!
Я верну свободу ему
Дружбу верную обещаю,
Если исполнит уговор.
Коль ты друг ему,
Обещай склонить на это.
Не в силах исполнить,
Не уговоришь Коблана,
Пусть ждет беспощадную
Кару тяжелую,
Что ты скажешь мне?

К а р а м а н
Не скрою, красавица суровая,
Ты не указала путь свободы,
Еще яд добавила,
Еще муки усилила.
Честь ранить молодца,
Назвала самую лютую из пыток.

К а р л ы г а (*грозно*).
Довольно! Не смягчишь меня.
Нет решений дважды,
Довольно, уважила тебя
За много сочтешь
Если увидишь вновь! (*Хочет уйти.*)

К а р а м а н
Неволен я, дай срок.

К а р л ы г а
Говори поскорей!

К а р а м а н
Не согласится он,
Но передам.
Дай повидаться с ним!

Карлыга делает знак слугам. Освещено маленькое отверстие темницы.
Недалеке слушает Карлыга.

К а р а м а н
Кобланды!

К о б л а н д ы
Ты жив?

К а р а м а н. Лучше б сгинуть, чем жить... Множество пыток, как стая бешеных волков грызут нас. Тяжело, серогривый.

К о б л а н д ы (*из темноты сердитым голосом*). Не завывай, как ягненок осиротевший. Лучше бы ослепли очи мои, чем видеть тебя таким. Верил, что набег совершишь, а ты ходишь тут, как нищий?

К а р л ы г а (*одна*). Как нищий?

К а р а м а н. Твоя участь и ключи темницы в руках девушки-богатыря Карлыги. Я пришел с ее поручением.

К о б л а н д ы. Чего она хочет?

К а р а м а н. Требуется, чтобы Коблан не был упрямым.

К о б л а н д ы. Что обещает?
К а р а м а н. Милость. Выпустит, но удержит при себе.
К о б л а н д ы. За позор мне продать народ и Кортку
мою?
К а р а м а н. Вышел бы вначале ради них.
К о б л а н д ы
Продавшись в рабство, не возьму я волю
Из рук притворщицы злодейки...
К а р л ы г а (*одна*).
Злодейки?
К а р а м а н
Я так и знал...
К о б л а н д ы
Погибель Коблану, согнуть мне!
К а р л ы г а
Какая упрямая речь
Волчонка кипчаков,
Невиданный мною гордец,
Не могу скрываться
Увижу мстительный вид (*подойдя*),
Ошибается жалостливый твой Орак,
Хочешь гибели
Легко ее обретешь...
Волю я дам
Не ради Кортки твоей
Останешься на службе моей.
К о б л а н д ы (*только сейчас подбегая*).
Где?
Где ты, покажись!
Подойди ближе ко мне,
Явись глазам моим!
К а р л ы г а (*стала против него*).
Я тут, что скажешь?
К о б л а н д ы
Скажу, все запомни!
Воля, названная тобой,
Горше всех истязаний.
На поводу твоём ходить?
На привязи твоей лететь?
За кого ты сочла Коблана?

К а р л ы г а

Ты не в бою равном,
Безоружен к тому,
В плену моем.
Не могу сурово говорить,
Невольню речь смягчаю.
Но понять бы ты должен
Карлыгу ли горделиво
За дешево счесть тебе?

К о б л а н д ы

Эй, ядовитая, опомнись!
Не с тобой говорить дружеские упреки,
Не из табуна Кобыкты
Взятый в стойло,
Томимый в одиночку
Я дородный жеребец,
Чтоб каждую кобылицу за добро счесть...

К а р л ы г а

Довольно, Коблан!

К о б л а н д ы

Не довольно, запомни еще!
Не приму милости
Из рук заклятых врагов.
Испытаю я счастье
Гневным кличем вскинутым
Рассекающим скалу
Мечом верным моим!
Обрушусь еще на вас
И синему мору Кобыкты
Поднесу его долю,
Не мольбой беря милость твою,
А разрубив косы твои
Орлом залетным в когтях
Как добычу унесу...
Иди, не щади меня! (*Караману.*)
Исчезни, не мучь!
Сгинь с глаз моих! (*Быстро отвернулся, уходит в тем-*
ноту.)

К а р л ы г а (*в сторону*).

За всю жизнь мою

Невиданную никогда обиду я терплю!
Как, как я сношу?
Не убила почему?
Где честь моя гордая? *(Пауза.)*
Нет гнева, злобы нет.
Как изменила я себе?
Обольщена? На счастье? На гибель?
Жалость волю не покорила
Мирной стала, не мщу. *(В раздумье.)*
К а р а м а н *(уходя).*
Чуял я неудачу...
К а р л ы г а *(к нему).*
Нет, нет, стой!
К а р а м а н *(подойдя).*
Что же опять!
К а р л ы г а *(подошла, тихо).*
Ты сверстник мне летами
Скроешь, если тайну доложу?
К а р а м а н
Скажи, выслушаю...
К а р л ы г а
Хоть иные мысли привели,
Отвернулась сейчас от них.
Думы новые одолели.
Батыра в заточении
Не могу я мучить,
Уняла я жестокость,
Но не хочет выйти из дверей,
Открытых рукой Карлыги,
А выйти он обязан,
Недобрую слышу весть!
К а р а м а н
Какую еще весть?
К а р л ы г а
Голодная гиена Алшагир,
Узнав о плене Коблана,
Ограбил его орду, всех близких,
Дорогих, повел за собой
В тягостный плен.

К а р а м а н

О, погибель, погибель!

К а р л ы г а

Одно поручаю тебе,
Говори только намеком,
Не рази батыра прямо,
Ярость его задушит...

Посоветуй мне теперь, чем я выведу Коблана
Из проклятой уже мной темницы презренной?

К а р а м а н

Какой близкий ты друг,
Милая Карлыга,
Одно только средство есть
Подведите ближе к нам
И мукой тяжелой
Заставьте ржать его коня!
Не стерпит он,
Только гнев выведет.

(Уходит Карлыга.)

К а р а м а н. Серогривый, эй, серогривый! Как мучаюсь я!

К о б л а н д ы. Знаю, ну!

К а р а м а н. Душат холодные камни. Чернокрылая печаль снова тут. А мы только вдвоем.

К о б л а н д ы. Ну!

К а р а м а н. Силой не поможешь, но советами, были такие. Что натворили мы?

К о б л а н д ы. Чего хочешь от меня?

К а р а м а н. Разве не догадались бы, что делать, почему отвергли волю?

К о б л а н д ы. Зачем такая мне?

К а р а м а н. Смерти ждешь?

К о б л а н д ы. Чем позорная жизнь, проклятую смерть зову.

К а р а м а н. Точно... точно... позор: не в борьбе попали даже. Злая ведьма Коклан одолела. Вот что позорнее всего.

К о б л а н д ы. Оставь, оставь бред свой! Кого Коклан одолеет? Тебя, зайца трусливого! Трепыхалась летучая мышь, ничтожная кукушка сумасшедшая, она ли одолеет меня! Нет, нет не она! Одолели меня, лишили рассудка муки

совести. И сейчас я в горе одном. Не плен сковал меня, не каменные стены раздавили меня. Только мука одна терзает, ею одной я побежден. Нет большей кары и пытки. Раскаяние... о раскаяние! За народ мой, за честь и месть его это раскаяние. За сына народа, за друга боевого раскаяние. Безвинную, только на миг радости хотел. За любовь свою краткого счастья хотел. За это я наказан! Родного Шуака, друга верного, потерял. Как я взгляну в лицо народа моего, верившего мне, в лицо матери моей! Как взгляну на печальный лик родимой моей Карлыгаш? Нет, не воля, а пытка, пытка еще беспощаднее, пытка одна достойна меня несчастного, несчастного!

К а р а м а н. Что сказать, что сказать мне. Прав ты, когда говоришь о себе! Где народ, тебе одному доверивший все? Где родина Кара Аспан, ожидающая тебя? Где горемычные родители и печальные супруги?

К о б л а н д ы. Волною бьющей рыхлый берег, душу мою не терзай! Разве я создатель? Что поделать мне, если создан как висящий на волоске одиноким? Разве я вымолил участь эту?!

К а р а м а н. Одинокий, но пламенем ты был. Надеялся, что подумаешь обо всех. Нет худа без добра. Не запомни только Кайракан! Что если, когда мы тут в объятиях каменной, набегом обрушились на родных и уж стонут там отцы и жены? Что если там горе еще больше, чем смерть Шуака?

К о б л а н д ы (*будто очнувшись вдруг*). А-а, что, что ты сказал? Опалил меня! Что сказал? (*Доносится мучительное ржание Тайбурыла.*) Чей голос? Чей же этот призыв? Душу огнем мне жжет! Чей же голос, скажи!

К а р а м а н

И я горем охвачен,
Ведь о помощи молит!

К о б л а н д ы

Тайбурыл! (*Носится разъяренный.*)

К а р а м а н

Зовет тебя Тайбурыл!

К о б л а н д ы

Крылья мои, Тайбурыл!

Тебя ли мучит враг?

К а р а м а н

Или разумный друг горестный призыв
Дорогой Кортки издали
Почуял сердцем?

К о б л а н д ы. Кортка? Тайбурыл? (*Разрывая цепи.*)
Кипи! Вскипай сила нешадная, не встретив смерть, ради вас
собакой ли издохнуть мне? (*Все сносит в темнице. Сам уже
сбросил оковы. Подбегают к темнице воины.*)

С т а р ш и й в о и н (*вынимая меч*).

Разрушить темницу вздумал
Жди, жди с мечом здесь (*воину.*)
Доложи батыру
Скачи к самому Кобыкты!

Воин уходит. Старший воин наблюдает за темницей.
Кобланды ломает оковы. Выходит Карлыга.

К а р л ы г а (*старшему воину*).

Что случилось тут?
Зачем ты здесь?

С т а р ш и й в о и н

Уж выходит твой враг,
А я встречу готовлю
С острием меча.

К а р л ы г а. Отойди с пути! (*Ее не слушают.*) Уйди, встре-
чу я сама. Прочь с глаз!

С т а р ш и й в о и н (*не слушая ее*).

Ты изменила девица себе...
Кобланды уже ломает двери.

К а р л ы г а

Прочь!!

С т а р ш и й в о и н

Не уйду, не изменю!

К а р л ы г а (*обнажает меч. Караман тоже готов к бою.*
Но Карлыга останавливает его). Стой, джигит, сторонись!
(*Воину.*) Отойди!

С т а р ш и й в о и н

Не послушаюсь тебя!

Карлыга мигом сбивает с пути двух воинов. Старший воин бросается
в ее сторону. Начался поединок. Кобланды опрокинул двери. Вышел.
Карлыга сбивает мечом воина.

К а р л ы г а
Не осуждай игру безвременную.
Дорога свободна, батыр мой.
Коль встретится враг,
На меч мой тебе, друг,
Круши, иди к воле своей! *(Протягивает свой меч.)*

К а р а м а н
Я твой должник, Карлыга...
Милая Карлыга!

К а р л ы г а
Почему не берешь, Коблан,
Дружеской тебе рукой
Протянутый меч?

К о б л а н д ы
Видно я в долгу,
Но как взять мне, Карлыга,
Какой ценой искуплю,
Какой клятвой оплачу
Заслугу друга верного?

К а р л ы г а *(довольная подбегает к нему, вручает меч).*
Бери, брось сомнения,
Одно слово твое “друг”
Избавило тебя от долгов.
Довольна всей душой
И за милое сочту
Коль жизнь отдам за тебя...
(Доносится приближение батыра врага.)

К а р а м а н *(оглянувшись).*
Беда новая —
Несется батыр Кобыкты!..
Кайракан! Опомнись,
Коблан, поскорей!

К о б л а н д ы *(не спеша).*
Как быть, Карлыга?
Не исполнив одного долга
Биться должен с отцом твоим,
Двойное испытание мне,
Как должен я поступить —
Жду совета твоего, решай ты одна!

К а р а м а н
О-о Кайракан, он близок,

Опомнись, Коблан,
Что, что делать мне,
Милая Карлыга... Коблан!

К а р л ы г а

Пусть отец, я не изменю
Дважды решение свое.
Защищайся, за волю
Не удержись ради меня,
О жизни твоей молю, Коблан!

(Вышел Кобыкты.)

К о б ы к т ы. Бельде, бельде, бельдеде! *(Грозно Карлыге.)*
Черным недугом, сгустком крови, неистребимая месть жила
во мне. На крови врагов клятвой скреплял я ее против этого
врага. Разве неведомо тебе, Карлыга? Почему не убила ты?

К а р л ы г а

Отец, я побеждена Кобланом.

К о б ы к т ы

Не говори, не говори о позоре,
Где меч, доверенный мной тебе?

К а р л ы г а

Он в руках юного батыра.

К о б ы к т ы

Какую обиду ты сносишь? Отобран твой меч!
Зачем ты жива? Говори же мне!

К а р л ы г а

Не стала биться я,
Пойми все сам!

К о б ы к т ы

Лучше б убила ты меня,
Сгинь, исчезни с глаз,
Не дочерью, а сукой черной будь!
(К Кобланды.) Выходи, выходи в бой!

К о б л а н д ы

Иди, Кобыкты, выходи!

К о б ы к т ы *(в злобе торопливо выбирая оружие).*

Бельде, Бельде, Бельде!!
Кровь возмутив во мне,
Позор, позор явился ныне!
(Начался поединок.) Убью, убью...

Уничтожу!

К о б л а н д ы (*бьется*). Прости. Прости, Карлыга, прости!..

К о б ы к т ы. В могилу живую, живую зарю я. (*Кобланды сражает его мечом, падает мертвый.*)

К а р а м а н

О милостивый покровитель, ты, Камбар!

Ну, батыры, поскорей

Поспешим в путь...

К о б л а н д ы

Не тронусь, стой! (*Карлыге.*)

Вины моей не счесть,

Ты властна надо мной,

Бери все мое!

К а р а м а н (*Ораку*).

Кайракан! Что сказал, несуразный!

К о б л а н д ы

Приказывай, Карлыга!

К а р а м а н

Мне решение передаешь, —

Достигла я цели.

Но выслушай, батыр,

Не мне неволить тебя.

Об одном только прошу

Всегда бы с собой

В любую сечу,

Как верного друга,

Взял бы вместе,

Об ином не просила бы я!

К о б л а н д ы

Все исполню, иди, мой друг!

К а р л ы г а

Иду, веди, батыр!

З А Н А В Е С

ИНТЕРМЕДИЯ

Пепелище орды Кобланды. Пусто и немо кругом, будто мир заколдованный. Среди развалин идет один Кобланды.

К о б л а н д ы

Ты ли? Ты ли это,
Разбитая золотая колыбель?
В чем, в чем вина моя,
Чтоб так грустно встретить меня?
(*В стенании.*) День ненастный, ночь во мраке
О время гнусное, злое
Где я бреду?
Места родные, нет родных,
Иссохла земля, нет струй живых
Осиротевший Кара Аспан!
Тобою возвращенный
Птенец залетел,
В чем повинен я,
Чтоб могильным молчанием
Встретить суровым?
Хоть молви “Умри, Коблан!”
Хоть откликнись эхом!
Если не враг, о, мир злосчастный,
Сжался и ответь
Где? Где я бреду?! (*Печальный садится одиноко. Вышла*

Карлыга.)

К а р л ы г а

В суровом гнезде
Много ударов я снесла
Только мечты витали мои
В недостижимой высоте!
Вот сидит теперь возле меня
Горе его черный утес
Мне ли открыться ему?
Сожгла я все позади
Впереди загадка, туман
Куда и кем я иду?!
Но исполню одно
Его до возлюбленной доведу
Не пощажу сил своих!

Только увидев Кортку,
Свой путь разберу!
К а р а м а н (*выходит один*).
Курдас моя родная,
Чем горе тебе,
Гибель себе я звал,
Бесценная моя!
Как печалишь ненаглядная
Где ты, курдас моя! (*Находит золотой кол.*)
Что? Что же это?
Среди мира разрухи
Будто утаившийся знак?
Серогривый! Карлыга! Смотрите!
К а р л ы г а
Откуда? Как он забыт?
Не случайно, видно, он
Оставлен, а должен
Нашедшего надоумить...
К а р а м а н
Стой, стой, я чаю,
О родимая Кортка,
Твой ум я чту!
Подними голову, серогривый,
Очнись, сюда оглянись!
В пути безбрежном
Скитальцев — светил ночных
Железный кол¹ на небе
Неподвижный, постоянный
Подобно ему, неизменно,
Твое Кортки
Преданное сердце!
Ради нее, оставившей
Свой знак супруги,
Коль биться устанут
Пусть лучше сгниют
Плечи молодца!
Сгони печаль, серогривый!
Держи путь по звезде своей,

¹ Железный кол — точное название Полярной звезды.

Смертоносна твоя стрела мести,
Вскинь голову гордо!
К о б л а н д ы
Крылья мне укрепи,
Пламя во мне раздуй,
Говори, говори еще не шадя,
Говори не шадя, верный друг!
К а р л ы г а
Родной мой Коблан!
Кто лютый твой враг?
Я точно его найду!
Не будем томить народ твой
В плену у врага.
Пусть не померкнут надежды
И муки Кортки твоей
В горе-печали
С грустного сердца рассеем.
Все я посвящаю мести твоей,
Испытай друга силы!
Пока не достигнешь своего,
Все крепости врага
Гневно разящего копья твоего
Острием, впереди
Пойду я сама!
Готовься, батыр, в путь!
К о б л а н д ы
Готовьтесь, друзья, готовьтесь!..
...К небу синему тянущийся
Зеленый дуб молодой
Пусть не молит от творца
Покоя тоскливого!..
Пусть за близкую сочтет
Гонимую враждебным богом
Рожденную из черных туч
Бурю — смерч бешеную!
Пусть за долю он сочтет,
Снежной пургой
Стужей ледяной
Идущий лютый мороз!
Когда опрокинув небеса

Гневно над ним
Ударит грозный набат Танри,
И сверкая огонь небесный
Польется, пусть не дрогнет он,
Пусть снова о том же просит он!..
Подобный дубу зеленому, юный мой народ
Гордую силу твою не укрошу!
Не одолеешь смерть враждебная!
Не покориться, а биться буду,
Биться, чтобы победить,
Только один путь перед тобой!
Только один путь передо мной!
Идите за мной, друзья,
Веди мечь моя, вожатой будь!
(Уходят.)

З А Н А В Е С

IV АКТ

Картина седьмая

Орда грозного хищника Алшагира. Крайние покои, выходящие во внутренний двор. Видна часть высоких каменных стен и кованые ворота. В комнате Куникей играет со своим молодым женихом Бирсимбаем.

К у н и к е й (ударяя жениха колотушкой по голове).

Бей, бей колотушка, бей! (Бьет и хохочет.)

Б и р с и м б а й

Лучше бы меч взяла!

К у н и к е й

Нет не испорчу игру бескровную.

Б и р с и м б а й

И это сладости? Знак дружбы?

К у н и к е й

Не дружбы, а любви!

Б и р с и м б а й

Как жаль, что ты не девушка-батыр.
Насладилась бы еще больше.

К у н и к е й

Тяжело тебе, так признайся
Не хитри...
Но Куникой невеста
Твоя такова...

Б и р с и м б а й

Любовь еще как наказание, да?

К у н и к е й

Замолчи! Куникой не любит
Как голубка, размякнув и млея,
Она любит как рысь, кусая и
Царапая! Невтерпеж соколику моему,
Пусть сдохнет (*Хохочет. Вошел Алшагир. Куникой бьет
снова.*)

Ударь, ударь колотушка, приударь!.. (*Хохочет.*)

А л ш а г и р

Игры, высокородные мои?
Какое наказание нарушителю?

К у н и к е й

Кто ее нарушит?

А л ш а г и р

Враг, враг нарушит, алдияр!

Б и р с и м б а й, К у н и к е й

Враг? Враг!

А л ш а г и р

Суровая весть дошла.
Кипчак ненавистный бежал из плена!

Б и р с и м б а й

Из нашей темницы? Будь ты проклят, отец!
Развалиной стал! Позор тебе Кобыкты!

А л ш а г и р

Виновен не отец, а Карлыга.

К у н и к е й

Карлыга? Как?

А л ш а г и р

Сама его выпустила и бежала с ним.
(*Злобно.*) Ушла, как сука гончая с охотником!

Б и р с и м б а й

Сука! Завоешь у меня!

Что же смотрел Кобыкты? И он жив?

А л ш а г и р

Печальная весть. Не жив он!

Б и р с и м б а й

От кого погиб?

А л ш а г и р

Убил его убегая Коблан!

К у н и к е й

От руки врага? Какой позор!

Б и р с и м б а й. Не достоин печали моей, если так погиб отец! Поделом ему! Но месть ... месть моя, Алшагир! Готовься, готовься в путь! *(Начинает собираться.)*

А л ш а г и р

Все твоей мести посвящу. Я готов!

(Собралась уйти.)

К у н и к е й. Месть... Месть! Нет иных богов для поклонения! Но пусть будет месть многократной. Алшагир, слушай веленье мое. Неспроста, а женой видно бежала Карлыга с ним. Глупцами вы будете, если только убьете врага. Разве не в руках твоих его жизнь... возлюбленная его Кортка? Сделай ее и ты бабой своей... Насильно женившись на ней, ты отправишься в путь, Алшагир. Вот веленье мое.

Б и р с и м б а й. Правый дает совет. С этого начинается месть. Слушайся ее, Алшагир!

А л ш а г и р. Что, что сказала повелительница моя! Не могу отказать. Но сама стерве доведи, вели сама и ей!

К у н и к е й. Скажу сей же час! Позвать! Привести ко мне рабынь! *(Хлопает ладонями. Бирсимбай и Алшагир выходят. Куникей одна. Скоро к ней вводят Кортку и Карлыгаш.)*

К у н и к е й

Это ты печальная Кортка,

Оплакивающая гибель супруга?

К о р т к а

Что скажешь опять?

К у н и к е й

Ты смерти его боялась,

А потеряла живого,

Бежал он из плена,

Убил Кобыкты,
Спасся Коблан!
К а р л ы г а ш
О милостивый Камбар!
К у н и к е й (*Кортке*).
Почему не рада ты?
К о р т к а
Не обрадовать ты звала,
Что скажешь еще?
Говори до конца,
Убей надежды Кортки!
К у н и к е й
Убью видно не я,
Узнай насмешку Коблана...
Увел он себе подругу,
Испытав ее верность
И жестокое сердце
На убийстве отца
Супруга забыта в дали,
На той он женился.
К о р т к а
Мало радостей для меня!
Но я не пойму,
Чему же довольна Куникей?
К у н и к е й
Смерти смертью не подражают!
Сердца покинувшего друга
Вновь прежним не ждуг!
Мечь за Карлыгу
Решено Корткой искупить —
Женится Алшагир на тебе
И добрым словом
Как к будущей родне я обращаюсь!
К а р л ы г а ш
Замолчи, змея,
Отрава, юность твоя,
Думаешь, подобно тебе,
И она думает об одном
О коварстве злом?

К у н и к е й
Ты кончила свое?
Так поклянусь тебе
И тебе я дар поднесу!
И тем очишу
Честь, поруганную тобой, мою!
(Кортке.) Что скажешь, говори сама!
Узнала изменчивого супруга?

К о р т к а
Узнала...

К а р л ы г а ш
О чем ты молвишь, Кортка?

К у н и к е й (к Карлыгаи).
Замолчи!
(Кортке.) Узнала поистине
Так знать должна, что нет выбора тебе.

К о р т к а
Знаю...

К а р л ы г а ш
Кортка?

К у н и к е й
Кортка! Обрадовать мне Алшагира?!

К о р т к а
Вызови брата ко мне,
Скажу один уговор...

К у н и к е й (нукеру).
Пусть явится Алшагир!
Бирсимбая зовите!
(Пришли они оба.) Пусть решение Кортки
Станет известно родным врага!
Привести его отца и мать!

А л ш а г и р
Приведите, пусть знают.

Ввели Тохтарбая и Аналык. Они имеют вид рабов.

К у н и к е й
Путь, с которого не сходят...
Тайна, которая явью стать обязана!
Скажи об уговоре, Кортка!

А н а л ы к

Какую пытку ей сулят?

Т о х т а р б а й

Какой может быть уговор?

К а р л ы г а ш

Терпите, несчастные мои!

К о р т к а

Потерявшая путеводную звезду

Посмешище людей

Безвольна, бессильна!.. (*Алшагиру.*)

Хоть отвергала тебя раньше

Сегодня не в силах на это

Пусть по-твоему будет, Алшагир...

Но только Коблана

Союз с Карлыгой

Докажи точно мне

И в тот час не медля

Стану я женой твоей!

А н а л ы к

Что? Что ты сказала?

К а р л ы г а ш

Бедный мой брат!

В объятья ты брал

Не супругу, а змею!

А л ш а г и р

Пресечь язык стервы! (*Нукеры схватывают Карлы-гаш.*)

Т о х т а р б а й

Что сказать, что подумать мне!

В жизни брэнной

И такая доля ждала меня!

О, о злая доля!

А л ш а г и р

Я принял уговор твой, Кортка!

Пока не отрезав косу изменницы,

Не отрубив голову Коблан,

Не явлюсь к тебе,

Не обману, не отниму воли твоей!

(*Приказывает вывести стариков.*)

Они слышали обо всем,

Теперь вывести рабов!
(Их уводят. Неожиданно выбегает Коклан.)

К о к л а н

Глаза, глаза покажите ее.

Давшей слово, лукавой (носясь быстро вокруг Кортки.)

Когда была у меня,

Терпела я все!

Когда чужая ты стала,

Белому владыке на луне

Не шадить поклялась я!

Сама ты довела!

Притворщица? Притворщица!

Была такую ты

И меня подвела

Покровительница ее!

Исчезни имя твое, Алшагир,

Коль будешь обманут,

Коль будешь осмеян

Лукавством новым! (Беснуясь.)

Не слово, а ее бери

Не уговор, а ее бери. Ее бери! (Убегает.)

К о р т к а (смеется).

Благословлять ты бы умела

Давно б я мужа имела!

Что медлишь, Алшагир,

Послушайся гневную,

Жги меня на костре!

Б и р с и м б а й

Нет... не дважды слово дает достойный.

А л ш а г и р

Не отрекусь от слова.

Но не вмешивайся ты дальше,

Не проси, Кортка!

Свою месть к кипчакам

Начну я чередой

С самки вот этой! (Указывает на Карлыгаш.)

К о р т к а (смеется).

Не успеv жениться на мне,

Соперницу готовишь?

Б и р с и м б а й
Как решил ты, Алшагир?
А л ш а г и р
Алдияр, выслушай меня!
Стой, не перечь мне!
Ты выслушай Куникей!
Веленью твоему я покорился
И ты мне уступи!

К у н и к е й
Уступаю, вели!

А л ш а г и р
Какой дочери дикарей
Звезда затмит твою?!
Пусть рабыней наложницей
Возьмет ее Бирсимбай!

К а р л ы г а ш
Прочь руки, поганье!
Не молить я стану, слез не пророню!
Покорится Карлыгаш
Не женой станет, а негодницей низкой!
Чем я заслужила
Милость волка лютого?
Чем гореть на медленном огне,
Чем достаться вам
За благо сочтет Карлыгаш,
Юную мольбу посвятив
Сердечному брату Коблану,
Себя в жертву назвав,
Смерть звать к себе! *(Хочет ударить себя кинжалом.*

Куникей схватилась за ее кинжал.)

К у н и к е й
Ты ли непокорная
Ты ли отвергаешь мужа моего!?

К а р л ы г а ш
Презираю... Ненавижу больше, чем
Зияющую могилу!

К у н и к е й *(вырвав кинжал из ее рук).*
Что, что сказала ты?
Благородный мой Бирсимбай,
Знать хуже дикарей?

Алшагир! Покорна, покорна я
Велению твоему!
Дорожа честью своей,
Не снося обиды за супруга,
Оскорбленная, решаю я!
Коль не возьмешь женой рабыней
И наказаньем жестоким
Не покоришь волю ее,
Не муж мне, а негодный ты!
Бери ее, Бирсимбай,
Пусть сгину я,
Коль на ней тебя не женю!
А л ш а г и р
Так, так, так должно!

З А Н А В Е С

Картина восьмая

В той же орде, та же обстановка. Но события этой картины больше происходят во дворе у крепостных стен. Вышли Кортка и Караман.

К о р т к а
Далеко ли? Где мой лев?
К а р а м а н
Недалеко, ждет вестей от нас!
К о р т к а
Есть ли вблизи гонец?
К а р а м а н
Рвется в бой
Нетерпеливый Даулет,
За наказанье считая помеху!
К о р т к а
Пусть не лезет один,
Скорей пусть ведет Коблана...
Из всех бед наших

Самый тягостный день
 В пасти львиной,
 Ожидая смерти каждый миг,
 Стоят родители и сестра.
 Истошив все уловки,
 Еле держится его жена!
 Пусть послушается мой избранный
 Из близи пусть кинется он
 Не пылит пусть издали!
(Передавая ключи.) На, ключи крепости.
 Для прогулки единой
 Выпросила ныне у Алшагира,
 Не медли, друг, спеши!

К а р а м а н
 Уйду, Кортка, поспешу,
 А в помощь тебе
 Богатыря-девушку оставлю!

К о р т к а
 Девушку? Кто она?

К а р а м а н
 Карлыга!

К о р т к а *(усмехнувшись)*.
 Сказал бы хоть мне
 За кого мне ее принять?

К а р а м а н *(смеется)*.
 Кайра-ка-ан!
 Пусть хоть изнурен,
 Но в уме твой Курдас!
 Разве Караман дитя,
 Чтобы тайну выболтать тебе?

К о р т к а *(смеется)*.
 Чем сердце мутить мне,
 Лучше б сгорел ты совсем!!

К а р а м а н
 Успокойся!
 Я знаю серогривого
 Для красавиц подобных тебе
 Для многих его хватит!
(Приводит Карлыгу.) Ну!
 Я уйду от вас

Подружитесь вы
И сойдясь во всем
Будьте подмогой
Батыру своему! (*Уходит.*)

К а р л ы г а
Кортка?!

К о р т к а
Карлыга?!

К а р л ы г а
В разведку мы пришли,
Лишь бы путь был счастливым...

К о р т к а (*усаживая рядом Карлыгу*).
Да сбудутся желания твои,
Этого часа мы ждали!

К а р л ы г а
Печалился батыр
За ушедший в плен
За народ Кара Кипчак!
Терзался он безутешно
За горемычных своих
Престарелых родных,
Но пламенем он горел,
Когда вспоминал Кортку,
Увидев горе его,
Душу свою за него,
Пока не вернешься ты к нему,
В жертву я назвала!

К о р т к а
В долгу я, Карлыга!
Ты пеклась обо мне!
О печальной доле моей!
Не забуду, не пощажу ничего,
В этой жизни никогда
Не стану перечить тебе!
Но благодарность ничтожна
Словами не расплачиваются за долги!
(*Смеется.*) Есть ведь и иной обычай!
Когда друг родной
И равный близкий свой,

Его даже не благодарят!
 Не правда ли, Карлыга?

К а р л ы г а
 Не стану просить об ином,
 Коль за свою ты сочтешь...

К о р т к а
 Вернулось бы счастье мое,
 Рассеялся бы туман...

К а р л ы г а
 Лишь бы батыра цель
 Была бы достигнута им...

К о р т к а
 И сердца неуверенного
 Ушли бы сомнения!

К а р л ы г а
 Всю веру и силу
 В помощь батыру
 Одному посвятим...
(Себе.) Видеть хотела нетерпеливо
 Увидела мудрую красу, желанную его
 Ум ее краса украшает
 Красу душа украшает
 Кого больше можно
 Любить рожденную человеком.
 Все отдам, сведу вас
 Дальше, пусть сгорю, но уступлю
 Нет, нет не спорить мне! *(Кортке.)*
 Достигни счастья своего душой
 Красивая, прелестная!

К о р т к а
 Преклоняюсь тебе друг — краса!

Раздается “Зу! Зу! Арзу!” Это идет Коклан. Кортка прячет Карлыгу.
 Коклан ведет за собой Куникей.

К о к л а н *(будто разнюхивая).*
 Сгинь, сгинь лукавый!
 Враг близок, Алшагир!
 Враг близок, очнись!

К у н и к е й *(торопливо).*
 Позову! Вызову всех!

(Рабу.) Позвать Бирсимбая,
Зови Алшагира поскорей!
(Раб уходит.) Какая опасность, мать моя?
Силен ли тот враг?
К о к л а н (беснуясь).
Опомнись ты трясогузка!
Только узкая тропка осталась,
Чтоб вдвоем нам бежать,
Готовься, готовься со мной!
(Выходят Алшагир, Бирсимбай.)
Враг есть, враг лукавый!
А л ш а г и р
Где? Какой? Какой враг?
Б и р с и м б а й
Откуда выдумала врага?
К о к л а н (подбежав к Кортке, кружась вокруг нее).
Здесь, здесь, в ней!
В притворщице, в ней!
Повалит на головы наши
Черную гору бед...
К у н и к е й
Кортка?!
К о р т к а (грустно).
Ты не перестаешь, мать моя!
Еще не родилась я на свет
Ведь тогда же так гадала!
Чем же я так повинна перед тобой?!
Всю жизнь мою
Только яд подносишь мне.
Я рождена отмеченной на челе
Черным проклятием враждебным
Чтобы носить его как удел!
Если это только суждено
Почему не сгубила меня в колыбели,
Чтоб не видели твои злобные очи,
Живя в плену твоём!
Как рвалась я назвать тебя матерью
За это ли преследуют твои козни
Беспощадные, как могила моя?

К о к л а н
За мать, за мать сочла бы ты
Дитем назвать хотела я.
Только однажды в жизни своей
Дитем назвать хотела я!

К о р т к а
Проклятие, проклятие
Видимому мною
Все ты сожгла
Беспощадной мезтью своей!

К о к л а н
Проклята, проклята я!
Сгинь, сгинь, лукавый!
Готовься, безумный Алшагир! (*Убегает беснуясь.*)

А л ш а г и р (*грозно*).
Вызвать воинов сюда!
Бить боевой набат!
(*Бьют барабаны, несутся в суматохе слуги. Слышен приближающийся крич Кобланды.*)

К о б л а н д ы (*появившись на высокой стене*).
Кара Кипчак! Кара Кипчак! Кара Кипчак!
(*Рядом с ним военачальники.*)

К о р т к а
О Танри милостивый!

А л ш а г и р
Что, что это? Кобланды?

Б и р с и м б а й
Кобланды?

К о б л а н д ы
Я, Я! Явился я Кобланды!
Выходи, выходи, коль не баба!
Выходи биться, Алшагир!

Б и р с и м б а й
Требует поединка он! (*Пауза.*)
Алшагир?

А л ш а г и р
Чтобы открыли крепость,
Обманный делает вызов.

К о б л а н д ы
Выходи в бой со мной,

Медведь из берлоги, Алшагир!
Иль сдохни, трус!
Поединка, поединка требую я!
Б и р с и м б а й
Алшагир! Когда же, Алшагир!
А л ш а г и р
Отказать думаю я...
К о р т к а
Для беззащитных был ты волк,
Лучше бы погиб негодный!
А л ш а г и р
Что, что слышу? (*разъяренный*)
Отойди! Асыр! Асыр! Асырды!
(*Убегает внутренними ходами.*)
К о б л а н д ы (*уходя с высоты по ту сторону*).
Иди! Иди ближе! Иди поскорей!
(*Исчезает. Доносится шум поединка.*)
К у н и к е й
Кортка? Твоя жизнь на волоске, Кортка!
(*Бирсимбаю.*) Если обманывала лукаво,
Беспощадно ее покарай
Не жалей тогда, Бирсимбай!
Б и р с и м б а й (*Кортке*).
Окажешься злодейкой лихой,
Пеняй только на себя...
К о р т к а
Достойно ли герою (*смеется*)
Бабе угрожать,
Не уничтожив вызывающего врага?
(*Из-за стены доносится ликующий клич кипчаков.*)
Г о л о с а
Погиб! Погиб враг Алшагир! Алшагир.
К о б л а н д ы (*снова появившись на стене*).
Погиб мой противник Алшагир.
Выходи, коль смелый, Бирсимбай!
Б и р с и м б а й (*схватив Кортку, заносит меч над ней и кричит Кобланды*).
Исчезни с глаз моих!
Не уйдешь ты отсюда

Уничтожу твою жену,
Без боя душу погублю твою!

К о б л а н д ы
Чтоб спасти свой народ
И жизнью жертвовал своей
Прости, прости, звезда моя!
Хоть дороже души ты моей,
Не отступлю я отсюда.
Когда враг мной окружен,
(*Бирсимбаю.*) Не сниму я осады!

К у н и к е й
Пусти в ход свой меч, Бирсимбай!

Б и р с и м б а й
Убью, уничтожу я!
(*Хочет ударить, но тут вскрикивает Куникей. Она схвачена выскочившей Карлыгой. Над ней также занесен меч.*)

К а р л ы г а
Опомнись, Бирсимбай!
Убьешь ее, не станет и этой!
Простись со стервой своей!

К у н и к е й
Спаси меня, Бирсимбай!

Б и р с и м б а й
А, а ты здесь проклятая!
Пора! Пора мне отомстить!
(*Бросив Кортку, кидается к Карлыге. Мастера поединка, брат и сестра ведут искусный бой. Уже раскрыты ворота. Виден Караман.*)

К а р л ы г а (*увидев раскрытые ворота.*)
А, достиг он цели
И я дошла, дошла до предела, до предела!
(*Бросает меч.*) Не стану биться теперь с тобой!

Б и р с и м б а й (*схватив этот меч.*)
Отцом тебе данный меч
Не для пощады дан.
Пусть приговор и наказание свершит.

Закалывает Карлыгу.

К а р а м а н

Спеши, спеши, серогривый поскорей!

Вбегают Кобланды. Кобланды валит с ног Бирсимбая.

К о б л а н д ы

Убью, Карлыга!

К а р л ы г а (*умирая*).

Не убивай, свяжи!

Пусть безжалостен он,

Но кровь течет во мне, не каменная я!

К о б л а н д ы

Прости, родная Карлыга! (*своим*)

Не убивать! Только связать! (*Военачальники связали*

Бирсимбая.)

Поднимите Карлыгу!

(*Бросается к Кортке.*)

Луна моя, Кортка!

Иди же, иди!

К о р т к а (*на один миг став на колени, поцеловав руку Кобланды.*)

Лев мой! Мечта моя! (*Вскочив быстро.*)

В муках родители твои.

Спаси, спаси, иди к ним! (*Тянет за собой.*)

К о б л а н д ы (*военачальникам*).

Спешите, друзья мои,

Где Кипчаки и Кияты,

Томящиеся в плену?

Бегите не мешкая все,

Спасите поскорее,

Найдите всех,

Где, где они?

(*Воины расходятся поспешно. Сам он уходит за Корткой. На сцене Караман, Аккозы, Куникей. Раздается "Зу! Зу! Арзу!" Приближается Коклан. Караман в тревоге.*)

К а р а м а н. Кайракан! О, батыр, спаси. Все передо мной эта тварь! Не надейся теперь на меня.

К о к л а н (*выходя к Куникей*). Следуй за мной, стерва. Зу! Зу! Арзу! (*Делая жесты заклинания идет прямо к Аккозы.*)

А к к о з ы (*выхватив меч*). Не уйдешь, не спасешься, злая (*взмахивает мечом. Но машет как ослепленный, не видя, как проходит мимо Коклан.*)

К а р а м а н. Не видно мне ее?

А к к о з ы. Не видно ее и мне!

Оба окружили одну Куникой, которая вскрикивает: “Спаси меня! Спаси!” Коклан на другом конце сцены. Она тихо произносит: Зу! Зу!

К а р а м а н. Куда? Куда исчезла она?

(*Коклан со зловецим шипением: Зу! Зу! — кинулась к каменной стене, ударившись с маху, исчезает, будто проглоченная камнями. Скоро она появляется снаружи, на верху стены.*)

К о к л а н (*делая загадочно злобные жесты*). Зу! Зу! Сгинь, сгинь, Кобланды! Много, много бед еще обрушу на тебя! Зу! Зу!

(*Подобно чернокрылый ночной птице, как при первом своем появлении, делает полет с высоты крепостной стены, исчезает за сценой.*)

К у н и к е й (*рванувшись*). Спаси, я осталась! Спаси! (*Караман не может ее схватить.*)

А к к о з ы. Не уйдешь, в руках ты моих! (*Схватил.*)

К а р а м а н. Поймала дикую? Какая же она? Покажи-ка мне! (*Осматривая.*) Какая красивая, злюка!

Вместе с Тохтарбаем, Аналык и Корткой выходит Кобланды. С ними множество измученных, освобожденных из плена отцов и матерей.

К о б л а н д ы (*Кинулся к Карлыге, опустился на колени в безутешном горе. Рядом с ним на коленях Кортка.*)

Карлыга, незабвенная моя!

Куда ушла, куда ушла, родная,

Понял, только теперь понял я

Тайну души верной твоей!

Зачем покинула, с чем покинула?

В жизни краткой, изменчивой

Ты ли разве та, которую я бы унизил?

На тесном пути моем, над всем святым

Вознесясь к небу,

Неугасимой звездой моей будь ты одна!

Пусть имя чести станет Карлыга,

Когда в новый тронусь путь!
Прости, прощай! Прости, незабвенная Карлыга!
*(Очнулся, только увидев после долгой паузы собравшихся
родных. К народу, окружившему его.)*

А ты, народ мой родной,
От бед и зла свободен!
Забудь печаль свою!
Эту орду врага
Все его добро,
Поделите вы меж собой!
(Военачальникам.)
Сгоните табуны лошадей,
В молоке белых кобылиц
Выкупаем весь народ
И забыть поможем
Все его обиды *(Народ доволен. Кобланды с Корткой
подходят к старикам.)*

Родные старцы мои,
Была одна ваша мечта,
Бурей расстроенный
Был начатый один пир!
Скиньте с души
Все заботы иные,
Начните со светлой мольбой
Снова чудесный пир
Сыновней свадьбы.

Т о х т а р б а й
Да будет исполнено все!

А н а л ы к
Ненаглядный ты мой!
(Радуется и народ.)

Н а р о д
Пир! Пир! Счастливый пир! Начните пир!

З А Н А В Е С

Алма-Ата, 1943 год

КРАТКАЯ ФАБУЛА ПЬЕСЫ “КАРА КИПЧАК КОБЛАНДЫ”

О теме и идее произведения

Тематическую основу пьесы автор берет из одноименной, широко известной казахскому народу, богатырской былины. В народных преданиях и во множестве дошедших до нас изустных вариантов героической былины Кобланды — молодой богатырь рода Кипчаков¹ представляет в своем образе концентрированную мощь целого народа. Он защищает народ свой, его земли и города от нападающих на них врагов Кзылбасов. Многочисленные враги устраивают набеги не только на родину героя, но также и на его родной очаг, уводят в плен отца и мать, сестру и невесту его. В яростной, самоотверженной схватке батыра с его искусными, коварными и сильными врагами вырастает величественный и обаятельный образ юного героя, заступника своего народа.

Исходя из данной темы эпоса, пьеса ставит себе задачей дать гораздо более широкое художественно-историческое обобщение. И стиль пьесы не будет обусловлен, ограничен одной какой-либо конкретной исторической эпохой и особенно не будет ограничен одной этнической средой или этнографическими данными недавнего прошлого среднеазиатских родовых объединений.

По жанровым признакам пьеса должна быть героической поэмой сказочно-фантастического характера. Стремясь создать произведение по возможности монументально-оригинальное, на широкой основе бога-

¹ Род Кипчак фигурирует в “Шах-Наме” Фирдоуси. Это один из основных родов, впоследствии образовавших Казахское ханство.

тейшего индо-иранского, монголо-турецкого эпоса, автор передвигает события пьесы в более древнюю эпоху, нежели это дано в казахской былине. Пьеса будет отражать борьбу народов Средней Азии в доисламский период их истории. Мир реальный и мир воображаемый в ощущении персонажей пьесы, а также характеры и людские отношения будут даны в пьесе через ряд условных, порой не известных для европейского зрителя положений, ситуаций. Основными элементами истории древнего Востока наряду с богатейшим, многообразным эпосом войдут факты буддийско-монгольского искусства и искусства Древнего Ирана по преимуществу пехлеви и раннего периода персидского искусства. А по всей своей идейно-художественной сути и устремленности пьеса, повествующая о юной славе и силе народа, о зреющей на поле брани гордой надежде народа, повествующая о самоотверженной борьбе за родину и за народ, должна отдаленно, но явственно напоминать о наших днях, о нашей молодой, но могущественной Родине в ее жестокой схватке с коварными, сильными врагами. В этом моменте должно быть заключено призывно злободневное, действительно воспитательное значение всего спектакля, построенного на оригинально-поэтическом и сюжетно насыщенном материале.

Действующие лица

- Кобланды — молодой богатырь рода Кара Кипчак, 20 лет.
Кортка — его невеста, дочь чародейки Коклан.
Карлыгаш — его сестра.
Аналык — его мать.
Тохтарбай — его отец.
Караман — его курдас-сверстник из рода Кипчак.
Орак — молодой богатырь из рода Ногайлы.
Кобыкты — властитель и вождь Кзылбасов, враждебных сил Кипчакам. Лютый Кобыкты.
Казан — его богатырь на положении вассала хана.
Алшагир — то же.
Коклан — старуха чародейка, союзница Кобланды, мать Кортки.
Карлыга — дочь Кобыкты.
Бирсимбай — сын Кобыкты.
Куникей — его невеста, сестра Алшагира.
Кара Корен
Ак-козы
Кос Даулет
Кара Букан
Богатыри, полководцы родственных Кипчакам племен.

ФАБУЛА ПЬЕСЫ

Картина первая

Одинокие скалы, напоминающие своими причудливыми очертаниями застывших окаменелых великанов. В испуге, все пятясь назад, выходит на сцену маленький Караман. За сценой его друг Кобланды борется насмерть с невиданным чудовищем. Караман догадывается, что они попали в пределы заколдованной страны чародейки Коклан. Раздаются зловещие звуки: зу-зу-зу-Арзу! Будто все скалы шипят этими возгласами. Вспыхнуло пламя на скале, и как огромная ночная птица с черными крыльями, слетает со скалы старуха Коклан. Она требует у Карамана назвать уязвимое место Кобланды. Он отказывает ей. Коклан хочет силой утащить его. Караман, напуганный ее видом, вскрикивает, зовет на помощь Кобланды, который вбегает тут же и отрезает косу старухи. В этой косе сила зла и всех чар Коклан. Она просит пощады у богатыря. Кобланды требует, чтобы она не враждовала с его родом, не посылала бы бед на него, как делала до сих пор, и в залог требует вывести ее дочь красавицу Кортку. Старуха уходит. Кобланды осмеивает трусость своего друга сверстника, который высказывает свою мечту, чтобы акыны будущего не ведали о его трусости и чтобы воспевали его так же, как и Кобланды. Неожиданно рассекается скала и в сиянии невиданной красоты появляется дочь Коклан Кортка. Кобланды поражен ее видом, ее душевными речами. Он уже влюблен в нее. Много слышала о богатыре и Кортка, немало юной мечты посвящала ему. Но неумолим предусмотрительный Караман. На правах курдаса сверстника он обращается жестоко с Корткой, говорит грубо, стараясь как бы отпугнуть ее от Кобланды.

Кортка боится его слов, впадает в грустные думы. Кобланды умоляет Карамана не пытаться Кортку и не терзать его. А Караман не верит Кортке — дочери чародейки, называет ее поведение почти наваждением. Но Кортка убеждает богатыря в искренности своего расположения к нему. Она показывает сказочного коня Тайбурыла, не знавшего доньше ни одного седока. Девушка дарит Кобланды своего коня, взращенного ею для будущего друга. Надевает на него надежные доспехи. Этот подарок как бы означает помолвку между молодыми. С проклятиями выбегает старуха. Но она бессильна воспрепятствовать, дочь непреклонна в своем решении. Она и Кобланды сговорились на том, что скоро батыр придет за ней как жених. Старуха неистовствует.

Картина вторая

Дворец хана богатыря Казана. Выходит суровый богатырь в окружении черных рабов, он играет на ходу двумя чугунными кистенями, подбрасывая их, как мячи. Кеке-Кеке-Кекеке! — вскрикивает он порой в самодовольстве.

Ему доносят, что подъезжает всесильный властелин Кобыкты на синем слоне. Подъехал и другой богатырь, хан Алшагир на белом слоне. Казан приказывает вывести пленных кипчаков из рода Кобыкты и отрубить им головы в момент, когда Кобыкты сойдет со слона. Уводят пленных. Явились Кобыкты, Алшагир. С ними пришла чародейка Коклан и также явилась дочь Кобыкты Карлыга, молодой сын Кобыкты Бирсимбай. Кобыкты сурово опечален, укоряет своих богатырей, требует у Коклан, чтобы она доложила о позорной вести. Коклан сообщает о том, как Кобланды, батыр кипчаков, отбирает насильно ее дочь. Казан и Алшагир взбешены этой дерзостью. Кобыкты говорит о Коклан как о своих зорких очах, как о верной союзнице, вспоминает извечную вражду между Кзылбасами и Кипчаками, убившими еще во время Рустема иранского царевича Сияуша.

Казан и Алшагир обвиняют друг друга в потере для них красавицы Кортки. Из их препирательств становится ясно, что они были безуспешными соперниками в претензии на ее руку. Кобыкты требует теперь от своих батыров уничтожения рода Кипчаков. Алшагир хочет, чтобы нападение на-

чал Казан. А Казан не доверяет ему, считает его коварным соперником, задумавшим отбить Кортка для себя, когда Казан отвлечет набегом силы кипчаков.

Кобыкты обещает наградой победителю руку своей дочери Карлыги.

Но Карлыга протестует против унижения ее достоинств, она сама может отомстить кипчакам и без этих богатырей и в доказательство своей удали хватает кистени Казана, играя ими как мячами. Она обвиняет двух богатырей в глупости и жадности, за что примерно и достойно наказала их Кортка. Обвиняет батыров и злобная Коклан. Она требует немедленной мести.

Споры своих приближенных решает властный Кобыкты. Одному достанется Кортка, другой будет вознагражден рукой его дочери Карлыги. Он призывает к беспощадной мести и свое решение закрепляет клятвой на крови врагов. Приносят сосуд с кровью казненных кипчаков. И, совершая суровый обряд древней клятвы, все присутствующие погружают свои руки в эту кровь. Не участвует в клятве одна Карлыга.

Картина третья

Только привезена в семью Кобланды его невеста Кортка. Радостно встречают ее родные, друзья богатыря. Около Кортки сестра Кобланды, Карлыгаш. Стан готовится к пиршеству. О своей любви к сестре Кобланды говорит молодой батыр Орак, соратник Кобланды. Девушка тоже любит его, но, нежная и стыдливая, она еще боится своих чувств.

Наступает час увеселений, но в самом начале его врывается суровая весть. Казан напал на роды Орака и Карамана, идет войной против кипчаков. Уже несутся рати кипчаков на защиту своих земель. Батыры племен полководца Аккозы и др. одни за другим подъезжают к стану Кобланды, требуют его отъезда в путь. Родные Кобланды просят его не идти в этот поход. Кобланды просит совета у своей невесты. Она отвечает уклончиво. Караман жестоко упрекает ее за уклончивый ответ, требуя у Кобланды выполнения его долга. Кобланды решает выступить в поход, и тут Кортка говорит ему о грозящей опасности ей и всем родным батыра,

но несмотря на это она советует ему ехать. Сестра Кобланды просит брата назвать защитников для остающегося народа.

Кобланды произносит суровую клятву не думать о доме, об уюте, о благополучии своем и своего очага до тех пор, пока не будут очищены от врага его земли, не будут освобождены от позорного плена его сородичи. Сопровождаемый мольбой и горестными воплями своих родителей, уходит батыр в дальний поход.

Картина четвертая

Внутри крепостного вала встретились две враждебные рати кипчаков и Кзылбасов. Кипчаки ждут Кобланды, а он отстаёт в пути. Кзылбасы требуют поединка. Исход боев должен решить поединок двух главных богатырей. Казан сам выходит на поединок. Кипчаки не решаются выставить кого-либо, кроме Кобланды, против страшного Казана.

А он вторично шлет требование выставить ему противника. Не выступит смелый кипчак, будут порабощены Казаном все свободные племена. Кипчаки ропщут на Кобланды оставшегося, променяв честь народа на объятие дочери чародейки. Уже третий и последний раз раздаётся гордый клич вызова из стана врагов. И только тут, перелетая на своем чудесном коне Тайбурыле через высокий вал (через сцену), бросает ответный клич Казану, клич поединка, сам батыр Кобланды. И дальше на глазах обоих лагерей, на холме поединка, Кобланды убивает ударом меча своего соперника.

Ликуют кипчаки, проносится лавина освобожденных пленных из крепости. А Кобланды и хвастливый маленький Караман остаются вдвоем на холме. Доносится зловещее шипение: зу-зу-Арзу! Караман первый поддается наваждению чародейки Коклан. Не докончив хвастливой фразы, дремлет стоя и на полуслове падает усыпленным. Засыпает мертвецки Кобланды. Явился разъяренный Кобыкты. С ним Коклан, Карлыга. Кобыкты хочет разрубить мечом спящих богатырей. Но Карлыга советует отцу быть честным противником. И Кобыкты, свирепый и лютый богатырь, утаскивает, захватив подмышки, двух спящих богатырей. Уводит их в плен.

Картина пятая

Мечутся в тревоге и ужасе Кортка и Карлыгаш. На их стан обрушился новым неожиданным набегом коварный Алшагир, с ним сын Кобыкты Бирсимбай. Они взяли в плен всех родных Кобланды, ворвались к женщинам. Алшагир издевается над выбором Кортки, объявляет свое решение вернуть ее к своим, как заблудившуюся овечку. Сдержанная и гордая Кортка сквозь сдавленные рыдания молит о жизни Кобланды, говорит о своей верности к Ораку Карлыгаш. Но их увели в плен.

Картина шестая

Кобланды с Караманом в подземелье у Кобыкты. Запоры и охрана в руках у Карлыги. К ней явился Орак. Но Карлыга неумолима. Пока Кобланды не оценит ее достоинств, она не выпустит его из плена. Свобода будет возвращена ему только тогда, когда он свободно решится остаться при ней. Шлет Орака для переговоров. Кобланды оскорблен этим условием, отвергает его. Караман советует Ораку и Карлыге подвергнуть жестокой пытке коня Кобланды. До пленного батыра доносится мучительный призыв его коня о помощи. Конь — крылья богатыря. Разъяренный Кобланды разрывает цепи, подняв себе на плечо друга своего Карамана, прокладывает себе путь из подземелья. А наверху их встречает Карлыга, истребившая сама всю охрану. Путь свободен перед пленниками. Кобланды понимает свой долг перед девушкой, но чем ему отплатить ее дружбу. И в момент их кратких объяснений подоспел страшный Кобыкты, отец девушки. Хочет вступить в бой с Кобланды. Молодой батыр все думает о своем долге перед девушкой, снова говорит о нем. А девушка, предания ему, высказывает единственную мольбу, чтобы он остался жив. Кобыкты глубоко оскорблен изменой своей дочери. В неимоверном гневе и запальчивости он теряет самообладание и падает, сраженный рукой Кобланды. Еще больше стал обязан батыр девушке, а она высказывает единственное желание, чтобы он взял ее с собой в путь борьбы и невзгод. Кобланды не в силах отказать в ее просьбе, хотя понимает, что он не может ее любить, что

его ждет невеста. А Караман, пользуясь особыми правами курдаса сверстника, просит Кобланды одарить его дружбой Карлыги. Кобланды предоставляет это решение самой Карлыге. Но Караман заявляет, что женщина не имеет голоса в решениях курдасов, считает, что Кобланды уступил ему Карлыгу, и уводит ее за руку с собой, называя своей.

Картина седьмая

Молодой батыр, его соратники вместе с Карлыгой прибыли на то место, где раньше был родной очаг Кобланды. Здесь остались только пепелища. Нет ни живой души. Все мертво, сиротливо кругом. Изливает свою тоску и печаль о Карлыгаш молодой батыр Орак. Оплакивая судьбу Кортки и родных Кобланды, Караман находит вбитый в землю золотой кол. Это знак, оставленный мудрой Кортка. Убитого горем Кобланды успокаивает Карлыга, она обещает быть сильным, самым преданным другом при всех предстоящих испытаниях. Кобланды произносит монолог, поднимая дух в себе и в друзьях своих. Высокий долг, долг родины запрещает быть слабым. Только одной святой и справедливой мести он должен слышать клич и только ей он зажигает неугасимый жертвенный светильник.

Картина восьмая

Во дворце Алшагира Бирсимбай и его невеста, честолюбивая Куникей, узнают о гибели Казана, Кобыкты, о бегстве с Кобланды изменницы Карлыги... Говорят о мести. Куникей советует своему брату Алшагиру жениться на Кортке. А своему жениху Бирсимбаю также советует взять женой-наложницей сестру Кобланды.

Она сама заводит речь с пленницами. Задевая самолюбие Кортки, сообщает о том, что Кобланды бежал с дочерью Кобыкты, что он женился на ней, поэтому она предлагает Кортке в отместку за проделки Кобланды выйти замуж за Алшагира. Кортка решает вести спокойную, хладнокровную игру. Она неожиданно дает согласие выйти за Алшагира. Высказывает об этом решении ему самому. Но только пусть он вначале убедит ее в том, что Карлыга стала женой

Кобланды. Алшагир согласен с ее условиями. А старуха Коклан, явившаяся к моменту этого уговора, укоряет Алшагира в глупости, требует, чтобы он не верил Кортке и чтобы женился, не дожидаясь ничего. На предложение Куникей сделаться женой Бирсимбая Карлыгаш отвечает гневным отказом. Она пытается покончить с собой. Но дикая честолюбивая Куникей отнимает кинжал у нее и клятвенно обещает всем не успокоиться до тех пор, пока эта девушка-пленница, будто оскорбившая ее жениха своим отказом, не станет его женой-наложницей. Карлыгаш поражена переменой Кортки, видит изменницу в ней, бросает оскорбительные упреки ей в лицо. Но молчалива, сурова и непроницаема в своем новом решении загадочная Кортка.

Картина девятая

В роли разведчиков проникают во дворец Алшагира Карлыга и Караман. Карлыга встречает Кортку. Соперницы в душе, но благородные в своей преданности к Кобланды и его делу, они ведут тонкий и умный диалог взаимной проверки друг друга. Карлыга считает своим долгом спасти Кортку для Кобланды. Завидуя ее мужеству и силе, Кортка так же успевает отличиться своим умом и благородством. Они вдвоем должны помочь Кобланды восстановить честь и благополучие его народа и тем самым честь его самого. Они помогают войти во дворец Кобланды, а он совместно с Ораком устраивает побоище во дворце. К ним присоединяются спасенные из плена кипчаки. Бегут Коклан и Куникей. Карлыга и Караман преследуют их. Раздается знакомое шипение “зузу, арзу”. Караман в ужасе, боится новых козней чародейки. Карлыга ловит ее, но Коклан превратилась в невидимку на глазах у зрителя. Она уходит из тесного окружения людей, ловающих, ищущих ее, как слепые, не там, где находится она на самом деле. Последний раз доносится ее шипение “зузу-арзу”, но доносится уже с высокой крепостной стены и оттуда она делает прыжок, как полет ночной чернокрылой птицы, она спаслась. Но Куникей осталась в плену у Карлыги. Упоенный победой, непредусмотрительный Караман по-своему обыкновению выпрашивает добычу у друзей, просит у Карлыги подарить ему новую пленницу. Карлы-

га дарит ему Куникой, но за то получает у него свободу для себя, для своего свободного выбора друга по сердцу. Выходит Кобланды — победитель со своими спасенными родителями, сестрой и невестой и, неожиданно для себя, узнает о Карлыге, освобожденной от притязаний курдаса Карамана. Пройденный им совместный путь с Карлыгой через труп ее отца, через гибель ее брата, через кровавое поле брани требует, чтобы он оценил ее любовь и преданность и чтобы он женился также и на ней. За это говорит все. Но Кобланды просит у своих родителей благословить его и Кортку на их свадебное торжество. А Карлыга с неизвестной дальнейшей судьбой остается одна, как загадка финала пьесы.

Мухтар Ауэзов
Алма-Ата, 1943 г.

**ҒЫЛЫМИ
түсініктемелер**

**“Экспозиция и завязка символической драмы
(пьесы Метерлинка¹, Ибсена², Гауптмана³
и Л. Андреева⁴)”**

Мақала М. Әуезов мұражай-үйінің қолжазба қорында (238-бума, 123–129-бб.) сақталған, бұрын еш жерде жарияланбаған, библиографиялық көрсеткіштерде аталмайды. 238-буманың 115-бетінен соңғы 150-бетіне дейін қарындашпен, кара, күлгін сиямен М. Әуезовтің өз қаламымен жазылған әртүрлі көлемдегі мәтіндер бар. Буманың 115-бетіне дейін жазушының отызыншы жылдардың екінші жартысында, қыркыншы жылдардың басында баспасөз бетінде шыққан “Витязь в тигровой шкуре”, “Бессмертный поэт Шота Руставели”, “Иван Андреевич Крылов”, “Слово песни”, т.б. мақала, очерктерінің қолжазбалары, жазу машинкасында басылған нұсқалары тігілген. Қолжазбалар бумаға тігілмей тұрып дәл ортасынан бүгілген, бумаға тігілгеннен кейін әр парақ жеке-жеке етек жағынан бүгіліп қойылған. Осы бүгілген жерлерде қарындашпен жазылған мәтін сөздері өшкен, күңгірттенген. Парақ шетгеріндегі, бұрыштарындағы сөздердің де оқылуы қиын. Мәтіндердің сиямен жазылған аз бөлігінің сақталуы қанағаттанарлық, қарындашпен жазылған негізгі бөлігінің сақталуы нашар. “М.О. Әуезовтің қолжазба мұрасы” атты мұражай архивінің ғылыми сипаттама-сында буманың айтылған бөлігіндегі он шақты мәтіннің үшеуі ғана аталған. Мәтіндердің мазмұнымен танысу барысында төртеуінің толыққанды, жазылып біткен шығарма екені анықталды. Қалған материалдар: драма жанрының поэтикасына, теориялық мәселелеріне қатысты дәйек сөздер, тезистер, ойлар, драма жанрын зерттеуші авторлардың (Озеров, Яковлев) еңбектері бойынша жасалған конспектілер, бірнеше мақаланың жоспарлары, сонымен бірге осы жоспарға қатысты жеке-жеке ойлар, мақалаға кіруге тиісті үзінділер. Осы жазбалардың мазмұнына қарағанда олар жоғары оқу орындарында өтілетін әдебиеттің жеке проблемаларына қатысты арнайы курстардың, арнайы семинарлардың материалы. М. Әуезов 1923–1928 жылдары Ленинград мемлекеттік университетінің филология факультетінде оқыған. Бірінші курстан

кейін Қазақстан үкіметінің шақыруымен Семейге келіп, бір жыл педтехникумда қазақ әдебиетінен сабақ берген. Осыған қарағанда аталған жұмыстарды М. Әуезов Ленинградтағы оқуының екінші жартысында жазған. Бумадағы қолжазбалардың ешқайсысына мерзімі қойылмаған. Мұражай архивінде сақталған “Казакское народное творчество и его поэтическая среда” атты мақаланың соңында М. Әуезовтің қолымен “М. Ауэзов. Ленинград, 25.10.1927. Адрес: Ленинград, центр. Улица декабристов, д. 14, кв. 1, Ауэзову Мухтару” деп жазылған. Мақаланың мәтіні В.Н. Әуезованың қолымен көшірілген. Осы қолжазбаның қағазы 238-бумадағы аталған жазбалардың қағазымен ұқсас. Ашық жолды қалың дәптер қағазы. Осыған қарағанда 238-бумадағы материалдар да шамамен 1927 жылдары жазылған болу керек. Қолжазбаларда қысқартылып, 2-3 таңбамен ғана берілген сөздер кездеседі, мәтін ішінде латын алфавитінің элементтері бар, кейбір әріптер стенографиялық жазу сияқты елеусіз белгілермен нұсқалып кеткен. Бұлай жазу араб алфавитін пайдаланатын адамдарда кездеседі. Мақалалардың мазмұнымен танысу барысында мерзімдік басылым материалдарына қойылатын талаптарға сәйкес келмейтіні анық байқалады. Төрт мақаланың ешқайсысында тақырыптық, идеологиялық талдау жоқ. Буманың аталған бөлігіндегі басқа жазбалардың жалпы мазмұны, құрылымы ғылыми сипаттағы жұмыстар екенін айқын дәлелдейді. Мақалалардың ешқайсысында қамтылған авторларға, шығармаларға қатысты даталық деректер берілмеген. Осыған қарағанда төрт мақала да М. Әуезовтің арнайы курста, арнайы семинарда жасаған баяндамасы болуы керек. Мақалалардың төртеуін де ғылыми-теориялық сипаттағы еңбектің үздік үлгісі деп айтуға негіз бар. Төрт мақаланың үшеуінің, басқа қосымша материалдардың барлығының драма жанрына қатыстылығына қарағанда арнайы курстың тақырыбы драматургия проблемаларына арналған болу керек. Бұлардың ішіндегі сақталуы жақсы, толықтай сиямен жазылған “Драмы Чехова” атты мақала осы жинақтың 17-томында жарық көрді.

“Экспозиция и завязка символической драмы” мақаласы М. Әуезовтің өз қолымен қара қарындашпен жазылған. Сақталуы нашар. Беттің шеттерінде, бүгілген жерлерінде кейбір сөздер өшіп қалған. Қолжазбаның үстінен автордың өз қолымен түзетулер жасалған. Сызылған сөздер, тіркестер, сөйлемдер бар. Мақала “М. Әуезовтің қолжазба мұрасы” атты мұражай архивінің ғылыми сипаттамасында көрсетілмеген. Қолжазба беттеріндегі кейбір белгілерге қарағанда мәтінмен бұрындары да жұмыс істелінгенге ұқсайды. Төрт мақаланың үшеуінің ғылыми сипаттамада беріліп, осы мақаланың аталмауы сақталуының нашарлығына, оқылуының қиындығына байланысты болса керек.

Мақаладағы “Хотя тема моего доклада вполне ясно определяет мою задачу кругом заданий в рамках строго символической драмы...” деп келетін сөйлем тағы да бұл студент М. Әуезовтің арнайы курста жасаған баяндамасы екенін дәлелдейді. Мақала мазмұнының, ойларының тереңдігі, мақала тігілген бумадағы қосымша материалдардың жиынтығы бұл материалдың салмақты ғылыми еңбек екенін көрсетеді. Мұндағы толық біткен мақалалардың әдеби-теориялық деңгейі мен қосымша материалдардың құрылымы мен мағынасы арнайы курстың жоғары ғылыми деңгейде өткендігін, курс жетекшісінің көркем шығарма поэтикасын, әдебиет теориясын жетік білетін маман болғандығын дәлелдейді. 1925–1927 жылдары М. Әуезов қалыптасқан ірі суреткер, қазақ фольклортану ғылымының негізін салған ірі ғалым болатын. 238-бумадағы төрт мақала да қазіргі әдебиеттану ғылымының талаптары тұрғысынан алғанда әдеби талдау технологиясының ең жоғары деңгейі дәрежесінде жазылған. Бумадағы қосымша материалдың мазмұнынан М. Әуезовтің драма жанрының теориясына қатысты материалдарды мақсатты түрде оқып, мақаласында қарастырылған авторлардың шығармашылығын, жеке шығармаларын тереңдете зерттегені байқалады. Бумадағы қосымша материалдардың бірі мақалада басымырақ айтылған Метерлинктің “Сокровище смиренных” атты шығармасын талдауға арналған. Мұнда жазушының драма теориясына, Метерлинктің көркемдік мұрасына, аталған шығарманың өзіндік ерекшеліктеріне, әлемдік драматургияның ірі өкілдеріне қатысты ойлары жеке тезистер түрінде берілген. Сонымен қатар символикалық драмаға қатысты сол кездегі әдебиеттануда қалыптасқан анықтамалармен қатар, Метерлинктің өз түсінігін көрсететін цитаталардың берілуі баяндама-мақаланы дайындауға М. Әуезовтің әдебиеттанушы-ғалым ретінде мұқият қарағандығын көрсетеді. Сюжетті шығармалардың, драмалардың, әңгіме, повестердің авторы М. Әуезов өз еңбегінде көркем шығарманы құрылымдық тұрғыдан талдаудың үздік үлгісін жасаған. Еңбектің құрылымы қатаң ғылыми принциптерге негізделген. Ешқандай тақырыптық, идеялық баяндаулар жоқ. Автор алдымен негізгі проблеманың теориялық ұстанымдарын беріп алып, ары қарай әрбір мәселеге жүйелі түрде ауысып отырған. Метерлинк шығармашылығының негізгі кезеңдерінің көркемдік ерекшеліктерін атап барып, символикалық драма экспозициясы мен байланысының көркемдік қызметінің сырларын ашып, пьеса афишаларының (кейіпкерлер тізімінің) әр авторлардағы қолданылу жолдарын, қызметін талдап, пьесалардағы ремаркалардың көркемдік қызметіне қатысты терең теориялық тұжырымдар жасаған. Символикалық драманың көркемдік компоненттерінің

орналасуындағы тосын жағдайлар, көркем бейнедегі реалдық және символдық белгілердің арақатысы, экспозиция түрлері, оның ішінде психологиялық экспозиция жайында нақты, терең ойлар айтқан. Символистік драмадағы байланыстың дәстүрлі реалистік драмадағы байланыстан айырмашылықтары, символистік драма байланыстарының созылмалы болу себептері құрылымдық тұрғыда талдау жолымен ашылған. Мақала-зерттеуде символикалық драмада диалогтық, монологтық құралдардың байланысы мен қолданылу мөлшері жайында, символдық элементтердің (мұнара, королева, үндемейтін кемпір, т.б.) көркемдік қызметі турасында соны ойлар бар. Драмадағы реалистік образ бен символдық бейненің айқын дараланып тұрған жерлерін талдаумен қатар, образ, символ, аллегория категорияларының бір-бірінен ажыратылуы қиын тұстарының елеусіз, нәзік белгілерін алғыр суреткерлік түйсікпен тани алған. Мақалада көтерілген әдеби мәселелер толықтай ашылған. Томға беріліп отырған бұл мақала М. Әуезов тұлғасын жаңа қырынан көрсетумен қатар, қазақ әдебиеттану ғылымын да биік белеске шығарып тұр.

Мақала мәтіні томға қолжазбасы бойынша толықтай берілді. Мүлдем өшіп қалған сөздердің орны ашық қалдырылды.

1. 5-б. **Метерлинк** – Морис Метерлинк (1862–1949) – бельгиялық драматург, ақын. Француз тілінде жазған. 1896 жылдан Францияда тұрған. Әлемдік драматургия жанрының дамуына елеулі үлес қосып, драма жанрына көркемдік, стильдік жаңалықтар әкелген суреткер. Өмірдегі, әдебиеттегі тоғышарлыққа, натурализмге қарсы шыққан. “Таза өнер” стилін қолдаушы, символист. “Көк құс” атты аңыз-пьесасы үшін 1911 жылы Нобель сыйлығына ие болды. “Жылыжай” (1889), “Он екі өлең” (1896), т.б. өлеңдер жинағын шығарған. “Шақырылмаған”, “Соқырлар”, “Принцесса Мален”, “Пелеас пен Мелисандра”, “Алладина мен Паломид”, “Сонда, ішінде”, “Ариана мен Көк сақал”, т.б. пьесалардың авторы. “Жанна д’Арк” тарихи драмасы 1940 жылы жазылып, 1945 жылы баспадан шыққан. Философиялық ертегі, комедиялық аңыз, тарихи реалды драма үлгісінде жазылған пьесалары бар. “Даналық пен тағдыр”, “Қасиетті храм”, “Кеңістіктің өмірі”, “Құдайдың алдында”, “Басқа әлем немесе күн сағаты” эсселер кітабын жазды. М. Әуезов мақаласында 1894 жылы жазылған “Тентажильдің өлімі” пьесасы талданған. 238-бумадағы қосымша материалдарда Метерлинктің “Мойынсұңғандар қазынасы” атты эсселер кітабына қатысты М. Әуезовтің ойлары жеке-жеке тезистер ретінде берілген. Метерлинктің 1918 жылға дейін жазылған шығармалары Ресей театрларында қойылған. “Тентажильдің өлімі” пьесасын 1905 жылы МХАТ студиясында Мейерхольд сахналады.

2. 5-б. **Ибсен** – Генрих Ибсен (1828–1906) – норвег драматургы. Кедейленген саудагердің баласы. Жастайынан тоғышарларды, арамза, пысықай саудагерлерді жек көрді. Өлеңдер жинақтары, мақалалар топтамалары да шыққан. “Батыр қорғаны”, “Сулхауттегі той” лирикалық драмалары, “Какилина”, “Эстроталық Фру Ингер”, “Таң үшін күрес” тарихи драмаларының авторы. Философиялық драмалар жазды. Философиялық-символикалық, драмалық поэмалардың, эсселік сипаттағы мақалалардың авторы. Символизмге кейінірек келген. Ибсеннің шығармашылық мұрасы әлемдік әдебиет тарихынан сүбелі орын алады. М. Әуезов мақаласында Ибсеннің “Құрылысшы Сольнес” (1892) пьесасы жан-жақты талданылған.

3. 5-б. **Гауптман** – Герхард Гауптман (1862–1946) – неміс жазушысы. Иен университетінің гуманитарлық факультетінде оқыған. Алғашында мешандық ортаның дәл суреттерін беретін шығармалар жазса, кейін тұрмыс күйін суреттеуден алшақтап, символикалық бағытқа ауысты. 1912 жылы Нобель сыйлығын алды. “Күн шығар алдында” (1889), “Татуласу мейрамы” (1890), “Жалғыздар” (1891), “Тоқымашылар”, “Егеуқұйрықтар” (1911), “Қысқы баллада”, “Күн батар алдында”, т.б. драмалық шығармалардың авторы. 1941–1944 жылдары грек аңыздарының желісімен тетралогия жазды. Өлеңмен жазылған драмалары, ертегілері, мемуарлары бар.

4. 5-б. **Л. Андреев** – Андреев Леонид Николаевич (1871–1919) – орыс жазушысы. Кедейленген дворян отбасында туған. Петербург–Москва университеттерінің заң факультетінде оқыған. Жас кезінде Ж. Верн, Э. По, Ч. Диккенстерді көп оқып, Писарев, Л. Толстойларды үлгі тұтқан. Өмір бойы Шопенгауэрге табынып өткен. “Бергамот и Гараська”, “Большой шлем”, “Мысль”, “Жизнь Василия Фивейского”, “Рассказ о семи повешенных”, т.б. белгілі әңгімелердің, “Сашка Жигулев” романының, “Дневник Сатаны” роман-памфлеттің авторы. Орыс драматургиясында сүбелі орын алатын “К звездам”, “Савва”, “Жизнь человека”, “Океан”, “Профессор Сторицын”, т.б. пьесалардың авторы. М. Әуезов мақаласында Л. Андреевтің 1909 жылы жазылған “Анфиса” пьесасын символикалық драма талаптары тұрғысынан талдаған.

Р. Әбдіғұлов

“Особенности драматургических приемов Пушкина”

М. Әуезовтің бұл ғылыми-теориялық сипаттағы мақаласы жазушы мұражайының қолжазба қорында сақталған. Бұрын еш жерде жарияланбаған, библиографиялық еңбектерде көрсетілмеген. Қолжазба қорындағы 238-буманың 147–150-беттеріндегі мақала мәтіні қара қарындашпен және сиямен М. Әуезовтің өз қолымен жазылған. Парақтың екі бетіне түсірілген мәтіннің қарындашпен жазылған бөлігінің сақталуы нашар. Беттердің бүгілген жерлері мен шеттерінде, бұрыштарында өшкен сөздер, тіркестер кездеседі. Қолжазбаның үстінен автордың өзі өңдеу, түзету жұмыстарын жасаған. Осы томдағы “Экспозиция и завязка символической драмы” мақаласының ғылыми түсініктемесіндегі деректер “Особенности драматургических приемов Пушкина” мақаласына да қатысты. Мақалада А.С. Пушкиннің шығармашылық өмірбаянына қатысты ешқандай дерек берілмеген, шығармалардың жазылған жылдары да айтылмайды. Пушкин драмаларын суреткерлік шеберлік, әдеби байланыс, әдеби даму, шығармашылық тарих тұрғысынан талдамайтынын бірден ескерткен мақала авторы тек драма жанрының ішкі табиғатын драмалық компоненттердің құрылымын ашу тұрғысынан қарастыратынын баса айтқан. М. Әуезов Пушкиннің драмалық мұрасынан орыс әдебиетіндегі тұңғыш реалистік трагедия “Борис Годунов” пен “Пир во время чумы” пьесаларын алған. Алдыңғы пьеса А.С. Пушкин шығармашылығын кезеңді бетбұрысқа әкелген шығарма деп есептелсе, “Пир во время чумы” пьесасы – ұлы ақынның Болдинода дүниеге келген шағын трагедияларының алдыңғы қатарлысы. Пушкин бұларда адамның қайшылыққа толы шетін мінездерін ашуға бет алған болатын. М. Әуезов бұл пьесаларды тек драмалық жанр поэтикасы тұрғысынан талдап, трагедия ішіндегі драмалық компоненттердің орналасу, байланысу ерекшеліктерін талдай отырып, Пушкиннің драматург ретіндегі сюжеттік-композициялық тұрғыдағы стильдік ерекшеліктерін ашқан. Пьесаларға тақырыптық-идеялық баға берілмеген. Драмалық шығармалардағы сюжеттік ағымдардың жалпы қозғалысы мен же-

келеген ағымдардың бағыттарын, олардың алшақтауы мен қосылу жолдарын, талдап отырған пьеса композицияларының қалыптасқан әдеттегі драмалық құрылымдарға ұқсамайтынын шығармаларды құрылымдық тұрғыдан талдау арқылы дәлелдейді. Мақалада Пушкин драмаларында “үш бірлік” заңының сақталмайтыны айтылып, мысалдармен дәлелденген. Аталған шығармаларда символистік элементтер айқын көрініп тұрмаса да, мақалада олар жалпы реалистік образдардан сенімді түрде ажыратылған. Образ, мінез жасаудағы монологтық, диалогтық бастаулардың қызметін талдай келе, пьесаларда афиша (кейіпкер тізімі) мен ремаркалардың жоқтың қасы екенін көрсетіп, себептерін ашқан. Пьесаларды талдаудың ғылыми-теориялық деңгейі өте жоғары. Дәстүрлі ғылыми еңбектердегі, баяндамалардағы қалыптасқан принциптерге сәйкес проблеманың теориясы беріліп, берілген тақырыптың зерттелуіне шолу жасалған. Айтар ойын шашыратпай, негізгі мәселені нақты мысалдармен айқындап, дәлелдеп отырған. Мақала мәтініндегі Пушкин драматургиясын зерттеушілер жайында айтқандары мен 238-бумадағы қосымша материалдардың мазмұны М. Әуезовтің драма жанрының теориясына қатысты көптеген еңбектерді зерттей оқығанын көрсетеді. Қосымша материалдар мәтінінде жеке-жеке тезистер ретінде мақалаға кірген ойлар, теориялық анықтамалар жүр. Болашақ еңбектің сұлбасы алдын ала дайындалған. Мақаланың өте биік ғылыми деңгейде жазылуы автордың сюжетті шығарма поэтикасының нәзік қырларын терең сезінетін, көркем образ табиғатын жанымен ұға алатын ерекше дарынға ие екенін көрсетеді. Осы кезге дейін оқырманға жетпей келген бұл мақала пушкинтану саласындағы үлкенді-кішілі мындаған еңбектердің ішінен сүбелі орын алатын, М. Әуезовтің әдебиеттанушы ретіндегі тұлғасын жаңа қырынан көрсететін еңбек.

Мақаланы қолжазбасы бойынша түгелдей беріп отырмыз. Оқылмаған сөздердің орны ашық қалдырылды.

Р. Әбдіғұлов

“Поэзия чистого искусства 60-х годов”

Мақала М. Әуезов мұражай-үйінің қолжазба қорында сақталған. Бұрын еш жерде жарияланбаған, библиографиялық көрсеткіштерде аталмайды. “М.О. Әуезовтің қолжазба мұрасы” еңбегінде мақала аталып, бума нөмірі мен беті көрсетілген. Мақала жазылған қағаздың сақталуына қарағанда бұрын да қолжазбамен жұмыс жасалған. Қолжазба (238-бума, 116–121-бб.) ашық жолды көлемді қағаздың екі бетіне қара қарындашпен жазылған. Сақталуы нашар. Беттің бүктелген жерлерінде, шеттерінде, бұрыштарында өшіп қалған сөздер, сөз тіркестері бар. Кейбір сөздер қысқартылған түрде жазылған.

Мақала мәтінін қалпына келтіру мақсатында қолжазба текстің түсіріп алып, оқылмаған сөздерді анықтау үшін түсірілген сөйлемдердің мағынасына сүйене отырып қайта қарау әдісі қолданылды. Бұл мақала мәтіні – 238-бумадағы мақалалардың ішінде автор тарапынан көбірек өңделгені. Жеке сөздер, сөйлемдер үстінен сызылып, жаңа сөздер, сөйлемдер қосылған.

Аталған бумадағы төрт мақаланың үшеуі, қосымша материалдардың барлығы дерлік драматургия жанрының проблемаларына арналған. Солардың ішінде “Поэзия чистого искусства 60-х годов” мақаласының ғана тақырыбы басқа. Мақала авторы 1850–1860 жылдардағы Россия әдебиетіндегі таза өнер поэзиясының көркемдік ерекшеліктерін талдаған. Драматургия мәселелеріне арналған мақалаларында М. Әуезов драма жанрын әдебиеттанушы-теоретик ретінде қарап, сюжеттік-композициялық, диалогтық-монологтық, образдық-символдық элементтерді структуралық тұрғыда талдаса, бұл мақалада А. Фет, т.б. лирик акындардың шығармашылығын таза эстетикалық, көркемдік категориялар аясында талдайды. Мақалада автор алдымен таза өнер поэзиясының көркемдік қасиеттерін, поэтикалық ерекшеліктерін анықтап алып, ілкі бастауларын А.С. Пушкиннің жас кезіндегі, Царское село лицейінде оқып жүрген кезеңіндегі шығармашылығынан табады. Бұл ағымға Тютчев, А. Толстой, Полонский, Майков, Феттерді жатқызып, мақалада негізінен А. Фет

поэзиясын талдайды. Таза поэзияның француз ақыны П. Верленнен келе жатқан “ең алдымен музыка” деген ұстанымымен қатар, табиғат пен адамның сыртқы сұлулығын құмарта суреттейтін ерекшелігі, тарихтан, әлеуметтік ойлау жүйесінен аулақтығы белгілі бір ақындық құрылым қалыптастырады. Бұлар сөздің саздылығы мен эмоционалдық әсеріне баса назар аударған. Феттегі лирикалық кейіпкер де табиғат тылсымына терең бойлағанмен, тарихтан тыс тұрады. Әлеуметтік қозғалыстардың, сол кезге тән идеологиялық ойлардың көрінісі Фет поэзиясында жоқ. И. Тургенев “ол табиғат пен адамның сыртқы сынын ішкі сырынан анағұрлым терең сезінген” дейді. Сезімге суарылған сұлулықты суреттеудің шырақу шыңына шыққан Фет поэзиясын сөзбен түсіндіріп берудің аса қиын міндет екенін Феттің замандастары да, кейінгі зерттеушілері де айтқан. Осындай “ұстайтын жері” тым нәзік тақырыпты М. Әуезов өте жоғары деңгейде игерген. Фет өлеңдерінің нәзік қырларын талдауда әдебиет сыны деңгейінен көтеріліп, ғылыми-теориялық тұрғыда талдауға ыңғай беруі қиын материалды жүйелеп, көзге ілігуі қиын белгілерін тап басып айтқан. Мақаланың ғылыми дәрежесі Фет шығармашылығына арналған еңбектердің кез келгенімен иық теңестіре алады. Мақаланың тілі өте дәл және образды.

Мақаланы томға қолжазба нұсқасы бойынша толықтай беріп отырмыз. Өшіп қалған сөздердің орны ашық қалдырылды.

1. 29-б. **Тютчев** – Тютчев Ф.И. (1803–1873) – орыс ақыны. Жастайынан ерекше қабілеттілігімен көзге түскен. Бала кезінде ақын-аудармашы С.Е. Раичтан оқып тәрбие алған. 1819 жылы Москва университетінің тіл бөліміне оқуға түскен. 1822–1844 жылдары Германияда қызметте болды. Гораций, Шекспир, Байрон, Гете, Шиллер, Гейне шығармаларын аударды. Философиялық лирикасы бар. Орыс әдебиетіндегі романтизмнің соңғы өкілі деп есептеледі. Орыс символизмі мектебінің өкілдері Тютчевті өз қатарларына қосқан. Тірі кезінде замандастары классик ақын ретінде мойындады.

2. 29-б. **Алексей Толстой** – Толстой А.К. (1817–1875) – ақын-драматург, жазушы. Шығармашылығын прозадан бастаған. 1840 жылдары өлең жаза бастап, 1867 жылы көзі тірісіндегі жалғыз жинағын шығарған. А.К. Толстой лирикасының басты тақырыбы ретінде сұлулық пен махаббатты алған. Өте көркем стильге ие болғанмен, шығармаларында тарихи нақтылықты үнемі сақтай бермеген.

3. 29-б. **Полонский** – Полонский Я.П. (1813–1898) – орыс ақыны. Кедейленген дворяндардан. Мәскеу мемлекеттік университетінің заң факультетінде оқыған. Көптеген өлеңдер жинағы шыққан, повестері, әңгімелері, очерктері, мемуарлары

бар. Лирикасының негізгі тақырыптары: табиғат, сұлулық, махаббат.

4. 29-б. **Майков** – Майков В.И. (1728–1778) – орыс ақыны. Поэзиясында әдемілікті, табиғат сұлулығын көп жырлаған. Антикалық поэзияның білгірі және еліктеушісі. Таза поэзия өнерінің ірі өкілі. Шығармашылығында символистік сарындар да кездескен.

5. 29-б. **Фет** – Фет А.А. (шын фамилиясы Шеншин) (1820–1892) – ақын, аудармашы, прозаик, публицист. 1838–1844 жылдары Мәскеу университетінің тіл бөлімінде оқыған. 1840 жылы “Лирический пантеон” атты өлендер жинағы шыққан. Шығармашылығының алғашқы қадамдарына В.Г. Белинский бірден жоғары баға берген. ХІХ ғасырдың ортасындағы таза поэзия өнерінің басты өкілі. Фет поэзиясында қаншалықты романтик болса, прозасында соншалықты реалист болған. Фет поэзиясының табиғаты М. Әуезов мақаласында терең ашылған.

Р. Әбдіғұлов

“Об “Арқалыке” и о критике тов. Мусрепова”

1935 жылы “Социалды Қазақстан” газетінің бетінде (1935. 3 сәуір. №77) Ғ. Мүсіреповтің “Арқалықтың” жаңа қойылымы туралы” атты мақаласы жарияланса, ал бұдан кейін “Лениншіл жас” газетінде Қалыбек Тұрғамбаевтың “Арқалықты” сахнадан алу керек” деген мақаласы (1935. 11 мамыр. №72) жарық көрді. Ал Қ. Тұрғамбаевтың осы сынаржақ сынына Ә. Тәжібаев “Сын қолжаулық емес” деген қарсы мақала (1935. 31 мамыр. №80) жазды.

Ғ. Мүсіреповтің мақаласында тек қана жеке спектакль сөз болмай, театрдың бүкіл көркемдік бағыты туралы айтылғандықтан, драматургия саласында ғана емес, театрдың әдеби-көркемдік жетекшісі ретінде де белсенділік танытқан М. Әуезов үндемей қала алмады. М. Әуезовтің газетке шыққан жауап ретіндегі пікірі тек “Арқалық” спектакліне ғана емес, театрдың барлық репертуарлық саясатына, кенірек айтсақ, әдебиет қайраткерлері мен театрдың өзара қарым-қатынасына қатысты оның творчестволық көзқарасын сипаттайды. Бұл материалдың әдебиет тарихшылары үшін де, 30-жылдардағы театрдың күрделі кезеңін зерттейтін театртанушылар үшін де маңызы зор. “Арқалық батыр” пьесасы туралы “Қазақ театрының тарихында” (Алматы: Ғылым. 1-т. 33-б.), көрнекті театр зерттеушілері Б. Құндақбаев, Р. Нұрғалиев еңбектерінде жазылса да, бұл материал М. Әуезовтің бірде-бір шығармалар жинағына енген. Бұл материалдың мұражайдың қолжазба қорында сақталған орыс тіліндегі нұсқасы (“Әуезов үйі” ҒМО-ның қолжазба қоры. 237-бума. 40–51-бб.) қазақ тіліндегі нұсқасына қарағанда ауқымды және толық

М. Әуезов мақаласының мазмұнын терең түсінуді және нәліктен пьеса авторы Жұмат Шанин мен театр жаңа вариант жасағандығын Е. Жақыпов жұмыстарынан іздейміз. “Пьеса Қазақ мемлекеттік театр сахнасында бірінші рет 1927 жылы қойылып, бірнеше жыл бойы репертуардан түспей келді.

Бұл қазақ драматургиясындағы (қолжазбасы 119 бет) үлкен екі бөлікке бөлінген, он актыдан тұратын ең көлемді пьеса. Театрда

оны қатарынан екі кеш қойып жүрді” (Е. Жакупов. Эпос на сцене. Алматы: Жалын, 1977. 26—28-бб.).

М. Әуезов мақаласында пьесаның бұрынғы мәтініндегі кемшіліктерін ескере отырып, осы маусым басындағы театр жайлы баса айтылған. Оны қоймас бұрын ол мәтін авторы Ж. Шанин жолдасқа түзетуге береді. Жұмыла жұмыс істеу нәтижесінде пьеса біраз қысқартылды (бұрын ол 2 серия болып қойылатын).

М. Әуезовтің “Аркалық” пьесасын сынауға қарсылығы және дәлелдері қызба эмпиризмдік емес, соның білгір маманы ретінде сипат алады. Бұл тек театрдың әдеби-көркемдік жетекшісінің ғана пікірі емес, сонымен бірге кәсіби драматург әрі театр маманының пікірі. Оның түспалдағаны осы. “Театрға “түзету енгізу”, “жетілдірілген қойылым” (Мүсірепов сөздері) түсініктерін Мүсірепов жолдас өзінше түсінеді әрі мағынасын нашар елестетеді.

Театрға түзету енгізу дегеніміз – театр мүмкіндігіне сай режиссерлік түзетулер. Театрдың репертуарына бекітіліп енгізілген пьеса кинорежиссер еншісіне берілген әдеби сценарийге жатпайды. Драманың сюжеттік негізін, архитектурасын және атын өзгерту театрдың жұмысы емес. Бұл – жазушылардың жұмысы. Міне, осы жерде Мүсірепов жолдас әдеби олқылық үшін кінә қоюдың орнына адасқан. Театрдың бұл бағыты дұрыс емес, пьесалары жеткіліксіз дайындалған, қысқа сөзбен айтқанда, нашар драматург деп кінәні театрға таққан. “Түзету енгізу” деген бар, “пьеса мәтінімен жұмыс істеу” деген де бар, бірақ оның “Аркалыққа” қатысты қойған талаптары театрдың міндеттері мен мәселелерінің шегінен шығып кетеді”.

Барлық келтірілген материалдардың негізі 30-жылдардың сынына ілінген тұрпайы социологизмге қарсы тұру, соның ішінде спектакльдің көркем құндылықтары ұмытылып, әлеуметтік “жалған төңкерісшіл” идеологияның жетегінде кеткен театр спектакльдерінің рецензиялары болып табылады. Тура осындай сынға М. Әуезовтің 1934 жылы жалғыз рет қойылып, репертуардан алынып тасталған “Хан Кене” пьесасы да ілінді.

“Пьесаның әлеуметтік мағынасы қарсы таптар арасындағы күрес туралы емес, бір билеуші таптардың ішіндегі шиеленісті ашады деп түсіндік. Біз осы шиеленісті қазақтардың да, дәрбеттердің де жоғарғы сатыларынан (басшыларынан) табуға тырыстық. Жолдас Мүсірепов осылардың орнына “Аркалық” арқылы бір-біріне қарсы екі таптың арасындағы күресті көрсетуді талап ете отырып, өзінің театрға қояр кінәсін осыған әкеп тірейді”, – деп, М. Әуезов өзінің дәлелдерін әлемдік классикаға сүйене отырып, пьесаның театрлық қойылым тарихын, 1935 жылдағы баспасын егжей-тегжейлі талдайды. “Аркалық батыр” драмасының эпикалық

кендікке ұмтылуын, келіспеушіліктің даму ерекшеліктерін терең зерттей отырып, М. Әуезовтің жауабынан кейін 30 жыл өткен соң белгілі ғалым С. Ордалиев оның көркемдік құндылығын былай түсіндіреді:

“Осы тәрізді елеулі қателіктері бола тұра трагедияның кейбір ұтымды жақтары да болды. Драматургтың фольклорлық тақырыпқа бой ұруы трагедияның тек сюжеттік желісіне ғана емес, сонымен қатар шығарманың тіліне де, оның кейіпкерлерінің сөз саптауларына да белгілі дәрежеде әсер етпей қалмаған. Халықтың тіл байлығы – шешендік сөздері мен мақал-мәтелдерін автор мол және шебер қолданған. Кейіпкерлерінің драмалық диалогтерге құрылған тілінен олардың характері айқындалып тұрады” (Қазақ драматургиясының очеркі. Алматы, 1964. 47–48-бб.).

Ж. Шанин жоғары кәсіби драматург ретінде театрдың жан-жақты дамуына мүмкіндіктер туғызды. Бұны өнертану докторы Б. Құндақбаев былай бағалады: “Жұмат Шанин өзінің шығармашылық қызметінде театр өнеріне байланысты жұмыстың бәріне тікелей араласып отырған. Бұрын-сонды ұлттық топырақта болмаған өнерді ұйымдастырып, басқа ілгері кеткен елдердің театр жолымен дамытып жүру – үлкен мәдени жеңіс” (Бағыбек Құндақбайұлы. Заман және театр өнері. Алматы: Өнер, 2001. 51-б.).

Ары қарай автор “Арқалықтың” бірінші нұсқасына, жоғарыдағы Ғ. Мүсіреповтің сын мақаласына (1935. 3 сәуір) тоқталады. Бірақ М. Әуезовтің “СК” басқармасына ашық хат” деген жауап ретіндегі мақаласы (1935 жылғы 29 мамыр) мен оған Мүсіреповтің жазған жауабын (осы жылдың 29 мамырындағы) автор ескермеген. Бұл мақала жазушының академиялық толық жинағының 10-томына (23–24-бб.) “Социалды Қазақстанда” (1935. 29 мамыр) жарияланған шағын нұсқасы бойынша енгізілген. Аталмыш газетте “СК” басқармасына ашық хатпен” бір нөмірде қатар жарияланған “Мұқтардың хаты туралы” деген мақаласында Ғ. Мүсірепов М. Әуезовтің сөзін дұрыс бағалап, К. Тұрғамбаевтың “Лениншіл жас” газетіндегі мақаласын (1935. 29 мамыр) сынаған.

“Тұрғанбайұлы мақаласында бойына шақ келмейтін бір мәселелерді қозғап, шектен шығудың үлгісін көрсетіпті. Театр мен Мұқтарға күйе жаққысы келіпті де, аузына не түссе соны айтыпты.

Мұқтарға драма театрының әдеби жұмысына жауаптылық қанша үлкен десек те, әдебиет мәселесінде қанша айтысып-тартыссақ та сыя береді. Өйткені біз Мұқтарға ешбір қалтқы қоймай қараймыз.

Соңғы екі жыл ішінде Мұқтар театрларымыз бен әдебиетімізде ең салмақты орынды алып отырғанына ешкім таласа алмай-

ды. Ән-күй театрының шымылдығын ашқан “Айман – Шолпан”, “Тартыс”, “Түнгі сарын” секілді пьесаларын көре отырып, Мұқтарға адыра қалған ескі дүниемен байланысты толқуларын орынсыз ескерте берудің өзі көргенсіздік. Оның үстіне бар өнерін еңбекші жұрттың пайдасына жаратуға жан-тәнімен күресіп жүрген Мұқтарға сенбеушілік көрсеткен түп-тура қылмыс”, – делінген.

Өкінішке қарай, Ғ. Мүсіреповтің “Арқалықтың” жаңа қойылымы туралы” деген бірінші рецензиясы оның 5 томдық жинағына кірмеді. Тек 1933 жылғы 29 мамырдағы М. Әуезовтің ашық хатына жазған ашық пікірі ғана енді.

Ғ. Мүсіреповтің бұл екінші рет сөз қозғауы оның бай эпикалық мұраға қарым-қатынасын, оның драматургияны басқаша түсінуін анықтады, яғни нақ осы драматургия революцияға дейінгі мәдениетті қазіргімен қосатын, оны түбегейлі жаңартуға тырысатын өзгеше көпір еді. Оның драматургиялық шығармашылығында негізгі орынды “Қозы Көрпеш – Баян сұлу”, “Қыз Жібек” және т.б. пьесалар алады.

Бұл материалды енгізген себебіміз – ол 1937 жылға дейінгі әдебиет және мәдениет қайраткерлерінің қазақ халық эпикалық дәстүр драматургиясына деген әртүрлі көзқарастарының куәсі болған. Ғ. Мүсіреповтің “Арқалық батырдың” жаңа қойылымы туралы” атты мақаласына М. Әуезовтің жауабы бұлардың әрқайсысының театрдың даму жолы туралы өз түсініктері болғанын білдіреді. Олардың пікірі мен бағалаулары сәйкес келмегенімен, бірақ болашақта екі классик те ұлттық театрдың дамуы мен құрылуына барлық күштерін салды.

М. Әуезовтің Ғ. Мүсірепов сөзіне жазған жауабы сол уақытта театрға жоғары творчестволық қызмет ету әктісі болды, бірақ бұның артында автордың сол кездердегі әдебиеттану, кейіннен жас театртану сынына енген қоғамдық сана идеологизациясына шектен шыға қарсы тұрмауы үшін жазылған еді.

Редакция алқасы М. Әуезовтің мұражайында сақталған орыс тіліндегі жауабын жариялауды қажет деп тапты. Себебі бұған дейін М. Әуезов пікірі зерттеушілерге тек түпнұсқаның жалпы мағынасы бұрмаланған және Ж. Шанин пьесасына әлеуметтік көзқарас ХХ ғасырдың соңына дейін созылған цитаталардан ғана таныс еді. Зерттеуші Е. Жақыпов өзінің “Сахнадағы эпос” деген жұмысында пьесаны терең талдай келе, “пьесада әлеуметтік мотив өз дәрежесіне жетпеген” деп атап көрсетті.

Пьеса қойылымына шек қою республиканың театр жүйесіне кірген болатын, осылайша “Хан Кенеге”, артынша “Арқалық батырға” да тыйым салынды. Мемлекеттік эстетикалық ереже туындады. Оның нақты әсерін көлемі туралы айтылатын материалдан білуге болады. Нақ осы материалдарда автор үнемі “жетекші

жолдастардың” пікіріне сүйенуіне мәжбүр болатын: “Бірінші қойылымды көрген, біздің жетекші жұмыскерлер пікірлері бойынша, біздің театр бұл пьеса арқылы тарихи өткен кезеңдегі таптар арасындағы тартысты көрсете алмаған”.

Осы хаттан партиялық парыздың (догматтын), тұрпайы социологизмнің нақты тарихы, М. Әуезовтің қазақтар үшін театр мәдениетін өзінің шынайы көркем мағынасымен сақтап қалуға тырысуы көрінеді. Жүзеге аспаған ойлар, қойылмаған немесе алынып тасталған пьесалар, жарық көрмеген шығармалар, интеллигенцияны күштеп және моральдық қырып-жою – міне, осылар 30-жылдар тарихындағы театр мен мәдениет үшін күрделі кезең шындығы.

М. Әуезов пьесаның тарихи сипатына қатысты мемлекеттік қатаң тізбегін, көркем шығарма табиғатын елемейін әлемдік классика тұрғысынан түсінуге, өзін-өзі көрсетуді сақтау мүмкіндігін әлемдік классикаға (Шекспир...), орыс драматургиясының мысалдарына, орыс театрына және орыс театр сындарына сүйеніп қабылдануға тырысты.

1. 45-б. **Таиров** – Таиров Александр Яковлевич (24. VI (6.VII) 1885, Ровно – 25.IX. 1950, Москва) – орыс совет режиссері. РСФСР халық әртісі (1935).

1914 жылы Таиров А.Г. Коонен және жас актерлер тобымен бірге өзінің келешектегі барлық өмірі байланысты Камералық театр құрды. Таиров – ХХ ғасырдың мәдениет театрының ең ірі режиссер-реформаторының бірі.

Таиров нәзіктік шеберлігіне, романтикалық және трагедиялық-поэтикалық репертуарға, аңыз секілді сюжеттер мен үлкен, күшті сезімдерді бейнелеуге ұмтылды. Таировтың Камералық театр ашылған күні қойылған Калиданың “Сакунтала” спектаклі оның шығармашылық бағытын анықтады. Таировтың бағдарламалық спектакльдеріне тағы да мыналар кірді: “Фигароның үйленуі” (1915); Шницлердің “Пьеретта жапқышы” (1916); Уайльдтың “Саломеясы” (1917); Клодельдің “Благовещениесі” (1920); Шекспирдің “Ромео мен Джульеттасы” (1921); Островскийдің “Найзағайы” (1924); Расинның “Федрасы” (1922); Шоудың “Қасиетті Иоанны” (1924); О. Нилдің “Сабалақ жүнді маймыл” (1926), “Құдайдың барлық балаларының қанаты бар” (1929) пьесалары; Тредуэльдің “Машиналь”; Брехтің “Қайыршылар операсы” (1930); Вс. Вишневскийдің “Оптимистік трагедиясы” (1933); Флорбер бойынша “Мадам Бовари” (1940); А. Чеховтың “Шағаласы” (1944); Горькийдің “Қарты” (1946); Паустовскийдің “Жүрек тоқтағанша” (1943) және т.б.

Бұл спектакльдерде Таировтың негізгі идеясы – адамның күшті жеке басын қалыптастыру. Таировтың режиссура теоретигі

ретіндегі негізгі ерекшелігі мәдениет театрының өзін-өзі бағалауы туралы, спектакльдің өзіндік көркем шығармаға айналуы туралы ойлары болып табылады (Театр энциклопедиясы. 5-т. 25–26-бб.).

2. 46-б. **Станиславский** – Станиславский (нағыз фамилиясы – Алексеев Константин Сергеевич, 5 (17). III. 1863, Москва – 1938, сол жерде) – орыс совет актері, режиссер, театр педагогы. Москва көркем театрының негізін салушы және жетекшісі, ойшылы әрі теоретигі. Өзінің көрнекті жол салушылары мен замандастарының бай творчестволық тәжірибесіне сүйене отырып, театр туралы ғылымның мызғымас іргетасын қалады, мектеп құрды. Станиславский жүйесінде теориялық сипат алған сахналық мәдениеттің бағытын салды.

1897 жылы Станиславскийдің В.И. Немирович-Данченкомен атакты кездесуі өтіп, халық театрын құруды шешті. Москва көркем театры (МХТ) 1898 жылы 14 (26) қазанда “Федор Иоаннович патша” деген А.К. Толстойдың тарихи трагедиясымен ашылды. Оның сахнасында Чеховтың “Шағаласы” (Немирович-Данченкомен бірге) үлкен жетістікке жетті. Чеховтың “Ваня ағай” (1899), “Үш апалы-сіңлілі” (1901), “Шие бағы” (1904) спектакльдерінен Немирович-Данченко қазіргі адамның рухани әлемін ашудың жана әдістерін, оларды жүзеге асырудың жана үлгісін тапты. Қойылым жетістігі жеке орындаушылардың ойындарынан емес, бір ғана творчестволық әдіспен біріккен, пьесаны түсіндіруге жұмыла кіріскен барлық спектакльге қатысушылардан құрылған ансамбльден анықталды. Станиславский театрдың барлық элементтерінің ортақ үйлесуіне қол жеткізді, яғни актерлер ойыны, декорация, жарық, дауыс – бәрі бір ажырамас бүтінді құрап, бірегей көркем образды жасады (Театр энциклопедиясы. 4-т. 1064–1072-бб.).

3. 46-б. **Мейерхольд** – Мейерхольд Всеволод Эмильевич (28.1 (9.11). 1874, Пенза – 2.11.1940, Москва) – кеңес режиссері және актері. РСФСР халық әртісі (1923).

Мейерхольд спектакльді көркемдік пен әсемдікке, музыкалық ырғаққа бағынған таптырмайтын ойын-сауық оқиға етіп түсіндірді. Режиссер трагедиялық гротескіге (келекелі сықақ стилінде шығарылған көркем шығарма) ынтық болды, оған өзіндік талдауды “Балаган” (1912) мақаласында берді. Онда ол “гротеск сәндік мәселесінің психологизмін бағындыруға тырысады” деп бекітті. Осы кезеңдегі Мейерхольд көзқарастарында символистік эстетика әсері білінді, бірақ оның келесі творчестволық қызметінде негізгі мәнге гротеск театры өзінің көркемдігімен, ұмтылғыштығымен, жылдамдығымен дәстүрлі халық мәдениетіне сүйенуі тиіс деген ой ие болды. Мейерхольд өзінің мәдениетінде әрқашан буржуазиялық-мещандық, лизандық, эпигондық нату-

рализмге карсылығын білдіріп отырды. Мейерхольдтің үгіт-саяси, митингілік театры келесі спектакльдерден көрінді: Маяковскийдің “Мистерия-Буффи” (1918), Верхарнның “Шапағы” (1920). 1939 жылы Мейерхольд заңсыз қудаланып, өлген соң ақталды.

Мейерхольдтің режиссерлік стиліне тән ерекшеліктері гротескілік өткірлікті белсенді пайдалануы, гиперболизация, сахналық метафораның жарқын берілуі, сахналық бейнеге поэтикалық символ жалпылығын беруге ұмтылуы болды (Театр энциклопедиясы. 3-т. 768–773-бб.).

Р. Қайшыбаева

“Жеңеміз біз, жеңеміз”

Мақала 1941 жылы “Социалистік Қазақстан” газетінің 20 шілдедегі санында жарияланған. Газеттегі нұсқасы бойынша кейін М. Әуезовтің 20 томдық шығармалар жинағының сегізінші томына (Алматы: Жазушы, 1981) енген. Мақалаға сол уақыттағы Отан шебін жаудан азат ету, майдандағы жауынгерлердің ерлік рухын көтеру сияқты өзекті мәселелер арқау болады. Осы кезеңдегі баспасөзде кеңес жауынгерлерінің Отан қорғаудағы ерлігі, тылдағы еңбек адамдарының ұйымшылдығы туралы мақалалар, атақты еңбек озаттарының, өнер қайраткерлерінің соғыстың басқыншылық сипатын айыптайтын сөздері жиі басылып тұрған. М. Әуезовтің “Жеңеміз біз, жеңеміз” деген мақаласы да осы мақсатпен жазылып, соңына Мұхтар Әуезовпен бірге Ғабит Мүсірепов, Ғали Орманов сияқты жазушылар қол қойған. Мақаланың жазылу стилі, мазмұны, тіл шеберлігінен М. Әуезов қолтаңбасы айқын білінеді. Мақала жазушының 50 томдық академиялық басылымына 20 томдықтағы нұсқасы бойынша әзірленді.

1. 52-б. “...улы анчар ағаштың тамырын тартпай, тұқылымен қопарып тастайтын күн туды” – Анчар – тұт тұқымдасына жататын ағаш. Анчар ағашының айдалада жеке-дара өсіп, маңайына у таратып тұратын зияны орыстың ұлы ақыны А.С. Пушкиннің “Анчар” деген өлеңінде суреттелген.

К. Рахымжанов

“Әр тынысың “Отан” дейтін күн бүгін”

Отан қорғау тақырыбына жазылған бұл очерк алғаш жазушы мұражайының архивінде сақталған қолжазба нұсқаның негізінде М. Әуезовтің 12 томдық шығармалар жинағының 2-томында (176–180-бб.) жарияланған. Кейін жазушының 20 томдық шығармалар жинағының 8-томында (68–73-бб.) берілген. Мұражайдың қолжазба қорындағы 59-бумада очерктің латын әріпті машинкамен басылған (6–12-бб.) және латын әліпбиінде, қызыл сиямен жазылған нұсқалары бар. Қолжазба – М. Әуезовтің өз қолтаңбасы. Осы буманың 1–5-беттеріндегі латын әріпті машинкамен басылған “Конвейерде күй мығым” очеркі атауының алдына қара тушыпен рим үлгісінде I саны қойылған. “Әр тынысың “Отан” дейтін күн бүгін” атауының алдында да қара тушыпен II номерін қойып, очерк тақырыбының үстіне көк қарындашпен “Отан ұран салғанда” деп М. Әуезов өз қолымен жазып қойған. Бұл атау аталған екі очерктің ортақ атауы болуы керек. Машинкада басылған мақаланың үстінен қара тушыпен жасалған түзетулер бар. Түзетілген жерлердің астын қызыл қарындашпен айқындап сызып қойған. Мақаланың бұл нұсқасына өңдеу барысында ешқандай жаңа сөйлем, сөздер қосылмаған. Мақаланың соңына таман “Ол күнде...” деп басталатын сөйлемнің ішінен “...көл бетінің толқындай ізсіз ескен желдері бар еді...” деген жер сызылған. Басқа түзетулер тек орфографиялық, пунктуациялық қателерді жөндеу сипатында. Жазушы өз қолымен жазған очерк нұсқасында түзетілген, қосылған, алынған жерлер көп. Машинкада басылған нұсқа мен қолжазбаны салыстырғанда қолжазбаның түзетілген мәтіні дәлме-дәл алынғаны анықталды. Қолжазбаның соңғы бетінде “Халима, басып бер, 2 дана” деп жазып, қолын қойған.

Мұражай архивінде Қазақстан Журналистер одағының мүшесі, архив қызметкері Ғабит Зұлхаров өткізген бума бар. Бұл бумада Зұлхаровтың 1983–1989 жылдары баспасөз беттерінде шыққан мақалалары тігілген. Ғ. Зұлхаров М. Әуезовтің 1935 жылы “Правда” газетінің 23 қазандағы санында шыққан “Товарищ Жанай” атты мақаласын 1987 жылы 13 қазанда Жарма ауданының “За

изобилие” газетінде берген. Бумада “Әр тынысың “Отан” дейтін күн бүгін” очеркінің жазылу тарихын айқындайтын деректер де берілген. Очеркте аталатын он бір кейіпкердің бірі, 1941 жылы Балқаш мыс қорыту комбинатын рудамен қамтамасыз етіп тұрған Қоңырат руднигінің участка бастығы Әбдіхалық Мұстафинмен (жазушы Ғабиден Мұстафиннің туған бауыры) очерктердің авторы кездескен. Мұстафиннің айтуынша, соғыс басталғаннан шамамен бір аптадай уақыт өткенде оны рудник директоры Бутенко шақырып алып, кабинетінде отырған екі адаммен таныстырады. Олар М. Әуезов пен Т. Жароков екен. Мұстафин жазушылармен бір күн бірге болып, рудникті аралатады, сол күні Балқашта өткен көпшілік митингіге қатысады. “Әр тынысың “Отан” дейтін күн бүгін” очеркі осы уақыттағы Қоңырат пен Балқашта көргендерінің әсерімен жазылған.

Очерктің мазмұнына бір күнгі тығыз уақыттың өзінде М. Әуезов өте көп мәлімет жинап алып, маман дерлік білгірлікпен Қоңырат руднигі мен Балқаш мыс қорыту комбинатының өндірістік процестерін жан-жақты да нақты суреттеп берген. Очерк ел басына қауіпті күн туып, бүкіл Батыс Еуропаны фашистік Германия жаулап алып, Кеңес Одағының батыстағы республикаларының қалаларын ойрандап жатқан кезде жазылғандықтан, автор шығармасын көтеріңкі стильде жазған. Осы мақсат үшін сөйлем синтаксисін шегіне жеткізе өңдеп, сөйлемдерін ырғақты, ұйқасты етіп құрған. Бұл очеркте соғысқа дейінгі жазылған очерктерде кездесетін идеологиялық сипаттағы ойлар жоқ. Патриоттық, ерлік рухты көтерген, көркемдік қасиеті өте жоғары шығарма. Очерктің қолжазба нұсқаларын жазушының 12, 20 томдық шығармалар жинағында берілген нұсқаларымен салыстырғанда, тек қолжазбадағы “Сталин сұңқарлары...” деп басталатын сөйлемдегі “Сталиннің” орнына шығармалар жинағында “Совет” деп берілгені анықталды. Басқа ешқандай өзгешелік жоқ, М. Әуезовтің 50 томдық толық шығармалар жинағының бұл томына очерктің 12, 20 томдық шығармалар жинағындағы басылымын еш өзгеріссіз беріп отырмыз.

1. 55-б. “...Қоңыраттың кең қолатты кернеп алған көп горизонттарына” – Жер қыртысындағы кенді жыныстардың қабаттары.

2. 55-б. **Тар лава** – кен жыныстарындағы пайдалы қазбаларды алу үшін қазылатын горизонтальды немесе көлбеу қуыстар. Үңгір, туннель сияқты болады.

3. 55-б. **Взрыв** – жарылыс. Мұнда кенді жыныстарды қопарып босатуды айтып отыр.

4. 55-б. **Гандола** – жазық табанды, аласа жақтаулы, жүкті өздігінен түсіретін вагон. Негізінде көмір, руда, т.б. сусымалы, кесек түйіршікті заттар тасуға пайдаланылады.

5. 55-б. **Думпкар** – жүкті өзі түсіретін вагон. Құрылыс материалдары, руда тасуға арналған. Негізінде өндірістің ішкі темір жолдарында пайдаланылады.

6. 56-б. **Армстронг бұрғысы** – тау жыныстарынан жарылғыш заттар салуға қажетті қуыс дайындайтын бұрғы.

7. 57-б. “**...агрегатта**” – Мұнда руда алуға қажетті жабдықтар мен машиналардың түрлерін айтып отыр.

Р. Әбдіғұлов

“Окрыленное творчество”

М. Әуезовтің бұл мақаласы 1944 жылы бүкілодақтық “Известия” газетінің 21 маусымдағы санында шыққан. Жазушы мұражайының архивінде мақаланың қолжазбасы сақталмаған.

Шағын мақаланың соңында “Алма-Ата (По телефону)” деген дерек бар. Бұған қарағанда мақала газет редакциясының шұғыл тапсырмасымен дайындалып берілген. Мақалада Қорқыт туралы аңызды кіріспе ретінде ала отырып, соғыс жылдарындағы қазақ әдебиеті мен өнері, ғылымы жайында қысқаша деректер берілген. Мақаланың жазылу стилі, қамтылған ақын, жазушылар, өнер қайраткерлері, ғылыми қызметкерлерге қатысты қысқа қайырып айтқан ойлары бұл мақаланы М. Әуезовтің алдын ала арнайы дайындалып жазбағандығын көрсетеді. Мақалада “Абай” көркемсуретті фильмінің түсірілуі жайында, КСРО Ғылым академиясының қазақ филиалының соғыс кезіндегі жұмысы жайында құнды деректер бар. “Известия” газетінің бұл санында Кеңес Одағының әр республикаларынан келген қысқа хабарлар, шағын мақалалар берілген.

М. Әуезовтің 50 томдық шығармалар жинағының бұл томына мақаланы “Известия” газетіндегі нұсқасы бойынша еш өзгеріссіз толықтай беріп отырмыз.

1. 58-б. “...ведется деятельная подготовка к производству художественного фильма “Абай” – “Абай” көркемсуретті фильмінің сценарийін М. Әуезов жазған. “Песни Абая” деген атпен 1945 жылы шыққан толық метражды көркемсуретті фильмінің режиссерлері – Г. Рошаль мен Е. Арон, операторы – Г. Пышкова, бас суретшісі – Қ. Ходжиков, композиторы – Л. Хамиди. Фильмнің сценарийін жазуға Г. Рошаль қатысқан. М. Әуезов мұражайының қолжазба қорында сценарийдің үш нұсқасы бар.

2. 58-б. “**Чио-Чио-сан**” – Италияның ұлы композиторы, опера жанрының негізін салушылардың бірі Дж. Пуччинидің (22.12.1858, Лукка – 29.11.1924, Брюссель) операсы. “Мадам Баттерфляй” деп аталады. Абай атындағы Қазақ мемлекеттік опера және балет театрында 1944 жылы қойылған.

3. 58-б. **“...оперы “Абай”** – Операның либреттосын М. Әуезов жазған. Опера төрт перде, бес суреттен тұрады. Композиторлары – А. Жұбанов пен Л. Хамиди. Операның музыкасын жазу кезінде, қоюға дайындау барысында М. Әуезов өзі араласып, ақыл-кеңестер айтып отырған.

4. 59-б. **“...писатель Муканов”** – Сәбит Мұқановтың “Шоқан” пьесасын айтып отыр.

5. 59-б. **“...Три великих человека в недавней истории казахского народа – Абай, Чокан и Амангельды...”** – 1916 жылғы ұлт-азаттық қозғалысы басшыларының бірі болған Амангелді Имановты қазақ халқының ұлы тұлғаларының қатарына қоюы мақала жазылған уақыттың идеологиялық талаптарынан. Сонымен қатар информациялық сипаттағы материалдарды бүкілодақтық басылымға Қазақстан тарихымен етене таныс емес оқырмандарға арнап дайындағандықтан да болар.

6. 59-б. **“Проведенный недавно в Алма-Ате республиканский “айтыс”** – М. Әуезов 1943 жылы желтоқсан айының 4-нен 10-на дейін өткен бірінші республикалық ақындар айтысының әділқазылар құрамына кіріп, Абай атындағы Опера және балет театрында өткен ақындар сайысының төрағасы болды.

7. 59-б. **“Ақына Байзакова часто можно встретить сейчас в казахских колхозах”** – Иса Байзақов (3.10.1900, Павлодар облысы, Ертіс ауданы – 3.9.1946, Алматы) – суырыпсалма ақын, әнші, домбырашы, сазгер. Импровизаторлық өнердің үздік өкілі. Өмірі мен шығармашылығы жан-жақты зерттелген.

8. 60-б. **“...образ казахской девушки Маншук Маметовой”** – Мәншүк Мәметова (1922, Орал облысы, Орда ауданы – 16.10.1943) Кеңес Одағының Батыры (1.3.1944). Өмірі мен ерлігі жайында жан-жақты жазылған.

9. 60-б. **Мещанинов** – Мещанинов И.И. (6.12.1883, Уфа – 16.1.1967, Ленинград) – филолог, археолог, КСРО ҒА-ның академигі (1932), Социалистік Еңбек Ері (1945). Петербург университетін (1907) және Археология институтын (1910) бітірген. КСРО ҒА гуманитарлық институттарының директоры, КСРО ҒА Әдебиет және тіл бөлімшесінің академик хатшысы болған. Соғыс жылдарында Алматыда болып, Қазақстанда тіл білімі мамандарын даярлауға үлкен үлес қосқан. Көптеген мемлекеттік сыйлықтармен марапатталған.

10. 60-б. **Сауранбаев** – Сауранбаев Нығмет Тінәліұлы (5.5.1910, Жамбыл облысы, Қордай ауданы – 17.11.1958, Алматы) – қазақ тіл білімі ғылымының негізін салушылардың бірі, түрколог. Филология ғылымдарының докторы (1943), профессор (1943), Қазақ КСР ҒА-ның академигі (1946). Өмірі мен ғылыми қызметі жан-жақты зерттелген.

11. 60-6. **Кенесбаев** – Кенесбаев Ісет Кенесбайұлы (15.2.1907, Шымкент облысы, Созақ ауданы – 1995, Алматы) – тіл маманы, түрколог, филология ғылымдарының докторы (1945), профессор (1945), Қазақ КСР ҒА-ның академигі (1946). Өмірі мен қызметі жайында энциклопедияларда, т.б. еңбектерде жазылған.

Р. Әбдіғұлов

“Райхан”

(Литературный сценарий художественного фильма)

М. Әуезовтің “Райхан” киносценарийі ХХ ғасырдың басындағы қазақ ауылында болған төңкерістен кейінгі әлеуметтік өзгерістерді суреттеуге арналған. Шығарма бірден орыс тілінде жазылды ма, немесе қазақ тілінде жазылып, кейін жазушы оны кино түсірушілерге арнап аударып шықты ма, ол жөнінде дәл анықтап айту қиын. Өйткені сценарийдің қазақ тіліндегі қолжазбасы М. Әуезовтің қолжазба қорында кездеспейді. Ал орыс тіліндегі қолжазбасы “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында (51-бума, 1–122-бб.) сақталған. Қарындашпен жазылған қолжазбаның сақталуы жақсы. Жазушы болашақ киноның атын “Райхан” деп қойса да, оны келешекте өзгертпек болып, тұсына “шартты атау” деген белгі қойған. Бірақ көркем фильмнің аты өзгертілмей, осы алғашқы күйінде жарыққа шыққаны белгілі.

“Райхан” фильмінің сценарийі алғаш рет 1983 жылы М. Әуезовтің 20 томдық шығармалар жинағында (Алматы: Жазушы, 1983. 264–323-бб.) жарық көрді.

1939 жылы Қазақстан Компартиясы Орталық Комитеті мен республика Халық Комиссарлар Кеңесі Қазақстанда “Әдебиет және өнерді ары қарай дамыту” атты қаулы қабылдады (Казахстанская правда. 1939. 9 сәуір).

Бұдан соң сценарийлер жазу мен кинематография мамандарын даярлауға арналған арнайы мемлекеттік бригада құрылды. Осы жылы замандастарымыз жайлы ең жақсы сценарийлерге конкурс жарияланды. Конкурса түскен 30-дай шығарманың ішінен М. Әуезовтің “Райхан” киносценарийі жеңіп шықты.

Осы әдеби сценарий бойынша “Ленфильм” киностудиясында 1940 жылы толық метражды көркем фильм түсірілді. Фильм Қазақстанда қазақ және орыс тілдерінде бір мезгілде түсірілген. Кинода ойнаған әртістер рөлдердің орыс тілінде дыбысталуына өз дауыстарымен қатысқан.

Кино түсіру кезінде әдеби сценарийді ленинградтық қоюшы-режиссер М. Левин азырақ өңдеп, жұмысқа қажетті қосымша

нұскасын жасаған. Моисей Зелигович Левин (16.02.1895–1946) театр суретшісі. Қазақстанның халық әртісі. Қызметінің көп бөлігі Ленинград театрларында өткен. 1927 жылы Ленинградтың Үлкен драма театрында (Большой драматический театр, БДТ) “Разлом” спектаклін көркемдік жағынан безендірген. Үлкен театр мен Кіші театрдың, МХАТ-тың көптеген спектакльдерін безендіруге қатысқан. 1930 жылдардың аяғынан бастап Левин суретші және кино түсіруші режиссер ретінде белгілі бола бастаған.

“Райхан” көркем фильмі Қазақ автономиялық республикасының жиырма жылдығына орай өнер саласындағы сол кездегі жетістіктерді көрсету мақсатында түсірілгені белгілі. Бұл Қазақстан кино түсірушілерінің 1938 жылы шығарған “Амангелді” фильмінен кейінгі (сценарийі Б. Майлин, Ғ. Мүсірепов және Вс. Ивановтікі. Режиссері – М.З. Левин) екінші туындысы еді.

Кино түсірудің бастапқы жұмыстары көптеген қиындықтарға қарамастан ұйымшылдықпен жүргізілді. Ол туралы М. Левиннің 1940 жылы 5 мамырда Қазақ КСР Халық Комиссарлар Кеңесіне, Ондасыновқа және Қазақстан Компартиясы Орталық Комитетіне, ж. Кулитовка (ЦГА РК, ф. 1242, оп. 1, д. 643, л. 32–33) жазған баяндама жазбаларында кең мәліметтер беріледі. Сондай-ақ “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорындағы М. Әуезовке жазған өз хатында режиссер М. Левин фильм түсіру жұмысы тоқтап қалудың аз алдында тұрғанын мазасыздана жеткізеді. Онда былай деп жазған: “...20 жылдыққа фильмді тапсырудың қажеттігін және оған қалған уақыттың аздығын ескеріп, жағдайдың қиын екенін мойындауға мәжбүрлімін. Сценарий қызықты жазылған, оның негізінде көрерменді қызықтыратын, ерекше фильм түсіруге болады, осының бәрін ойлап келгенде, жұмыстың тоқтап қалуы өте ренішті. Тағы да мені мына мәселе ойландырады, егерде сценарий жоспардан алынып қалған жағдайда, фильм түсіруге арналған басқа сценарийлердің мүлде болмауы себепті, Қазақстан кино дамыту жұмысы ұзақ уақытқа тоқтап қалады...” (“М. Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қоры. 592-бума. 20-б.).

Соғыс кезеңінің қиындықтарына қарамастан, кездескен кедергілерді жеңе отырып, “Райхан” фильмі түсіріліп біткен соң жарыққа шығып, өзінің тартымдылығымен көрермендерден лайықты бағасын алды. Фильмдегі басты рөлде Хадиша Бөкеева¹ ойнады.

1. 376-б. **Хадиша Бөкеева (21.02.1917)** – КСРО халық әртісі, Қазақстанның халық әртісі. 1938 жылы Ленинградтағы театр институтын бітірген. Кейінірек Шымкенттегі облыстық театрда қызмет істеді. 1942 жылы Қазақ драма театрына ауысады. Ол сомдаған ең сәтті рөлдердің ішінде М. Әуезовтің “Қара Қыпшақ

Қобыланды” драмасындағы Қарлыға, Н. Хикметтің “Махаббат туралы аңызындағы” Мәхмене Бану, В. Шекспирдің “Асауға тұсауындағы” Катарина бейнелерін атап өтуге болады.

Фильмдегі басты рөлдерде сол кездің атакты әртістері – Серке Қожамқұлов, Қалибек Қуанышбаев, Шәкен Айманов, Елубай Өмірзақовтар ойнап, киноның сәтті болып шығуына өз үлестерін қосты.

Д. Қонаев

“Қалқаман – Мамыр”

Қазақ халқының тұңғыш ұлттық балеті “Қалқаман – Мамырдың” либреттосы (балет сценарийін өнертануда әдетте либретто деп атайды) алғаш орыс тіліндегі нұсқасы бойынша М. Әуезовтің 20 томдық шығармалар жинағының 12-томында (Алматы: Жазушы, 1983. 173–180-бб.) жарияланды. Жазушы мұражайы архивіндегі 165-бумада балет либреттосының орыс тілінде үш нұсқасы және қазақ тіліндегі бір нұсқасы бар. Буманың 67–71-беттеріндегі қазақша нұсқа ақ жазу қағазына кара қарындашпен жазылған. Латын әліпбиімен жазылған қолжазба – М. Әуезовтің өз қолтаңбасы. Либреттоның бұл нұсқасы М. Әуезовтің 20 томдық шығармалар жинағының 12-томындағы орысша нұсқаның түсініктемесінде беріліп, мәтіні толық емес деп көрсетілген. Қазақша мәтінді жазушының 20 томдық шығармалар жинағының 12-томында шыққан және 165-бумадағы орысша мәтіндермен салыстырған кезде тек соңғы бесінші актының аяқ жағы ғана жетпейтіні анықталды. Буманың 71-бетіндегі қазақша мәтін “Жастар Қалқаманды көргенде егіліп тілек тілеп жалбарынады. Қалқаман шалдарға лағнет оқиды, жастарға қарайды. Бірақ олар” деп, бетінің соңғы жолында сөйлем бітпей аяқталады. Либреттоның орыс тіліндегі нұсқасының мәтінінде жоғарыда берілген қазақша мәтіннің үзіндісіне мағыналық жағынан дәл келетін жері төмендегідей болып келеді: “Молодежь молится за Калкамана. А он шлет свое гневное проклятие старшим биям. Оборачивается к молодежи, взывает к ней. Но джигиты...” Қазақша қолжазба нұсқа мен аталған бумадағы М. Әуезовтің өз қолымен жазылған орысша нұсқаны (50–58-бб.) салыстырғанда, орысша нұсқа қазақша нұсқадан дәлме-дәл аударылғаны анықталды. Қазақша мәтіннің беттің ең соңғы жолында “Бірақ олар” деген сөйлемнің басында келуге тиісті тіркеспен аяқталып тұрғанына және бұл тіркестен кейін көп нүкте қойылмағанына қарағанда, либретто мәтінінің соңғы бір бетінің жоқ екені көрініп тұр. Екі тілдегі қарындашпен жазылған мәтіндердің қазақша мәтіні үзілген жерге дейін

мағыналық жағынан бірдей болып, дәл аударма сипатында болып келгендіктен, қазақша нұсқада жоқ мәтін бөлігін орысша қолжазбадан аударып беріп отырмыз: “Бірақ олар... оның тағдыр-талайына мойынсұнып жылауда. Қалқаман олардан бұрылып кетіп, қоштасып, Мамырды құшып сүйеді. Олар шынның ұшар басына шықты. Онда оларға жасауылдар құздың қарсы бетіндегі жартасқа қарғындар деп бұйырады. Оларды осы кезде ату керек. Кім аман-есен қарғып кетсе, сол жазадан аман қалады. Бірінші болып Мамыр қарғыды. Садақтың оғы тиіп құлайды. Бұдан кейін қарғыған Қалқаманды Көкенай атады. Қалқаман құламай, екінші бетке жетеді. Бірақ жараланған, үстінен қан ағып, тасқа сүйеніп, Мамырдың жанына келіп тізерлейді. Оларға жиіркенішпен қарап, үлкендер кетеді. Жастар қалады. Олар үмітпен батырдың жанына жақындайды. Бірақ ашулы Қалқаман оларды жақындатпайды. Бастары салбыраған, бүкшиген жастар алыстау барып тұрады. Қалқаман қару-жарағын, сауыт-сайманын шешіп, халыққа тастайды. Ол жалғыз өзі Мамырды көтеріп алып, Отанымен, халқымен қысқа қоштасып, түсі суық жабайы жартастың қиясымен жалғыз өрмелеп, Қанды құздан алыстап, ұзай береді. Алдында ағып барып, жұлдызы өшеді. Қайғыға батқан халық өзінің сүйікті, батыр ұлын жоқтап жылайды. Кеудесінен итерген ұлдарының беймәлім жалғыздыққа бастаған жолына батасын беріп қоштасады”.

М. Әуезов либреттоның қазақша нұсқасын да толық жазып шыққаны анық. Жоғарыда келтірілген мысалдарға қарағанда толық біткен қазақша либреттоның бір беті жоғалған.

Либретто М. Әуезов өмірінің ауыр кезеңінде, қуғын-сүргін жылдарында жазылған. Қазақ КСР Жоғарғы Кеңесінің 1937 жылғы 17 қаңтардағы бұйрығымен Қазақ мемлекеттік музыка театры Мемлекеттік опера және балет театры боп қайта құрылады. Театр маман кадрлармен, оның ішінде балет бишілерімен толығып, толыққанды балет қойылымдарын шығара алатын дәрежеге жетеді. Театрдың қазақ балеті бөліміне жетекшілікке тәжірибелі балетмейстер Л.А. Жуков тағайындалып, оның алдына таза ұлттық балет дайындау талабын қояды. Осы үшін Ленинградтан композитор В. Великанов, Ташкенттен суретші Орал Таңсықбаев шақырылып, тұңғыш ұлттық балеттің либреттосын жазуға І. Жансүгіров пен М. Әуезов тартылады. Мемлекеттік дәрежедегі маңызды мәдени оқиға ретінде күтілген болашақ балеттің сценарий-либреттосы ретінде М. Әуезовтің “Қалқаман – Мамыры” қабылданады. Тұңғыш қазақ балетінің дайындалуына мемлекеттік бақылаудың қаншалықғы дәрежеде болғанын төмендегі құжаттардан байқауға болады: “Приказ №38 по Управ-

лению по делам искусств при СНК КазССР, г. Алма-Ата. Дворец культуры, 29 января 1938 года.

В связи с заявлением отдельных директоров и художественных руководителей (Объединенного театра оперы и балета и Уйгурского театра) о невозможности выпуска по плану тех или иных постановок и произвольного снятия постановок с плана текущего сезона вообще и т. д. приказываю:

3. Обязать художественного руководителя Объединенного театра тов. Винер обеспечить современный выпуск постановки “Айман – Шолпан” 15 апреля и “Калкаман – Мамыр” не позже 10–15 мая с.г.

Нач. Управления п/д искусств при СНК КазССР – Мусрепов”.

Осы мекеменің 7 сәуірдегі №136 бұйрығында: “3. Балет “Калкаман – Мамыр” выпустить 12–15/ VI. 38 г. Ответственность за выпуск постановки возложить на т.т. Винера, Великанова, Жукова, Жандарбекова, Кузьмина и Ауэзова. Обязать дирекцию Объединенного оперного театра привлечь к постановке балета “Калкаман – Мамыр” необходимое количество артистов балета обоих театров”, – делінген. Үкіметтің осындай жіті қадағалауымен дайындалған балеттің алғашқы қойылымы 1938 жылдың 24 маусымында өтті. 1938 жылдың театр маусымында 10 рет қойылған балет 1939 жылғы үш қойылымынан кейін сахнадан алынды. Өнертанушы мамандар тарапынан жоғары баға алған балет көрермендерді тарта алмағандықтан қайта қойылған жоқ. Қойылымнан кейін баспасөз бетінде балетке казак мәдениетінің үлкен табысы деген баға берілді. Левина “Социалистическая Алма-Ата” газетінің 4 шілдедегі санында шыққан “Первый казахский балет” атты мақаласында: “Қалкаман – Мамыр” – балеті ірі, маңызды жеңіс. Сазгер В. Великановтың, либреттошы М. Әуезовтің жеңісі, РСФСР-дің еңбек сіңірген әртісі Л. Жуковтың, халық әртісі, казак балетінің бірінші бишісі Шара Жиенқұлованын жеңісі. Бұл осы спектакльде бидің күрделі техникасын игеру жолында өзінің ерік күшін аямай төккен барлық ұжым мүшелерінің жеңісі”, – деп жазды. Балеттанушы мамандардың пікірінше, сәтсіздіктің негізгі себебі сазгер Великанов пен балетмейстер Жуковтың казак халқының ұлттық ерекшелігін, өзіндік дүниетанымын, эстетикалық сұранымын білмеуінде болды. Таза классикалық балетті қабылдауға көрермен әлі дайын емес болатын. (Қар.: Сарынова Л. Балетное искусство Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1976).

М. Әуезов балет либреттосының сюжетін тарихта болған Қалкаман мен Мамыр оқиғасынан алған. Бұл оқиға жайындағы

аңыз әңгімелер ел арасында, әсіресе М. Әуезов өскен өңірде көп тараған. “Қалқаман – Мамыр” дастаны алғаш 1892 жылы “Дала уәлаяты” газетінде жарияланды. Шәкәрім Құдайбердиевтің “Қалқаман – Мамыр” поэмасы 1912 жылы Семей қаласындағы “Жәрдем” баспасынан шыққан. Қалқаман – Мамыр оқиғасына қатысты дастан, жырлардың тоғыз нұсқасы Қазақстан Республикасы Ғылым академиясы кітапханасы мен М. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының қолжазба қорында бар. Шәкәрім поэмасын “Қазақ тілінде тарихи хикая” деп атап, “Бұл әңгіме 1722 жылы біздің Орта жүз қазағы Сырдария бойында жүргенде болған анық іс. Біздің қазақ қалмақтан жеңіліп, “актабан шұбырынды” болғаннан бір-ақ жыл бұрын.

Қалқаман – Мамырдың ісіне ескі қазақтар теріс көзімен қараса да, осы күнгі көңілінің көзі ашықтар жазасыз екенін біліп, дұға қылса керек”, – деп түсінік беріп кеткен. “Қалқаман мен Мамырдың” Шәкәрім шығарған нұсқасы да, басқа нұсқалары да негізінде өмірде болған оқиғаны тарихи шындықтан ауытқымай, реалистік сипатта берген. Барлық нұсқаларда негізгі конфликт қазақ халқының қыз бен жігіттің қосылуы үшін туыстық жағынан кемінде жеті атаға толуын талап ететін ата заңының негізінде өрбиді. Қатал жаугершілік заманда ата заңдары соншалықты қатал сақталаса, ел бірлігіне, халықтың рухани денсаулығына кері әсер етіп, денсаулығы нашар, әлсіз ұрпақтың дүниеге келуіне әкелетін еді. Осы сияқты халықтың ата заңына қайшы келетін адами, пенделік сезімдердің қайшылығына құрылған көркем шығармалар қазақ әдебиетінде аз емес. М. Әуезовтің “Енлік – Кебек”, “Қарагөз” трагедияларының сюжеттері де осындай қайшылықтарға құрылған.

М. Әуезов Қалқаман – Мамыр оқиғасынан балет либреттосын жасау барысында тартыс себебін өмірде болған тарихи желіден бұрып, әменгерлік салтты, левират тақырыбын сюжеттің негізгі қозғаушы күші етіп алған. Мұнда тартыс Қалқаман мен Мамырдың туыстық қатынасы жеті атаға толмағандығынан емес, айттырылған болашақ күйеуі қайтыс болған қаралы Мамырдың әменгерлік салты бойынша Ескенеге тұрмысқа шығудан бас тартып, Қалқаманмен қашып кетуінен өрбиді. Оқиғаны, фабуланы, сюжетті беруде әдеби шығарма мен балет қойылымының мүмкіндіктері бірдей емес. Әдеби шығарма, тарихи жыр, дастан, поэма жеткізе алатын күрделі оқиғалар желісі, сюжеттік байланыс сипаты, кейіпкер сөздері, ішкі монологтары, авторлық баяндаулар, портреттер көбіне балет, операның ыңғайына келе бермейді. Балет либреттосы жалпы драма заңдылықтарына сүйеніп, эстетикалық мәні бар нақты оқиға

желісімен жазылғанмен де, музыкалық композицияның шарттары мен балет өнері табиғатынан, би қимылдарының эстетикалық әсер беру мүмкіндіктерінен туындайтын талаптарға орай ықшам, шымыр, шағын көлемді етіп жазылады. М. Әуезовтің қаламынан шыққан “Қалқаман – Мамыр” балетінің либреттосы дәл осы талаптардың негізінде жазылған. Басқа классикалық балеттердің либреттоларымен салыстырғанда да Әуезов либреттосы нағыз профессионалды жұмыс екені көрінеді. М. Әуезовтің бірнеше киносценарий, опера либреттоларын жазғаны белгілі. “Театр, музыка кадры” (Социалистік Қазақстан. 1933. 2 маусым), “Қыз Жібек қандай?” (Социалистік Қазақстан. 1934. 24 қараша), “Қазақстанның халық музыкасы мен халық театры” (Қазақ әдебиеті. 1936. 5 мамыр), т.б. мақалаларында жалпы драма теориясына қатысты ойлар айтумен қатар, музыкалық қойылымдарды да талдап, ішінара бұл қойылымдардағы би элементтері жайында, “Шараның шығыстары” жайында да ойлар айтқан. М. Әуезовтің музыкалық драмасы “Айман – Шолпанның” қойылымдарында қазақ билерімен қатар, өзбек биі, бақсы биі пайдаланылған. 1932 жылдан бастап Қазақ мемлекеттік драма театрының әдеби бөлімін басқарған М. Әуезов үнемі театр жұмыстарының басы-қасында болып, музыка театрының жұмыстарымен етене таныс болған. Би, балет элементтері көп қолданылған “Қыз Жібек”, “Жалбыр”, “Ер Тарғын” спектакльдерінің қойылуы барысында басы-қасында жүрген М. Әуезов балеттік қойылымның өзіндік ерекшеліктері жайында тәжірибе жинақтаған. Сонымен қатар кез келген шығармашылық жұмысқа ұқыпты дайындықпен келетін М. Әуезовтің “Қалқаман – Мамыр” балетінің либреттосын жазуға кірісерде балет жанрына қатысты теориялық еңбектермен танысып, классикалық балеттердің либреттоларын арнайы түрде оқып шыққандығы анық. Осындай шығармашылық ізденістердің нәтижесінде ең алдымен либреттоның қазақша нұсқасын жазып шыққан. Жоғарыда аталған бумадағы қарындашпен жазылған қолжазбада либреттоның екі атауы бар: “Қалқаман – Мамыр” және “Қанды қақпан”. Бес бөлімді либреттоның бесінші бөлімінің соңғы жағының (бір беттей көлемде) бумада жоқ екенін жоғарыда айттық. Либреттоның орыс тіліндегі қолжазбасының қазақ тіліндегі нұсқадан жасалған аударма екені де анық. Аудармада либреттоның соңында құздан қарғыған кезде Мамырға оқ тиіп өледі. Либретто сюжеті қойылуға осылай қабылданған жағдайда “Қанды қақпан” атауын да қолдануға болар еді. Бірақ қойылуға қабылданған, ресми құжат түрінде бекітілген нұсқада (165-бума, 72–77-бб.) Мамыр да, Қалқаман да тірі қалады. Либретто сюжетінің бұл нұсқасына “Қанды қақпан” атауының

мағынасы сәйкес келмейді. Сондықтан балет аты ресми түрде “Қалқаман – Мамыр” деп қабылданған.

М. Әуезовтің 50 томдық шығармалар жинағының бұл томына либретто жазушы мұражайының қолжазба қорындағы нұсқасы бойынша толықтай, еш өзгеріссіз беріліп отыр.

Р. Әбдіғұлов

“Қалқаман и Мамыр”

М. Әуезовтің “Қалқаман – Мамыр” балеті либреттосының орысша нұсқасы жазушының 20 томдық шығармалар жинағының 12-томында (Алматы: Жазушы, 1983. 171–178-бб.) басылған. Либретто басқа еш жерде жарияланбаған. М. Әуезов мұражай-үйінің қолжазба қорындағы 165-бумада либретто мәтінінің орыс тілінде үш нұсқасы бар. Буманың 49–58-беттерінде жартысы ақ, жартысы сарғыш қағазға қара қарындашпен жазылған нұсқа – М. Әуезовтің өз қолтаңбасы. Буманың 60–66-беттеріндегі машинкада басылған нұсқаның үстінен жазушы өз қолымен күлгін сиямен түзетулер жасаған. Буманың 72–77-беттеріндегі машинкада басылған, “Приложение 4” деген ескертпемен берілген орысша нұсқа балет қойылымын дайындаушы авторлардың, балет бишілерінің тізімімен бірге берілгеніне қарағанда режиссерлік бағдарлама нұсқа болуы керек. Либретто атының үстіндегі “Либретто национальных балетов” деген жазуға 1 деген сілтеме номерін қойған. Бұл сілтеменің мәтінінде (буманың 72-беті) “Либретто представлены без каких-либо поправок и воспроизводятся на русском языке, хотя некоторые из них (“Қалқаман и Мамыр”, “Джунгарские ворота”, “Акканат”, “Хиросима”) имеют параллельно и казахский текст... Сценарии, проекты спектаклей, сделанных до сочинения балетов, не найдены, за исключением сценария А. Тажибаева “Весна” (хранится в Центральном государственном архиве КазССР), сценария М. Ауэзова “Қалқаман и Мамыр” (хранится в музее им. М. Ауэзова),” – деген қазақ балетінің тарихын да, М. Әуезов шығармашылығының кейбір қырларын анықтау үшін де қызықты деректер бар. Сілтемедегі “хранится в музее им. М. Ауэзова” деген ескертпеге қарағанда “Қалқаман – Мамыр” балетінің бұл режиссерлік нұсқасы М. Әуезов қайтыс болғаннан кейін дайындалған. Сонымен қатар мұнда “Қалқаман – Мамыр” балеті либреттосының қазақша да, орысша да нұсқалары бар екені атап көрсетіліп тұр. Сілтемедегі “Сценарии, проекты спектаклей, сделанных до сочинения балетов...” – деп отырғаны М. Әуезовтің 50 томдық шығармалар жинағының осы томына беріліп отырған,

қолжазбалары мұражай архивінде (аталған 165-бумада) сақталған қазақ, орыс тіліндегі мәтіндері.

Буманың 49–58-беттеріндегі қара қарындашпен жазылған орыс тіліндегі нұсқа М. Әуезовтің өз қолымен жазылған. Либретто авторының өзі қолжазбаның үстінен аздаған түзетулер жасаған. Либретто рим нифрымен бес актыға бөлінген. Буманың 50-бетінен басталатын 1-актының алдында “Крoвaвий утес”, “Тас қакпан”, “Қанды қакпан”, “Қалқаман – Мамыр” деген атаулар жазылып, атаулардың бәрі қара қарындашпен сызылған. Буманың 49-бетінде жазу қағазының киылған жарты парағында пролог берілген. Пролог та жазушының өз қолымен қара қарындашпен жазылған. Пролог бөлек жарты парақ қағазға және қолжазбаның негізгі бөліміндегіден гөрі майда әріптермен көбірек түзетілгеніне қарағанда либреттоның негізгі бөлімі біткеннен кейін жазылғанға ұқсайды. Осы томда беріліп отырған “Қалқаман – Мамыр” балеті либреттосының қазақ тіліндегі нұсқасының прологы жоқ. Қазақша мәтін мен жазушының өз қолымен жазылған орыс тіліндегі мәтінді салыстырған кезде мағыналық жағынан екеуінің бірдей екені анықталды. Екі мәтіннің бірінші бөлімінің алғашқы сөйлемдерін салыстырып көрейік:

Ущелье.	Тау-тас арасы, сай.
В центре одиноко высится кровавый утес (Канды куз).	Тап ортада оқшау тұрған қанды құз.
Выходит группа девушек.	Қыз-келіншек тобы шығады.
Они задавлены горем, несут глубокую печаль.	Мұң басқан, иығы түскен жүдеу топ.

Осы сияқты мағыналық тұрғыдағы дәлдік либретто мәтіндерінің өн бойында дерлік бар. Аздаған өзгешеліктер қазақ халқының кейбір әдет-ғұрпына қатысты басқа ұлт өкілдеріне түсініксіздеу болуы мүмкін жерлерде ғана кездеседі. Өзгешелік тек қазақша мәтінде прологтың жоқтығы және либреттоның қазақша мәтінінің түсініктемесінде айтылғандай мәтіннің соңғы бір беттей бөлігінің жоқ болуы.

Аталған буманың 60–65-беттерінде либреттоның орыс тіліндегі машинкада басылған нұсқасы бар. 61-бетте прологтың алдында “Қалқаман – Мамыр”, “Крoвaвий утес” или “Қалқаман и Мамыр” деп жазылып, бәрі сызылып тасталған.

Буманың 60-бетінде жазушы өз қолымен, күлгін сиямен “Ауэзов Мухтар, “Қалқаман – Мамыр”, либретто балетного спектакля в 5 действиях с прологом”, – деп жазып, төменгі жағында

кейіпкерлердің тізімі беріліп, “действие происходит в середине 18-столетия” деген ескертпе жазылған. Бұл орысша нұсқаның машинкада басылған мәтіні жоғарыда айтқан қолжазба мәтінімен бірдей. Машинкада басылған тексттің үстінен күлгін сиямен жасалған түзетулер бар. Түзетулер М. Әуезовтің өз қолымен жасалған. Либреттоның негізгі бөлігінде түзетулер аз. Бұл нұсқада “действие” деп берілген либреттоның әр бөліміне жаңадан екі-үш сөйлемнен қосылып отырған. Автор негізгі өзгерісті либреттоның соңғы бесінші бөлімінің финалына енгізген. Финал түгелдей сызылып, орнына күлгін сиямен жазылған жаңа мәтін бөлігі берілген. Либреттоның Әуезов өз қолымен қарындашпен жазған нұсқасында да, машинкада басылған нұсқада да либретто соңында Мамыр оққа ұшып өледі. Балеттің сценарий-либреттосын жазып болған соң, музыка, балет мамандарының қатысуымен өткен талқылаулардан кейін барып, балеттің финалын өзгерту жайында шешім қабылданғанға ұқсайды. Жоғарыда айтылған либреттоның режиссерлік нұсқасында да Мамыр тірі қалады. Бұл құжат ретінде қабылдануға тиісті нұсқа Абай атындағы Опера және балет театрының архивінде сақталғандықтан, балеттің қойылымына М. Әуезов жазған нұсқаның соңғы, финалы өзгертілген түрі қабылданғаны анық. М. Әуезовтің 50 томдық толық шығармалар жинағының бұл томына театрда қойылуға қабылданған балет либреттосының мәтіні беріліп отырғандықтан, финалдың бастапқы нұсқадағы мәтінін сол калпында беріп отырмыз: “Первая прыгает Мамыр, но, пораженная стрелой, она падает. Тут же прыгает Калкаман и в него стреляет Кокеная. Калкаман не упал, благополучно перепрыгнул. Но окровавленный, еле держится за камни, он спускается вниз, опускается у изголовья Мамыр. Старшие уходят, презирая их. Осталась молодежь. Они в надежде идут к батыру. Но гневный Калкаман отстраняет их. Вся молодежь со склоненными головами, с согнутыми спинами останавливается поодаль. Калкаман снимает с себя оружие, доспехи, бросает их народу. Он один поднимает труп Мамыр и, коротко простившись с родиной и народом, уходит один по голым суровым склонам диких скал, все дальше и дальше от кровавого утеса. Перед ним, падая, гаснет его звезда. Убитый горем народ оплакивает утрату своего любимого храброго сына. Прощается с ним, удаляющимся, благославляя его на неведомый путь отверженного”.

Машинкада басылған нұсқаның шетіне М. Әуезовтің өз қолымен “Танец-игра девушек”, “Танец Мамыр”, “Танец-приветствие”, “Танец стариков. Трагикомические гримасы”, “Дикий дележ подарков за невесту”, “Танцы джигитов”... деген сияқты тіркестер жазылып, таза балеттік мазмұнға қатысты мәтіндер либретто бөлімдерінің соңына дейін беріліп отырған.

165-бумадағы (72–77-66.) режиссерлік нұсқада балет либреттосы 3 актыға бөлініп, прологымен берілген. Әр акт мәтіні “Содержание” деп беріліп, сонынан балет мазмұны нақты би қимылдары тұрғысынан рет-ретімен номерлеп көрсетіліп отырған. Әр актыдағы орындаушылардың тізімі берілген. Бұл құжат сипатындағы нұсқадан Мамырды Ш. Жандарбекованың, Қалкаманды балеттің қоюшы режиссері Л. Жуковтың билегенін көреміз. Бұл нұсқа М. Әуезов мұражайына Абай атындағы Опера және балет театрының архивінен алдырылған.

М. Әуезовтің 50 томдық шығармалар жинағының бұл томына “Қалкаманд и Мамыр” балетінің орыс тіліндегі либреттосын жазушы мұражайының қолжазба қорындағы 165-буманың 60–66-беттеріндегі машинкада басылған нұсқасы бойынша, жазушының өз қолымен жасаған түзетулерді түгелдей сол қалпында алып беріп отырмыз.

Р. Әбдіғұлов

“Қара Қыпшақ Қобыланды”

Пьеса алғаш рет М. Әуезовтің алты томдық шығармалар жинағының (Алматы: ҚМКӘБ, 1957) алтыншы томында (191–303-бб.) жарияланған. Осы басылым бойынша кейін он екі томдық шығармалар жинағының (Алматы, 1969) оныншы томында (53–144-бб.), жиырма томдық шығармалар жинағының (Алматы: Жазушы, 1982) он бірінші томында (145–239-бб.) жарық көрді.

Автордың қолжазбадағы көрсетуіне қарағанда пьеса 1943 жылдың қаңтар-ақпан айларында жазылған. “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында драманың екі түрлі нұсқасы сақталған. Оның алғашқы, бірінші нұсқасы (109-бума, көлемі 138 бет) араб әрпімен жазылған автограф. Екінші нұсқасы (108-бума, көлемі 110 бет) латын әрпімен машинкаға басылып түптелген. Пьеса кітаптағы басылымдағы осы нұсқа бойынша дайындалған. Басылымға дайындау барысында жазушы пьесаны машинкадан шыққан күйінде де қайта оқып, өз қолымен кей жерлерін өңдеп, жөндеген. Бірақ бұл өңдеулер шығарманың мазмұнын түбегейлі өзгертпей, тек көркемдік жағынан шыңдап жетілдіре түсуді мақсат еткен. Енді осы қолжазбаны кітаптағы басылған күйімен салыстырып, жазушының пьесаны жетілдірудегі кейбір ерекшеліктеріне тоқталамыз.

Осындай түзету қолжазбаның алғашқы үш бетінде бар. Автор мұнда бұрынғы Қараман, Қобыланды, Құртқа диалогтарын қысқартып, пьесаны кекшіл Көкланның шиыршық атқан сөздерімен:

“Тас қорғанды тылсымдай,
Тас қамаулы қарғыстай,
Кім? Кім? Кім келед,
Көк Көклан шебіне?” –

деп бастайды. Бұдан ары шығарманың бірінші актысындағы алғашқы 5-6 бет қысқартылып, оның орнына қолмен жазылған түзетулер енгізілген. Қолжазбаның (108-бума) 9-бетіндегі Қобыландының:

“Адал күшім ақ жолына арналсын,
Азат етпес мен болсам.
Жас өмірім тең болсын,
Тірідей кірер көріммен”, —

деген сөздерді автор жаңадан қосқан. Құртканың оған айтатын жауабы Қобыландының сөзінен кейін берілген. Бұл жолдар да:

“Арманым жоқ өлсем-дағы бұл сәтте,
Елім, белім бар екенсің,
Өшті деп ем, зар шегіп ем тына алмай,
Ел намысы бар екенсің,
Ерді ырғытқан бұландай...

Тәңір ием, арманым басшым бол”, —
деп, одан ары Құртканың сырлы сөздерімен жалғасады.

Екінші суреттегі мазмұны терең, алуан мінезді Қазан, Алшағыр, Бірсімбай, Қарлыға диалогтары да (18–19-бб.) толықтыру есебінде тыңнан қайтадан жазылған. Қолмен жазылған толықтырулармен қоса бірталай қысқартулар да ұшырасады. Бірінші суреттің алғашқы беттерімен қоса соңғы беттерінде де біраз жерлер қысқартылған. Осы өзгерістер нәтижесінде пьесаның алғашқы суреті өңделіп шыққан.

Қолжазбаның екінші суретіндегі (20-б.) Қазанның сөздерін жазушы қысқартып жіберген.

“Қ а з а н:

— Қайнатпа, ойбай, қанымды,
Қызғанышым қажама...
Сен емес пе ең, Алшағыр,
Аулақ жүр деп қуғаны.
Былш еткізіп бетіне,
Пері ұрған жоқ па еді?

А л ш а ғ ы р:

— Сен емес пе ең қорқаудай,
Қабатындай көрем деп,
“Өлсем сүймен” дегені?” —

сияқты жолдар алынып қалған. Пьесадағы үшінші суретте (35–36-бб.) Қобыланды мен Құртканың диалогтары ішкі сезімдерін аша түсетін жаңа шумақтармен толыққан. Шуақ пен Қазанның жекпе-жекке шығатын сәтіндегі сөздері төртінші суреттегі оқиғаның желісі. Мұны да автор көркемдік жағынан өңдей түскен. Шуақтың өліміне өзінің кешігіп келуі себеп болғанын айтып өкінетін Қобыландының монологы (56-б.) мен екінші актының аяғындағы Қобыландыны өлтіруге қимаған Қарлығаның сөздері осындай кейінгі өңдеулердің нәтижесінде біршама өзгертілген.

Пьесаның үшінші актысындағы бесінші суретте Құртқа, Аналық, Қарлығаш үшеуінің сөздері:

“Үшеуі де:

– Я Қамбар, я тәңір!

Мейірімді ием, дос ием”, –

деген қысқа сөйлемге көп мағына сыйғызу арқылы түзетілген. Осы актыдағы алтыншы суретке қосылған Қарлыға мен Бірсімбай арасындағы диалог та (66-б.) пьеса мазмұнындағы тартыс ауқымына сәйкес. Бұдан ары жазушының төртінші актының жетінші, сегізінші суреттеріне жасаған өзгерту, толықтырулары көп емес. Олар бір-екі шумақ өлең түрінде бір-екі жерде ғана орын алады.

М. Әуезовтің “Қара Қыпшақ Қобыланды” драмасы қазақ халқының ауыз әдебиетіндегі осы аттас батырлық жырының негізінде жазылғаны мәлім. Тақырыптық, идеялық негіздері бір болғанмен, халық ауыз әдебиетіндегі батырлық жыр мен драмалық дастан арасында бірқатар айырмашылықтар да ұшырасады. Жазушы жырдағы суреттелген негізгі оқиғаларды драмалық шығармада орынды пайдалана білген.

“Қобыланды батыр” жырының жиырмадан астам нұскасы бары белгілі. Соның ішінде зерттеушілердің айтуы бойынша, көлемі мол, мазмұны жағынан толығы Марабай мен Мергенбай нұсқалары деп есептеледі. Айтулы нұсқаларда жырдың негізгі әңгімесіндегі Қобыландының дүниеге келуі, ат жалын тартып мініп, күш иесі батыр болып жауға аттануы, сұлу Құртқаға үйленіп, елін, жерін жаудан азат етуі сияқты оқиғалар басталуы, аяқталуы, сюжет желісіне қарай әртүрлі болып орналасқан. Жырдың алғашқы нұскасы батырдың дүниеге келуін ерекше ғып суреттеу үшін Аналық пен Токтарбайдың баласыз жүрген зарын баяндаудан басталса, екінші нұсқадағы әңгіме Қобыландының ержетіп, өзіне лайықты жар таңдап, сұлу Құртқаға үйленгенін суреттеуден басталады. Батырдың бұдан арғы басынан кешірген істері: ел қорғаны болып, сырт жауларға аттануы, тұтқынға түсіп, одан Қарлығаның көмегімен босап шығуы аталған екі нұсқада көбіне бір-біріне жақын келіп отырады.

Батырлық жырда Қазан мен Көбікті, Алшағыр мен Бірсімбай сияқты батырлар өз алдына көздеген мақсаты бар, бір-бірімен тығыз қатынасы жоқ жеке адамдар ретінде алынса, пьесада олар Қобыландыға қарсы бірігіп әрекет етуші ретінде көрінеді. Бұлардың басын құраушы, өзі батыр әрі билік иесі – хан Көбікті. Пьесадағы бар оқиға Қобыланды мен Қыпшақ жауларының басы болған Көбікті арасындағы тартыстан шығып отырады. Қазан мен Алшағыр жеке әрекет иесі емес, Көбіктінің батырлары болып, соның қолдауымен күш біріктіреді. Эпостық жырға қарағанда М. Әуезов драмасының композициясы біршама жинақталып, идеялық бағыты, әлеуметтік сипаты айқындала түскен. Осындай

елеулі өзгешелік Қобыланды мен Көбікті арасындағы қатынасқа байланысты. Жырда Қобыланды тыныш жатқан Көбікті еліне Қараманның айтуымен тегін олжа табу үшін аттанса, пьесада Көбікті тұтқындап әкеткен Қыпшақ қыздарын құтқаруға барады. Пьесаның алғашқы нұсқасында Құртқа жады кемпір Көкланның қызы ретінде алынып, кейін Қыпшақ қызы болып өзгертілген. Көкланның қолындағы Құртқа сұлуды Қобыландының тұтқыннан босатып, кейін үйленіп, той жасауынан басталған тартыс Көбікті, Қазан, Алшағырдың оған қарсы бірігіп жорыққа аттануымен шиеленісе түседі. Пьесадағы Көбікті қызы Қарлыға бейнесі эпостағы оқиға ізімен беріледі. Оның батырды тұтқыннан босату үшін қолданған амалы, қиын сәттерде үнемі достық қылуы жырдағы желісімен өрбиді. Бірақ пьесаның соңғы нұсқасына жасалған түзетулерде Қарлыға Қобыландыға қосыла алмай, ағасы Бірсімбайдың қолынан өлтіріледі.

М. Әуезов драмасындағы сомдалған бейнелер өздерінің толымды сезім күйімен, қайшылықты әрекетімен, болмыс-бітімімен реалистік шығармаға лайық дәрежеге көтерілген.

Пьесаның 1957 жылғы алты томдық шығармалар жинағындағы басылымында біраз әріп қателері кетіп, кейін олар түзетіліп берілген. Олар түпнұсқа бойынша былай түзетілді: “Аяусыз ажал мен бақан” (193) дұрысы: “Аяусыз ажал мен баққан”; “Тоқта былай, тұр ері... (202) – “Тоқта былай, тұр әрі”; “Не дау тұр сірә мына қар! (202) – “Не деп тұр сірә мына қар!”; “Көзім жұмсап бір сәуле” (226) – “Көзім жұмсам бір сәуле”. Жиырма томдық жинақта да басылым кезінде біраз қателер кеткен. М. Әуезовтің 50 томдық академиялық басылымына ондағы жіберілген кейбір қателер түзетіліп берілді. Олар: “Құрыса түсіп” (147) – “Құныса түсіп”; “Асау жолым адастырған шақ екен” (151) – “Асау жолын адастырған шақ екен”; “құдай перілерінің” (150) – “құдай пірлерінің”; “Қалың қырлы” (150) – “Қалың сырлы”; “Қыршын жасын қиярмын” (152) – “Қыршын жасым қиярмын”; “Тірідей кірем көріммен” (153) – “Тірідей кірер көріммен”; “Алпарысып өлтіріп” (167) – “Апрасыяп өлтіріп”; “Сайлау ет те белгі бер” (167) – “Байлау ет те белгі бер”; “Торығайық тағы да” (167) – “Торығаның тағы да”; “Кек Қыпшақтан алмасам” (171) – “Деш Қыпшақтың алмасам”; “Төбесі анық көк ұрсын” (172) – “Төбесі ашық көк ұрсын”; “бас жиын” (173) – “бар жиын”; “Үндей алман әзірше, айтар орайым жоқ” (177) – “Үндей алман әзірше, Бүгін айтар орайым жоқ”; “Я Қамбар, я Қамбар!” (199) – “Я тәңір, я Қамбар”; “Ар-намысын, жарлығын!” (206) – “Ар-намысым, жарлығын”; “Қанасы мен сол қорлықта қалғанға” (206) – “Қапалымын сол

корлықта қалғанға”; “Бір басын болса” (212) – “Бір басың бөлек”; “Ырзалық соншалық” (215) – “Ырзалығым соншалық”.

1. 185-б. “**Жау санасып ұрсыппек**” – жау санасу, есептесу.

2. 204-б. “**Құтырған қандай қалшасы**” – Қалша – қасарысып, айтқанға көнбейтін адам.

М. Әуезовтің “Қара Қыпшақ Қобыланды” пьесасы театрда қойылар алдында, 1943 жылы 14 наурызда Халық Комиссарлар Кеңесінің өнер жөніндегі басқармасы жанындағы көркемдік кеңесте талқыланған. Мәжіліс хаттамасында көрсетілгендей, жиынға 25 адам қатысқан. Солардың ішінде пьесаны талқылауға қатысқандардан Ю. Завадский, Ғ. Мүсірепов, Ә. Тәжібаев, С. Бегалин, Қ. Жандарбеков, С. Толыбеков, т.б. сөз сөйлеген. Онда пьесаның жоғары деңгейдегі көркемдік дәрежесі аталып өтіп, театр сахнасына қоюға лайық екендігі бірауыздан мақұлданады. Пьесаның премьерасы 1944 жылы қазан айында Жамбыл облыстық қазақ драма театрында өткен. Бұл кезеңде М. Әуезовтің орталық театр репертуарында бірнеше пьесалары қатар жүруі себепті “Қара Қыпшақ Қобыланды” драмасы онда академиялық драма театрының 20 жылдығына орай 1946 жылы көктемде қойылған. Пьесаның қоюшы режиссерлері – Қ. Бадыров, Я.С. Штейн, суретшісі – Э. Чарномский. Осылайша пьесаның академиялық драма театрының сахнасында қойылуы көрермендер тарапынан зор ықыласқа ие болып, театр ұжымына биік көркемдік жетістіктері үшін алғыс жарияланған. Қойылымдағы Қобыланды рөлінде – Ш. Айманов, Күртқа – Ш. Жандарбекова, Қарлыға – Х. Бөкеева, Қараман – С. Телғараев, Көклан – С. Майқанова, Бірсімбай – Қ. Әділшінов, Күнікей – Р. Қойшыбаева, Көбікті – С. Қожамқұлов, Қазан – Е. Өмірзақов, Алшағыр – Ж. Өгізбаев. Пьеса бұдан кейін де театр сахнасында сан мәрте қойылып, қазақ театрының классикалық репертуары қатарында үздіксіз көрсетіліп келеді.

К. Рахымжанов

“Кара Кипчак Кобланды”

“Кара Кипчак Кобланды” драма-дастанын М. Әуезов 1943 жылы жазған. XII–XIII ғасырлардағы тарихи оқиғалар желісіндегі “Кара Кипчак Кобланды” ежелгі қазақ батырлары эпосы негізінде жазылған. Оның ішінде жыршы-жырау Нұрпейіс Байғанин даңқты орындаушылар қатарына жатады. Бұл сюжетті М. Әуезов Ұлы Отан соғысы кезінде қолға алды. 1943 жылы 8 маусымда, пьесаны талқылағаннан кейін, М. Әуезов өзінің авторлық ойынын “Тарихи тұлғасы емес, эпос қаһарманы” екенін білдіре отырып, жазба жұмысын жасады (“Кара Кипчак Кобланды” пьесасын талқылағанда М.О. Әуезовтің көк түсті жазбасы. ЦГА РК, ф. 1242, оп. 2, д. 287, л. 45. “М.О. Әуезовтің өмірі мен шығармашылық шежіресі”. 255-б.).

“Кара Кипчак Кобланды” пьесасының қойылымы 1946 жылы Қазақ академиялық драма театрында болды. 1967 жылы жаңартылып, қазірге дейін жүргізіліп келеді. Ал 1945 жылдан бастап Қарағанды, Жамбыл, Шымкент, Семей облыстық театрларында қойылды. 1945 жылы 10 қаңтарда “Кара Кипчак Кобланды” пьесасы академиялық театрға қабылданды, бірақ артынша оның қойылымы 1946 жылға ауыстырылып, 15 қаңтардан бастап бұл жұмысқа қазақ және орыс театрлары бір мезгілде кірісіп кетті. Екі театрда да қойылым орыс театрының көркемдік жетекшісі Я.С. Штейн мен КСРО халық әртісі Бадыровка, КСРО-ның еңбек сіңірген әртісі, суретші Чарномскийге, суретші ассистенті Астаховқа, композиторлар Хамиди мен Шабельскийге, режиссердің көмекшісі Жолымбетовке тапсырылды...

Қос театрда да қойылу мерзімі – 1946 жылдың сәуірінің бірінші жартысы еді.

Драма театр директоры – Шаймерденов. Ескерту: орыс театрында пьеса қойылымы “Махаббат және ар” тақырыбымен жүргізілді (ЦГА РК, ф. 1150, оп. 1, д. 39, л. 250. “М.О. Әуезовтің өмірі мен шығармашылық шежіресі”. 303-б.).

Бұл томға бірінші рет М.О. Әуезовтің “Кара Кипчак Кобланды” спектаклінің орыс тобы үшін жасаған авторлық аудар-

масы қолжазба нұсқа бойынша енгізілді (“Әуезов үйі” ҒМО қолжазбалар қоры. 108-бума. 207-б.). Бұған дейін “Қара Кипчак Кобландының” А.Б. Никольская мен Л. Руст (аудармашының кейінгі аты – Тарловская Е.А.) аударған аудармалары 1946 жылы Москвада жарияланған еді. Кітап аты “Қара Кипчак Кобланды” болды. Драма-эпос 8 көріністен және интермедиялардан тұрады. Пьесаны басып шығаруда А.Б. Никольскаяның аты-жөні бізге белгісіз себептермен алынып тасталған, бірақ төменде көрсетілген спектакль жарнамасындағы дәл мағлұматтар – А.Б. Никольскаяның пьесаны аударуда елеулі орын алатынының айғағы. Және бұны жазушы архивіндегі 559-бумада сақталған А.Б. Никольскаяның өз қолымен жазылған, қарама-қарсы шетінде жаднамасы мен қолы қойылған аудармасы және А.Б. Никольская мен Л. Русттың машинкамен басылған пьесасының орыс тіліндегі аудармалары толық дәлелдейді. 1975 жылы Москвада жарық көрген М.О. Әуезовтің шығармалар жинағына “Қара Кипчак Кобланды” пьесасы В. Корниловтың жана аудармасымен енді.

“Қара Кипчак Кобланды” пьесасының авторлық аудармасы алғаш рет жарыққа шығып тұр. Оны М.О. Әуезов Алматыдағы орыс драма театры сахнасына арнап жасаған және ол, А.Б. Никольская мен Л. Руст аудармасы сияқты, В. Корнилов аудармасына да негіз болды. “М.О. Әуезовтің өмірі мен шығармашылық шежіресінде” Тарловскаяның аудармасына да нұсқау бар (М. Әуезов. Шығармалар жинағы. 4-т. 437–544-бб.; Екатерина Александрованың ҚР Орталық мемлекеттік архивінде сақталған шимай қағаздарында (ф. 180, оп 1, ед. хр. 292). “М.О. Әуезовтің өмірі мен шығармашылық шежіресі”. 268-б.).

Сонымен, бізде пьесаның 3 түрлі аудармасы бар. Оның ішінде ең танымал, бағалысы болып алғаш рет автордың өзі аударған нұсқасы есептеледі.

Аударма М. Әуезов шығармаларының ауқымды бөлігін алады. Ал аударматану – әлі де толық жетілмеген, ғылымның әдебиет туралы саласы. Авторлық аударма болса осы ғылымның тіпті де дамымаған бөлігі десе де болады. Авторлық аударма пайда болуының негізгі шарты – автордың орыс тілін жақсы меңгеруі, осы тілдің бай лексика-синтаксистік, фразеологиялық, стильдік мүмкіндіктерін сезіне білуі.

М.О. Әуезовтің әдеби тәжірибесі – жазушының авторлық аудармаларының кең көлемді екендігінің дәлелі; очерктер, пьесалар, фильм қойылымы сияқты жанрлар баспасөз, театрлар мен киностудия жоспарларына сай орыс тіліне қолма-қол аударманы талап етті. М. Әуезов авторлық аудармаға осы шығарманы орыс

тілінде қайта жаңғыртатын аудармашы болмай қалғанда отырды. М. Әуезов әдеби орыс тілін өте жақсы білген.

50 томдық жинаққа “Ақан – Зайра”, “Шекарада”, “Тартыс” пьесаларының авторлық аудармалары, “Бекет” операсының либреттосы, “Екінші учаске” очеркі енгізілген. М. Әуезовтің әртүрлі аударма түрлерінің ішінде (орыс, шет ел классикасының) авторлық аудармасы шығармаларында үлкен орын алады. Авторлық аудармамен айналысу керек, керек еместігін ең алдымен автордың өзі шешті. Әдебиеттанушылардың үлесіне шығарманың басқа тілде қайта жаңғырылуын әділ бағалау қалады. Авторлық аударма ешқашан қос тіл туралы болмайды. М. Әуезов шығармасы толығымен және түпкілікті қазақ әдебиетіне қатысты. М. Әуезовтің авторлық аудармамен айналысуындағы мақсаты – бұрынғы бар, қанағаттанғысыз аудармаларды (соның ішінде сөзбе-сөз аударма) кең ауқымды орыс оқырмандарына түсінікті етіп қайта жеткізу. Кейінірек оған талантымен, шығармашылық көзқарасымен жақын “өз” аудармашылары табылғанда, авторлық аударма болашақ аудармалардың таптырмайтын негізі болып келді.

Әдебиетте украин Максим Рыльскийдің (20 шақты өлеңдері), армян ақыны Наири Зарьянның, белорустар Иван Мележдің, Андрей Макаеноктің, Василий Быковтың, т.б. авторлық аудармалары кеңінен танымал. М. Әуезовтің авторлық аудармалары сол шығарманың басқа авторлар аударған аудармасымен бәсекеге түсуі мүмкін.

Кейде аудару кезінде ұлттық қарым-қатынас, мінез-құлық ерекшеліктері есепке алынбайды, ал мұның маңызы зор.

Мысалы, орыс тіліндегі бес томдық шығармалар жинағындағы Н. Корниловтың “Кобланды” пьесасының екінші көрінісіндегі аудармасы:

Авторлық аудармада	Н. Корниловта
К а з а н <i>(вскочив с места)</i>. Кобыкты! Султан из султанов, Хан над ханами Кобыкты, Кто с ним в свите? Н у к е р С ним наследник Бирсимбай, Ханской крови Карлыга, Сопровождают сын и дочь.	К а з а н <i>(вскакивает с места)</i>. Султан султанов Кобыкты! Хан славных ханов Кобыкты! А кто же в свите Кобыкты? В о и н С ним Бирсимбай и Карлыга, Сопровождают дочь и сын.

Келтірілген Н. Корниловтың аудармасында болашақ мұрагер жайында айтылатын жерінде ұлттық ерекшелік жойылған. М. Әуезовте “онымен бірге мұрагер Бірсімбай” болса, Корниловта “Онымен бірге Бірсімбай мен Қарлыға”, ары қарай: “ере жүрген қызы мен баласы” делінген. Ал бұл жерде аудармашы қазақтарға тән қатаң әдеп-салт шеңберіндегі мұрагерлік жолды бұзған, яғни бірінші мұрагер ұлын атаудың орнына қызын атаған.

Н. Корниловта “Бірсімбай мен Қарлыға” деп келіп, түсіндіру үшін “қызы мен баласы” деп ауыстыру жасай салған, ал бұның текстің мағынасына әсері аз емес.

Н. Корниловта негіз ретінде авторлық аударма алынса да, кейіпкерлерді анықтау шеберліктері өзгертілген.

М. Әуезовте	Н. Корниловта
Молнией мечи свой гнев, Молнией, жестоко разящей, Мститель Кобыкты, где ты? Черногривый ягуар, Кровожадный, ненасытный, Страшный Казан, где ты? Коварный и лукавый, Пестрогрудый тигр, Неутомимый во вражде Где ты, Алшагир? Шлите, шлите на врага гибель скорую беспощадную! Зу, зу, арзу! (<i>Убегает в ярости.</i>)	Ты молнией свой гнев мечи, Разящей молнией в ночи, О, где ты, мститель Кобыкты! О, черногривый ягуар, Ты кровожаден и лукав, О, как же беспощаден ты, Казан отважный, где же ты? Ты ненасытен и свиреп, О страшный пестрогрудый тигр, Ты во вражде неутомим, Чего ж ты, Алшагир, притих? Пошлите на врага грозу! Зу-зу, зу-зу, арзу-арзу! (<i>Убегает в ярости.</i>)

М. Әуезовтің авторлық аудармасында: “қанқұйлы, тойымсыз, қорқынышты Қазан” делінсе, Н. Корниловта: Қазан “қанқұйлы, тойымсыз, ержүрек” деп, “ержүрек” дегенді анықтау кезінде қиғаштық жіберген. Авторлық аудармада аллитерация қолданылған жерде: “Шлите, шлите на врага гибель скорую беспощадную! Зу, зу, арзу! (*Убегает в ярости.*)” десе, Корнилов аудармасында: “Пошлите на врага грозу! Зу-зу, зу-зу, арзу-арзу! (*Убегает в ярости.*)” болып келеді. Көкланның жолығатын адамы найзағай жібере алмайды, бұл сөз ұйқастық үшін алынған, ал ол аудармашы қателігі.

М. Әуезовтің “Қара Кипчак Кобланды” пьесасының авторлық аудармасы аударманың тиімді мүмкіндіктерін ашып берді, онда

автордың шығармашылық өрістеуі тиімді жүзеге асқан. Тіпті, авторлық аударма мен Корнилов аудармасын аз ғана салыстыратын болсақ, біріншінің артықшылықтарын оңай айтуға болады.

Авторлық аударма ғана аудармашыға түпнұсқаның көркем құрылысына, түпкі ойына терең бойлауына мүмкіндік береді.

“Кара Кипчак Кобланды” пьесасының авторлық аудармасы аудармашылардың мүмкіндігін елеулі кеңейтті, ол шығарманың өзгеше соңғы авторлық түзетуі болды.

Р. Қайшыбаева

Краткая фабула пьесы “Кара Кипчак Кобланды”

Осы академиялық жинаққа алғашқы рет енгізілген пьесаның қысқаша мазмұнының мәтіні жазушы мұрағатындағы 237-бумада сақталған. Қолжазба қоңыр сиямен, текстологиялық мазмұнын ашу кезіндегі қандай да бір қиындықтарды білдіретін жиектері жыртылған 19 беттік дәптердің парағына жазылған.

“Қобыланды” пьесасы классикалық драматургиялық шығарма болғандықтан, қазақ театрларының сахнасынан түскен емес, ал автор жазған пьесаның қысқаша фабуласы және тақырыбы, идеясы пьесаны синхронды аударғанда, спектакль бағдарламасын құруда пайдасы тиеді. Бұл материалдың соңғы жағында мерзімі дәл көрсетілген, яғни “Алматы, 1943 жыл”. Осының өзі театр зерттеушілері үшін қызықты болады. Сонымен, осы көрсетілген уақытқа дейін пьесаның өзі жазылып, авторлық аудармасы да дайындалып, орыс драма театры сахнасына қоюға әзірленген пьесаның жоғарыда айтылған қысқаша фабуласы да жазылып, қойылымы тек 1946 жылы болды.

Р. Қайшыбаева

МАЗМУНЫ

I. МАҚАЛАЛАР, ОЧЕРКТЕР	3
Экспозиция и завязка символической драмы (пьесы Метерлинка, Ибсена, Гауптмана и Л. Андреева)	5
Особенности драматургических приемов Пушкина.....	19
Поэзия чистого искусства 60-х годов.....	29
Об “Аркалыке” и о критике тов. Мусрепова	41
Женеміз біз, женеміз	52
Әр тынысың “Отан” дейтін күн бүгін	53
Окрыленное творчество.....	58
II. КИНОСЦЕНАРИЙ	61
Райхан (Литературный сценарий художественного фильма)	63
III. БАЛЕТ ЛИБРЕТТОЛАРЫ	123
Қалқаман – Мамыр (қазақша нұсқасы).....	125
Қалқаман и Мамыр (орысша нұсқасы)	129
IV. ПЬЕСАЛАР	137
Қара Қыпшақ Қобыланды (қазақша нұсқасы)	139
Қара Кипчак Кобланды (орысша нұсқасы)	239
Краткая фабула пьесы “Қара Кипчак Кобланды”	338
V. ҒЫЛЫМИ ТҮСІНІКТЕМЕЛЕР	349

